

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 4 (99) 2021

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836

Издаётся с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074

Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017

тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953

Телетайп: 231-333 «Дельта»

e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru

e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

В. В. Николок, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Центрально-Казахстанской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доц., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, проф., ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 22 декабря 2021 г. Дата выхода в свет 24 декабря 2021 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 33,75.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 90

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 4 (99) 2021

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results
of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science
recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
fax: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2021

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminology East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Editorial team

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Vice Rector for Research and Innovation of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 22th December 2021. Publication date 24 th December 2021.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 33,75. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No 90.

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Гаврюшкин К. А. Правовые интересы как правообразующая категория	9
Егоров А. А. Вопросы гражданского и семейного права в трудах А.Н. Радищева	22

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Шаламова А. Н. Социальное государство: теория и практика	31
Шелегов Ю. В. О государственно-правовых механизмах ограничения прав человека	39
Цыреторов А. И. Конституционная реформа в России: теоретико-правовой анализ	50

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Ермакова О. В. Характеристика общественно опасного деяния как явления объективной реальности и ее влияние на моделирование состава преступления	62
Курсаев А. В. Особенности причинной связи в преступлениях, обеспечивающих охрану права на осуществление трудовой деятельности	70
Поздняков К. В. Особенности предупреждения незаконной игровой деятельности в Российской Федерации	81
Репецкая А. Л., Габеев С. В. Проблемы предупреждения убийств по найму	92
Рогова Е. В., Ивушкина О. В., Пархоменко С. В. Совершенствование системы обеспечения безопасности грузоперевозок на железнодорожном транспорте (криминологический аспект)	103

Уголовный процесс

Миллерова Е. А., Напханенко И. П., Сергеев С. М. К вопросу о конституционных гарантиях неприкосновенности жилища при производстве обыска в жилище	114
Попова И. П. Функции следователя в механизме уголовно-процессуального регулирувания	123
Сафронов Д. М., Шестакова Л. С. Использование конституционных прав граждан как критерия формирования системы поисково-познавательных действий в современном уголовном судопроизводстве	140

**Судебная деятельность, прокурорская деятельность;
правозащитная и правоохранительная деятельность**

Кушнарёва Е. В. О теоретико-правовых и методологических подходах к подготовке и проведению совещаний и иных коллегиальных форм принятия управленческих решений в системе МВД России	149
Михайлова Т. Н., Михайлов Е. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	163

**Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Белицкий В. Ю. Мошенничества и возможные критерии их криминалистической классификации	176
Гераськин М. Ю., Дашко Л. В., Харченко И. В., Плотникова Г. В. Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования	189
Пермяков А. Л. Движение как составляющая механизма расследования.....	202
Приходько И. С. К вопросу о криминалистическом определении инсценировки, как способа противодействия расследованию	212
Тимофеев С. В., Пороховой Э. Ю. Выявление и предупреждение преступлений в сети Интернет: проблемы и пути их решения	220

**Административное право;
административный процесс**

Анисифорова М. В. Административно-правовая обеспеченность противодействия «сниффингу»	230
Власов К. А., Беликов А. П. Социальная роль и содержание административной ответственности	239
Добров А. Н., Культемирова Л. Т. Правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка: опыт России и Казахстана.....	248
Лайкова Е. А. Историко-правовой анализ развития законодательства в сфере регистрационного и миграционного учета (начало XII—XIX в.)	259
Информация для авторов	267

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Gavryushkin K. A. Legal interests as a law-forming category	9
Egorov A. A. Questions of civil and family law in the works of a. N. Radishchev	22

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Shalamova A. N. The welfare state: theory and practice	31
Shelegov Yu. V. On state-legal mechanisms of restriction of human rights.....	39
Tsyretorov A. I. Constitutional reform in Russia: theoretical and legal analysis	50

Criminal law and criminology; criminal executive law

Ermakova O.V. Characteristic of a public dangerous action as a phenomenon of objective reality and its influence on the simulation of the crime composition	62
Kursaev A. V. Features of the causal relationship in crimes that ensure the protection of the right to work	70
Pozdniakov K. V. Features of the prevention of illegal gambling activities in the Russian Federation	81
Repetskaya A. L., Gabeev S. V. Problems of preventing murder rental	92
Rogova E. V., Ivushkina O. V., Parkhomenko S. V. Improving the system of ensuring the safety of cargo transportation by rail (criminological aspect)	103

Criminal proceeding

Millerova E. A., Naphanenko I. P., Sergeyev S. M. On the issue of constitutional guarantees of the inviolability of the home during the search of the home	114
Popova I. P. Functions of the investigator in the mechanism of criminal procedure regulation	123
Safronov D. M., Shestakova L. S. The use of constitutional rights of citizens as a criterion for the formation of a system of search and cognitive actions in modern criminal proceedings	140

Judicial activity; prosecutorial activities; human rights and law enforcement

Kushnareva E. V. On theoretical, legal and methodological approaches preparation and holding of meetings and other collective forms of managerial decision-making in the system of the ministry of internal affairs of Russia	149
---	-----

Mikhailova T. N., Mikhailov E. V. Prosecutor's supervision over the implementation of legislation on the prevention of neglect and juvenile delinquency.....	163
---	-----

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Belitskiy V. Yu. Frauds and possible criteria for their forensic classification.....	176
Geraskin M. Yu., Dashko L. V., Kharchenko I. V., Plotnikova G. V. Improvised incendiary devices as an object of forensic research	189
Permyakov A. L. Movement as a part of the investigative mechanism	202
Prikhodko I. S. On the issue of the forensic definition of staging as a way of counteracting an investigation	212
Timofeev S. V., Poroxovoi E. Yu. Identification and prevention of crimes on the Internet: problems and ways of their solution	220

Administrative law; administrative process

Anisiforova M. V. Administrative liability measures used in the fight against sniffing	230
Vlasov K. A., Belikov A. P. Social role and content of administrative responsibility	239
Dobrov A. N., Kultemirova L. T. Legal regulation of the participation of citizens in the protection of public order: Experience of Russia and Kazakhstan	248
Laikova E. A. Historical and legal analysis of the development of legislation in the field of registration and migration accounting (the beginning of the XIII—XIX centuries).....	259
Information for authors	267

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 9—21.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 9—21.

**12.00.01 Теория и история права и государства;
 история учений о праве и государстве.**

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-9-21

ПРАВОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ КАК ПРАВООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ

Константин Артемович Гаврюшкин

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
 kiren1996@mail.ru

Введение: в статье на методологической основе общей теории государства и права рассматриваются концептуальные основы изучения межотраслевой научной категории «интерес» как правовой и как правообразующей категории. Исследуемые проблемы актуализировались в России в последние годы в результате переоценки взаимосвязей и соотношения частного и публичного интересов, а особенно — после 2020 года, в связи с внесением поправок в Конституцию Российской Федерации. Конституционные новеллы предполагают необходимость в очередной раз обратиться к изучению категории «интерес» в праве и проанализировать ее правообразующий потенциал в контексте обновленных правотворческих задач. Российскому законодателю в процессе осуществления правотворчества необходимо учитывать естественные факторы «стихийного» правообразования, в первую очередь правовые интересы. Сопутствующие этой задаче условия, выполнение которых приведет к обеспечению качества и эффективности законодательства, рассмотрены в статье.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составил диалектический метод познания, с помощью которого обнаруживается диалектическая связь интересов и права, а также основанные на нем общенаучные методы. Задействован сравнительно-исторический метод и методика отраслевой конкретизации общеправовых категорий.

Результаты исследования: получены обобщающие результаты и начальные выводы, которые автор предполагает использовать в дальнейших научных исследованиях категории «правовые интересы», в том числе в контексте ее взаимосвязи со смежными категориями — «правовые ценности», «правовые цели», «правовое регулирование».

Выводы и заключения: в условиях социальной правовой демократической государственности и развитого гражданского общества «официальное» государственное правотворчество (деятельность законодателя) должно опираться на правовые интересы как естественные факторы «стихийного» правообразования. При этом законодатель: 1) может черпать правотворческие идеи из результатов такого правообразования; 2) если правотворческая идея возникла иначе, то исследовать комплекс интересов в их иерархии для ее реализации, в процессе официального правотворчества, в том числе в процессе корректировки законодательства, внесения в него изменений и дополнений; 3) должен включать в арсенал используемых приемов и технико-юридических средств приемы и средства фиксации, правового опосредования интересов, законодательного определения приоритетов, установления логических связей между ценностями и интересами, согласования и разрешения противоречий между разнонаправленными интересами. Все перечисленное — условия качества и эффективности законодательства.

Ключевые слова: правовой интерес, законный интерес, национальные интересы, правообразование, правотворчество, качество законодательства, эффективность законодательства.

Для цитирования: Гаврюшкин К. А. Правовые интересы как правообразующая категория // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021— № 4 (99). — С. 9—21.

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-9-21

**12.00.01. Theory and history of law and state;
history of doctrines about law and state**

Original article

LEGAL INTERESTS AS A LAW-FORMING CATEGORY

Konstantin A. Gavryushkin

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, kiren1996@mail.ru

Introduction: the article examines the conceptual foundations of the study of the intersectoral scientific category “interest” as a legal and as a law-forming category on the methodological basis of the general theory of state and law. The problems under study have been actualized in Russia in recent years, as a result of a re — evaluation of the interrelationships and the ratio of private and public interests, and especially after 2020, in connection with the amendments to the Constitution of the Russian Federation. The constitutional novelties suggest the need to once again turn to the study of the category of “interest” in law and analyze its law-forming potential in the context of updated law-making tasks. The Russian legislator in the process of law-making should take into account the natural factors of “spontaneous” legal education, primarily legal interests. The conditions accompanying this task, the fulfillment of which will lead to ensuring the quality and effectiveness of legislation, are considered in the article.

Materials and methods: the methodological basis of the research was the dialectical method of cognition, which reveals the dialectical connection of interests and law, as well as general scientific methods based on it. The comparative-historical method and the method of branch concretization of general legal categories are involved.

The results of the study: generalizing results and initial conclusions are obtained, which the author suggests to use in further scientific research of the category “legal interests”, including in the context of its relationship with the related categories “legal values”, “legal goals”, “legal regulation”.

Findings and Conclusions: in the conditions of social legal democratic statehood and a developed civil society, “official” state law-making (the activity of the legislator) should be based on legal interests as natural factors of “spontaneous” law formation. At the same time, the legislator: 1) can draw law-making ideas from the results of such legal education; 2) if the law-making idea arose differently-to investigate the complex of interests in their hierarchy for its implementation, in the process of official law-making, including in the process of adjusting legislation, making changes and additions to it; 3) it should include in the arsenal of used techniques and technical and legal means techniques and means of fixing, legal mediation of interests, legislative determination of priorities, establishing logical links between values and interests, coordination and resolution of contradictions between divergent interests. All of the above are conditions for the quality and effectiveness of legislation.

Keywords: legal interest, legitimate interest, national interests, legal education, law-making, quality of legislation, effectiveness of legislation.

For citation: Gavryushkin Konstantin Artemovich Legal interests as a legal category // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99), pp. 9—21 (in Russ.).

DOI 10.24412/2312-3184-2021-4-9-21

Категория «интересы» изучается юристами в последние годы активно и эффективно. Построен общенаучный фундамент ее исследований, сделаны теоретико-правовые обобщения и сформулированы основные исследовательские концепции, обнаружены и описаны взаимосвязи со смежными категориями («потребность», «ценность», «цель», «мотив», «устремление», «идеал», «стимул», «субъективное право» и др.), определены направления анализа интересов в праве в теоретическом (общеправовом) и отраслевом аспектах, осуществлена классификация, выработан исследовательский инструментарий. Разработаны логико-лингвистические основы соотношения понятий «интерес в праве», «законный интерес» и «охраняемый законом интерес».

О степени исследованности юридической проблематики интересов свидетельствует тот факт, что ей посвящены не только отдельные публикации в научных журналах и сборниках, но и объемные монографические работы, выполненные как теоретиками права, так и представителями отраслевого юридического знания. Например, докторские диссертации В. В. Субочева [1], Т. С. Яценко [2], кандидатские диссертации В. А. Горбунова [3], Е. А. Коробовой [4], О. Ю. Кравченко [5], А. Ю. Ломаева [6], С. В. Михайлова [7], А. А. Осипова [8], И. В. Першиной [9], С. В. Романовского [10], Д. В. Шепелева [11] и других соискателей, монографические труды С. В. Михайлова [12], А. В. Малько и В. В. Субочева [13; 14], О. Е. Финогентовой и А. Ю. Ломаева [15], коллектива авторов из МГУ [16] и др.

С начала 2010-х гг. заметна вполне понятная тенденция к переходу от комплексных работ, от общетеоретических аспектов (которые уже достаточно полно рассмотрены) к детализированным проблемам отраслевого правового регулирования. Таких работ издано несколько десятков, в качестве примера можно привести цивилистический кандидатский труд В. И. Малкиной, посвященный проблемам конфликта интересов в деятельности юридических лиц [1].

Несмотря на высокую степень изученности темы, исследования отдельных аспектов, связанных с интересами как правовой категорией, еще далеки от своего завершения. Прежде всего, это утверждение касается, по мнению автора, анализа интереса как правообразующего фактора. Данное научное направление актуализировалось в России в последние годы в свете некоторой переоценки взаимосвязей и соотношения частного и публичного интересов, а особенно после 2020 года в связи с внесением поправок в Конституцию Российской Федерации (далее — Конституция России)¹. Несмотря на наименование закона о поправках, в котором акцент сделан на утилитарных вопросах организации и функционирования публичной власти, на самом деле его содержание гораздо шире, и многие поправки относятся к аксиологической организации российского общества и его правовой системы, к сочетанию ценностей и интересов в социально-экономической, политической, экологической и иных сферах.

С учетом фундаментальной роли Конституции России в правовой системе, в правовом регулировании и построении системы законодательства в ближайшие годы следует ожидать действий по приведению законодательства и правоприменительной практики в соответствие с обновленными конституционными устоями. И здесь очень важно адекватно отобразить в актах законодательства, сложившиеся на сегодня приоритеты, иерархию интересов, а также выработать новые современные правовые инструменты разрешения конфликтов интересов и социально-правового компромисса.

Например, ч. 4 новой ст. 67¹ Конституции России устанавливает: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России». Таким образом, в дальнейшем при конструировании правового регулирования любых общественных отношений интересы детей (как отдельной категории населения России), а также каждого отдельного ребенка, его духовного, физического, нравственного, интеллектуального развития и воспитания, должны учитываться особо с учетом процитированной нормы Конституции России, в ее соотношении с другой конституционной новеллой — п. «ж¹» ч. 1 ст. 72 Конституции России, и положений законодательства о несовершеннолетних, представляющего собой, по справедливому утверждению М. А. Мушинского, относительно самостоятельный межотраслевой законодательный комплекс [18, с. 60]. В свою очередь, нормативные правовые акты, входящие в этот законодательный массив, должны быть уточнены и развиты в соответствии с новой формулировкой конституционно-правовой ценности «дети».

Процесс подзаконного правового регулирования, правового программирования, и осуществляемой на их основе правореализации — следующая ступень обеспечения правовых интересов детей в новом конституционно-правовом прочтении. В данном случае в качестве единичного частного примера можно привести мероприятия по прямой

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.

материальной поддержке семей с детьми в нелегких условиях экономического кризиса 2020—2021 гг., связанного с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 и рядом иных неблагоприятных факторов. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин в числе прочих поручений, сформулированных по итогам его Послания Федеральному Собранию за 2021 г., обязал Правительство РФ обеспечить предоставление в августе 2021 г. единовременной выплаты в размере 10 тыс. рублей семьям, имеющим детей в возрасте от шести до 18 лет, предусмотрев для школьников-инвалидов особый порядок осуществления такой выплаты

Конституции России устанавливает: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России». Таким образом, в дальнейшем при конструировании правового регулирования любых общественных отношений, интересы детей (как отдельной категории населения России), а также каждого отдельного ребенка, его духовного, физического, нравственного, интеллектуального развития и воспитания, должны учитываться особо с учетом процитированной нормы Конституции России, в ее соотношении с другой конституционной новеллой — п. «ж¹» ч.1 ст.72 Конституции России, и положений законодательства о несовершеннолетних, представляющего собой, по справедливому утверждению М. А. Мушинского, относительно самостоятельный межотраслевой законодательный комплекс [18, с. 60]. В свою очередь, нормативные правовые акты, входящие в этот законодательный массив, должны быть уточнены и развиты в соответствии с новой формулировкой конституционно-правовой ценности «дети».

Процесс подзаконного правового регулирования, правового программирования, и осуществляемой на их основе правореализации — следующая ступень обеспечения правовых интересов детей в новом конституционно-правовом прочтении. В данном случае в качестве единичного частного примера можно привести мероприятия по прямой материальной поддержке семей с детьми в нелегких условиях экономического кризиса 2020—2021 гг., связанного с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 и рядом иных неблагоприятных факторов. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин в числе прочих поручений, сформулированных по итогам его Послания Федеральному Собранию за 2021 г., обязал Правительство Российской Федерации (далее — Правительство России) обеспечить предоставление в августе 2021 г. единовременной выплаты в размере 10 тыс. рублей семьям, имеющим детей в возрасте от шести до 18 лет, предусмотрев для школьников-инвалидов особый порядок осуществления такой выплаты¹. Чуть позже глава государства издал соответствующий указ², а Правительство России — постановление во исполнение поручения и указа³. Соответствующими

¹ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию // Президент Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/65524> (дата обращения: 13.04.2021).

² О единовременной выплате семьям, имеющим детей: указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 396 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020040> (дата обращения: 02.07.2021).

³ Об утверждении Правил осуществления выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 396 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей»: постановление Правительства Рос. Федерации от 12 июля 2021 г. № 1158 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107120055?index=3&rangeSize=1> (дата обращения: 12.07.2021).

ведомствами приняты решения о выделении бюджетных денег, способах их распределения и процедуре выплат. Это лишь один частный пример оперативного создания «правовой цепи» из актов, направленных на реализацию того или иного правообразующего интереса.

Статья 69 Конституции России, которая ранее была направлена на обеспечение интересов субъектов лишь одного типа — коренных малочисленных народов, в новой редакции предусматривает также интересы другой социальной группы — соотечественников, проживающих за рубежом (в части 3 понятие «интересы» использовано даже в формулировке самой нормы), а также конституирует принцип равной защиты государством самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, сохранения этнокультурного и языкового многообразия, что подразумевает, в числе прочего, необходимость выработки нормативно-правовых гарантий и средств соблюдения баланса интересов в этнокультурной сфере.

Новые подходы к оценке соотношения публичных и частных интересов в социальной сфере отражены в четырех конституционных новеллах 2020 года — частях 5, 6 и 7 ст. 75 и в ст. 75¹ Конституции России. Эти нормы находятся в корреляции с компетенционными положениями Конституции России, посвященными соответствующим правам и обязанностям органов публичной власти по обеспечению их баланса (например, Правительства России — п. «в³», «е⁴» ч. 1 ст. 114 Конституции России).

Не менее значимые поправки, связанные с интересами различных субъектов (прежде всего, разных видов публичных образований), внесены в конституционные основы организации публичной власти, государственной службы и т. д. Как известно, одним из принципиальных новшеств в политической сфере стало установление принципа включенности органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти России. И здесь авторы конституционных новелл не смогли обойтись без использования категории «интерес». В новой ч. 3 ст. 132 основного закона страны установлено, что названные элементы единой системы публичной власти нашего государства «осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Таким образом, в данном случае носителем конституционно признанных интересов является такой специфический субъект, как «население территории» (применительно к муниципальной власти — «местное население»).

С учетом названных обстоятельств в процессе осуществления очередного этапа модернизации российского законодательства, связанного с приведением его в соответствие с конституционными новеллами 2020 года, есть смысл вновь обратиться к категории «интерес» в праве и проанализировать ее правообразующий потенциал в контексте обновленных правотворческих задач. Это позволит правильно ранжировать интересы и обеспечить эффективность правотворчества. При этом законодатель должен четко осознавать соотношение между собой явлений, обозначаемых как «правотворчество» и «правообразование».

В отечественной теоретической юриспруденции эти два явления принято рассматривать как относительно самостоятельные, хотя и неразрывно связанные друг с другом. Так, В. И. Червонюк отмечает, что в «формировании права выделяются два относительно автономных, специфических процесса: во-первых, объективный процесс формирования права и, во-вторых, формальный процесс создания права, связанный

с правотворческой (нормотворческой или нормоустановительной) деятельностью государства. Можно сказать, что в первом случае речь идет о спонтанном, стихийном правотворчестве, а во втором — о „сознательном, планомерном“ или „управляемом“ правообразовании» [19, с. 618—619].

Правообразование в специально-юридическом значении представляет собой объективно обусловленный процесс фактического возникновения норм права, правогенез, протекающий зачастую без участия государства под влиянием комплекса разнородных социальных (а иногда и не только социальных) причин объективного и субъективного характера. Задача действующего от имени государства законодателя — своевременно выявить эти объективно сформировавшиеся в общественных практиках правила поведения, принципы и установки и юридически их зафиксировать. Поскольку именно эти, возникшие в результате естественного стихийного правообразования, поведенческие формулы впитывают в себя компромисс социальных интересов и являются отражением человеческого опыта, им нужно отдавать приоритет при создании «писанного» права государством, фиксации его в законодательстве. Волонтаризм государства, отказ от учета общественного опыта и совокупности мнений социальных авторов — носителей интереса — приводит к правотворческим ошибкам, к дефектности законодательства.

В выработанной концепции правообразования В. И. Червонюк выделяет «метаюридический аспект», который как раз и заключается во взаимосвязи интересов и права, в правообразующей роли интересов. При этом методологическое значение интереса для объяснения природы правового образования скрыто в свойствах самого интереса, имеющего правовое значение, а именно:

1) объективно-субъективной природе интереса, подразумевающая наличие в его структуре таких элементов, которые отражают, во-первых, фактическое положение субъекта в обществе и реальные взаимосвязи с другими субъектами, во-вторых — осознание им своего положения в обществе, цели и мотивы его поведения по достижению интереса, в третьих — собственно само поведение (действия);

2) динамизме интересов субъектов права, их подвижность и изменчивость, определяющих динамизм и изменчивость (эволюцию) права;

3) противоречивости интереса, в котором отражается действие философского закона единства и борьбы противоположностей, конфликтность между собой законных интересов одного и того же субъекта, его законных и незаконных интересов, интересов разных субъектов;

4) сочетаемости интереса — свойство, противоположное предыдущему, но не противоречащее ему. После того, как обнаруживается противоречие интереса другим интересам, субъект приступает к поиску компромисса и обнаруживает интересы, сочетаемые друг с другом, и далее путем подбора таких сочетаний достигает своих целей;

5) взаимосвязи, взаимопроникновение с другими интересами. «Для законодателя это свойство интереса позволяет соответственно к объективно существующим связям интересов применять технологии согласования и таким образом закреплять в едином законодательном акте, казалось бы, разнонаправленные интересы, тем самым исключая или сводя к минимуму возможность противопоставления различных интересов, законодательного ущемления одних и неоправданного поощрения иных специфических интересов».

Особое значение грамотное использование данного свойства интереса имеет при создании укрупненных, сводных актов законодательства — кодексов и иных законов, имеющих объединительное значение для отрасли права. Как, например, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹, который, хотя и не имеет статуса кодекса, тем не менее очевидно имеет «центральное» значение для муниципального права. Если исследовать текст данного закона с точки зрения теории интересов, в нем можно найти целый ряд норм, посредством которых законодатель как раз и зафиксировал с помощью специфичных средств правового регулирования правовые возможности удовлетворения законных интересов сразу нескольких субъектов муниципальных правоотношений (например, местных жителей двух разных муниципальных образований);

б) способности интереса к формированию, выражению и реализации. В правотворческой сфере данное средство проявляется в особых механизмах, технико-юридических приемах и средствах опосредования интересов в нормативно-правовых текстах;

7) органичной связи интереса с правом [19, с. 619—620].

Интересы порождают, формируют право и отражаются в нем, определяют его содержание. В свою очередь, право создает для интересов, имеющих характеристики общего, или согласованного, или не вредного для других субъектов, интереса, юридические возможности для реализации. Соответственно, право создает для интересов, не имеющих таких характеристик, юридические препятствия. При этом участие в процессе правосозидания принимают далеко не все человеческие интересы, а только те из них, которые типичны и наиболее важны для отдельных личностей, социальных групп и общества в целом, и которые обладают совокупностью вышеназванных свойств.

По вопросу о ценностном соотношении в процессе правообразования частного и публичного интересов (с позиций их значимости) на начальных этапах формирования новой отечественной правовой системы преобладали научные воззрения о первородстве и приоритетности частных интересов. Зачастую превозношение интересов личности над общественным, публичным интересом имело крайний, гипертрофированный характер. На сегодня эта заимствованная у «запада» идея существенно откорректирована. Уже в конце 1990-х годов в учебном труде Ю. А. Тихомиров справедливо указывал, что «сейчас вновь возрождается интерес к публичному праву, которое призвано обеспечить публичные интересы в обществе. А их роль возрастает, поскольку и сильное государство, и демократическое общество и взаимодействующее мировое сообщество выступают как „мера целого“, как структурированное объединение частных интересов и их гарантирование, консолидация усилий и действий» [20, с. 257].

Не отрицая принципа, заложенного в статьях 2 и 18 Конституции России и развитого во всех нормах второй главы основного закона страны, политическая власть, тем не менее, активно проводит в последние годы, в том числе через законодательство, сформулированные и обоснованные учеными идеи разумных компромиссов и необходимости согласования любого частного интереса с интересами большинства, а тем более социального целого. Этими идеями, в частности, «напитана» уже упоминав-

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.

шаяся нами, введенная в конституционно-правовое регулирование в 2020 году норма о сбалансированности прав и обязанностей граждан, социальном партнерстве, экономической, политической и социальной солидарности во взаимоотношениях граждан, государства и общества (ст. 75¹ Конституции России). Данное положение органично дополняет изначально включенную в конституцию норму, предусматривающую возможность ограничения законных прав и свобод личности для защиты иных, общезначимых законных интересов — основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности (ч. 3 ст. 55 Конституции России). Имеются в основном законе России и иные правовые положения, имеющие то же значение: ограничение прав и законных интересов личности допустимо, но только в пользу общезначимого публичного интереса и при соблюдении соответствующей процедуры, гарантирующей обоснованность и соразмерность ограничительных мер (ч. 2 ст. 23, ч. 2 ст. 24, ст. 25, ч. 2 ст. 29, ч. 3 ст. 32, ч. 2 ст. 34, ч. 3 ст. 35, ч. 2 ст. 36, ст. 56, ч. 2 ст. 62 Конституции России).

Особую остроту при сохранении общих изначально смыслов приобрели вопросы ограничения прав и интересов личности в пользу публичных интересов в 2020—2021 гг. в связи с чрезвычайными обстоятельствами, связанными с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19. На момент написания настоящей статьи наиболее острым вопросом являлось и является решение об обязательной вакцинации, которое многими воспринимается как нарушение права граждан на свободу выбора поведения, связанного с их личным здоровьем. В свою очередь, сторонники принудительной вакцинации апеллируют к общественно-значимому интересу: необходимости создания «коллективного иммунитета» для устранения опасности, угрожающей всему обществу. Эта чрезвычайно актуальная и обширная проблематика, безусловно, еще ждет исследований, эмпирический и нормативный материал для которых в данный момент нарабатывается.

Среди учитываемых в процессе правотворчества и приоритетно охраняемых законом публичных интересов особое место занимают национальные интересы, которые Т. Я. Хабриева определяет, как жизненные интересы народа России, отражающие стремление граждан к обеспечению стабильного и устойчивого развития общества и минимизации (ликвидации) возникающих в условиях глобализации международных и внутренних вызовов и угроз [21, с. 19]. Если предположить возможность определенной корректировки, ранжирования публичных интересов по степени их важности и общезначимости, то, безусловно, национальные интересы будут иметь наибольшую значимость. При этом Т. Я. Хабриева демонстрирует подход, по сути противоположный упомянутым «крайним» подходам начального периода развития новой российской юриспруденции в условиях «романтики конституционализма» (такую характеристику данному периоду дал, в частности, М. А. Мушинский [10, с. 64]), когда абсолютизировался частный интерес, при реализации которого следовало «по возможности» учитывать и публичные интересы. По мнению Т. Я. Хабриевой, на сегодня приоритетной направленностью законодательства является «обеспечение общих интересов при максимальном учете законных частных интересов, решительное противодействие своекорыстным интересам, подавление интересов незаконных, противоречащих праву» [20, с. 20].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: современному законодателю, действующему в условиях социальной правовой демократической государственности и развитого гражданского общества, в процессе осуществления правотворчества необхо-

димо учитывать естественные факторы «стихийного» правообразования, в первую очередь правовые (имеющие правовое значение) интересы.

При этом законодатель, во-первых, может черпать правотворческие идеи из результатов такого правообразования и затем принимать конкретные правотворческие решения с учетом всего комплекса связанных с ними интересов, определяя меру и интенсивность соприкасающихся и разнонаправленных интересов, решая проблемы их сочетаемости, обнаруживая компромиссы и устраняя конфликты интересов, решая иные связанные с интересами правотворческие задачи. «Функционирование механизма выражения интересов в праве (переход к стадии правовой формализации) начинается с осознания компетентным государственным органом некоторого юридически значимого интереса», — пишет по этому поводу В. В. Трофимов [23, с. 377]. Необходимо обнаружить интерес, понять, что до сих пор его правовое опосредование не было осуществлено, и оценить — действительно ли он является правовым, подлежит правовой регламентации (а не находится, например, в сфере сугубо морального регулирования), а уже затем на этой основе сформулировать правотворческую идею и реализовать ее.

Во-вторых, если правотворческая идея возникла (почерпнута) из другого источника, комплекс интересов в их иерархии необходимо исследовать уже для ее реализации, в процессе официального правотворчества. Исследовать прежде всего для разработки юридического механизма согласования интересов и разрешения конфликтов интересов в контексте предмета регулирования проектируемого закона. Кроме того, значительно чаще возникает потребность не в принципиально новом правовом регулировании, а в корректировке, оптимизации существующего — вследствие смены в обществе ценностных ориентиров, частичного изменения содержания регулируемых общественных отношений, появления новых акторов (имеющих собственные интересы) в ранее существовавших социальных отношениях, степени уже произошедшей реализации интересов, обнаружившейся неэффективности прежних средств юридического опосредования того или иного интереса, и т. д. Следовательно, интересы необходимо исследовать в процессе внесения изменений и дополнений в действующее законодательство. Не случайно А. В. Малько и В. В. Субочев основным направлением правовой политики в сфере осуществления законных интересов полагают оптимизацию их реализации: «Целесообразность в удовлетворении тех или иных законных интересов, позиции, с которых необходимо подходить к указанной целесообразности (ведь что кажется целесообразным одному — чуждо другому), ранжирование по степени значимости сопутствующих удовлетворению законных интересов факторов и обстоятельств — это те критерии, которые должны являться ключевыми моментами в построении процесса оптимизации реализации законных интересов» [13, с. 324—325].

В-третьих, юридическая техника, как относительно самостоятельная область правового знания, имеющая инструментальное (обеспечивающее) значение по отношению к правотворчеству как виду юридической деятельности, среди основных задач должна предусматривать выработку приемов и технико-юридических средств фиксации, правового опосредования интересов, законодательного определения приоритетов, установления логических связей между ценностями и интересами, согласования и разрешения противоречий между интересами разных субъектов и т. п.

Соблюдение этих трех условий закладывает изначальный, «глубинный» фундамент правового качества, а, следовательно, — эффективности законодательства, базирующийся на теории интересов как правообразующей категории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Субочев В. В. Теория законных интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. — Тамбов, 2009. — 501 с.
2. Яценко Т. С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2016. — 363 с.
3. Горбунов В. А. Категория законного интереса (личности, общества, государства) в конституционном законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2007. — 246 с.
4. Коробова Е. А. Законные интересы личности в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2005. — 218 с.
5. Кравченко О. Ю. Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2004. — 156 с.
6. Ломаев А. Ю. Публичный интерес как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2012. — 22 с.
7. Михайлов С. В. Категория интереса в гражданском (частном) праве: дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2000. — 255 с.
8. Осипов А. А. Интерес и субъективное гражданское право: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 168 с.
9. Першина И. В. Интерес в праве: дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2002. — 183 с.
10. Романовский С. В. Принцип сочетания частных и публичных интересов в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 194 с.
11. Шепелев Д. В. Проблемы реализации и защиты интересов в праве: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 202 с.
12. Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. — М.: Статут, 2002. — 205 с.
13. Малько А. В. Законные интересы как правовая категория / А. В. Малько, В. В. Субочев. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 359 с.
14. Субочев В. В. Законные интересы в механизме правового регулирования. — М.: Юристь, 2007. — 188 с.
15. Финогентова О. Е. Проблемы реализации правовой категории «публичный интерес» в российском праве: моногр. / О. Е. Финогентова, А. Ю. Ломаев. — Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. — 105 с.
16. Права гражданина и интересы публичной власти: моногр. / Е. Г. Афанасьева, Е. Ю. Забрамная, И. А. Игнатьева и др.; отв. ред. Е. Б. Лаутс. — М.: Статут, 2021. — 392 с.
17. Малкина В. И. Конфликт интересов в юридических лицах: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021. — 197 с.
18. Мушинский М. А. Структурно-функциональная и юридико-праксиологическая характеристика законодательства о несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. — 2016. — № 4. — С. 58—67.
19. Червонюк В. И. Правообразование, правообразующие интересы, законодательные технологии и техника: проблема взаимосвязей в контексте современной социогуманитарной концепции права // Юридическая техника. — 2012. — № 6. — С. 614—631.
20. Тихомиров Ю. А. Публичное и частное право // Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х т. / Под ред. М. Н. Марченко / Т. 2. Теория права. — М.: Зерцало, 1998. — 656 с.

21. Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. — 2005. — № 12. — С. 19—29.
22. Мушинский М. А. О соотношении доктрин правового и социального государства и их реализации в российской политико-правовой практике в контексте современных социальных и политических перемен // Теория государства и права. — 2019. — № 1 (13). — С. 62—70.
23. Трофимов В. В. Правовой интерес и правовая идея в структуре правообразовательного процесса современного российского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2012. — Вып. 9 (113). — С. 375—381.

REFERENCES

1. Subochev V. V. Theory of legitimate interests: Dissertation for the degree of Doctor of Law. — Tambov, 2009, 501 p.
2. Yacenko T.S. Civil law protection of public interests: Dissertation for the degree of Doctor of Law. Moscow, 2016, 363 p.
3. Gorbunov V. A. The category of a legitimate interest (individual, society, state) in the constitutional legislation of the Russian Federation: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Tyumen, 2007, 246 p.
4. Korobova E. A. Legitimate interests of the individual in the constitutional law of the Russian Federation: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Chelyabinsk, 2005, 218 p.
5. Kravchenko O. U. Public and private interests in law: a political and legal study: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Kazan, 2004, 156 p.
6. Lomaev A. U. Public interest as a legal category: Author's abstract of Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Kazan, 2012, 22 p.
7. Mihajlov S. V. Category of interest in civil (private) law: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2000, 255 p.
8. Osipov A. A. Interest and subjective civil law: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2011, 168 p.
9. Pershina I. V. Interest in law: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. — Nizhny Novgorod, 2002. — 183 p.
10. Romanovskiy S.V. The principle of combining private and public interests in civil law: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2008, 194 p.
11. Shepelev D. V. Problems of realization and protection of interests in law: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2011, 202 p.
12. Mihajlov S. V. Category of interest in Russian civil law. Moscow, Statute, 2002, 205 p.
13. Mal'ko A. V., Subochev V. V. Legitimate interests as a legal category. — Saint-Petersburg: Law Center Press, 2004, 359 p.
14. Subochev V. V. Legitimate interests in the mechanism of legal regulation. — Moscow: Yurist, 2007, 188 p.
15. Finogentova O. E., Lomaev A. U. Problems of implementation of the legal category “public interest” in Russian law: monograph. — Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2016, 105 p.
16. Citizen's rights and interests of public authorities: monograph / E.G. Afanas'eva, E.U. Zabramnaia, I.A. Ignat'eva and others; executive editor E.B. Lauts. Moscow: Statute, 2021, 392 p.
17. Malkina V. I. Conflict of interests in legal entities: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2021, 197 p.
18. Mushinskiy M. A. Structural-functional and legal-praxiological characteristics of legislation on minors. Siberian Legal Vestnik. 2016, no. 4, pp. 58–67.

19. Chervonyuk V. I. Legal-formation process, law-forming interests, legislative technologies and techniques: the problem of relationships in the context of the modern socio-humanitarian concept of law. *Juridical Techniques*. 2012, no. 6, pp. 614–631.

20. Tihomirov U. A. Public and private law // *General theory of state and law. Academic course in 2 volumes / Edited by M. N. Marchenko / Vol. 2. Theory of Law*. Moscow: Zercalo, 1998, 656 p.

21. Habrieva T. Y. National interests and legislative priorities of Russia // *Journal of Russian Law*. 2005, no. 12, pp. 19–29.

22. Mushinskiy M. A. On the correlation of the doctrines of the legal and social state and their implementation in the Russian political and legal practice in the context of modern social and political changes // *Theory of State and law*. 2019, no. 1 (13), pp. 62–70.

23. Trofimov V. V. Legal interest and legal idea in the structure of the legal-formation process of modern Russian society // *Vestnik of the Tambov University. Series: Humanities*. 2012, Edition 9 (113), pp. 375–381.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврюшкин Константин Артемович, начальник кабинета специальных дисциплин кафедры огневой подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-4628-5529

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin Artemovich Gavryushkin, Head of the Cabinet of Special Disciplines of the Department of Fire Training. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664074.

ORCID: 0000-0002-4628-5529

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 22—30.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 22—30.

**12.00.01. Теория и история права и государства;
 история учений о праве и государстве.**

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-22-30

**ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА
 В ТРУДАХ А.Н. РАДИЩЕВА**

Александр Александрович Егоров

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
 (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, egorov.a90@mail.ru

Введение: в статье автор обосновывает необходимость обращения к фундаментальным основам юридической науки в контексте осмысления политико-правового наследия отечественных просветителей второй половины XVIII в. на основе анализа конкретно-исторических особенностей российского общества и степени развития науки гражданского права. В рамках гражданско-правовой доктрины А.Н. Радищева исследуются понятие и сфера распространения категории правоспособности, объекты права собственности, требования к договору и порядок наследования имущества. В контексте прообраза теории семейного права рассматриваются правовая природа брака, требования к его заключению, а также основа взаимоотношений членов семьи.

Материалы и методы: эмпирическую основу исследования составили первоисточники в виде трудов А.Н. Радищева, а также соответствующая исследовательская литература. Методологическая основа исследования нашла свое олицетворение в диалектическом, историко-правовом, структурно-правовом и формально-юридическом методах.

Результаты исследования: уточнены положения теории гражданского и семейного права А.Н. Радищева, раскрыто их содержание, а также практическое и конкретно-историческое значение.

Выводы и заключения: раскрыты понятие и сфера распространения правоспособности, виды объектов права собственности, требования к предмету договора, основания гражданско-правовой ответственности, порядок наследования имущества и правовая природа брака.

Ключевые слова: гражданское право, семейное право, правоспособность, договор, брак.

Для цитирования: Егоров А. А. Вопросы гражданского и семейного права в трудах А. Н. Радищева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 22—30. DOI:10.24412/2312-3184-2021-4-22-30

**12.00.01 Theory and history of law and the State;
history of the teachings of law and the State.****Original article****QUESTIONS OF CIVIL AND FAMILY LAW
IN THE WORKS OF A. N. RADISHCHEV****Alexander A. Egorov**

Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation, egorov.a90@mail

Introduction: in the article the author substantiates the need to address the fundamental foundations of legal science in the context of understanding the political and legal heritage of the domestic enlighteners of the second half of the XVIII century. based on the analysis of specific historical features of Russian society and the degree of development of the science of civil law. Within the framework of the civil law doctrine of A. N. Radishchev, the concept and scope of the category of legal capacity, objects of property rights, requirements for the contract and the procedure for inheritance of property are studied. In the context of the prototype of the theory of family law, the legal nature of marriage, the requirements for its conclusion, as well as the basis of the relationship of family members are considered.

Materials and methods: the empirical basis of the study was made up of primary sources in the form of the works of A. N. Radishchev, as well as relevant research literature. The methodological basis of the research has found its embodiment in dialectical, historical-legal, structural-legal and formal-legal methods.

The results of the study: the provisions of the theory of civil and family law by A. N. Radishchev are clarified, their content, as well as their practical and concrete historical significance are revealed.

Findings and Conclusions: the concept and scope of legal capacity, types of objects of property rights, requirements for the subject of the contract, grounds for civil liability, the procedure for inheritance of property and the legal nature of marriage are disclosed.

Keywords: civil law, family law, legal capacity, contract, marriage.

For citation: Egorov Alexander Alexandrovich. Questions of civil and family law in the works of A. N. Radishchev. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99), pp. 22-30 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-22-30.

Наблюдаемые в настоящее время процессы эволюции российского государства и его правовой системы предопределяют повышение интереса и инициируют обращение к политико-правовой или доктринальной составляющей юридической науки. Именно эта фундаментальная основа всего правового знания предшествует собственно отраслевому законодательству и практической юриспруденции, наделяя их теоретико-правовой основой в виде различных типов понимания права, исследовательской методологии, практических рекомендаций для правотворчества и применения права.

В данном случае представляется необходимым обращение к политико-правовому наследию идеологов отечественного Просвещения второй половины XVIII века. Именно труды данных мыслителей способствовали появлению в нашей стране доктринальной правовой мысли и университетской системы подготовки специалистов в области юриспруденции. Одним из наиболее активных апологетов просветительского движения в нашей стране следует признать Александра Николаевича Радищева (1749–1802), личность которого до сих пор не получила однозначной оценки.

В советской историографии утвердилось представление о нем как об основоположнике революционных идей в отечественной науке [1, с. 3; 2, с. 1]. В свою очередь В. С. Покровский рассматривал его творчество сквозь призму «великого завещания» потомкам, т.е. полагал, что его мировоззрение стало скорее этапом в развитии российской общественно-политической мысли [3, с. 199]. Отдавая должное данным научным позициям, следует указать на то, что А. Н. Радищев был непримиримым борцом против абсолютизма и крепостного строя. На этом обстоятельстве акцентируют внимание многие исследователи, в том числе В. Н. Замятин [4, с. 12]. Вместе с тем интерес к доктринальному наследию А. Н. Радищева продиктован не только его личностными убеждениями, порожденными конкретно-историческими условиями его жизни и научного творчества.

Обращение к его воззрениям обусловлено еще и тем, что он не был сугубо теоретиком государства и права. А. Н. Радищев в числе лучших молодых россиян получил юридическое образование в Лейпцигском университете, проходил службу в Сенате, коммерц-коллегии и петербургской таможне, активно участвовал в правотворчестве. Одной из важнейших составных частей правового мировоззрения и публикационного наследия А. Н. Радищева являются его воззрения по вопросам гражданского и семейного права. Необходимо сказать и о состоянии законодательства в сфере гражданского права и отечественной цивилистики второй половины XVIII века.

Законодательство России указанного периода не отличалось единством и системностью изложения. Качественно изменившиеся отношения в сфере гражданского оборота до сих пор регламентировались Уложением царя Алексея Михайловича (1649 г.). Законодательные акты Петра I и Екатерины II также не отличались согласованностью с предшествующим законодательством, что подразумевало кодификацию права. Весьма безрадостная ситуация наблюдалась и в доктринальной цивилистической мысли.

Отечественная наука гражданского права в середине XVIII века была, по сути, в зачаточном состоянии: бессистемность и неупорядоченность; отсутствие самостоятельных трудов по истории или доктрине гражданского права; ни один автор отдельно не исследовал проблемы гражданского и семейного права. Более того, ни правоведение в целом, ни гражданское право не преподавалось в образовательных учреждениях. Неудивительно, что гражданско-правовые воззрения А.Н. Радищева базировались на трудах Монтескье, Вольтера, Гельвеция, Руссо и других просветителей, открыто выступивших против произвола абсолютизма.

Первыми профессорами Императорского Московского университета стали немцы. Позднее С. Е. Десницкий, ставший впоследствии первым русским профессором права начал ввел лекционные курсы по юриспруденции на русском языке. Таким образом, гражданско-правовая доктрина А. Н. Радищева формировалась в контексте узкого практицизма и фактического отсутствия гражданско-правовой науки. Пред-

ставляется, что именно этими конкретно-историческими реалиями продиктована их принципиальная значимость. Исходным пунктом его гражданско-правового мировоззрения является категория правоспособности.

Правоспособность человека, по его мнению, возникает с рождением и прекращается со смертью: «...Закон воспринимлет человека под защиту свою до его рождения <...> Он смотрит на его жизнь и неотлучен ему во время его кончины...» [5, с. 173]. Таким образом, закон не может закреплять какие-либо сословные ограничения правоспособности человека, наделяя одних людей исключительно правами, а другим предписывать только обязанности. Следует согласиться с тезисом С.А. Покровского, согласно которому Радищев требовал полной и равной правоспособности для всех граждан, отрицая сословную стратификацию, привилегии дворян и бесправное положение крестьян, характерные для феодализма [6, с. 188]. В этом контексте представляется необходимым обратиться к содержательной характеристике правоспособности, т.е. четко определенным свободам и правомочиям граждан, виды которых сформулированы достаточно прогрессивно.

Категория правоспособности, по мысли А. Н. Радищева, включает в себя следующие свободы: мысли, слова, деяния, а также самозащиту, «когда закон того сделать не в силах» [7, с. 166]. Следует согласиться с точкой зрения А. Б. Дубровиной, согласно которой в трудах А. Н. Радищева не разграничивались политическая и гражданско-правовая правоспособность [8, с. 27]. Однако ввиду уже представленного состояния науки гражданского права и отраслевого законодательства данное обстоятельство видится приемлемым и понятным. Следует отметить, что мыслитель помимо категории правоспособности сформулировал достаточно четкий прообраз дееспособности человека.

Возникновение дееспособности А. Н. Радищев связывал с наступлением совершеннолетия. Если гражданин не в силах самостоятельно, он вправе привлечь представителя: «...закон благодетелен в своем действии и дает каждому право гражданина с часа его зачатия, то хотя он и не способен сам собою заключить договор <...> закон даст ему представителя, который перед ним явится облечен в его лице. Итак, не имеющий способности договариваться сам, договаривается через опекунов, попечителей» [5, с. 175]. Как мы видим, этим постулатом подчеркивается стремление защищать интересы всех членов общества, посредством закрепления за каждым человеком возможности представлять свои интересы. Особенную ценность эта идея приобретает в современных автору условиях феодально-крепостнического строя, при котором значительная часть населения была по сути бесправной в вопросах отстаивания своих интересов.

Развивая свое представление о правоотношениях, А. Н. Радищев связывал их возникновение с фактом волеизъявления всех участвующих лиц, в некоторых случаях допуская достаточность волеизъявления одной стороны (принудительное исполнение закона при уплате налогов или привлечение к ответственности за совершение правонарушения) [5, с. 177]. Здесь просматривается прообраз известных на сегодняшний день охранительных правоотношений, возникающих посредством волеизъявления государства в лице его уполномоченных органов и должностных лиц. А. Н. Радищев не ограничивал категорию правоспособности принадлежностью ее физическим лицам.

Ранее упомянутый С. Е. Десницкий высказывал предположение о юридических лицах, именуемых им «публичными персонами» и представляющих собой органы государства и другие учреждения. Однако вопросы их правоспособности в его трудах освещения не получили. В свою очередь А.Н. Радищев полагал, что юридическое лицо, т.е. «соборное» или «нравственное» лицо есть нечто иное как объединение множества «естественных» (физических) лиц в целях совместного пользования принадлежащим им всем в совокупности правом [5, с. 172]. Данные лица, по его мнению, должны учреждаться на основании закона верховной властью или гражданами в формах торговых, церковных и ученых обществ или воспитательных домов. Вместе с тем, правоспособность лица «соборного» или «нравственного» менее обширна, чем правоспособность «естественных» лиц, так как некоторые права характерны только для граждан (например, свобода мысли и слова). Важную роль А. Н. Радищев отводил и праву собственности.

Сознательно пойдя вразрез с существовавшими в то время общественно-политическими реалиями, А. Н. Радищев был убежден, что объектами права собственности могут быть исключительно вещи, а не люди и населенные имения [5, с. 229]. Данные гуманистические устремления распространялись и на способы приобретения собственности. А. Н. Радищев выступал за сохранение только той частной собственности, которая приобретена собственным трудом, критикуя при этом неправомерную, имеющую паразитический характер феодально-крепостническую собственность [9, с. 171]. Следует согласиться с В. П. Семенниковым в том, что А. Н. Радищев отвергал классическую для феодализма формулу права собственности, в контексте которой субъектами выступали только дворяне, а объектами — крепостное население [10, с. 186]. Следовательно, каждый человек должен обладать личной свободой и иметь возможность владеть созданной собственным трудом собственностью. Не вызывает сомнения, что данный тезис был продиктован попранием интересов зависимого населения в условиях абсолютизма. Далее раскрываются правомочия субъекта права собственности.

В трудах А. Н. Радищева собственнику предписывается три правомочия: «владение», «употребление» и «отчуждение» [5, с. 203]. Кроме того, даже ссылка в совокупности с лишением гражданских прав, не лишает осужденного права собственности, «ибо если он не заключен в темницу, следственно имеет несколько свободы, то право приобретения, будучи оная следствие, ему принадлежит неотъемлемо» [5, с. 204]. Не стоит думать, что А. Н. Радищев возводил в абсолют значение частной собственности. По его убеждению, в отдельных случаях обоснованно и необходимо вмешательство государства в осуществление прав частными собственниками.

Мыслитель писал: «Если сохранение вещи имеет влияние на сохранность...блага общего, то государство вправе запретить разрушение или уничтожение вещи. Если употребление вещи потребно к соблюдению общего блага, то государство может приказать оной употреблению» [5, с. 205—206]. Как мы видим, ограничение права частной собственности продиктовано одновременно «начальным общественным договором» и приматом общих интересов над частными. Данные постулаты непосредственно адресуют к вопросам договорного права, которые также нашли свое выражение.

Общеизвестно, что отдельные крепостники, в частности Татищев, оправдывали существование крепостного права тем, что оно базировалось на некоем договоре [6, с. 194]. А.Н. Радищев считал подобные договоры недействительными. Ратуя за то, чтобы содержание и предмет договора соответствовали закону и не ущемляли права человека, он категорично заявлял: «Все запрещенное, все противное благочинию или порядку общественному обещать не можно. Обещание таковое есть ничтожно само в себе и обязанности не производит» [5, с. 188]. Таким образом, просветитель выступал за незыблемость прав человека и строгое соблюдение законов. Не питая иллюзий по поводу абсолютизации этих канонов, А.Н. Радищев предвидел возможные случаи намеренного несоблюдения этих требований.

По его мнению, применение «явного обмана» в договоре образует у потерпевшего право не исполнять свои обязательства. Более того, если обещание стороны договора получено путем обмана, оно признается ничтожным [5, с. 181, 188]. Представляется, что эти постулаты преследовали сразу несколько целей: защита прав трудового населения; преодоление казуистического толкования права; избежание юридического формализма и не допущение ничем не ограниченного правового регулирования. Следует упомянуть также обязательства из причинения вреда.

Мыслитель писал: «...Того, кто другого оскорбляет с намерением или грубым небрежением, тот должен оскорбленному удовлетворением совершенным. Того, коего небрежение не столь было велико, присуждает к удовлетворению только за вред действительно произошедший. Того, чье небрежение было малое, присуждает только за такой удовлетворить вред, который из оскорбления истек непосредственно» [5, с. 189]. Таким образом, вина выступает единственным основанием гражданской ответственности за причиненный вред и определяет размер возмещения. Опираясь на современный юридический инструментарий, можно отметить, что здесь имеется в виду соразмерность меры ответственности и содеянного проступка. А. Н. Радищев уделил внимание и вопросам наследственного права.

Будучи сторонником «равенства в имуществах», А. Н. Радищев то же время рассуждал о неосновательности наследственного права и задавался вопросом о возможности человека распоряжаться чем-либо после своей смерти [5, с. 237]. Руководствуясь соображениями нравственности и гуманизма, он признавал наследство по завещанию: «...оставим утешение видящему изнеможение своих сил сделать удовлетворение своим чувствованиям» [5, с. 239]. Однако просветитель считал необходимым ограничить свободу завещательного распоряжения.

Наличие одного прямого наследника оставляет завещателю право распоряжения четвертой или пятой долей наследства, а большее количество наследников — только его половиной [5, с. 241]. Более того, А. Н. Радищев ратовал за учет интересов жены «безгласного супружества» или «сожительницы». Следовательно, просветитель, выражая гуманистические идеи и отражая нравственную природу права, не предусматривал ограничение прав «незаконных детей» и высказывался в пользу соблюдения прав так называемых «сожительниц». Таким образом, ему были отнюдь не чужды некоторые постулаты семейного права.

Как известно, помещики были правомочны насильственно заключать браки между своими крепостными, без учета их воли. Более того, жена находилась в полном подчинении у своего мужа, который мог подвергать ее любым наказаниям, включая и

телесные, а дети были в абсолютной собственности у своих родителей. А.Н. Радищев квалифицировал брак в качестве добровольного союза двух граждан, соглашения или договора [5, с. 217]. Эта позиция нуждается в некотором уточнении.

Отечественное законодательство исследуемого исторического периода рассматривало брак в контексте имущественного союза супругов, т.е. сделки. А. Н. Радищев высказывался в пользу обязательного наличия взаимной любви как основополагающую предпосылку брачного союза: «Муж и жена в обществе, — отмечал он, — суть два гражданина, делающие договор в законе утвержденной, которым обещаются, прежде всего на взаимное чувств услаждение <...> обещаются жить вместе, общее иметь стяжание, возвращать плоды своей горячности и, дабы жить мирно, друг друга не уязвлять» [5, с. 217]. Эта позиция находит свое подтверждение и в декларируемой мыслителем возрастной соразмерности лиц, заключающих брак.

Просветитель резко критиковал укоренившуюся практику выдачи взрослых девушек замуж за подростков, так как с помощью подобных союзов крестьянские семьи обеспечивали себя «бесплатной» работницу. Осуждал он и случаи «замаскированной» покупки молодых жен богатыми старцами. Отстаивая необходимость наложения запрета на заключение таких браков, мыслитель писал: «Где нет соразмерности в летах, там и брака быть не может. Сие запрещают правила естественности, яко вещь бесполезную для человека, сие запрещать долженствовал бы закон гражданский» [5, с. 217]. Наконец следует упомянуть взаимные права и обязанности родителей и детей.

Родители обязаны кормить и учить детей, оказывать им помощь, наказывать за проступки до достижения ими совершеннолетия. Дети же обязаны «всем сердцем» любить родителей. Этому постулату придавалось особое значение. Мыслитель отмечал следующее: «Если союз между отцом и сыном, - писал мыслитель, - не на нежных чувствованиях сердца основан, то он, конечно, нетверд и будет нетверд вопреки всех законоположений» [5, с. 112]. Таким образом, ценностно-прогрессивная составляющая проблематики семейного права наиболее отчетливо выражается в следующем: добровольность заключения, возрастная соразмерность и взаимная симпатия лиц, заключающих брак; равенство в правах между супругами; ощущение привязанности и бескорыстное почитание родителей со стороны детей.

Рассмотрев воззрения А. Н. Радищева по вопросам гражданского и семейного права необходимо сделать ряд выводов, раскрывающих различные стороны его доктрины:

— гражданско-правовая доктрина А. Н. Радищева формировалась в условиях отсутствия кодификации законодательства и специализированных исследований. Его воззрения базировались на трудах европейских просветителей;

— категория правоспособности должна равным образом распространяться на все население вне зависимости от социального статуса человека. Этот постулат отражал гуманистические настроения исследователя, направленные на защиту прав зависимого населения;

— правоспособностью должны обладать не только физические, но и юридические лица. Ученый стремился показать разницу между человеком как субъектом права и искусственными правовыми образованиями;

— лица, не имеющие возможности представлять свои интересы, должны быть обеспечены помощью представителей;

- в качестве объектов права собственности могут выступать только вещи, но не люди и населенные имения;
- публичная власть в интересах общего блага правомочна обязать собственников совершить определенные действия или воздержаться от их совершения;
- предмет договора не может противоречить требованиям закона и общественному порядку, в противном случае он признается ничтожным;
- гражданско-правовая ответственность наступает лишь при наличии вины, степень которой определяется и размер возмещения;
- на доли в наследстве могут рассчитывать не только прямые наследники, но и внебрачные дети, и сожительницы, что подчеркивает равенство в правах всех членов общества;
- брак представляет собой добровольный, основанный на любви и взаимной привязанности союз соразмерных в годах мужчины и женщины;
- дети и родители наделяются взаимными правами и обязанностями, основанными не только на требованиях закона, но и на взаимных чувствах;
- воззрения А.Н. Радищева по вопросам гражданского и семейного права имели поистине антифеодальную природу, а также гуманистическую и прогрессивную направленность;
- воззрения А.Н. Радищева в дальнейшем получили развитие не только в трудах его последователей, развивавших идеи естественного права, но и сыграли роль в кодификации отечественного законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дубровина А.Б. Политические и правовые взгляды А.Н. Радищева: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев. 1952. – 23 с.
2. Кикозашвили М.Х. Политические и правовые взгляды А.Н. Радищева: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 1955. – 16 с.
3. Покровский В.С. Общественно-политические и правовые взгляды А.Н. Радищева. Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та им. Т.Г. Шевченко. 1952. – 202 с.
4. Замятин В.Н. Социально-экономические взгляды А.Н. Радищева. Воронеж (к 200-летию со дня рождения): Труды Воронежского гос. ун-та. Т. XVI. Вып. III. 1949. – 40 с.
5. Радищев А.Н. Проект Гражданского Уложения // Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. М. – Л. 1952. – с. 171 – 245.
6. Покровский С.А. Государственно-правовые взгляды Радищева. М.: Юрид. лит. 1956. – 310 с.
7. Радищев А.Н. Проект для разделения Уложения Российского // Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. М. – Л. 1952. – с. 166 – 170.
8. Дубровина А.Б. Гражданско-правовые взгляды А.Н. Радищева: Лекция для студентов ВЮЗИ. М. 1955. – 44 с.
9. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полное собрание сочинений в 2 т. Т. 1. СПб. 1907. – с. 49 – 235.
10. Семенников В.П. Радищев. М. – Пг. 1923. – 467 с.

REFERENCES

1. Dubrovina A.B. Political and legal views of A.N. Radishchev: Abstract. Dis. ... cand. jurid. sciences'. Kiev. 1952, 23 p.

2. Kikozashvili M.H. Political and legal views of A.N. Radishchev: Abstract. dis. ... cand. jurid. M. 1955, 16 p.
3. Pokrovsky V.S. Socio-political and legal views of A.N. Radishchev. Kiev: Publishing House of the Kiev State University named after T.G. Shevchenko. 1952, 202 p.
4. Zamyatin V.N. Socio-economic views of A.N. Radishchev. Voronezh (to the 200th anniversary of his birth): Proceedings of the Voronezh State University. Vol. XVI. Issue III. 1949, 40 p.
5. Radishchev A.N. Draft Civil Code // Complete works in 3 vols. 3. M. — L. 1952, pp. 171 — 245.
6. Pokrovsky S.A. State-legal views of Radishchev. M.: Legal lit. 1956 — 310 p.
7. Radishchev A.N. Project for the division of the Russian Code // Complete works in 3 vols. 3. M. — L. 1952, pp. 166 — 170.
8. Dubrovina A.B. Civil-legal views of A.N. Radishchev: Lecture for students of the University. M. 1955. — 44 p.
9. Radishchev A.N. Journey from St. Petersburg to Moscow // Complete works in 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg. 1907, pp. 49 — 235.
10. Semennikov V.P. Radishchev. M. — Pg. 1923, 467 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права. Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
ORCID: 0000-0002-9867-0437

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorov Alexander Alexandrovich, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law. Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA), 125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9
ORCID: 0000-0002-9867-0437

Статья поступила в редакцию 17.08.2021; одобрена после рецензирования 24.08.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 17.08.2021; approved after reviewing 24.08.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 31—39.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 31—38.

**12.00.02. Конституционное право;
 конституционный судебный процесс; муниципальное право**

Научная статья

УДК 342.4

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-31-38

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Алиса Наильевна Шаламова

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
 e-mail: alisa.shalamova@yandex.ru

Введение: в статье отражены основные концептуальные положения социального государства как правовой категории. В работе осуществлен анализ структурных элементов системы взаимных связей личности, общества и государства, а также проанализированы плюсы и минусы принципа социальной ответственности государства и государственного патернализма. В сфере практической реализации идеи социального государства статья раскрывает основные направления деятельности государственных органов в сфере социального обеспечения и количественных критериев социального государства.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, а также зарубежный нормативный материал, регулирующий сферу социального обеспечения. Методологическим фундаментом исследования выступает общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, сравнительно-правовой метод, анализ, синтез и другой инструментарий, посредством которого можно познать правовое регулирование в аспекте социальной ответственности государства перед отдельной личностью и гражданским обществом.

Результаты исследования дают возможность подвергнуть анализу конституционные правоотношения в сфере перераспределительной политики государства. В статье предпринята попытка выявить характерные свойства социального государства как правового феномена.

Выводы и заключения: выявлены основные компоненты теоретического и практического концепта категории «социальное государство».

Ключевые слова: социальное государство, государственный патернализм, социальная ответственность государства, социальные нормативы, ниторация нормативной базы.

Для цитирования: Шаламова А. Н. Социальное государство: теория и практика // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 31—38. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-31-38

**12.00.02. Constitutional law;
constitutional judicial process; municipal law****Original article****THE WELFARE STATE: THEORY AND PRACTICE****Alisa N. Shalamova**East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: alisa.shalamova@yandex.ru

Introduction: the article reflects the main conceptual provisions of the social state as a legal category. The paper analyzes the structural elements of the system of mutual relations of the individual, society and the state, as well as analyzes the pros and cons of the principle of social responsibility of the state and state paternalism. In the field of practical implementation of the idea of the welfare state, the article reveals the main activities of state bodies in the field of social security and quantitative criteria of the welfare state.

Materials and methods: the normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, as well as foreign normative material regulating the sphere of social security. The methodological foundation of the research is the general dialectical method of scientific cognition, as well as methods of logical deduction, comparative legal method, analysis, synthesis and other tools through which it is possible to know legal regulation in the aspect of social responsibility of the state to an individual and civil society.

The results of the study: provide an opportunity to analyze the constitutional legal relations in the field of redistributive policy of the state. The paper attempts to identify the characteristic properties of the social state as a legal phenomenon.

Findings and Conclusions: the main components of the theoretical and practical concept of the category “social state” are identified.

Keywords: social state, state paternalism, social responsibility of the state, social norms, regulatory framework regulation.

For citation: Shalamova Alisa Nailiyevna. The welfare state: theory and practice. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 31— 38 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-31-38

Ведя речь о социальном государстве, исследователь не может обойти вниманием социальную ответственность, т. к. она теснейшим образом связана с сущностью государства и политической жизнью страны. По сути, мы подвергаем осмыслению категорию социальности как юридическую данность объективного права и вместе с тем значимость государства в жизни общества. Именно эти три категории — социальность, социальная ответственность и государство — выступают юридическими предпосылками возникновения социального государства как теоретического концепта и реально существующего феномена.

Не так давно в результате эволюции взглядов государство отказалось от благотворительности на основе выборочного подхода и субъективных факторов, провозгласив себя государством социальным, осуществляющим заботу о своих гражданах. Вместе с тем социальное государство — это явление конкретно-определенное, которое проявляется в деятельности органов власти различного уровня, которые и воплощают концепцию социальной ответственности и институциональной взаимосвязи личности, общества и государства в рамках социальной солидарности и принципов взаимопомощи.

Осуществляя попытку идентифицировать институциональную сущность социального государства можно отразить следующие позиции:

1) социально обусловленные обязанности государства перед личностью и гражданским обществом, зиждущиеся на принципе добровольности;

2) государство в лице основного интересанта программы выполнения своих обязательств перед социумом, преследующее цель поддерживать и защищать взаимную связь между собой и индивидом.

В русле приведенных ключевых позиций социального государства можно увидеть не только абстракцию в виде социальной ответственности, но и конкретику в виде нормативно закреплённой ответственности всех фигурантов системы взаимной социальной связи. Иначе говоря, государство не просто вправе осуществлять заботу о своих гражданах, но ставит эту функцию себе в обязанность, оправдывая тем самым факт своего существования.

Кроме того, одним из концептуальных начал социального государства, в аспекте его теоретического обоснования, выступает идея социального гуманизма вместе с конструкцией демократического государства, политика которого выражается в формировании предпосылок для достойной жизни граждан, оптимального инструментария, позволяющего реализовать социальную защиту, минимизировав социальные риски, позволив тем самым в полной мере реализоваться человеческому потенциалу [1, с. 69]. Основным постулатом здесь выступает стремление к реальному воплощению в жизнь указанных идей.

На основе концептуального синтеза принципов социального государства можно выявить его сущность, которая выражается в нормировании социальной функции публичной власти, в рамках которого закрепляются принципы социальной ответственности государства перед личностью и гражданским обществом, параллельно с реализацией политики по созданию предпосылок роста всеобщего благосостояния.

Если привязать теоретический концепт социального государства к международному праву и его бытийности, то таковым выступает любое государство, которое, во-первых, признает норму ст. 25 «Всеобщей декларации прав человека», во-вторых, нормативно закрепляет обязанность публичной власти обеспечивать меры социальной поддержки, в-третьих, формирует предпосылки фактической реализации прав и свобод личности, аккумулируя финансовые и иные ресурсы для достижения этой цели. Кроме того, социальное государство дозирует объем социальной поддержки гражданину в зависимости от степени состоятельности самого человека поддерживать достойный уровень жизни [2, с. 219].

Если проанализировать круг обязательств социального государства, то необходимым фактором его оптимальной эффективности выступит перечень реализованных государственных программ в рамках поддержки граждан, уровень финансирования социальной сферы, степень контроля за расходованием средств бюджета, масштабы реализации принципа социального партнерства [3, с. 166].

Ключевым свойством социального государства выступает именно реализация принципа социального партнерства, у которого имеется свой механизм действия, зависящий от нормативного, субъектного и поведенческого аспектов.

Нормативный аспект затрагивает правотворческую деятельность государственных органов и местных органов власти. Ключевую роль здесь играет конституция, как основной закон государства и стержень всей нормативной базы социального государства.

Идея социального государства нормируется именно в конституции. В этом отношении не только Россия, но и многие передовые и демократические государства придерживаются указанной парадигмы.

Тем не менее основной закон не способен детализировать все алгоритмы функционирования социального государства по причине превалирования в тексте принципов, но не механизмов реализации социального государства. Значимость конституционно-правового регулирования заключается не в наличии декларативного признания верховенства идеи социальной солидарности и ответственности государства перед личностью, но и в наличии возможности ниторации иных нормативных актов на нормы конституции.

Стоит отметить, что социальное законодательство редко обладает кодификационными свойствами. В случае же наличия кодификации указанного правового регулирования (Социальный кодекс ФРГ), она фрагментарна и не детализирована, обращена преимущественно в русло различных социально-экономических инициатив и крайне уязвима в плане зависимости от иных законодательных сфер.

Ведя речь о международно-правовом регулировании в аспекте социального государства и социальных обязанностях национальных государств, следует отметить, что указанные направления аккумулированы в Европейской социальной хартии 1961 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Всеобщей декларации прав человека, Кодексе социального обеспечения 1990 г., Декларации о целях развития тысячелетия ООН 1999 г. и ряде других соглашений.

Тем не менее в силу своей специфики международное право не обладает императивностью для национальных государств по причине диспозитивности в аспекте признания и реализации указанных норм. Любое государство, если юридически оно суверенно, обладает независимой политикой и экономикой, и принципы международного права для независимой страны играют роль ориентира и образца, в том числе и в сфере социальных обязательств публичной власти перед своими гражданами. Кроме того, по причине неравномерности экономического и социального развития государств нормы международного права обладают зачастую завышенными стандартами в аспекте социальной солидарности и обязанностей государства в сфере социального обеспечения.

Наиболее значимым инструментарием воплощения в жизнь правоотношений, связанных с социальной солидарностью, выступает государственная стандартизация, нормирующая и закрепляющая минимальный предел потребления граждан, и чем он выше,

тем более национальная государственность соответствует концепту социального государства.

Стоит отметить, что проблематика государственных социально-экономических стандартов в России лежит в плоскости отсутствия ресурсов для поднятия уровня жизни граждан. Бессмысленно заниматься правотворчеством в социальной сфере без возможности реализовать спектр государственных программ и иных мер по улучшению качества жизни граждан.

Как уже было сказано выше, принципиальные положения социального государства обладают тенденцией коррелироваться с признанием социальной ответственности государства перед личностью основной целью национальной государственности. Указанное направление развития, как в нормативной, так и в правоприменительной практике, должно отражаться в программных документах органов государственной власти, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе государственного развития. Тем не менее отсутствие реализации принципов социального государства демонстрирует лишь имитацию стремления государства стать социальным, а не делает его таковым.

Социальная ответственность государства проявляется не в декларациях и желаниях, но в продуманной и эффективной социально-экономической практике государства, в широких мерах социальной защиты, социального страхования и комплексных программах социальной поддержки.

Анализируя генезис и перспективы воплощения в жизнь идей социального государства, нельзя обойти вниманием и широкое привлечение населения к решению вопросов социально-экономического характера. Нужды и чаяния населения страны — главный показатель направления деятельности публичной власти в решении вопросов, связанных с качеством и уровнем жизни граждан. Сам механизм народовластия направлен на формирование социально-экономических приоритетов в пользу простых граждан и малого бизнеса [4, с. 56].

У социального государства имеется и разнообразный спектр концептуальных моделей. Так, одни идеологи проводят теоретическую и практическую базу социального государства в русле отказа от принципов свободного рынка, ратуя за относительное равенство возможностей, которое зачастую невозможно в либеральной экономике по причине неравномерности ее развития и социального расслоения. В связи с этим указанная тенденция наделяет публичную власть правом масштабного вмешательства в экономику [5; 6; 7; 8; 9; 10].

В целом спектр положительных свойств воплощения в жизнь принципа социальной ответственности государства трудно переоценить. Прежде всего, указанное основополагающее начало можно рассматривать через призму социального гуманизма, т. к. политика социального государства располагается в русле формирования предпосылок для обеспечения достойного уровня жизни населения страны и создания условий для роста потенциала личности в различных сферах жизни, в том числе в культурной, социальной, экономической и т. д. Имеется и количественный критерий определения меры социальной ответственности государства, поскольку социальный гуманизм предполагает определенные показатели, указывающие на масштабы социальности государства, такие как:

— корреляция масштабов потребления и величина бюджета;

- доходы и расходы населения через призму телеологической направленности;
- масштаб инвестиционного портфеля в сфере социального обеспечения и социальных программ;
- размер валового национального продукта и доходы граждан;
- корреляция ВВП с заработными платами и пенсиями;
- соотношение пенсий и зарплат;
- уровень безработицы;
- показатели смертности;
- масштаб оттока капиталов и характеристика миграционных потоков;
- показатели сферы здравоохранения.

Тем не менее материальная составляющая не должна обладать бесспорным приоритетом в показателях социальности государства, по причине того, что даже развитые и благополучные в экономическом плане государства страдают от высоких показателей самоубийств и уровня насильственной преступности, т. к. высокие экономические показатели зачастую идут рука об руку с имущественным расслоением граждан [11, с. 96]. В качестве примера можно привести статистику самоубийств в экономически развитых странах, таких как, например, Швейцария, где фиксируется более 20 самоубийств на 100 тыс. населения, в то время как экономически отсталые государства имеют более низкую динамику суицидов. В частности, в Парагвае менее 7 случаев суицида на 100 тыс. населения.

В концепте социального государства имеет место и проблематика государственного патернализма. В этом случае можно наблюдать негативную тенденцию в аспекте свобод личности, когда наблюдается вмешательство государства в сферу морально-нравственных категорий, когда человек превращается в субъект государственной опеки. Государственный патернализм делает излишним стремление человека лично решать свои экономические проблемы, параллельно развивая социальное иждивенчество в обществе.

Применительно к России идея государственного патернализма пронизывает практически все слои общества, поскольку она исторически вращена опытом царской России и СССР. Стоит отметить, что масштабное насаждение идеологии государственного патернализма мешает развиваться экономике и, в конечном счете, тормозит развитие личности как самостоятельной и самодостаточной единице общества. Мало того, политика чрезмерного патернализма увеличивает объем социальных расходов, увеличивает налогообложение на доходы экономически успешных граждан, сокращает конкурентоспособность, увеличивает расходы на содержание государственного аппарата, снижает предпринимательскую активность. Кроме того, патернализм государства может спровоцировать негативную тенденцию, связанную с миграционными потоками, когда иностранные граждане приезжают в благополучную страну с целью социального иждивенчества [12, с. 43].

В заключение статьи необходимо подчеркнуть, что социальная ответственность государства зиждется не только на политике патернализма, но и на социальной ответственности частного бизнеса и обязанностях граждан самостоятельно решать свои экономические проблемы. Все эти аспекты социального государства сводятся к идее социальной солидарности и взаимных обязанностях личности, общества и государства.

В свою очередь, тенденция масштабного социально-экономического регулирования со стороны государства может спровоцировать снижение экономического роста и возрастание социальной напряженности, в связи с невозможностью экономически активных граждан реализовать свой потенциал. Материальный аспект социального государства не является основным показателем его развития, т.к. сфера культуры и нравственности не менее важна в определении качества его развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Орлов И. Б. Социальный гуманизм: теория и общественно-государственная практика // Россия: путь к социальному государству: мат-лы всерос. науч. конф., Москва, 6 июня 2008 г. — М.: Научный эксперт, 2008. — С. 61—73.
2. Лексин В. Н. «Социальное государство»: фантом или реальность // Там же. — С. 216—249.
3. Гриценко Н. Н. Концепция социального государства Российской Федерации: взгляд Межведомственного творческого коллектива ученых и специалистов // Там же. — С. 162—178.
4. Чепурнова Н. М. Конституционный принцип народовластия в Российской Федерации: проблемы реализации // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 5. — С. 55—62.
5. Грошев С. Н., Конвергенция естественно-правовой концепции и нормативизма через призму метода историзма / С. Н. Грошев, М. В. Саудаханов // Вестник экономической безопасности. — 2021. — № 2. — С. 21—24.
6. Кочеткова Л. Н. Социальное государство: опыт философского исследования. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 160 с.
7. Калашников С. В. Функциональная теория социального государства. — М.: Экономика, 2002. — 190 с.
8. Социальная экономика: теория и практика / Под ред. А. В. Бузгалина, К. В. Маркаряна. — М.: ТЕИС, 2009. — 315 с.
9. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: научные записки и очерки / Науч. ред. О. Т. Богомолов. — М.: Институт экономических стратегий, 2008. — 440 с.
10. Россия: путь к социальному государству: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. 1008 с.
11. Багдасарян В. Э. Цивилизационно-вариативные основания формирования социального государства // Россия: путь к социальному государству: мат-лы всерос. науч. конф., Москва, 6 июня 2008 г. — М.: Научный эксперт, 2008. — С. 73—100.
12. Рубинштейн А. Я., Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ / А. Я. Рубинштейн, А. Е. Городецкий // JIS. — 2018. — № 4. — С. 38—57.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. Civilizational and variational foundations of the formation of a social state // Russia: the way to the welfare state: Materials of all-Russian scientific conference (Moscow, 6 июня 2008 g). Moscow: Scientific expert, 2008, pp. 73–100.
2. Gritsenko N. N. The concept of the social state of the Russian Federation: a view of the Interagency creative team of scientists and experts in Russia: the way to the welfare state: Materials of all-Russian scientific conference (Moscow, June 6, 2008). Moscow, : Scientific expert, 2008, pp. 162–178.

3. Groshev S. N., Saudakhanov M. V. Convergence of the natural law concept and normativism through the prism of the method of historicism // Vestnik of Economic Security. 2021, no. 2. pp. 21–24.
4. Kalashnikov S.V. Functional theory of the social state. Moscow: Ekonomika, 2002, 190 p.
5. Kochetkova L.N. The social state: the experience of philosophical research. M.: Book house “LIBROCOM”, 2009, 160 p.
6. Leksin V. N. “Social state”: a phantom or reality // Russia: the way to the welfare state: Materials of all-Russian scientific conference (Moscow, June 6, 2008). Moscow: Scientific expert, 2008, pp. 216–249.
7. Orlov I. B. Social humanism: theory and public practice // Russia: the way to the welfare state: Materials of all-Russian scientific conference (Moscow, 6 июня 2008 г). Moscow: Scientific expert, 2008, pp. 61–73.
8. Russia: the way to the welfare state: Materials of all-Russian scientific conference (Moscow, 6 июня 2008 г). Moscow: Scientific expert, 2008, 1008 p.
9. Rubinstein A.Ya., Gorodetsky A.E. State paternalism and paternalistic failure in the theory of patronized goods // JIS. 2018, no. 4, pp. 38–57.
10. Social economy: theory and practice / Edited by A.V. Buzgalin, K.V. Markaryan. M.: TEIS, 2009, 315 p.
11. Chepurnova N.M. The constitutional principle of democracy in the Russian Federation: problems of implementation // Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018, no.5, pp. 55–62.
12. Economics and the social environment: unconscious mutual influence: Scientific notes and essays / Scientific ed. O.T. Bogomolov. M.: Institute of Economic Strategies, 2008, 440 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаламова Алиса Наильевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0003-3818-9120

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shalamova Alisa Nailiyevna, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.
ORCID: 0000-0003-3818-9120

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 02.12.2021.
The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 39—49.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 39—49.

**12.00.02. Конституционное право;
 конституционный судебный процесс; муниципальное право.**

Научная статья

УДК 342.7

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-39-49

**О ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ
 ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Юрий Владимирович Шелегов

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
 shelegoff@list.ru

Введение: статья посвящена проблеме ограничения прав человека в правовом государстве. В ней говорится о том, что в любом государстве предусмотрен подобный механизм. Это в первую очередь необходимо для защиты прав и законных интересов других граждан, защиты общества и государства. Приводится классификация ограничений прав по нескольким основаниям. В статье рассматриваются особенности ограничения прав, т. е. основания ограничений, субъекты, уполномоченные ограничивать права. Рассматривая виды прав, подлежащих ограничению, автор анализирует право на жизнь. Международно-правовыми актами это право признается абсолютным. В Конституции Российской Федерации предусмотрена возможность применения смертной казни, и в то же время наложен мораторий на ее реализацию.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, а также международные правовые акты, регулирующие правовое положение человека и гражданина. Методологическим фундаментом исследования выступает общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, сравнительно-правовой метод, анализ, синтез и другой инструментарий, посредством которого можно проанализировать особенности государственно-правовых ограничений прав человека и гражданина в правовом государстве.

Результаты исследования дают возможность подвергнуть анализу государственно-правовые механизмы ограничения прав человека и гражданина. В статье предлагается авторская классификация ограничений прав человека и гражданина по наиболее существенным, по мнению автора, основаниям.

Выводы: в Основном Законе Российской Федерации закреплены так называемые относительные права, которые при определенных условиях могут ограничиваться государством. Но эти ограничения возможны лишь в четко оговоренных случаях — для защиты интересов и прав других граждан, для защиты общества, и, соответственно, для защиты основ конституционного строя. Также стоит отметить и то, что рассматриваемые ограничения могут накладываться только на основе федерального законодательства, что также обеспечивает определенные гарантии обеспечения прав человека.

Ключевые слова: конституционные права и свободы человека, ограничения прав и свобод, классификация ограничений прав, абсолютные права.

Для цитирования: Шелегов Ю. В. О государственно-правовых механизмах ограничения прав человека // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 39—49. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-39-49

12.00.02. Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Original article

ON STATE-LEGAL MECHANISMS OF RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS

Yuri V. Shelegov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, shelegoff@list.ru

Introduction: the article is devoted to the problem of restriction of human rights in a state governed by the rule of law. It says that any State has a similar mechanism. This is primarily necessary to protect the rights and legitimate interests of other citizens, to protect society and the state. The classification of restrictions of rights on several grounds is given. The article discusses the features of the restriction of rights, i.e. the grounds for restrictions, subjects authorized to restrict rights. Considering the types of rights that are not subject to restriction, the author analyzes the right to life. International legal acts recognize this right as absolute. The Constitution of the Russian Federation provides for the possibility of applying the death penalty, and at the same time imposed a moratorium on its implementation.

Materials and methods: the normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, as well as international legal acts regulating the legal status of a person and a citizen. The methodological foundation of the research is the general dialectical method of scientific cognition, as well as methods of logical deduction, comparative legal method, analysis, synthesis and other tools through which it is possible to analyze the features of state-legal restrictions on human and civil rights in a state governed by the rule of law.

The results of the study: provide an opportunity to analyze the state-legal mechanisms of restriction of human and civil rights. The article proposes the author's classification of restrictions on human and civil rights on the most significant grounds, according to the author.

Findings and Conclusions: the basic law of the Russian Federation enshrines the so-called relative rights, which under certain conditions may be limited by the state. But these restrictions are possible only in clearly specified cases — to protect the interests and rights of other citizens, to protect society, and, accordingly, to protect the foundations of the constitutional system. It is also worth noting that the restrictions in question can only be implemented on the basis of federal legislation, which also provides certain guarantees of ensuring human rights.

Keywords: constitutional human rights and freedoms, restrictions of rights and freedoms, classification of restrictions of rights, absolute rights.

For citation: Shelegov Yu.V. On State-legal mechanisms of restriction of human rights // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. No. 4 (99). — pp.39—49 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-39-49

В правовом государстве права человека являются высшей ценностью, именно человек его права и свободы находятся под особой защитой государства и международных организаций. Однако само признание прав человека высшей ценностью, ратификация международных правовых актов по защите тех или иных прав не может быть гарантией того, что права человека не будут ограничиваться при любых обстоятельствах.

Интересы общества и государства, несмотря на то, что отведены в правовом государстве на второй план, не могут нарушаться в целях реализации прав отдельно взятой личности. Права человека могут и должны ограничиваться в условиях обеспечения общественной безопасности, в случаях введения чрезвычайного положения, военного положения, режима контртеррористической операции. Отсутствие ограничения прав того или иного человека может повлечь нарушения большого числа граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства. Проблема здесь заключается именно в соразмерности и целесообразности подобных ограничений. Не секрет то, что под прикрытием благих намерений государственных структур могут скрывать явные злоупотребления властью в угоду интересов группы лиц или определенной национальности и т. д. Именно механизмы ограничения прав человека являются истинным индикатором реального положения прав человека в том или ином государстве. [1, с. 12].

С возникновением первых государств происходит ограничение естественных прав человека. Так было и в древневосточных государствах, и в античных. С развитием общества и государства происходит процесс наделяния граждан все большим количеством прав. Если в Средневековье женщин с рыжими волосами объявляли ведьмами и сжигали на кострах, то сейчас, чем больше в человеке идентичности (будь то отношение к малочисленной народности, цвет кожи и глаз, выделяющий тебя из общей массы людей), тем больше международных документов будет защищать твои права, и, соответственно, в правовом государстве эти документы будут ратифицированы и реализованы на практике. Исторический ход развития государств диктует свои законы ограничения прав человека и гражданина [2]. Однако, как бы ни защищались права человека международным сообществом и государством, механизмы ограничения прав имеют чрезвычайное значение.

Известны и определенные исторические девиации, связанные с квазиправовыми государствами, когда права официально провозглашаются, а человек может быть приговорен к высшей мере наказания судьей, не имеющим юридического образования, на основе доноса. Или же в общеправовом порядке права у граждан есть, а вот в особых правовых режимах они урезаются до минимума, в то время как порядок введения особого правового режима прост и вводится регулярно по поводу и без такового. Такие государственно-правовые механизмы свойственны в первую очередь для авторитарных правовых режимов.

Именно для того, чтобы ограничения прав не были рычагом необоснованного ужесточения режима, а инструментом, обеспечивающим безопасность личности, общества и государства в сложных, критических ситуациях, будь то угроза военного конфликта, террористического акта, массового заражения смертельно опасным вирусом, необходим научный анализ особенностей введения ограничительных мер, исторический

анализ практики ограничения прав в различных государствах в разные исторические периоды.

В Российской Федерации, как и в любом правовом государстве, предусмотрено ограничение прав человека. Так, в статье 55 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция России) говорится о том, что права человека могут быть ограничены, только в том случае, если для этого есть серьезные основания¹. Нужно отметить, что и международные правовые акты предусматривают возможность ограничения прав. Например, во Всеобщей декларации прав человека сообщается, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»².

Ограничение прав человека предусматриваются в Российской Федерации в таких федеральных законах, как «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», «О Федеральной службе безопасности», «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», «О полиции» и др.

Например, в законе «О полиции» регламентируется порядок задержания граждан, хотя, в соответствии с Конституцией России, каждый имеет право на передвижение. Это ограничение вынужденное, для выяснения обстоятельств дела, и поэтому Конституцией России и федеральными законами установлен конкретный срок в 48 часов (до 72 часов по решению суда), в течение которого можно ограничить свободу передвижения индивида до предъявления обвинения и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

У задержанного лица есть право пользоваться услугами адвоката, переводчика, не свидетельствовать против себя и своих близких родственников.

В обязанности полиции входит защищать неприкосновенность жилища граждан. Полицейский не вправе входить в жилые помещения без согласия граждан. Однако в случаях, установленных законом, сотрудник может входить в жилища граждан. Например, при необходимости задержать подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления полицейские могут проходить на земельные участки и в жилые помещения. Однако порядок подобных ограничений права граждан на неприкосновенность жилища строго регламентирован.

Итак, в Российской Федерации на федеральном законодательном уровне урегулирован механизм ограничения прав граждан при различных обстоятельствах в ходе осуществления деятельности полиции и других силовых структур, а также в особых правовых режимах. Тем не менее также необходимо отметить, что порядок этих ограничений строго регламентирован, и существуют пределы подобных правовых ограничений.

В концепции прав и свобод человека ограничительные правовые механизмы, а также механизмы государственного принуждения имеют особое значение. Особенно если подходить к правам человека с естественно-правовых позиций. Интересна в этом плане статья 20 Конституции России, в первой части которой говорится о праве на жизнь, а во второй — о смертной казни. Даже основное естественное право человека

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

может быть ограничено. В современном правовом государстве человека на законных основаниях могут обезглавить или применить другую казнь. Каждое государство самостоятельно решает пределы, порядок и в первую очередь основания ограничения прав. Право представляет собой меру свободы и базируется на представлении того или иного народа о справедливости [3]. В эпоху глобализации установлены определённые общепринятые стандарты в области прав человека, однако представление о ценности такого права, как право на жизнь, окончательно не унифицировано.

Как справедливо отметил И. А. Ильин, права человека заканчиваются там, где начинаются права других людей [4, с. 96], и с этим трудно поспорить. Ни один индивид не может своими действиями нарушать общественную безопасность, препятствовать реализации законных прав другими гражданами, подрывать безопасность государства, унижать других людей по каким-либо индивидуальным признакам.

Интересны определения ограничений прав человека, сформулированные К. Хессе и А. В. Малько. Первый определил ограничения как установленные государством границы в пределах, которых могут действовать индивиды, за этими границами уже неправомерное поведение. Эти границы нужны, по мнению К. Хессе, для сдерживания этого неправомерного поведения [5]. А. В. Малько также определил ограничение прав через правовое сдерживание противозаконных действий, что необходимо для реализации интересов других субъектов и общества в целом. Поэтому ограничения — это всегда исключение каких-либо возможностей индивида в правовом пространстве [6].

Ограничение конституционных прав и свобод не является их умалением или отменой, поскольку одни лица не могут выполнять нарушающие права других действия, это обеспечивает права и законные интересы последних. Право немислимо без правовых границ. Ограничение прав необходимы для функционирования общества, только эти ограничения должны быть конституционными или на основе законов и в соответствии с конституцией страны [7].

В Российской Федерации все возможные ограничения прав так или иначе находят свое отражение в Конституции России и раскрываются в федеральном законодательстве. Все ограничения, упомянутые в конституции, являются, соответственно, конституционными и представляют собой границы реализации прав индивидом в правовом государстве. В Конституции России ограничения в большинстве своем выражены в форме запретов и обязанностей, а также ответственности и приостановлении.

Как было отмечено ранее, ограничение прав предусматриваются Конституцией России и общепринятыми международными актами. Конституцией регламентируются основания и общий порядок ограничений. Права человека могут быть ограничены только на основании и во исполнение федерального закона и лишь в той части, в которой это требуется для обеспечения защиты прав и свобод других лиц, обороны страны, защиты конституционного строя.

Установленные Конституцией России ограничения прав регулируют отношения человека с государством и ставят правовую черту между законом и беззаконием в этих отношениях.

В статье 17 Конституции России говорится о том, что права человека — это высшая ценность. Несмотря на то, что в ст. 55 допускаются некоторые ограничения этих прав, в ст. 56 перечисляются права, неподлежащие ограничению. К ним относятся право на жизнь, право на достоинство личности, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени и др.

Конституционные ограничения представляют собой правовые ограничения, устанавливаемые национальным правом государства и закреплённые в высшем правовом акте государства. Необходимо отличать эти ограничения от произвольных ущемлений прав человека. Последние являются противоправными и недопустимы в правовом государстве.

Выделяют следующие основания классификации ограничений прав человека. На основе вида прав и свобод можно выделить ограничение социальных, культурных, политических и других прав.

Исходя из действия тех или иных прав во времени можно классифицировать ограничения прав на установленные основным законом страны временные ограничения. Последние могут в соответствии, с Конституцией России, устанавливаться нормативным актом о введении военного, чрезвычайного положения, режима контртеррористической операции.

К временным ограничениям чаще всего относят установление комендантского часа, ограничение передвижения транспортных средств, ограничение деятельности средств массовой информации, общественных объединений, запрет на проведение массовых мероприятий и т. д.

По сфере действия выделяют общие и индивидуальные ограничения. В случае если ограничения касаются всех прав и свобод — эти ограничения общие, если же ограничения касаются отдельных прав, то такие ограничения являются индивидуальными. Например, в соответствии со ст. 25 Конституции России федеральным законом может быть установлено ограничение неприкосновенности жилища. Это ограничение можно определить как индивидуальное.

В соответствии с уровнем реализации можно выделить ограничения муниципальные, региональные и федеральные.

В зависимости от содержания можно классифицировать ограничения на организационно-политические, экономические и личные. К первым можно отнести отставку должностного лица, ко второму — запрет на осуществление какой-либо экономической деятельности, к третьему — избрание меры пресечения в виде заключения под стражу.

В зависимости от механизмов реализации ограничения делят на меры ответственности, обязанности, запреты, приостановления и т. д.

Рассмотрев классификацию ограничений прав и свобод, необходимо отметить, что существуют права, которые не подлежат ограничению.

Все права и свободы человека имеют огромное значение, однако среди них можно выделить важнейшие, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть ограничены государством. Эти права остаются неизменными даже в условиях чрезвычайного и военного положения. Всего можно выделить пять такого рода прав: право на жизнь (в России это право является абсолютным пока установлен мораторий на применение смертной казни, как меры наказания); запрет на применение пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания; запрет рабства, работорговли и других форм порабощения; запрещение обратной силы уголовного закона; право на свободу мысли, совести и религии.

В теории прав человека имеет место подход, в соответствии с которым все права делятся на абсолютные и относительные. В основе этой классификации лежит такой

признак, как отчуждаемость. Эта классификация, по мнению автора статьи, является логичной и обоснованной, однако есть авторы, не разделяющие ее [8].

Абсолютные права — это права, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах (перечень этих прав дан выше). Относительные могут быть ограничены в тех целях, о которых говорится в Конституции России, не выходя за пределы реально существующей потребности и в установленном законе порядке. В противном случае это будет не правовое ограничение, а, как было отмечено ранее, нарушение прав.

Авторы по-разному формулируют понятия этих видов прав, но суть остается одна: «водораздел» проходит по признаку отчуждаемости. Например, С. С. Алексеев различает абсолютные права и социальные. Первые неотчуждаемы, вторые могут ограничиваться [9].

В первую группу входят такие права и свободы, как свобода совести и вероисповедания, право на личную неприкосновенность, право на жизнь и т. д. Перечисленные права и свободы имеют большое значение для полноценного статуса личности, благодаря этому человек не может быть подвергнут неправомерному лишению свободы и ограничению других естественных прав, эти права ограждают человека от тирании и насилия со стороны государственных и негосударственных субъектов.

Во вторую группу входят права другого плана. Это права, связанные с социальным обеспечением граждан: право на жилье, на медицинскую помощь и др. Права второй группы, безусловно, тоже важны. Реализация этих прав напрямую зависит от уровня развития государства, его экономического положения. В большинстве своем это декларативные права, это нормы цели, намерения, идеалы к которым стремится правовое государство.

С. В. Бахин так же предлагает классифицировать права и свободы в зависимости от возможности их ограничения. Соответственно, он выделяет права, которые могут быть ограничены, и права, не подлежащие ограничению [10].

Анализируя Международный пакт о гражданских и политических правах к правам, которые могут быть отчуждены, он относит: право на мирные собрания и право на свободу ассоциаций и создание профсоюзов; право на свободное выражение своего мнения; право на получение и распространение информации; право на свободу передвижения, право покинуть любую страну; свободу исповедовать любую религию или убеждения.

К правам, которые не могут быть ограничены государством, С. В. Бахин относит право на жизнь, право не подвергаться без свободного согласия медицинским или научным опытам, право не содержаться в рабстве или подневольном состоянии, право не подвергаться жестокому обращению, право не привлекаться к ответственности за деяние, которое в момент его совершения не являлось уголовным преступлением, право не подвергаться лишению свободы за невыполнение какого-либо договорного обязательства бесчеловечному обращению, право на признание правосубъектности, свободу мысли, совести и религии [10].

Автор акцентирует внимание на том, что перечень абсолютных прав может быть шире, в случае признания какого-либо права неподлежащим ограничению в международном или национальном правовом акте.

Безусловно, такое право человека как не подвергаться пыткам и бесчеловечному обращению право абсолютное, и ни один международный акт или правовой акт какого-либо цивилизованного государства не может признать возможность его ограничения.

Это будет идти против общепринятых представлений о справедливости, гуманности и т. д.

В соответствии со ст. 15 Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод рассматриваемое право признается абсолютным и не подлежащим ограничениям. Ни угроза общественной безопасности, ни угроза конституционному строю не могут позволить ограничить это право.

Даже если преступление, в котором обвиняется лицо, является особо тяжким, представляет опасность для общества и государства, это не может стать оправданием для умаления данного права.

Рассматриваемое абсолютное право отражено в таких международных документах, как Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года (ст. 7), Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 года (ст. 3).

Относительно права не содержаться в рабстве и подневольном состоянии также является естественным абсолютным правом человека. Оно закреплено во многих международных документах: в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод, Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах. Это право имеет существенное значение для правового положения личности в современном обществе. Рабство и подневольное положение — анахронизм, который должен искореняться по всему миру. Именно важность этого права, его ключевое значение для правовой парадигмы современности породило необходимость закрепления его практически во всех базовых международных актах о правах человека.

Соглашаясь с однозначностью суждений относительно двух выше рассмотренных абсолютных прав человека, дискуссионным представляется отнесение к абсолютным правам такого права, как право на жизнь, несмотря на то, что это право можно назвать основным, поскольку человеку после лишения жизни другие права не нужны [11].

Многие юристы рассматривают это право как абсолютное, однако ряд государств — например, США и Китай — реализует смертную казнь как меру наказания. Более того ч. 2 ст. 20 Конституции России предусматривает смертную казнь, в уголовном законе предусматривается такая мера наказания, в уголовно-исполнительном кодексе регламентируется порядок реализации такой меры.

Многие европейские государства признали недопустимость смертной казни, ратифицировав протокол № 6 и протокол № 13 к Конвенции прав человека и основных свобод. В 6 протоколе говорится о недопустимости применения смертной казни в мирное время, 13 протокол запрещает применение смертной казни и в военное, и любое другое время. Смертная казнь недопустима, по мнению ратифицировавших протоколы сторон, поскольку «право каждого человека на жизнь является фундаментальной ценностью в демократическом обществе и что отмена смертной казни является основным условием защиты этого права и полного признания достоинства, присущего всем человеческим существам»¹.

Для государств, ратифицировавших эти протоколы, право на жизнь является абсолютным и не подлежащим ограничению. Однако далеко не все государства признают

¹ Протокол № 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

право на жизнь абсолютным. В этом можно убедиться, проанализировав сколько государств не ратифицировали указанные выше протоколы.

Надо отметить, что Российская Федерация тоже их не ратифицировала, однако в настоящее время смертная казнь как мера наказания в России не реализуется, потому что на ее применение наложен мораторий Конституционным Судом Российской Федерации.

Как отмечалось ранее, в ч. 2 ст. 20 Конституции России предусмотрена смертная казнь, и, чтобы в России право на жизнь было признано абсолютным, не подлежащим ограничению, необходимо исключить эту норму из основного закона страны. Однако сделать это непросто, потому что указанная норма содержится во второй главе Конституции России, изменить которую может только Конституционное собрание, пересмотрев конституцию в целом.

Проблема права на жизнь в том, что еще немалое количество государств не считает нужным признавать это право абсолютным в силу ряда причин. Во-первых, государства не хотят накладывать на национальное право столь серьезные правовые ограничения в угоду мировому сообществу, во-вторых, высокий уровень преступности в ряде государств препятствует отмене смертной казни. Смертная казнь является своего рода сдерживающим фактором совершения особо тяжких преступлений.

Как бы банально это ни звучало, но мера ответственности — важная составляющая механизма принуждения и мощнейший рычаг удержания уровня общественного порядка и общественной безопасности в развивающихся странах, да и во многих развитых.

Тем не менее нельзя не отметить тенденцию к признанию права на жизнь абсолютным, о чем высказываются некоторые авторы [12].

К отмене смертной казни во всем мире предстоит еще большой путь. Первый этап пройден — созданы пакты о недопустимости смертной казни. Сейчас очень важно, чтобы в государствах, которые не ратифицировали эти пакты, или, как Российская Федерация, не наложили мораторий на смертную казнь, во-первых, оставить возможность применения высшей меры только за особо тяжкие преступления, которые представляют угрозу для жизни и здоровья людей. Никакие должностные, коррупционные и другие преступления не должны предусматривать такую меру наказания. Во-вторых, смертная казнь может допускаться только в случаях неоспоримых судебных доказательств, малейшие сомнения судьи должны трактоваться в пользу обвиняемых.

Международными актами должны быть четко урегулированы основания и механизмы назначения и реализации смертной казни. Должны быть однозначно определены виды преступлений, за которые может назначаться высшая мера наказания, должен быть определен порядок экстрадиции обвиняемого в преступлении, за которое может быть предусмотрена высшая мера одного государства другому с учетом того, что в одном государстве право на жизнь является абсолютным, в другом относительным. Должны быть определены условия и сроки содержания лиц, в отношении которых вынесена высшая мера наказания до ее применения. Это очень важно, поскольку необходимы определенные сроки для обжалования приговора, установления новых фактов, которые могут повлиять на пересмотр дела и т. д.

Да, сегодня есть пакты о недопустимости смертной казни, но они не решают те проблемы, о которых сказано выше, в государствах, которые не ратифицировали их. Безусловно, государства сами решают, какие нормы международного права

им принимать для них как обязательные, ратифицировать пакты или накладывать различные моратории. Однако роль международных организации в условиях глобализации очень трудно переоценить. Указанная выше регламентация очень важна для поэтапного установления права на жизнь как абсолютного, не подлежащего ограничению во всем мире.

В заключение нужно отметить, что прослеживается тесная связь абсолютных и относительных прав человека, закрепленных в Конституции России, и правами, закрепленными в международных нормативных правовых актах. Немаловажным является и тот факт, что государственно-правовой механизм ограничения прав человека и гражданина в Российской Федерации коррелируется с международными стандартами подобных ограничений.

В Основном Законе Российской Федерации закреплены так называемые относительные права, которые при определенных условиях могут ограничиваться государством. Тем не менее эти ограничения возможны лишь в четко оговорённых случаях — для защиты интересов и прав других граждан, для защиты общества, и, соответственно, для защиты основ конституционного строя. Также стоит отметить и то, что рассматриваемые ограничения могут осуществляться только на основе федерального законодательства, что также обеспечивает определенные гарантии обеспечения прав человека.

Полагаем, что предлагаемая в настоящей статье классификация ограничений прав человека и гражданина включает в себя наиболее существенные основания для классификации, но, безусловно, этот перечень оснований не является исчерпывающим, что говорит о возможности и необходимости дальнейших исследований в рассматриваемой области юридической науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарь Н. С. Конституционная безопасность личности, общества, государства: постановка проблемы в свете конституционного правосудия, обеспечения социальной справедливости, равенства и прав человека // Законодательство и экономика. — 2004. — № 4. — С. 4-15.
2. Лебедев В. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. — 2017. — № 1 (122). — С. 130—139.
3. Хабриева Т. Я., Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы) / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин // Общественные науки и современность. — 2017. — № 3. — С. 5—14.
4. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. — 1992. — № 3. — С. 92-99.
5. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / пер. с нем. Е. А. Сидорова; под ред. Н. А. Сидорова (вступ. ст.). — М., 1981. — 368 с.
6. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. — 3-е изд., доп. и перераб. — Berlin: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. — 182 с.
7. Краснов М. А. Ограничение прав человека или поиск их естественных пределов? // Право. — 2009. — № 2. — С. 103—115.
8. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2001. — С. 59.
9. Алексеев С. С. Права человека как институт естественного и позитивного права // Права человека: история, теория и практика: учеб. пособ. / Отв. ред. Б. А. Назаров. — М., 1995. — С. 149—150.

10. Бахин С. В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1991. — № 2. — С. 41—51.
11. Матузов Н. И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. — 1998. — № 1. — С. 198.
12. Ушамирский А. Э. Право военнослужащего на жизнь: теоретические и практические аспекты // Современное право. — 2006. — № 6. — С. 81.

REFERENCES

1. Bondar N. S. Constitutional security of the individual, society, state: problem statement in the light of constitutional justice, ensuring social justice, equality and human rights // *Legislation and Economics*. 2004, no. 4, pp. 4—15.
2. Lebedev V. A. Constitutional basis of restrictions on rights and freedoms of man and citizen // *Lex Russica*. 2017, no. 1 (122), pp. 130-139.
3. Khabrieva T. Ya., Social justice (some constitutional issues) / T. Y. khabrieva, V. E. Chirkin // *Social Sciences and modernity*. 2017, no. 3, pp. 5-14.
4. Ilyin I. A. The general doctrine of law and the state (fragments) // *Pravovedenie*. 1992, no. 3, pp. 92—99.
5. Hesse K. Fundamentals of the Constitutional law of the FRG / translated from German by E. A. Sidorov; edited by N. A. Sidorov (introductory article). Moscow, 1981, 368 p.
6. Malko A.V. Incentives and restrictions in law: theoretical and informational aspect. — 3rd ed., supplement and revision. - Berlin: Lap Lambert Academic Publishing, 2011, 182 p.
7. Krasnov M. A. Restriction of human rights or search for their natural limits? // *Right*. 2009, no. 2, pp. 103—115.
8. Chirkin V. E. Constitutional law of foreign countries. — 3rd ed., reprint. and add. — M., 2001, 59 p..
9. Alekseev S. S. Human rights as an institution of natural and positive law // *Human rights: History, theory and practice: studies. help.* / Ed. by B. A. Nazarov. M., 1995, pp. 149—150.
10. Bakhin S. V. On the classification of human rights proclaimed in international agreements // *Izvestia of Higher educational institutions. Jurisprudence*. 1991, no. 2, pp. 41—51.
11. Matuzov N. I. The right to life in the light of Russian and international standards // *Pravovedenie*. 1998, no. 1, 198 p.
12. Ushamirsky A. E. The right of a serviceman to life: theoretical and practical aspects // *Modern law*. 2006, no. 6, 81 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шелегов Юрий Владимирович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0002-8695-4934

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shelegov Yuri Vladimirovich, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov str., Irkutsk, Russia, 664074.
ORCID: 0000-0002-8695-4934

Статья поступила в редакцию 28.04.2021; одобрена после рецензирования 12.05.2021; принята к публикации 02.12.2021.
The article was submitted 28.04.2021; approved after reviewing 12.05.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 50—61.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 50—61.

**12.00.02. Конституционное право;
 конституционный судебный процесс; муниципальное право.**

Научная статья

УДК 342.4

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-50-61

**КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ:
 ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Алексей Иванович Цыреторов

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
 alex.tsi@mail.ru

Введение: в условиях отсутствия в России социальных предпосылок для подлинного конституционализма в виде независимой судебной власти и развитых институтов гражданского общества политическая элита страны решилась на конституционную реформу. Однако и после ее реализации остался нерешенным вопрос о её подлинных целях и влиянии на укрепление разделения властей. Политико-правовая практика показала отсутствие в России сил, способных противостоять усилению статуса президента страны на фоне широкой поддержки его обществом. В статье предпринята попытка дать справедливую оценку свершившейся конституционной реформе и проанализировать ее влияние на баланс между ветвями власти.

Материалы и методы: решение исследовательских задач было достигнуто посредством всестороннего анализа Конституции Российской Федерации в части внесенных в нее изменений, решений Конституционного Суда Российской Федерации, а также теоретических разработок отечественных и зарубежных конституционалистов по вопросу конституционного реформирования. Методология работы включает применение как общенаучных методов (анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание), так и специальных методов юридической науки, в том числе историко-правовой и формально-юридической.

Результаты исследования позволили раскрыть содержательное наполнение ряда конституционных правок с позиции конституционализма и показать их неоднозначность в контексте конституционных принципов.

Выводы и заключения: автор, отмечая неоднозначность проведенной конституционной реформы, приходит к выводу о том, что, несмотря на наличие некоторых прогрессивных изменений в Конституции Российской Федерации, ряд правок не привнесли ничего нового в отечественный механизм правового регулирования. Среди новых норм Конституции Российской Федерации имеют место нерациональные и популистские решения, а непомерное усиление Президента Российской Федерации перечеркивает, по мнению автора, достоинства этой реформы.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционная реформа, конституционное развитие, изменение конституции, усиление исполнительной власти, президентская республика, властная вертикаль.

Для цитирования: Цыреторов А. И. Конституционная реформа в России: теоретико-правовой анализ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 50—61.
DOI:10.24412/2312-3184-2021-4-50-61

12.00.02. Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Original article

CONSTITUTIONAL REFORM IN RUSSIA: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Alexey I. Tsyretorov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Alex.tsi@mail.ru

Introduction: in the absence of social preconditions for true constitutionalism in Russia in the form of an independent judiciary and developed institutions of civil society, the country's political elite decided on constitutional reform. However, even after its implementation, the question of its true goals and its impact on strengthening the separation of powers remained unresolved. Political and legal practice has shown the absence in Russia of forces capable of resisting the strengthening of the President's status against the background of broad public support for him. The article attempts to give a fair assessment of the completed constitutional reform and analyze its impact on the balance between the branches of government.

Materials and methods: the solution of research problems was achieved through a comprehensive analysis of the Constitution of the Russian Federation in terms of amendments made to it, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as theoretical developments of domestic and foreign constitutionalists on the issue of constitutional reform. The methodology of the work includes the use of both general scientific methods (analysis, observation, generalization, comparison, description) and special methods of legal science, including historical-legal and formal-legal.

The results of the study allowed to reveal the content of a number of constitutional amendments from the standpoint of constitutionalism and show their ambiguity in the context of constitutional principles.

Findings and Conclusions: the author, noting the ambiguity of the constitutional reform, comes to the conclusion that despite the presence of some progressive changes in the Constitution of the Russian Federation, a number of amendments did not bring anything new to the domestic mechanism of legal regulation. Among the new norms of the Constitution of the Russian Federation, there are irrational and populist decisions, and the

excessive strengthening of the President of the Russian Federation negates, in the author's opinion, the merits of this reform.

Keywords: Constitution of Russia, constitutional reform, constitutional development, constitutional change, strengthening of executive power, presidential republic, power vertical.

For citation: Tsyretorov Alexey Ivanovich. Constitutional reform in Russia: theoretical and legal analysis. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 50-61 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-50-61

Действующая Конституция Российской Федерации (далее — Конституция России) была принята в сложное для страны время, по прошествии двух месяцев с момента кровопролитной развязки политического кризиса в России — расстрела Дома Советов. Для закрепленной во вновь принятом Основном Законе модели разделения властей был характерен дисбаланс, перекося в сторону исполнительной власти и президента. Однако именно в таком виде Конституция России смогла снизить риски повторения конституционного кризиса.

Вплоть до недавнего времени каких-либо кардинальных правок в Конституцию не вносилось, имевшиеся изменения имели «точечный» характер, хотя был очевидным факт изменения фактических конституционных отношений в России. Разумеется, необходимо отдавать себе отчет в том, что конституционные положения носят в большинстве своем крайне абстрактный характер, раскрывающийся по мере государственного развития. Кроме того, нельзя не упомянуть о практике деятельности Конституционного суда Российской Федерации (далее — КС РФ) как способ модификации конституции, которая посредством интерпретации позволяет корректировать содержание отдельных ее норм, развивать основной закон страны без внесения в него каких-либо правок. Тем не менее руководство нашего государства решилось на реформу конституции, которой было положено начало 15 января 2020 года. Так или иначе конституционная реформа свершилась, основные законы, необходимость принятия которых вытекала из произошедших изменений в Конституции России, были приняты. В этой связи закономерен вопрос: насколько оправданна была конституционная реформа, решила ли она какие-либо назревшие проблемы? Ведь как справедливо писал видный отечественный публицист XIX века М. Н. Катков, «произвести реформу и действительно улучшить положение дел совсем не одно и то же»⁹.

В результате конституционной реформы произошло перераспределение полномочий между палатами федерального парламента и президентом страны в вопросах формирования правительства, конституционного суда и органов прокуратуры. В целом можно отметить расширение возможностей парламентского контроля за процессом назначения на должности в высших эшелонах российской ис-

⁹ Цит. по: Корнев А. В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа: моногр. — М.: Проспект, 2019. — С. 3.

полнительной власти и тех государственных органов, которые осуществляют контрольные функции и увеличение объема полномочий президента, перечень которых и до реформы позволял идентифицировать Россию как президентскую республику. Наряду с вопросами перераспределения и наделения новыми полномочиями нашел свое закрепление в Конституции России Государственный совет Российской Федерации — конституционный государственный орган, формируемый Президентом Российской Федерации (далее — Президент России) в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. Значительный объем произошедших изменений не позволяет раскрыть их исчерпывающим образом в рамках статьи, поэтому остановимся на некоторых из них, в том числе наиболее неоднозначных.

Наиболее критикуемой с точки зрения противоречия конституционному принципу правового демократического государства является поправка в статью 81 Конституции России, согласно которой на лицо, занимавшее должность Президента России на момент вступления в силу пакета поправок, не распространяется действие новой редакции части 3 статьи 81, исключаяющей слово «подряд», из требования о запрете одному лицу занимать должность Президента России более двух сроков. Положения пункта «б» статьи 83 Конституции России были дополнены полномочиями по общему руководству Правительством Российской Федерации (далее — Правительство России). Указанное положение, по мнению автора настоящей статьи, «обезоруживает» сторонников существования президентской ветви власти¹⁰ и позволяет однозначно отнести Президента России к исполнительной ветви власти.

Вновь введенный пункт «б¹» статьи 83 Конституции России наделил Президента России правом определять органы, руководство деятельностью которых он станет осуществлять сам, и органы, деятельностью будет руководить Правительство России. Если в старой редакции статьи 113 Конституции России Председатель Правительства России определял основные направления деятельности Правительства России и организовывал его работу в соответствии с Конституцией России, федеральными законами и указами Президента России, то в новой редакции для него стали обязательными к исполнению распоряжения и поручения Президента России. Наряду с указанным, Президент России был наделен правом: назначения 30 сенаторов, в том числе пожизненных; предлагать Совету Федерации назначение и прекращение полномочий руководства КС РФ и Верховного Суда Российской Федерации, судей высших судов, а также назначать самостоятельно руководство иных федеральных судов и федеральных судей; назначения Генерального прокуро-

¹⁰ См., например: Голубева Л. А. Нетипичные ветви государственной власти в механизме современного государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2009. — 18 с.; Чепиков В. С. Правовые основы организации системы президентской власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов. 2003. — 235 с.; Радченко В. И. Президент Российской Федерации в системе разделения властей: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов. 1995. — 153 с.

ра, его заместителей и иных прокуроров; инициирования предварительного конституционного контроля. Статья 92¹ Конституции России наделила Президента России, прекратившего исполнение полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки или стойкой неспособностью по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, неприкосновенностью.

При уже имевшемся дисбалансе в системе разделения властей Президент России сосредоточил в своих руках ещё больший круг полномочий. Как следует расценивать произошедшее? Во-первых — произошедшее вписывается в общую тенденцию к усилению власти президента [1, с. 3], в правовых системах по всему миру все больше ослабляются приверженность демократии, либерализму и конституционализму [2, с. 631]. Во-вторых, подобная концентрация полномочий у Президента России в некоторой мере ставит под угрозу конституционный принцип разделения властей. Хотя и на это имеются оптимистические взгляды. Так, А. В. Безруков указывает [3, с. 3] на тенденцию к размыванию сложившейся триады властей и, по его мнению, при правильном понимании этих явлений они сочетаются в условиях демократических режимов.

Как представляется автору статьи, расширение круга полномочий Президента России следует рассматривать с позиций правового реализма, дающего внятное объяснение стремлению подлинных инициаторов этих изменений закрепить конституционные механизмы, которые отвечают их интересам. Замечено, что «потенциальная функция конституций — служить конституционным элитам и доминирующим коалициям, помогая им укреплять и консолидировать власть. Стратегическое поведение политиков, элит и судов играет ключевую роль в объяснении огромных различий в масштабах, характере и сроках конституционной реформы» [4, с. 710—715].

Серьёзное расширение круга полномочий Президента России, крупные сдвиги в системе сдержек и противовесов в нашей стране можно расценить в качестве фактического введения новой конституции. Как отмечает А. Arato, «действительно, конституционная практика показывает, что поправки часто используются для введения в действие новой конституции»¹¹. И создатели этой «новой» конституции, которые «ожидают потери власти стремятся закрепить ценности, которые благоприятствуют их интересам, в конституции, опасаясь, что их отстранение от должности помешает им получить эти выгоды через обычную политику» [4], в данной ситуации конституция на деле становится продуктом «гегемонистского самосохранения» [4]. Такой подход хотя и широко распространён, но порочен по своей природе, поскольку при нём конституция становится «служанкой» людей, облечённых властью. В конечном счёте «конституции рождаются с амбициями на постоянство и в идеале они должны регулировать вопросы, которые в силу их

¹¹ Arato A. цит. по: Y. Roznai, *Unconstitutional Constitutional Amendments — The Limits of Amendment Powers*. Oxford: Oxford University Press, 2017 (Part II, Ch. 4, 5). P. 36.

актуальности и трансцендентности должны быть ограждены от обычной политики» [5].

Особые нарекания вызывает ослабление возможностей КС РФ. Во-первых, Президент сможет инициировать увольнение членов КС РФ, включая председателя и его заместителя. Ранее у главы государства было только право их назначать, а Высшая квалификационная коллегия судей следила за их работой и могла сместить в случае нарушений. Во-вторых, уменьшилось количество членов КС РФ — вместо 19 человек их стало 11. Впрочем, по меткому замечанию А. Шайо и Р. Уитц, «зрелищные попытки изменить состав или юрисдикцию высших судов не столь уж редки, целеустремленные конституционные акторы прибегают и к иным приемам ослабления конституционного контроля» [6, с. 449].

Ряд нововведений не привнес ничего принципиально нового в отечественную правовую систему, лишь конституционно оформив положения действующего законодательства или судебной практики. Так, статья 79 Конституции была дополнена формулировкой «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Указанное положение уже вытекает из толкования части 1 статьи 15, закрепляющей высшую юридическую силу конституции. Более того, уже имелась практика КС РФ по неприменению в отечественной правовой системе решения Европейского суда по правам человека, по положению, вытекающему из международного соглашения¹².

Ещё одной поправкой, не привнесшей ничего нового в механизм правового регулирования, стали положения части 2¹ статьи 67 Конституции России, согласно которым: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации а также призывы к таким действиям не допускаются». Вопросы целостности и неприкосновенности территории страны достаточно лаконично уже были сформулированы в части 3 статьи 4 Конституции России.

К поправке, имевшей уже под собой практику, можно отнести и дополнение части 2 статьи 70 Конституции России. Это дополнение гласит, что «местом постоянного пребывания отдельных федеральных органов государственной власти может быть другой город, определенный федеральным конституционным законом». При этом помним, что еще в 2008 году, в соответствии с произошедшими измене-

¹² По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 19.04.2016 № 12-П [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.09.2021).

ниями¹³, местом пребывания КС РФ был определён город Санкт-Петербург. Представленная поправка может стать основой для перехода к полицентричной политической модели, когда при формально единственной столице — городе Москве — некоторые органы государственной власти будут располагаться в иных городах, что позволит «разгрузить» столицу и вероятно придать новый импульс развитию иных городов.

В. Ю. Мазуров отмечает, что «полицентризм в области политико-территориального деления — вещь в мировой практике достаточно традиционная. В некоторых государствах (например, в Китае) на протяжении большей части их исторического развития функционировали от двух до пяти столиц единого государства. В некоторых странах городов, являющихся общегосударственными властными центрами, гораздо больше. Например, в ЮАР — в городах Претория, Кейптаун и Блумфонтейн — размещаются соответственно исполнительная, законодательная и судебные столицы. В Германии Берлин является столицей, в Бонне — ранее бывшим столицей, по-прежнему располагаются отдельные федеральные ведомства, Карлсруэ, Кассель, Лейпциг, Мюнхен, Эрфурт являются местом пребывания соответственно Федерального Конституционного, Федерального административного, Федерального финансового и Федерального трудового судов» [7, с. 157]. Сама по себе данная поправка отвечает требованию времени и позволяет по-новому взглянуть на вопрос территориального распределения властных центров и предоставляемые этим возможности.

Особое место в произошедшей реформе занимают поправки, касающиеся социальных вопросов. Очевидно, что в большинстве своём они нашли широкую поддержку в обществе. Так, часть 6 статьи 75 Конституции России гарантирует индексацию пенсий не реже одного раза в год. Становится очевидным, что государство взяло на себя непосильную ношу в попытке урегулировать трудно прогнозируемые явления и процессы, экономические последствия которых смогут нивелировать это благое намерение. Попробуем это объяснить: Россия уже прочно встроилась в мировую экономику и получает значительные доходы от использования своих ресурсов. Вполне предсказуемо, что очередной мировой кризис или резкое снижение доходов от использования ресурсов могут привести к дефициту бюджета. Никакое государство не может безнаказанно игнорировать законы экономики, а эти законы говорят о том, что в случае сильного дефицита бюджета государство, как правило, неспособно надлежаще исполнять свои социальные обязательства. И как самый часто практикуемый в мире вариант в условиях дефицита — запустит «денежный» станок, что повлечет большую инфляцию и еще больше усугубит положение людей. Как справедливо указывает А. Г. Карапетов, «когда государство сталкивается с задачей формирования правовых институтов, в том числе с целью изменить или укрепить социальные нормы, ему необходимо четко просчитать ре-

¹³ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федер. констит. закон от 5 февр. 2007 г. № 2-ФКЗ [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.09.2021).

гуляторные последствия такого регулирования» [8, с. 40—41]. В этой связи указанную поправку автор склонен характеризовать как нерациональное и популистское решение.

Кроме поправок, т. е. идей, воплощенных в соответствующие нормы, хотелось бы дискуссионные моменты о том, чего действительно недоставало в прошедшей реформе. Ю. И. Скуратов в своей статье указывает на то, что фактическая, или действительная, конституция — это реально существующий конституционный строй, реальная организация, устройство государственной власти, реальные механизмы ее осуществления. Конституция же юридическая, или «писаная», — это принятый в установленном порядке документ, юридический акт. Основной вопрос для любого государства — обеспечение соответствия конституций фактической и юридической. Среди правок мы не обнаруживаем ни одного упоминания про федеральные округа, хотя их образование Ю. И. Скуратов справедливо рассматривает в качестве существенного изменения фактических конституционных отношений в России, не нашедших своего отражения в тексте основного закона страны. По его мнению, создание округов, как и определение статуса полномочных представителей президента, — предмет конституционно-правового регулирования. Ведь, по сути, подзаконными актами определены не только права представителей президента, но и новые территориальные пределы их полномочий — федеральные округа, т. е. была изменена территориальная организация Российского государства, однако в конституции речи об округах не идет [9]. В. Е. Чиркин, касаясь этого вопроса, пишет: «федеральные округа — важный элемент в структуре государства, а Конституцией РФ они не предусмотрены» [10, с. 238].

Нельзя не согласиться с мнением Ю. И. Скуратова. Действительно, образование федеральных округов внесло существенные изменения в области организации государственной власти. Полномочные представители Президента России фактически стали играть ключевую роль в решении широкого спектра вопросов в области организации государственной власти субъектов Российской Федерации (далее — субъект федерации), взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с органами государственной власти субъектов федерации, наделены существенными кадровыми полномочиями, и поэтому в настоящее время можно обоснованно говорить об их существенной роли в рамках фактически существующего конституционного строя. Более того, складывается парадоксальная ситуация: полномочные представители, действующие в рамках федеральных округов — законодательно неурегулированных составляющих механизма российского государства, осуществляют управленческие воздействия в отношении субъектов (государственных органов, должностных лиц), чей правовой статус законодательно определен.

Безусловно, «писаная» конституция должна максимально соответствовать реально существующему конституционному строю, реальной организации государственной власти. С этой позиции являлась очевидной потребность в легализации системы федеральных округов, в рамках которых в настоящее время решаются важнейшие задачи развития современного российского государства.

К сожалению, шанс создать прочную основу деятельности полномочных представителей Президента России в федеральных округах, зафиксировав в Конституции России возможность создания подобного рода территориальных образований, был упущен.

Хотя, впрочем, может быть и не стоит преувеличивать значимость произошедших изменений и в целом этого документа и мыслить в иррационалистическом духе О. Шпенглера — «видимая всем и каждому внешняя форма вовсе не является тем, что имеет здесь значение, но есть лишь облачение. Поэтому ее можно менять без того, чтобы это хоть как-то изменяло суть происходящего, перекладывать ее на понятия и укладывать в текст конституции, даже не касаясь при этом действительности» [11, с. 474]. Более справедливым и отвечающим практике и логике общественной жизни является подход, сформулированный О. Шпенглером: «Главное — не в том, чтобы составить конституцию, но в том, чтобы организовать хорошо работающее правительство; не в том, чтобы распределить политические права в соответствии с принципами „справедливости“, но в том, чтобы сообщить рабочий такт всему в целом» [11, с. 387]. Не переоценивая значимости конституции, близкой к О. Шпенглеру позиции придерживался великий, русский по происхождению, социолог П. Сорокин: «Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим не создадите из нее прекрасного общества. И обратно, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития» [12].

Законодательные акты и кодексы, которые принимаются по всему миру в нашем веке, как правило, представляют собой пример законодательства, которое стремится изменить существующую ситуацию [13, с. 229]. Практика конституционализма показала, что «конституционная реформа была важным средством продвижения популистских программ в Венгрии, Польше, Турции и Венесуэле. Использование конституционных средств и риторики для достижения этих целей привело к растущему признанию „популистского конституционализма“ как современного политического явления» [14, с. 1116—1117]. Россия в этом деликатном вопросе не стала исключением. А. Шайо и Р. Уитц справедливо отмечают, что конституционная демократия более хрупка и менее «естественна», чем автократия, а интерес общественности к созданию и отстаиванию подлинно конституционных систем, нуждающихся в постоянном внимании и заботе, угас, при этом нередко конституционализм демонтируется своими же собственными средствами [6, с. 2—4]. Сказанное в своей совокупности может свидетельствовать о кризисе конституционализма, если не в целом в мире, то по крайней мере во многих государствах. Буква конституционных формальностей по-прежнему соблюдается, но самопровозглашенные и латентные нелиберальные демократы вырывают знаковые конституционные решения или принципы из оригинального контекста и перелицовывают их, с тем, чтобы навечно закрепить собственную власть, — пи-

шут авторы, расценивая указанные действия в качестве конституционных махинаций [6, с. 5—6].

J. Weinrib в своей работе указывает на то, что «конституции позволяют гражданам преобразовывать свои убеждения в высший закон с помощью определенной процедуры, часто требующей повышенного большинства. Соответственно, чтобы определить, действительна ли конкретная конституционная поправка, нужно спросить, была ли соблюдена соответствующая процедура» [2, с. 631]. Если говорить о чистоте процедуры, то конституционная реформа каких-либо серьезных нареканий не вызывает. Отечественные политики не пошли по порочному пути, например, Хорватии, где «процесс внесения поправок в Конституцию был чрезвычайно коротким и в основном секретным, без серьезных публичных дебатов и почти без официального участия хорватских конституционалистов» [15]. Что же касается причин, по которым ряд правок, увеличивающих дисбаланс в системе разделения властей и сужающих «поле» демократии, стали явью, в качестве таковых можно назвать «отсутствие в Конституции такого сдерживающего фактора, как сильной и независимой системы конвенциональных норм, соблюдение которых опирается на историческую традицию и независимую судебную власть» [16, с. 284].

В целом прошедшую конституционную реформу как-то однозначно охарактеризовать достаточно сложно, ряд правок имеет, безусловно, прогрессивное значение и включает в себе огромный потенциал, способствуют созданию новых инструментов для выполнения задач государственного строительства, закрепляют приоритет собственной социокультурной и государственно-гражданской, отдельные поправки нерациональны и носят исключительно популистский характер (индексация пенсий), другие изменения таковыми, по своей сути, не являются, поскольку ничего нового в отечественную правовую систему не привносят и, более того, эти вопросы могли быть эффективно решены на уровне текущего законодательства (например, запрет для высшего должностного лица субъекта иметь гражданство иностранного государства либо вида на жительство).

По убеждению автора, имеющиеся достоинства свершившейся конституционной реформы перечеркиваются усилением статуса Президента России, к которому и ранее до реформы вполне подходило определение «республиканский монарх» [16, с. 300]. Если в дореформенном виде, по меткому замечанию А. Н. Медушевского, «власть российского Президента была реально ограничена главным образом сроком пребывания у власти и ненаследственным характером передачи этой власти» в рамках отмечаемого автором перехода к «демократическому цезаризму», то произошедшая реформа сузила и эти ограничения, низведя значение конституции до инструмента политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Марино И. Сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых отношений Президента с иными высшими органами государственной власти (опыт России, Италии, США и Франции): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М. 2005. — 20 с.

2. Weinrib, J. (2019). The Principles of Constitutional Reform. *Kantian Review*, 24(4), pp. 631—651.
3. Безруков А. В. Единство и разделение государственной власти: проблемы сочетания и реализации // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 21. — С. 2—4.
4. Cope, Kevin L. and Versteeg, Mila, *Constitutions* (April 22, 2015). James D. Wright (editor-in-chief), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd edition, Vol 4. Oxford: Elsevier, pp. 710—715.
5. Barroso, Luis Roberto and Albert, Richard, *The 2020 International Review of Constitutional Reform* (September 4, 2021). Published by the Program on Constitutional Studies at the University of Texas at Austin in collaboration with the International Forum on the Future of Constitutionalism [Электронный ресурс]. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3917596> (дата обращения: 15.09.2021).
6. Конституция свободы: введение в юридический конституционализм / А. Шайо, Р. Уитц; пер. с англ. Д. В. Сичинавы и Е. А. Захаровой. — М.: Ин-т права и публич. политики, 2021. — XVIII. — 580 с.
7. Мазуров В. Ю. Федеральные округа в системе территориального устройства России. — М., 2011. — 224 с.
8. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. — М.: Статут, 2016. — 528 с.
9. Скуратов Ю. И. Развитие Конституции Российской Федерации 1993 года: поправки в конституцию или конституционная реформа? // Российский юридический журнал. — 2009. — № 3. — С. 40—47.
10. Марино И. Президент и основной закон России. Отцы-основатели Конституции: правовые позиции. — М.: Изд-во «АЛМИ», 2006. — 328 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. — М: Мысль, 1998. — 606 с.
12. Сорокин П. А. Современное состояние России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-3-17-Sorokin.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).
13. Леони Б. Свобода и закон / Бруно Леони; пер. с англ. В. Кошкина под ред. А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 308 с.
14. Chambers S. Democracy and constitutional reform: Deliberative versus populist constitutionalism. *Philosophy & Social Criticism*. — 2019; 45 (9—10):1116—1131.
15. Podolnjak, Robert, *Constitutional Reforms of Citizen — Initiated Referendum: Causes of Different Outcomes in Slovenia and Croatia* (December 26, 2014). *Revus* [Online], 26, 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2542931> (дата обращения: 15.09.2021).
16. Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов / А. Н. Медушевский; Гос. ун-т — Высш. шк. экономики. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — 574 с.

REFERENCES

1. Marino I. Comparative legal analysis of the constitutional and legal relations of the President with other higher bodies of state power (the experience of Russia, Italy, the USA and France): Author's abstract. diss. ... Ph.D. M. 2005.20 p.
2. Weinrib, J. (2019). The Principles of Constitutional Reform. *Kantian Review*, 24(4), pp. 631-651.
3. Bezrukov A.V. Unity and separation of state power: problems of combination and implementation // *Constitutional and municipal law*. 2009, no. 21, pp. 2-4.
4. Cope, Kevin L. and Versteeg, Mila, *Constitutions* (April 22, 2015). James D. Wright (editor-in-chief), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd edition, Vol 4. Oxford: Elsevier. pp. 710—715.

5. Barroso, Luis Roberto and Albert, Richard, The 2020 International Review of Constitutional Reform (September 4, 2021). Published by the Program on Constitutional Studies at the University of Texas at Austin in collaboration with the International Forum on the Future of Constitutionalism. URL: <https://ssrn.com/abstract=3917596> (Available at: 15.09.2021).

6. The constitution of freedom: an introduction to legal constitutionalism / A. Chaillot, R. Witz; per. from English D. V. Sichinava and E. A. Zakharova. Moscow, Institute of Law and Public. Politics, 2021, XVIII, 580 p.

7. Mazurov V.Yu. Federal districts in the system of the territorial structure of Russia. Moscow, 2011, 224 p.

8. Karapetov A.G. Economic analysis of law. Moscow, Statut, 2016, 528 p.

9. Skuratov Yu.I. Development of the 1993 Constitution of the Russian Federation: Constitutional Amendments or Constitutional Reform?. Russian legal journal. 2009, no. 3. pp. 40-47.

10. Marino I. President and the Basic Law of Russia. Founding Fathers of the Constitution: Legal Positions. М.: Publishing house «ALMI», 2006, 328 p.

11. Spengler O. Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. 2. World-historical perspectives / Per. with him. and note. I. I. Makhankova. Moscow: Mysl, 1998, 606 p.

12. Sorokin P.A. The current state of Russia. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-3-17-Sorokin.pdf> (Available at: 15.09.2021).

13. Leonie B. Freedom and the Law / Bruno Leoni; per. from English V. Koshkin, ed. A. Kuryaeva. Moscow, IRISEN, 2008, 308 p.

14. Chambers S. Democracy and constitutional reform: Deliberative versus populist constitutionalism. Philosophy & Social Criticism. 2019, no. 45 (9-10), pp.1116-1131.

15. Podolnjak, Robert, Constitutional Reforms of Citizen — Initiated Referendum: Causes of Different Outcomes in Slovenia and Croatia (December 26, 2014). Revus [Online], 26, 2015, URL: <https://ssrn.com/abstract=2542931> (Available at: 15.09.2021).

16. Medushevsky A.N. The theory of constitutional cycles / A.N. Medushevsky; State un-t — Higher. shk. economy. — М.: Publishing house. House of the State University Higher School of Economics, 2005, 574 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыреторов Алексей Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0001-6036-5886

ResearcherID: E-1801-2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsyretorov Alexey Ivanovich, Candidate of Law, associate professor of Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.

ORCID: 0000-0001-6036-5886

ResearcherID: E-1801-2019

Статья поступила в редакцию 31.03.2021; одобрена после рецензирования 12.04.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 31.03.2021; approved after reviewing 12.04.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 62—69.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 No. 4 (99). P. 62—69.

**12.00.08. Уголовное право и криминология;
 уголовно-исполнительное право**

Научная статья

УДК 343.2.01

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-62-69

**ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ
 КАК ЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
 НА МОДЕЛИРОВАНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Ольга Владимировна Ермакова

Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Фе-
 дерация, ermakova_alt@mail.ru

Введение: в представленной статье рассматривается общественно опасное деяние, совершаемое в реальной действительности, как прототип будущего состава преступления. В частности, автором показываются признаки такого деяния, имеющие значение для моделирования состава преступления в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Отдельное внимание уделяется проблемам классификации внешнего выражения форм поведения. Полученные выводы подтверждаются проанализированными материалами судебной практики.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации и уголовное законодательство. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и др.). Кроме того, использовались частно-научные методы познания — логико-формальный и системного анализа.

Результаты исследования позволили представить комплексное исследование общественно опасного деяния и продемонстрировать значение его характеристики для построения уголовного закона.

Выводы и заключения: проанализированные признаки общественно опасного деяния позволили разработать правила отражения поведения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: общественно опасное деяние, состав преступления, моделирование состава преступления.

Для цитирования: Ермакова О. В. Характеристика общественно опасного деяния как явления объективной реальности и ее влияние на моделирование состава преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — Т. — № 4 (99). — С. 62—69. DOI:10.24412/2312-3184-2021-4-62-69

12.00.08. Criminal Law and criminology; criminal executive law

Original article

**CHARACTERISTIC OF A PUBLIC DANGEROUS ACTION
AS A PHENOMENON OF OBJECTIVE REALITY AND ITS INFLUENCE
ON THE SIMULATION OF THE CRIME COMPOSITION**

Olga V. Ermakova

Barnaul law institute military of interior of Russia, Barnaul, Russian Federation, ermakova_alt@mail.ru

Introduction: in the presented article, a socially dangerous act committed in reality is considered as a prototype of the future composition of a crime. In particular, the author shows the signs of such an act, which are important for modeling the corpus delicti in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the problems of classifying the external expression of forms of behavior. The findings are confirmed by the analyzed materials of judicial practice.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation and criminal legislation. The methodological basis of the research was the general dialectical method of cognition of social and legal phenomena, general scientific research methods (analysis and synthesis, deduction and induction, systemic and structural, and others). In addition, private scientific methods of cognition were used — logical-formal and system analysis.

The results of the study: allowed to present a comprehensive study of a socially dangerous act and demonstrate the importance of its characteristics for the construction of a criminal law.

Findings and Conclusions: the analyzed signs of a socially dangerous act made it possible to develop rules for reflecting behavior in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: socially dangerous act, corpus delicti, modeling corpus delicti.

For citation: Ermakova Olga Vladimirovna. Characteristics of a socially dangerous act as a phenomenon of objective reality and its influence on modeling corpus delicti // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 62— 69 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-62-69

Совершаемые в общественной жизни деяния, причиняющие тот иной объем вреда, выступают предпосылкой создания норм уголовного закона, позволяющих осуществлять эффективное противодействие данному поведению. Именно поэтому особенности совершаемого поступка должны составлять основу будущей законодательной конструкции.

Следует отметить, что из правила об обязательном учете общественно опасного деяния при создании уголовно-правовых норм есть исключения, проявляющиеся в тех случаях, когда введение постулата происходит при имплементации международных актов вследствие процессов ратификации законодательства. Например, уголовное законодательство Российской Федерации содержит нормы о террористическом акте, геноциде, торговле людьми, экоциде, именно по причине подписания государством соответствующих международных конвенций (Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников и т. д.).

Несмотря на указанное исключение, общее правило заключается в первичности появления в обществе определённого вредоносного поведения, порождающего потребность введения уголовно-правового механизма защиты общественных отношений.

В научной литературе изучение общественно опасного деяния как явления, происходящего в реальности, изучается в своей основе в криминологии (при объяснении причин преступности на уровне индивидуального преступного поведения). В уголовном же праве имеются единичные разработки В. В. Мальцева [1], В. Н. Кудрявцева [2].

Полагаем, ограниченность исследований общественно опасного деяния выступает существенным пробелом уголовно-правовой науки и нуждается в восполнении.

В первую очередь следует отметить, что любое поведение происходит в конкретном обществе, являясь продуктом развития жизнедеятельности. Следовательно, совершаемое лицом деяние имеет социальный характер, изменяющийся в зависимости от трансформации политической, экономической и иных сфер.

Например, развитие телекоммуникационных технологий привело к появлению новых форм общественно опасного поведения и их широкому распространению. Вследствие чего законодатель закрепил особенности такого предмета, как безналичные, электронные деньги в составах кражи (п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), мошенничества (ст. 159.3 УК РФ).

Во-вторых, любое поведение влечет изменение существующих общественных отношений. Иначе говоря, совершаемое в обществе деяние причиняет вред или создает угрозу такого вреда, что позволяет утверждать о его общественной опасности.

В современной уголовно-правовой науке сложилось дуалистическое понимание общественной опасности как реального и возможного вреда (т. е. угрозы наступления вредных изменений).

В соответствии с данной трактовкой любое преступление обладает статусом общественной опасности даже при отсутствии реальных изменений общественных отношений. Например, при вымогательстве (ст. 163 УК РФ) виновный, предъявляя требование передачи имущества, может фактически не получить его, однако будет привлекаться к ответственности за оконченное преступление.

Считаем, что двойственное понимание общественной опасности позволяет осуществлять охрану наиболее значимых общественных отношений уголовно-правовыми средствами, даже при реальной угрозе воздействия на них.

В-третьих, деяние всегда воплощается в реальной действительности в определенной форме. При этом в науке уголовного права вопрос о том, какие вариации поведения могут иметь место, фактически не исследуется. Авторы чаще всего ограничиваются указанием только на действие и бездействие [3, с. 24].

Полагаем, формы воплощения деяния можно классифицировать по различным основаниям. Так, в зависимости от внешнего выражения, деяние может проявляться в телодвижениях, передающих энергию (действие), в отсутствии какого-либо обязательного для лица поведения (бездействие) либо в сочетании в едином акте данных форм (смешанная форма). Примером такого соединения в едином акте действия и бездействия может выступать неуплата налогов или сборов, при которой лицо подает в декларацию заведомо ложные сведения. Еще одним примером выступает неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка, проявляющееся в побоях, запираении в помещении и т. д. [4, с. 52—55].

Создавая конструкцию состава преступления, воплощающую в себе все особенности конкретного общественно опасного поступка, как явления объективной действительности, законодатель должен особое внимание уделить именно форме преступного поведения, поскольку именно благодаря такой характеристике возможно познать сущность запрещаемого деяния.

Анализ действующего уголовного закона показывает, что наиболее распространенной выступает действие либо смешанная форма. Бездействие, как самостоятельная форма в отдельное преступление не выделяется, только лишь в вариации со смешанной формой. Например, неуплата средств на содержание детей или родителей (ст. 157 УК РФ) может проявляться в бездействии (лицо вообще не осуществляет активного поведения для неуплаты) либо сочетании действия и бездействия (родитель, обязанный уплачивать средства, совершает действия по сокрытию имущества).

Ограниченность распространения бездействия как формы преступного деяния в нормах Особенной части УК РФ позволяет сделать вывод о целесообразности её последующего распространения и введения в конструкции составов преступлений. В зависимости от сложности поведения на уровне её активной формы деяние может проявляться в действии, операции или деятельности.

Наиболее простой уровень представляет собой действие — это совокупность телодвижений (удар, выстрел, поджог и т. д.).

Сочетание нескольких действий, объединенных одной целью, образует операцию. Например, в преступлениях, характеризующихся неоднократностью, систематичностью действий как раз имеется такая форма, как операция.

Анализ действующего уголовного законодательства позволяет выявить 3 типичные формы закрепления операции:

1. Преступления с административной преюдицией, которые образуются вследствие повторного совершения административного правонарушения. Так, мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ) предполагает следующую операцию: лицо совершает административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, после чего в период действия наказания за данное правонарушение повторно привлекается за мелкое хищение.

2. Преступления, образуемые из нескольких действий. Например, изнасилование (ст. 131 УК РФ) предполагает не только применение насилия для преодоления сопротивления потерпевшей, но и непосредственно половое сношение.

3. Преступления, для которых обязательна систематичность совершения действий. В качестве примера можно привести истязание, предполагающее систему побоев или иных насильственных действий.

В тех случаях, когда законодателем при отражении деяния в нормах Особенной части используется форма в виде операции, при правоприменении такой нормы, следует описать каждый акт действия ее образующий. Отсутствие одного из действий, влечет невозможность привлечения к уголовной ответственности.

Например, несовершеннолетний А. (16 лет), придя домой к ранее знакомому несовершеннолетнему К. (13 лет) вставил медицинский инструмент «клизма» в его анальное отверстие, объяснив это интересом к профессии врача. К. в свою очередь испытывал физическую боль и психические страдания. Органы предварительного расследования указали на отсутствие состава преступления, поскольку подобная процедура не относится к сексуальным действиям¹.

Наиболее сложной формой действия выступает деятельность, представляющая собой совокупность операций. Полагаем, что именно из-за трудности установления данной формы, законодатель фактически ее использует только для отражения организации каких-либо преступных групп (экстремистского, террористического, преступного сообществ).

Так, создание преступного сообщества (ч. 1 ст. 210 УК РФ) требует совершения целого ряда операций (подбор членов сообщества, сговор, распределение ролей и т. д.).

Например, Ч. Была осуждена по ч. 1 ст. 210 УК РФ за совершения следующей совокупности операций: она организовала несколько организованных групп, отличающихся четко построенной иерархической структурой, распределением ролей между участниками, каждое из которых создано для незаконного оборота

¹ Уголовное дело № 17802. Следственный отдел по Центральному району г. Барнаула.

наркотических средств. Ч. вовлекла в участие сообщества иных лиц, определила им выполняемые роли, по каждому эпизоду преступной деятельности осуществляла планирование и контроль¹.

Каждое действие может проявляться в устной, письменной, физической, конклюдентной форме. Однако, в рамках уголовного закона конкретное содержание действий не детализируется, что объясняется способностью любой формы поведения проявляться в различных способах. Так, если угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) конкретизировать определенной формой выражения (например, только устно), это существенно ограничит действие статьи Особенной части УК РФ.

Хотя, необходимо отметить наличие дискуссий относительно возможности совершения действий при убийстве в устной форме.

Г. А. Есаков утверждает, что убийство путем психического воздействия будет иметь место, например, когда виновный, зная о болезненном состоянии потерпевшего, использует психотравмирующие факторы (угрозы, испуг, и др.) с целью лишения его жизни [5, с. 63]. Однако, не все ученые солидарны с указанным мнением и традиционно указывают только на физическое действие при убийстве.

В этой части следует отметить наличие в уголовном законе таких форм поведения, которые не воплощаются в действии, бездействии либо их сочетании. Так, в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ устанавливается ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве.

Как отмечает И. О. Ткачев, такие формы преступного деяния, как обещание и предложение, не подкрепленные какими-либо действиями, по своей сути, выступают разновидностями обнаружения умысла [6, с. 57]. Введение подобного запрета юридически противоречит понятию преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), предполагающему возможность уголовной ответственности только за конкретные действия (бездействие).

Анализ конкретных приговоров, вынесенных в отношении лиц, признанных виновными в обещании или предложении посредничества во взяточничестве, показывает, что чаще всего совершенное преступление сводится к тому, что лицо обещает или предлагает помощь в решении какого-либо вопроса, при этом для передачи взяткополучателю принимает предмет взятки.

Например, М., имея преступный умысел, направленный на предложение посредничества во взяточничестве, сообщил К., что может договориться с сотрудниками МРЭО ГИБДД о льготном получении водительского удостоверения за 30 тыс. рублей. 24 марта 2017 года К., передал М. сотовый телефон для продажи и предоставления сотрудникам ГИБДД указанной суммы².

¹ Приговор Красноглинского районного суда от 26.09.2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/467415.html> (дата обращения: 11.07.2021).

² Приговор № 1-649/17. Архив Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. — URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnyedela/prigovory-sudov-po-st.-291.1-uk-rf-posrednichestvo-vo-vzjatochnichestve/prigovor-suda-po-ch.-5-st.-291.1-uk-rf--1-6492017--posrednichestvo-vo-vzjatochnichestve.html> (дата обращения: 11.07.2021).

Очевидно, что в представленной судебной практике обещание и предложение посредничества связывается с фактически совершенным принятием предмета взятки или иными действиями, т. е. правоприменители искусственно ограничивают границы действия уголовно-правовой нормы, что противоречит принципу законности.

Четвертым признаком общественно опасного деяния является то обстоятельство, что оно всегда посягает на определенные общественные отношения, которые могут уже находиться под охраной уголовного закона либо еще не подпадать под его действие.

Выявление круга тех общественных отношений, на которые происходит посягательство, имеет принципиальное значение для определения места расположения данного деяния в рамках УК РФ при осуществлении процесса криминализации. В частности, если схожий круг общественных отношений уже выделен в УК РФ, то вновь вводимый состав будет именно в этой части закона. Если же требуется охрана новых общественных отношений, то законодатель должен определить их место в системе уже предложенной иерархии.

Указанные признаки деяния характеризуют его внешнее проявление в действительности, поэтому могут именоваться объективными. Помимо этого, следует выделять внутренние признаки (субъективные), означающие, что деяние всегда совершается лицом, направляющим свое сознание и волю к выполнению данного акта, и сопровождается определенной мотивацией (потребностями такого лица).

Только сочетание объективных и субъективных признаков дает полное представление об общественно опасном деянии.

Полученные знания позволяют сделать вывод о том, что общественно опасное деяние представляет собой прообраз создаваемого состава преступления, поэтому только его характеристика должна составлять базис создания законодательной конструкции. Игнорирование учета особенностей совершаемого общественно опасного деяния может привести к включению в состав преступления не типичных, не свойственных такому поведению признаков.

Изучение конкретного деяния позволит отобрать обязательные признаки, подлежащие включению в конструкцию состава преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мальцев В. В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 648 с.
2. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. — М.: Юрид. лит., 1978. — 191 с.
3. Преступление и состав преступления как основополагающие категории уголовного права: учеб. пособ. / О. В. Ермакова, И. В. Ботвин, О. Н. Штаб, Л. Я. Тарасова, О. А. Шатилова, Д. А. Маракулин, В. В. Мальченкова, А. М. Репьева. — Барнаул: Барнаулский юридический институт МВД России, 2019. — 72 с.
4. Ермакова О. В. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, связанные с конструкцией состава и определением момента окончания преступления О. В. Ермакова, О. М. Шаганова // Вестник Калинин-

градского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2018. — № 2 (52). — С. 52—55.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г. А. Есакова. — М.: Проспект, 2021. — 246 с.

6. Ткачев И. О. Ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Правовое государство: теория и практика. — 2012. — № 1 (27). — С. 53—57.

REFERENCES

1. Maltsev V.V. Socially dangerous behavior in criminal law. Moscow, Yur-litinform, 2014, 648 p.

2. Kudryavtsev V.N. Law and behavior. Moscow, Legal literature, 1978, 191 p.

3. Crime and corpus delicti as fundamental categories of criminal law: textbook / O.V. Ermakova, I. V. Botvin, O. N. Headquarters, L. Ya. Tarasova, O.A. Shatilova, D.A. Marakulin, V.V. Malchenkova, A.M. Repyeva — Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, 72 p.

4. Ermakova, O. V., Shaganova, O. M. Problems of qualification of non-fulfillment of responsibilities for the upbringing of a minor, associated with the structure of the composition and the determination of the moment of the end of the crime // Vestnik of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2018, no. 2 (52), pp. 52-55.

5. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) / Ed. G.A. Esakova. Moscow, Prospect, 2021, 246 p.

6. Tkachev I.O. Responsibility for the promise or offer of mediation in bribery // Legal state: theory and practice. 2012, no. 1 (27), pp. 53-57.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермакова Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, 656062, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

ORCID: 0000-0003-3427-7318

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ermakova Olga Vladimirovna, candidate of law sciences, associate professor of the department of criminal law and criminology Barnaul law institute military of interior of Russia

656062, Russia, Barnaul, Chkalova, 49.

ORCID: 0000-0003-3427-7318

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 70—80.

Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. no. 4 (99). P. 70—80.

12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научная статья

УДК: 343.46

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-70-80

**ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ОХРАНУ ПРАВА
НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Александр Викторович Курсаев

главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России,
г. Москва, кандидат юридических наук, kursaev@list.ru

Введение: в статье рассматриваются правила квалификации преступлений по статьям 143, 216 и 217 УК РФ в зависимости от развития причинной связи в них. Анализируются проблемы, связанные с установлением причинной связи. Рассматриваются вопросы многофакторности причинной связи, влияния на процесс ее развития привходящих сил и совершения преступления несколькими лицами. Обращается внимание на особенности причинной связи при бездействии. Формулируются предложения по оптимизации правоприменительной практики и устранения ошибок в квалификации.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует уголовное законодательство Российской Федерации.

Методологической основой исследования послужили современные общенаучные и частнонаучные методы познания социальных явлений и процессов (диалектический, индуктивный, дедуктивный, анализ, синтез, формально-юридический, моделирование).

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции о применении статей 143, 216 и 217 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Результаты исследования: автором доказано, что причинная связь представляет собой одну из важнейших проблем правоприменения в статьях 143, 216 и 217 УК РФ, остро нуждающейся в научном сопровождении и анализе. Дается оценка причинной связи как многофакторного явления. Раскрывается содержание «вины потерпевшего» и его влияние на оценку преступности деяния. Сформулированы предложения по повышению эффективности практики применения рассматриваемых уголовно-правовых норм. Рассуждения основываются на примерах из судебной практики, рекомендаций представителей юридической науки и могут быть использованы в процессе изучения уголовного права и криминологии и в правоприменительной деятельности.

Выводы и заключения: на основе анализа нормативных правовых актов и судебно-следственной практики делается вывод о важном значении причинной связи в преступлениях, обеспечивающих охрану права на осуществление трудовой деятельности на квалификацию содеянного. Причинная связь обуславливает оценку преступного посягательства не только с позиций квалификации содеянного, но и при оценке деяния в качестве преступного.

Ключевые слова: уголовная ответственность, причинная связь, преступления против трудовых прав, вина потерпевшего, преступное бездействие.

Для цитирования: Курсаев А. В. Особенности причинной связи в преступлениях, обеспечивающих охрану права на осуществление трудовой деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 70—80.
DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-70-80

12.00.08. Criminal law and criminology; criminal executive law

Original article

FEATURES OF THE CAUSAL RELATIONSHIP IN CRIMES THAT ENSURE THE PROTECTION OF THE RIGHT TO WORK

Alexander V. Kursaev

chief expert — specialist of the Contract and legal Department of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, candidate of law, e-mail: kursaev@list.ru

Introduction: the article discusses the rules for the qualification of crimes under Articles 143, 216 and 217 of the Criminal Code of the Russian Federation, depending on the development of causality in them. The problems associated with the establishment of a causal relationship are analyzed. The issues of multifactorial causality, the influence of incoming forces on the process of its development and the commission of a crime by several persons are considered. Attention is drawn to the peculiarities of the causal relationship in inactivity. Proposals are formulated to optimize law enforcement practice and eliminate errors in qualifications.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the criminal legislation of the Russian Federation.

The methodological basis of the research was modern general scientific and private scientific methods of cognition of social phenomena and processes (dialectical, inductive, deductive, analysis, synthesis, formal legal, modeling).

The empirical basis of the study was the materials of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and courts of general jurisdiction on the application of Articles 143, 216 and 217 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The results of the study: the author proves that causality is one of the most important problems of law enforcement in Articles 143, 216 and 217 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is in urgent need of scientific support and analysis. An assessment of causality as a multifactorial phenomenon is given. The content of the “victim’s guilt” and its influence on the assessment of the crime of the act are revealed. Proposals are formulated to improve the effectiveness of the practice of applying the criminal law norms under considera-

tion. The reasoning is based on examples from judicial practice, recommendations of representatives of legal science and can be used in the process of studying criminal law and criminology and in law enforcement activities.

Findings and Conclusions: based on the analysis of normative legal acts and judicial and investigative practice, the conclusion is made about the importance of causality in crimes that ensure the protection of the right to work for the qualification of the deed. The causal relationship determines the assessment of criminal encroachment not only from the standpoint of the qualification of the deed, but also when assessing the act as criminal.

Keywords: criminal liability, causal relationship, crimes against labor rights, victim's guilt, criminal inaction.

For citation: Kursaev A. V. Features of the causal relationship in crimes that ensure the protection of the right to work Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 70-80 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-70-80

Обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности является наличие причинной связи между его действиями (бездействием) и наступившими последствиями. Причинная связь позволяет ответить на вопрос, действительно ли общественно опасные последствия порождены деянием виновного лица. Значение причинной связи таково, что отдельные авторы, например, Т. В. Церетели, рассматривали ее наряду с общественной опасностью и виной в качестве необходимой предпосылки уголовной ответственности [1, с. 5].

Учение о причинной связи в уголовном праве имеет большое прикладное значение, т. к. связано непосредственно с процессом доказывания, вменения лицу в вину последствий совершенного деяния. Поэтому вопрос о причинной связи постоянно возникает в практике судебных и следственных органов. Причинная связь позволяет установить факт детерминированности между собственно причиной (которым в уголовном праве является преступное деяние) и следствием (вредом, причиненным в результате совершения преступления).

Помимо общих вопросов причинной связи особенностями обладает механизм развития причинности и в отдельных преступлениях и их видах.

Характерной особенностью квалификации и расследования преступлений о нарушении специальных правил безопасности является установление причинной связи. По делам о нарушении требований охраны труда и техники безопасности на производстве (статьи 143, 216 и 217 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)) установление причинной связи между действиями субъектов данных преступлений и наступившими в результате их действий общественно опасными последствиями также выступает необходимым условием для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности.

Конечно, в большинстве случаев установление и доказывание причинной связи не представляет особой сложности в силу того, что причина возникновения преступного вреда очевидна. Однако в судебно-следственной практике встречаются и такие преступления в сфере обеспечения безопасных условий труда, по которым установление причин наступивших последствий вызывает существенные сложности.

Практические работники не всегда «вооружены» теоретическими положениями уголовного права в вопросе квалификации нарушения требований охраны труда и техники безопасности. Как отмечает Д. Ю. Вешняков, в действительности органы следствия и суда в решении этого вопроса полагаются больше на здравый смысл [2, с. 27].

Проблемы при установлении причинной связи по делам о нарушении требований охраны труда и техники безопасности обусловлены тем, что в силу множественности факторов причинения вреда и сложным, многоэтапным развитием самой причинной связи, включающей в себя несколько опосредующих звеньев, последствия носят во многом ситуативный характер и не всегда адекватны степени тяжести нарушения специальных правил.

В преступлениях в сфере обеспечения безопасных условий труда причинная связь устанавливается между деянием, заключающимся в нарушении специальных правил безопасности, и наступившими последствиями в виде причинения тяжкого вреда здоровью, смерти человека (нескольких лиц) или крупного ущерба. Как правильно отмечает В. Б. Малинин, начинать исследование наличия или отсутствия причинной связи необходимо с установления самого факта нарушения, в чем оно выразилось, какие конкретно правила охраны труда были нарушены. Если поведение лица в этом отношении не являлось нарушением, то вопрос о причинной связи возникнуть не может [3, с. 309].

Указанный важный для практики вывод следует из того суждения, теоретическая конструкция причинной связи представляет собой модель, состоящую из трех элементов — причины, следствия и связи (собственно причинной связи) между ними [4, с. 42]. Таким образом, все указанные элементы «встроены» в детерминационную связь, что и обуславливает необходимость их исследования для установления истинных причин произошедшего и роли обвиняемого (подсудимого) в наступлении преступных последствий.

Данная рекомендация основывается на позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), сформулированной в пункте 6 постановления от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов»¹. ВС РФ прямо требует указывать не только нормативные правовые акты, которыми предусмотрены соответствующие требования и правила, но и конкретные нормы (пункт, часть, статья) этих актов, нарушение которых повлекло предусмотренные уголовным законом последствия, а также указывать, в чем именно выразилось данное нарушение.

Как правильно отмечается в литературе, нарушение специальных правил и требований чаще всего выражается в форме бездействия, т. е. в невыполнении или ненадлежащем выполнении действия, совершение которого обязательно для обеспечения безопасности данных работ [5, с. 86] либо для процесса их выполнения. Бездействие

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2019. — № 1 (далее — постановление Пленума № 41).

в статьях 143, 216 и 217 УК РФ представляет собой форму бездействия — причинения, при котором требуется наступление вредных последствий, что делает данные составы материальными [6, с. 263].

Так, К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 216 УК РФ. К., являясь машинистом экскаватора, в процессе осуществления работ по извлечению пласта в траншее не принял мер к возведению предохранительного вала, необходимого при осуществлении данного вида работ. В результате кусками пласта был засыпан помощник машиниста экскаватора, что привело к его смерти¹.

Причины нарушения специальных правил достаточно многообразны. Согласно одному из проведенных статистических исследований, к ним относят неудовлетворительную организацию производства работ — 18 %; допуск к работе необученных или плохо обученных лиц — 13 %; эксплуатация неисправных машин и механизмов — 12 %; отсутствие или невыдача специальной одежды и средств защиты — 6 %; непроведение инструктажа по технике безопасности и проверки знаний — 6 %; неправильная эксплуатация оборудования — 10 %; отсутствие надзора за безопасным ведением работ — 3 % [7, с. 60].

Как видно из приведенных статистических сведений, при совершении рассматриваемых преступлений в большинстве отсутствует прямое воздействие виновного на организм потерпевшего.

Необходимо учитывать, что самого по себе установления факта нарушения каким-либо лицом специальных правил безопасности еще недостаточно для вывода о том, что наступившие деяния явились следствием поведения именно данного лица. Наличие обязанности действовать определенным образом имеет существенное значение в первую очередь для оценки противоправности при возложении ответственности за бездействие, а не для оценки причинной связи. Практике известны случаи, когда нарушение специальных правил не находится в причинной связи с наступившим вредом, т. к. наступившее последствие явилось результатом действия иных причин.

Например, слесарь М., не имевший квалификации газосварщика, с помощью личного газосварочного аппарата производил сварочные работы, во время которых на холодильном агрегате произошел взрыв и двоим рабочим был причинен вред здоровью. Подсудимый мастер В. был оправдан судом в связи с тем, что он М. к сварочным работам не допускал, не давал поручение об их производстве и не разрешал пользоваться личным газосварочным аппаратом. Сварочные работы организовывались мастером Г., осужденным по тому же делу. Действия же В., связанные с тем, что он не запретил М. хранение на рабочем месте личного газосварочного аппарата, хотя и знал о его существовании, не находятся в причинной связи с наступившими последствиями².

Таким образом, при установлении причинной связи между деянием и наступившими последствиями должно устанавливаться наличие следующие трех критериев: 1) критерий времени — деяние должно предшествовать наступлению обще-

¹ Приговор Усть-Абаканского районного суда Республики Хакасия от 14 июля 2016 г. № 1-160/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру»: база судебных и нормативных актов [Электронный ресурс] (дата обращения: 17.10.2021).

² Определение Верховного Суда СССР от 21 ноября 1986 г. № 1-217 // Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1987. — № 3. — С. 43.

ственно опасного последствия; 2) критерий реальности — деяние должно содержать реальную возможность наступления общественно опасного последствия и 3) критерий непосредственной причины — главной причиной наступления преступного последствия должно являться именно деяние, а не какие-либо привходящие факторы.

И действительно, практике известны случаи влияния таких привходящих факторов на механизм развития преступления. Такие факторы могут как нейтрализовать (прерывать) развитие причиной связи, так и способствовать ее дальнейшему развитию. Природа названных факторов может быть различна: вина потерпевшего, техническая неисправность орудий труда, действие сил природы и пр. Подобные случаи достаточно часто встречаются на практике и служат основанием для отмены обвинительного приговора. Причина, производя определенное преступное последствие, связана в определенной степени с сопутствующими условиями, которые также необходимо исследовать при разрешении вопроса о привлечении к уголовной ответственности. В то же время различие между причиной и условием не носит безусловного характера и зачастую основывается на том утверждении, что причина — это относительно активный фактор при наступлении преступного последствия, а условие — относительно пассивный фактор [8, с. 10].

В литературе наиболее часто встречающееся такое условие — противоправное поведение потерпевшего — предлагается рассматривать через категорию психического отношения к содеянному, «вину потерпевшего» [9, с. 17]. В этом понятии очень тесно переплетены две разные категории — вина и причинная связь.

Действительно, как верно показали С. В. Борисов и А. А. Чугунов на примере конкретного уголовного дела, отсутствие причинной связи между деянием и наступившими последствиями и отсутствие вины в причинении вреда могут присутствовать рядом [10, с. 70]. Однако, если посмотреть на примеры из судебной практики более внимательно, влияние на уголовную ответственность оказывает преимущественно не психическое отношение потерпевшего к содеянному, а значение его поведения на процесс развития причинной связи. В связи с этим термин «вина потерпевшего» является не совсем точным, т. к. «уводит» данное явление из области причинной связи в сферу субъективного вменения, что не вполне верно.

Недаром Пленум ВС РФ, специально разъясняя в пункте 6 постановления № 41, что, если будет установлено, что несчастный случай на производстве произошел только вследствие небрежного поведения самого пострадавшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора, поместил данное указание в пункт, касающийся необходимости установления причинной связи в преступлениях, предусмотренных статьями 143, 216 и 217 УК РФ.

В частности, С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 216 УК РФ. Противоправность поведения потерпевшего, выразившаяся в нарушении дисциплины труда и требований безопасности при выполнении работ на электроустановках, судом была учтена в качестве обстоятельства, смягчающего его наказание. Между тем суд кассационной инстанции указал на то, что данный факт свидетельствует о том, что фактически рассматриваемый несчастный случай произошел из-за

собственной небрежности потерпевшего, что противоречит выводу о виновности С.¹. Такой правовой подход достаточно распространен в судебной практике².

Фактически в данном случае следует говорить о том, что поведение потерпевшего по делам о нарушении требований охраны труда и техники безопасности может иметь определенную градацию, от которой зависит возможность освобождения лица, допустившего нарушение специальных правил безопасности, от привлечения к уголовной ответственности.

Такое поведение потерпевшего может быть полностью правомерным, не разрывающим цепочку причинной связи, и в этом случае виновное лицо привлекается к ответственности по статьям 143, 216 и 217 УК РФ.

Поведение потерпевшего может быть неправомерным, выступающим в качестве одного из условий наступления вреда. Причинная связь в этом случае не разрывается, и ответственность виновного лица не исключается. Виновный, ответственный за соблюдение правил безопасности, должен был сделать все от него зависящее, чтобы избежать причинения вреда и в результате неверных действий третьих лиц. В этой связи данное виновное лицо привлекается к уголовной ответственности, однако поведение потерпевшего рассматривается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (пункт «з» части 1 статьи 61 УК РФ), и обязательно учитывается при определении меры наказания.

Наконец, поведение потерпевшего может выражаться грубой неосторожностью («небрежностью»), которая полностью прервала развитие причинной связи и выступила в качестве самостоятельной и непосредственной причины наступления вредоносного последствия.

Таким образом, помимо полного установления всего количества причиняющих факторов, необходимо и произвести качественный анализ каузальных зависимостей, с тем чтобы определить, какая же именно причина находится в непосредственной и реальной связи с наступившим последствием. На данном этапе необходимо дать конкретную оценку роли привходящих сил, имевших место между нарушением специальных правил и преступным вредом, с тем чтобы оценить, насколько сильно влияние данных привходящих сил могло изменить цепочку развития причинной связи. Более того, оценка таких привходящих сил может иметь значение и при рассмотрении вопроса о том, только ли действия виновного явились непосредственной причиной совершения преступления или же в наступлении вредного результата своими действиями способствовали и другие лица.

Таким образом, известная уголовному праву проблема так называемого перерыва причинной связи, при котором к первоначальному противоправному и виновному действию лица присоединяются силы природы, или вина потерпевшего, или вмешательство третьих лиц, что оказывает воздействие на ход событий, существенно изменяя его пер-

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2021 г. № 77-1586/2021 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру»: база судебных и нормативных актов [Электронный ресурс] (дата обращения: 17.10.2021).

² Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2020 г. № 77-20/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру»: база судебных и нормативных актов [Электронный ресурс] (дата обращения: 17.10.2021).

воначальное направление [1, с. 212—213], требует учета этих явлений в целях разрешения вопроса о наличии оснований для привлечения нарушившего правила лица к уголовной ответственности. О перерыве следует говорить тогда, когда привходящие силы придали развитию цепочки причинности иное направление, чем то, которое имело бы место, будь обычная закономерность развития действительности в результате деяния виновного, нарушившего правила охраны труда, доведена до своего логического конца.

Перерыв в причинной связи может быть учтен только в том случае, если сопутствующие причины, изменившие развитие процесса детерминации, возникли после общественно опасного деяния виновного.

При таких обстоятельствах необходимо установить, действительно ли такой перерыв причинной связи присутствовал (что может исключать преступность содеянного) либо произошло стечение сразу нескольких причин, и уголовная ответственность при такой ситуации не исключается. При этом в последнем случае следует принимать во внимание, что такие причины могут возникнуть ранее, одновременно либо позже собственного преступного деяния виновного лица.

Кроме того, перерыв в развитии причинной связи может иметь место только в том случае, когда преступное деяние обладает признаком общественной опасности. Спецификой может обладать и процесс развития причинной связи. Как верно отмечает В. И. Борисов, действие (бездействие) виновного может быть отдалено от общественно опасных последствий цепью других событий [11, с. 42]. Данное наблюдение основывается на судебной практике, в которой встречаются случаи, когда нарушение соответствующих правил охраны труда или техники безопасности не всегда сразу и непосредственно приводит к наступлению общественно опасных последствий таких действий. Вредный результат может наступить спустя определенное время, в ходе которого нарушение специальных правил «отягощается» неблагоприятными посторонними факторами (неверное поведение самого потерпевшего, неисправность механизмов защиты), что и создает ситуацию причинения преступного вреда. Еще профессор П. С. Дагель в качестве одной из особенностей причинного механизма в неосторожных преступлениях отмечал сложный, опосредованный характер причинной связи, которая состоит не из одного, а из ряда внутренне обусловленных и взаимосвязанных звеньев, каждое из которых одинаково необходимо в причинно-следственной цепи явлений [12, с. 33].

Так, например, Г. был осужден по части 3 статьи 143 УК РФ. Судом было установлено, что Г., обязанный осуществлять контроль за выполнением требований законодательства, не только не принял мер к устранению нарушений требований охраны труда, но и дал указания, противоречащие этим требованиям, не обеспечив выполнение требований по охране труда в ходе разбора аварийного здания. Данные действия были признаны непосредственной причиной несчастного случая. Судом также было отмечено, что Г. надлежащее обследование общего состояния демонтируемого здания и его элементов в соответствии с требованиями Правил охраны труда в строительстве не проводилось, проект производства работ не составлялся, меры к укреплению не-

устойчивой стены здания не принимались. Несмотря на это, потерпевшие были допущены к работе на опасном объекте¹.

Определенные сложности с установлением причинной связи связаны с теми ситуациями, когда нарушения названных специальных правил допущены сразу несколькими субъектами (ситуация неосторожного сопричинения вреда). Например, М., осуществляя работы по ремонту асфальтобетонного покрытия, привлек А. для управления самоходной машиной, а сам, сославшись на плохое самочувствие, покинул объект производства работ, не оставив после себя замену. Результатом этого явился наезд самоходной машины под управлением А. на Б., в результате чего последнему был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший смерть. Судом к ответственности был причинен только М. как непосредственно ответственный за соблюдение правил безопасности при ведении работ. А., не имеющий права на управление самоходными машинами на территории Российской Федерации, следственными органами к уголовной ответственности не привлекался².

В случае же если в действиях виновной стороны нарушение правил безопасности не усматривается, однако названные действия способствовали таким нарушениям, то содеянное может быть квалифицировано по части 2 статьи 109 или части 2 статьи 118 УК РФ как связанное с ненадлежащим выполнением лицом своих профессиональных обязанностей³.

В этой связи при оценке действий нескольких лиц следует руководствоваться следующим. Если действия таких лиц выступали в цепочке развития причинной связи в качестве сопутствующего элемента, их действия могут влечь уголовную ответственность (по статьям 143, 216 и 217 в случае нарушения специальных правил безопасности, находящихся в причинной связи с наступившим последствием, либо по статьям 109 или 118 УК РФ при отсутствии этого). Если же действия лица являются нейтрализующим причину условием либо в механизме совершения преступления не играют значительной роли, то уголовная ответственность данных лиц должна быть исключена. Аналогичное правило действует и при умышленной деятельности другого лица, которое могло и должно было предвидеть последствия своих действий, т. к. какого-либо специального состава преступления на этот счет — *suī generis* — вроде статьи 224 УК РФ, установившей ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия, уголовный закон для составов статей 143, 216 и 217 не предусматривает.

Исходя из вышеизложенного, стоит заметить, что проблема установления причинной связи многоаспектна и требует учета всех фактов и обстоятельств по делу, что возлагает на судебно-следственные органы обязанность по доскональному установлению

¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 июля 2020 г. № 77-1539/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру»: база судебных и нормативных актов [Электронный ресурс] (дата обращения: 17.10.2021).

² Приговор Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 23 сентября 2014 г. № 1-330/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру»: база судебных и нормативных актов [Электронный ресурс] (дата обращения: 17.10.2021).

³ Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 17 июля 2015 г. № 1-28/2015 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру»: база судебных и нормативных актов [Электронный ресурс] (дата обращения: 17.10.2021).

обстоятельств произошедшего и тщательной проверке доводов подсудимого о своей невиновности.

Поскольку любое событие в природе является результатом переплетения и действия множества факторов, именно владение органами предварительного следствия и суда теоретическими знаниями, накопленными наукой уголовного права о причинной связи, позволяет дать правильную квалификацию наступившим негативным последствиям, особенно в столь сложных преступлениях, предусмотренных статьями 143, 216 и 217 УК РФ, целевое предназначение которых состоит в создании безопасных внешних условий для реализации гражданами своих трудовых прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. — М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1963. — 382 с.
2. Вешняков Д. Ю. Квалификация преступных нарушений правил охраны труда по объективным признакам // Уголовное право. — 2012. — № 2. — С 24—29.
3. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. — СПб: Юридический центр Пресс, 2000. — 315 с.
4. Кошелева А. Ю. Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия. — М.: Вече, 2009. — 208 с.
5. Кравченко Р. М. Уголовно правовая охрана безопасности работ и услуг. — М.: Юстицинформ, 2020. — 228 с.
6. Черненко Т. Г., Причинная связь в преступлениях, предусмотренных в статьях 143, 216 Уголовного кодекса Российской Федерации / Т. Г. Черненко, А. А. Наумов // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 4. — С. 261—265.
7. Бакишев К. А. Регламентация ответственности за нарушение правил охраны труда (статья 156 Уголовного кодекса Республики Казахстан) / К. А. Бакишев, А. К. Алихан // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2021. — № 4. — С. 57—66.
8. Ткачев И. А. Причинная связь и бездействие как основания уголовной ответственности при расследовании дел о преступных нарушениях правил охраны труда и техники безопасности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — 2011. — № 2. — С. 10—17.
9. Гаджиева А. Отрицательное поведение потерпевшего и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. — 2004. — № 1. — С. 16—17.
10. Борисов С. В. Форма и содержание вины в преступлениях, связанных с нарушением требований охраны труда и правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, а также на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах / С. В. Борисов, А. А. Чугунов // Алтайский юридический вестник. — 2018. — № 4. — С. 67—73.
11. Борисов В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил труда. — Киев: Изд-во УМК ВО при Минвузе УССР, 1990. — 60 с.
12. Дагель П. С. Причинная связь в преступлениях, совершенных по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. — М.: Юрид. лит., 1981. — Вып. 34. — С. 28—38.

REFERENCE

1. Tsereteli T.V. Causal connection in criminal law. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1963, 382 p.
2. Veshnyakov D.Yu. Qualification of criminal violations of safety rules for objective signs // Criminal law. 2012, no. 2, pp. 24 — 29.

3. Malinin V.B. Causal relationship in criminal law. St. Petersburg: Law Center Press, 2000, 315 p.
4. Kosheleva A.Yu. Features of causality in the composition of crimes committed by inaction. Moscow: Veche, 2009, 208 p.
5. Kravchenko R.M. Criminal law protection of safety of works and services. M.: Justicinform, 2020, 228 p.
6. Chernenko T.G., Naumov A.A. Causal connection in crimes provided for in articles 143, 216 of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of the Kemerovo State University. 2015, no. 4, pp. 261 — 265.
7. Bakishev K.A., Alikhan A.K. Regulation of liability for violation of labor protection rules (Article 156 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan) // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2021, no. 4, pp. 57 — 66.
8. Tkachev I.A. Causality and inaction as grounds for criminal liability in the investigation of cases of criminal violations of labor protection and safety regulations // Questions of criminology, criminalistics and forensic examination. 2011, no. 2, pp. 10 — 17.
9. Hajiyev A. The Negative behavior of the victim and his criminal law // Criminal law, 2004, no. 1, pp. 16 — 17.
10. Borisov S.V., Chugunov A.A. The Form and content of guilt in the crimes related to the violation of requirements of labor protection and safety regulations during mining, construction or other works, as well as in potentially explosive atmospheres or in hazardous plants // Legal Vestnik of the Altai. 2018, no. 4, pp 67 — 73.
11. Borisov V.I. Criminal liability for violation of labor rules. Kiev: Publishing house of the UMK VO at the Ministry of Higher Education of the Ukrainian SSR, 1990, 60 p.
12. Dagal P.S. Causal connection in crimes committed by negligence // Issues of combating crime. M.: Yurid. lit, 1981. Issue 34. pp. 28 — 38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курсаев Александр Викторович, кандидат юридических наук, главный эксперт-специалист. Договорно-правовой департамент МВД России. 119049, Россия, г. Москва, ул. Житная, 12 «А».
 ORCID: 0000-0001-9571-8207
 ResearrcherID: ABE-3101-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kursaev Alexander Viktorovich, candidate of law, chief expert — specialist. Contract and legal Department of the Ministry of internal Affairs of Russia. 12»A», Zhitnaya st., Moscow, Russia, 119049.
 ORCID: 0000-0001-9571-8207
 ResearcherID: ABE-3101-2021

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 81—91.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
no.4 (99). P. 81—91.

**12.00.08. Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-81-91

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
НЕЗАКОННОЙ ИГОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Константин Васильевич Поздняков

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Фе-
дерация, e-mail: kv-pozdniakov@mail.ru

Введение: в статье представлены особенности специально-криминологической профилактики преступлений, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр. Указана позиция относительно необходимости развития системы общедоступных государственных мер по противодействию незаконной организации и проведению азартных игр.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, локальные нормативно-правовые акты, регламентирующие сферу организации и проведения азартных игр. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к криминологической характеристике, раскрыть содержание и практическое значение структурных элементов для оптимизации процесса расследования незаконной организации и проведения азартных игр, а также установить элементы криминологического аспекта исследования незаконной игорной деятельности, который в последующем может служить для разработки мер предупреждения данных преступлений.

Выводы и заключения: выявлены основные элементы успешной профилактики незаконных азартных игр. Сделан вывод о целесообразности внесения изменений в законодательстве Российской Федерации, с целью повышения эффективности противодействия нелегальной игорной деятельности.

Ключевые слова: игорный бизнес, предупреждение незаконной игорной деятельности, азартные игры, криминологическая характеристика незаконных организации и проведения азартных игр, личность преступника.

Для цитирования: Поздняков К. В. Особенности предупреждения незаконной игорной деятельности в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. —2021. —№ 4(99). —С. 81—91.

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-81-91

::

© Поздняков К. В., 2021

12.00.08. Criminal law and criminology; criminal executive law**Original article****FEATURES OF THE PREVENTION OF ILLEGAL GAMBLING ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION****Konstantin V. Pozdniakov**

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, kv-pozdniakov@mail.ru

Introduction: The article presents the socio-criminological characteristics of the prevention of crimes associated with the illegal organization and conduct of gambling. The position on the need to develop a system of publicly available state systems and measures to combat illegal organization and conduct of gambling is indicated.

Materials and methods: the normative basis of the study is made up of criminal and criminal procedural legislation, local normative legal acts regulating the sphere of organizing and conducting gambling. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study: made it possible to clarify certain provisions related to the socio-criminological characteristics, to reveal the content and practical significance of structural elements for optimizing the process of investigation of illegal organization and conduct of gambling, as well as to establish the elements of the criminological aspect of the study of illegal gambling activity, which can subsequently serve for development of measures to prevent these crimes.

Findings and Conclusions: identify the main elements of successful prevention of illegal gambling. It is concluded that it is advisable to amend the legislation of the Russian Federation in order to increase the effectiveness of countering illegal gambling activities.

Keywords: gambling business, prevention of illegal gambling, gambling, criminological characteristics of illegal organization and conduct of gambling, the identity of the criminal.

For citation: Pozdniakov Konstantin Vasilyevich. Features of the prevention of illegal gambling activities in the Russian Federation. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 81-91 (in Russ.).

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-81-91

Функционирование игорных заведений на территории Российской Федерации запрещено с 1 июля 2009 года Федеральным законом № 244-ФЗ, кроме игорных зон, определенных в нем¹. Декларативный характер норм закона не является существенным препятствием для расширения количества лиц, увлеченных азартными играми.

¹ О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 244-ФЗ // Рос. газ. — 2006. — 31 дек. (№ 297).

Актуальным направлением оперативно-служебной деятельности уже второй десяток лет остаются мероприятия по выявлению и прекращению работы незаконных объектов игорного бизнеса на территории Российской Федерации. Исследуемый состав преступления — незаконная организация и проведение азартных игр относительно новый, т. к. уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр была установлена Федеральным законом от 20 июля 2011 года № 250-ФЗ¹. С целью снижения негативных тенденций в сфере игорного бизнеса и была введена в действие статья 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также — УК РФ) «Незаконная организация и проведение азартных игр»². Указанная норма является основой в деятельности по предупреждению преступлений, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр. Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России) и подведомственные ему министерства внутренних дел субъектов Российской Федерации совместно с другими заинтересованными министерствами и ведомствами осуществляют свою работу, чтобы закон исполнялся.

В криминологической литературе существует несколько классификаций предупредительных мер: по цели — общие и специальные; по объему затрачиваемых мер — общегосударственные, объектные, индивидуальные; по сфере направленности — политические, экономические, социальные, культурные, законодательные и др.

В науке уголовного права уже высказывались мнения о специально-криминологических мерах предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ [1], к которым относятся:

- планомерное развитие законодательства путем принятия дополнительных нормативных правовых актов, регулирующих законную игорную деятельность;
- направление государственной политики по пути предупреждения преступлений, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр;
- развитие экономико-социальной сферы государства с целью повышения уровня жизни населения;
- развитие культурной сферы общества;
- формирование морально-нравственных устоев в обществе;
- распространение через средства массовой информации образовательной информации правового характера, и, как следствие, — формирование правомерного поведения;
- создание отлаженной системы взаимодействия органов государственной власти, таких как Федеральная налоговая служба, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, органов внутренних дел и общественных организаций.

Специально-криминологические меры предупреждения незаконной организации и проведения азартных игр представляют собой систему взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга субъектов предупредительной системы. Антикри-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ // Рос. газ. — 2011. — 26 июля (№ 161).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

миногенный потенциал данного подхода позволяет применять уже апробированные меры предупреждения незаконной организации и проведения азартных игр и развивать новые подходы к их усовершенствованию.

Совокупный подход социологии и криминологии к вопросу предупреждения преступности делает разрабатываемые меры практичными и приспособленными с максимально возможной объективностью к обстановке в обществе. Естественно, что основной путь, как для предупреждения преступности в целом, так и в рамках ст. 171.2 УК РФ, — это повышение уровня жизни населения посредством решения социальных проблем и улучшения системы здравоохранения, качественный рост системы образования, снижение безработицы и организация сферы отдыха и досуга через повышение культуры, а также предоставление возможностей населению для реализации потребностей жилищно-бытовой сферы. Перечисленные меры относятся к категории общих мер предупреждения преступности.

Государство для решения вопроса противодействия нелегальным азартным играм задействует множество мер для своевременного выявления, сдерживания и ликвидации преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ. Современные политические и социально-экономические реалии спровоцировали множество как традиционных, так и новых формирующихся криминальных факторов, влияющих на рост незаконной организации и проведения азартных игр. Выходящая за рамки закона деятельность по организации и проведению азартных игр пагубно сказывается на благополучии населения, например, порождает патологическую зависимость от азартных игр. Вопрос общественной опасности указанных деяний не вызывает сомнений среди специалистов. Отдельно стоит выделить важность охраны общественной нравственности граждан Российской Федерации.

По мнению А. Лохвицкого, большую опасность азартные игры представляют для общественной нравственности, автор утверждал, что «распространение в народе азартных игр всегда вело к общей бедности и деморализации, увеличивало число преступлений» [2]. На протяжении истории развития азартных игр общество считало их безнравственным занятием. Поскольку одной из ценностей среди населения является критерий труда для жизнеобеспечения. С целью получению высоких доходов и их последующей легализации незаконные игорные заведения продолжают работать, что является немаловажным в увеличении криминогенных факторов в стране. Для борьбы с этим был организован общественный контроль, позволяющий следить за преступностью, связанной с организацией и проведением азартных игр.

В октябре 2010 года начал свою работу мониторинг нелегальных игорных заведений, который проводится Общественной палатой Российской Федерации (далее — ОП РФ). По горячей линии граждане могут сообщать о работе игорных заведений [3]. Как информирует ОП РФ, в рамках программы по усилению контроля за сектором игорного бизнеса путем мониторинга граждане сообщили об 1 тыс. 400 адресах, где, по их данным, находились казино. Все данные были переданы в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Результатом проверок, проведенных по переданным адресам, правоохранным органам удалось закрыть 396 и изъять более 10 тыс. единиц игорного оборудования [4].

Развитие современных интернет-технологий и большое количество пользователей интернет-ресурсов — все это является причиной создания системы общественно-

го мониторинга, представляющей собой интерактивную карту, размещенную в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сеть Интернет). Общественный совет при МВД России в борьбе с незаконной организацией и проведением азартных игр в данном случае рассчитывает на россиян с активной гражданской позицией. Данный интернет-ресурс предоставляет гражданам возможность в режиме реального времени указать известные им нелегальные казино и лотерейные клубы. Все сообщения с этого сайта отправляются в правоохранительные органы. Они обрабатываются и по результатам их проверки публикуется сообщение о дальнейших действиях правоохранительных органов в отношении указанного заведения. Как отмечают специалисты: «в ближайшее время интерактивные карты будут интегрированы с соцсетями и перенесены в мобильное приложение. После этого каждый гражданин, обнаружив подпольное казино, сможет сфотографировать его и сразу же добавить на виртуальную карту» [5].

Многочисленные изменения изначальной редакции статьи 171.2 УК РФ «Незаконная организация и проведение азартных игр» говорят о высокой заинтересованности государства в решении проблемы распространения незаконных организаций и проведения азартных игр. Данная проблема требует детальной разработки для внесения изменений в законодательство. По этой причине Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 227-ФЗ «О внесении изменения в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» в ст. 171.2 УК РФ были внесены изменения¹. Это решение является исполнением абзаца второго подпункта «в» пункта 1 Перечня поручений Президента Российской Федерации от 12 августа 2015 г. № Пр-1626 и подпункта 3(а) пункта 1 поручения Правительства Российской Федерации от 19 августа 2015 г. № ИШ-П13-5672.

За 2019 год в Российской Федерации было зарегистрировано 1 тыс. 136 преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ — «Незаконная организация и проведение азартных игр», в 2018 году — 1 тыс. 249 [6].

Стремительное развитие технологий оказало неизгладимое влияние на подпольный гемблинг. Незаконные игорные заведения и клубы стали работать, прикрываясь проведением лотерей, развлекательно-стимулирующих мероприятий, в которых предоставляется доступ на сайты, зарегистрированные вне территории Российской Федерации и предоставляющие услуги по проведению азартных игр в виде клубов со строго ограниченным допуском, через сеть Интернет. Как отмечает С. О. Кормильцева, в данном случае существенным недостатком является высокая стоимость проведения экспертизы используемого модифицированного лотерейного оборудования, достаточно длительное время ее проведения, которое в среднем составляет 30 суток [7]. В 2019 году 74 % преступлений по ст. 171.2 УК РФ были совершены с помощью компьютерных программ или через сеть Интернет.

Анализ географии незаконных азартных игр в 2019 году демонстрирует их распространение почти на всей территории страны, за исключением Ненецкого и Чукотского автономных округов, Чеченской Республики, Курганской области и Республики Алтай. Высокие показатели уровня преступлений по ст. 171.2 УК РФ

¹ О внесении изменения в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 2018 г. № 227-ФЗ // Рос. газ. — 2018. — 31 июля (№ 165).

фиксируются в: Челябинской области — 107, Московской области — 94, городе Москве — 80, Краснодарском крае — 75, Самарской области — 65.

В настоящее время одной из главных задач правоохранительных органов на пути борьбы с незаконной организацией и проведением азартных игр является мониторинг интернет-ресурсов, на которых организовано проведение азартных игр. Одновременно с этим в мониторинге таких интернет-ресурсов с целью предъявления в суд заявлений об ограничении доступа к ним участвует прокуратура. Подобная практика диктует требование о необходимости разработки средств предупреждения незаконных организации и проведения азартных игр, целью которых будет подавление факторов, детерминирующих данный вид преступления. В контексте данного вопроса считаем необходимым осветить социальную роль средств массовой информации (далее — СМИ) по формированию мнения населения об азартных играх. Равнозначно важны проблемы распространения азартных игр и лудомании, поскольку в обществе довольно высока терпимость к азартным играм, в сравнении с алкоголизмом и наркоманией.

Как отмечают некоторые ученые, отдельно стоит вопрос лудомании к азартным играм среди несовершеннолетних: «Молодые люди, испытывающие зависимость от азартных игр, являются группой риска, что выражается в делинквентном поведении в связи с необходимостью непрерывного поиска материальных средств для продолжения игровой деятельности» [8]. И. Н. Мосечкин подчеркивает: «Азартные игры с их иллюзорной возможностью выигрыша огромной суммы денежных средств за короткий временной период не могут не влиять на сознание и нравственность общности. Игроки в повседневной жизни зачастую становятся незрелыми и инфантильными. У них возникает желание получать всевозможные удовольствия и блага за счет меньших усилий и перекладывания ответственности на других», что пагубно влияет на взрослые сформировавшиеся личности и, естественно, может существенно повлиять на несовершеннолетних [9, с. 48—49].

Парадигму развития законодательства определяют современные реалии, так, например, Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» содержит в ч. 2 ст. 27 запрет на рекламу основанных на риске игр и пари в сети Интернет, однако санкции за нарушение возможны лишь для организатора.

В настоящее время социальные сети, мессенджеры и другие технологичные средства коммуникации неотделимо сопутствуют жизнедеятельности человека. Технологии, используемые в них, позволяют распространять информацию среди большого числа пользователей. Высокая эффективность мессенджеров и социальных сетей эффективно используется для рекламы. Однако данный способ распространения информации может быть использован для вовлечения в нелегальные азартные игры.

Законодатель закрепил метод предупреждения данных противоправных деяний в постановлении Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Тем не менее телекоммуникационная сеть, в том числе сеть Интернет, в частности, такие виды как мессенджеры и социальные сети, давно привлекли внимание преступников. Например, одним из распространенных преступлений, соверша-

емых с их помощью, является мошенничество. Еще раз подчеркнем, что тенденции развития законодательства демонстрируют внимание законодателя к телекоммуникационным сетям, в том числе к интернет-пространству.

Так, одним из последних были приняты изменения Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“», которые являются попыткой законодателя урегулировать порядок отношений в социальных сетях. Согласно вступившим в силу изменениям, обязанность выявлять и блокировать противоправную информацию возложена на владельцев социальных сетей.

В случае нарушения (за рекламу интернет-казино) ответственность предусмотрена в ст. 13.41 КоАП РФ «Нарушение порядка ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, и (или) порядка удаления указанной информации». Необходимость пристального внимания законодателя и своевременного нормативно-правового регулирования новых видов, средств и способов общественных отношений продиктована современными темпами развития телекоммуникационных технологий.

Исторический опыт показывает, что наиболее действенным способом законодательного запрета является его закрепление в уголовном законе. Одним из значимых запретов, введенных в УК РФ, в последнее десятилетие явилось включение в текст нормы признак использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет в ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», естественно здесь затрагивается тематика распространения характерной информации. В рамках нелегальной игровой деятельности (ст. 171.2 УК РФ) уже зафиксировано положение об использовании информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет для незаконной организации и проведения азартных игр, но отсутствует конкретизированный признак уголовного запрета на распространение информации о таких играх. Актуальность нормативного закрепления возможности использования таких сетей с целью распространения информации, направленной на вовлечение в азартные игры обусловлена повсеместным распространением и широким использованием технических устройств с доступом к информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе сети Интернет, сложностью выявления гражданами правового статуса предлагаемых азартных игр (легальных от нелегальных).

Развитие технологий интернет-маркетинга порождает появление на рынке труда новых профессий, основной деятельностью которых является распространение информации о каком-либо товаре, услуге и т. д. Например, не так давно появились SMM-менеджеры — специалисты, разрабатывающие стратегию по продвижению товаров и услуг, осуществляющие комплекс мер по привлечению внимания и вовлечению потенциальных клиентов. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» включая последние изменения возлагает ответственность на владельцев социальных сетей. Применительно к нелегальным азартным играм, считаем необходимым закрепить уголовный запрет на распространение информации на вовлечение в незаконные азартные игры.

Анализ правоприменительной практики по России свидетельствует о распространенности на территории государства фактов незаконной организации и проведения азартных игр [10]. По этой причине проблема предупреждения преступности в целом и в области игровой деятельности в частности — носит глобальный характер. Ее значимость отражена в научных трудах известных юристов и обществоведов XIX—XX вв. Современная наука рассматривает предупредительную деятельность как одно из средств социального регулирования общественных отношений. Предупредительная деятельность представляет собой в данном случае взаимодействие мер социально-экономического, педагогико-воспитательного, организационного и правоохранительного характера; как совокупность множества степеней предупреждения преступлений. Обратим внимание на то, что по вышеперечисленным причинам проблема предупреждения преступности в сфере игровой деятельности является одной из важнейших задач государственной политики, идущей путем стимулирования прогрессивных тенденций для своего развития.

В широком смысле уголовная ответственность — одна из наиболее действенных форм профилактики, т. к., наказывая преступника, государство стремится предупредить совершение им новых преступлений и его примером удержать от подобных противоправных деяний других лиц. Именно здесь заслуженную роль играют СМИ, которые формируют правильные установки в обществе, порицая безнравственное поведение и пропагандируя нормальные жизненные ценности, стремление к которым оградит население от участия в незаконной игровой деятельности, тем самым противодействуя преступным деяниям. Внимание общества должно быть обращено к проблеме незаконных организации и проведения азартных игр путем систематического информирования населения о состоянии данного вида преступлений, связи незаконных организации и проведения азартных игр с другими видами преступной деятельности, а также возможных социально-негативных последствиях азартных игр. В реальности же очень часто СМИ играют роль катализатора в распространении информации с пропагандой агрессивного поведения и насилия, допустимости безнравственного и аморального поведения, вседозволенности и прельщают население к азартным играм, которые привлекают граждан легким способом дохода, тем самым подталкивают к преступному поведению. Иначе говоря, подаваемые сведения носят информативный характер и преследуют цель получить большую аудиторию, и лишь в редких случаях имеет место общественное порицание, необходимое для профилактики антисоциального поведения.

Исследуемая нами тема особенно актуальна в последние десятилетия, и ранее изучавшие ее ученые отмечают, что, «несмотря на положительные изменения в уголовном законе, а также ряде других нормативно-правовых актов, направленных на ужесточение ответственности за организацию и проведение незаконного игорного бизнеса, сотрудники подразделений ЭБиПК при проведении соответствующих оперативно-розыскных и проверочных мероприятий периодически сталкиваются с рядом проблем» [11]. Сверхскоростное развитие интернет-технологий определяет потребность в подготовке высококвалифицированных кадров в сфере правоохранительной деятельности, которые будут обладать знаниями, умениями и навыками необходимыми для предупреждения преступлений в сфере незаконной организации и проведения азартных игр с использованием сети Интернет.

Проведенный выше обзор позволяет отметить значение развития направления по разработке новых средств и способов предупреждения незаконной организации и проведения азартных игр.

Таким образом, считаем наиболее успешными социально-криминологическими мерами предупреждения незаконной организации и проведения азартных игр:

1) проведение общественного контроля за незаконной организацией и проведением азартных игр — мониторинг нелегальных игорных заведений, который проводится ОП РФ;

2) ограничение доступа к интернет-ресурсам, на которых организовано проведение незаконных азартных игр;

3) сотрудничество с СМИ и проведение работы по правовому просвещению и информированию населения о пагубных последствиях игорной деятельности, формирование общественного порицания азартных игр с целью профилактики антисоциального поведения;

4) повышение квалификации и профессиональной подготовки высококвалифицированных кадров в сфере правоохранительной деятельности по направлению расследования преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет;

5) проведение комплексных исследований для выявления пробелов и противоречий в законодательстве, регулирующем деятельность по организации и проведению азартных игр, так, например, считаем необходимым закрепить уголовный запрет на распространение информации на вовлечение в незаконные азартные игры.

Величина распространения такого отрицательного явления демонстрирует целесообразность дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы Российской Федерации, что будет способствовать предупреждению преступлений, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр. Системный подход к предупреждению преступлений, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр, позволит достичь более высоких результатов и проконтролировать исполнение законодательных и судебных решений, выходящих из спектра игорного бизнеса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лимарь А. С. Криминологическая характеристика лиц, участвующих в незаконных организации и проведении азартных игр / А. С. Лимарь // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-lits-uchastvuyuschih-v-nezakonnyh-organizatsii-i-provedenii-azartnyh-igr> (дата обращения: 30.08.2020).

2. Севостьянов Р. А. Вопросы уголовно-правовой защиты общественной нравственности от незаконного игорного бизнеса / Р. А. Севостьянов // Проблемы экономики и юридической практики. — 2008. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-ugolovno-pravovoy-zaschity-obschestvennoy-nravstvennosti-ot-nezakonnogo-igorogo-biznesa> (дата обращения: 30.08.2020).

3. Мониторинг работы игорных заведений // Официальный сайт общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.oprf.ru/ru/762/1318> (дата обращения: 30.08.2020).

4. Прокуроры субъектов Российской Федерации провели проверки поступивших из Общественной палаты РФ сведений о действующих в регионах нелегальных игорных за-

ведениях // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Архив новостей [Электронный ресурс]. — URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-71670/> (дата обращения: 04.04.2020).

5. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учеб. / Под ред. А. И. Чучаева. — М., 2012. — С. 367.

6. Число случаев выявления незаконного игробизнеса в РФ за 11 лет сократилось почти в 10 раз // Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)» [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/8857603> (дата обращения: 30.08.2020).

7. Кормильцева С. О. О приоритетных мерах предупреждения незаконной организации и проведения азартных игр на территории Российской Федерации / С. О. Кормильцева // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prioritetnyh-merah-preduprezhdeniya-nezakonnoy-organizatsii-i-provedeniya-azartnyh-igr-na-territorii-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 30.08.2020).

8. Стебенева Е. В. Анализ современного состояния противодействия незаконной игровой деятельности / Е. В. Стебенева, Ю. А. Грачёв // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 1 (73) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennogo-sostoyaniya-protivodeystviya-nezakonnoy-igornoj-deyatelnosti> (дата обращения: 21.12.2020).

9. Борьба с незаконной игровой деятельностью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: моногр. / И. Н. Мосечкин. — Киров: Вятский государственный университет, 2018. — 163 с.

10. Кузнецова И. А. Особенности выявления и документирования административных правонарушений в сфере организации и проведения незаконных азартных игр / И. А. Кузнецова, Н. И. Мусина // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 5—2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vyyavleniya-i-dokumentirovaniya-administrativnyh-pravonarusheniy-v-sfere-organizatsii-i-provedeniya-nezakonnyh-azartnyh> (дата обращения: 21.12.2020).

11. Кольцов Д. В. Отдельные направления оперативно-розыскного противодействия незаконному игорному бизнесу / Д. В. Кольцов, А. А. Папирник // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2015. — № 3 (67) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-napravleniya-operativno-rozysknogo-protivodeystviya-nezakonnomu-igornomu-biznesu> (дата обращения: 21.12.2020).

REFERENCES

1. Limar A. S. Criminological characteristics of persons involved in illegal organization and conduct of gambling / A. S. Limar // Vestnik of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2016, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-lits-uchastvuyuschih-v-nezakonnyh-organizatsii-i-provedenii-azartnyh-igr> (Available at: 30.08.2020).

2. Sevostyanov R. A. Questions of criminal and legal protection of public morality from illegal gambling / R. A. Sevostyanov // Problems of Economics and legal practice. 2008, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-ugolovno-pravovoy-zaschity-obschestvennoy-nravstvennosti-ot-nezakonnogo-igornogo-biznesa> (Available at: 30.08.2020).

3. Monitoring the work of gambling establishments // Official website of the public chamber of the Russian Federation URL: <https://www.oprf.ru/ru/762/1318> (Available at: 30.08.2020).

4. Prosecutors of the constituent entities of the Russian Federation checked the information received from the Public Chamber of the Russian Federation about illegal gambling es-

establishments operating in the regions // Website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-71670/> (Available at: 04.04.2020).

5. Criminal law of the Russian Federation. General and Special parts: study. / Edited by A. I. Chuchaev. Moscow, 2012, pp. 367.

6. The Number of cases of detection of illegal gambling in the Russian Federation for 11 years has decreased almost 10 times // Federal state unitary enterprise " Information Telegraph Agency of Russia (ITAR-TASS)" <https://tass.ru/ekonomika/8857603> (Available at: 30.08.2020).

7. Kormiltseva S. O. on priority measures to prevent illegal organization and conduct of gambling on the territory of the Russian Federation / S. O. kormiltseva // Problems of Economics and legal practice. 2016. no. 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prioritetnyh-merah-preduprezhdeniya-nezakonnoy-organizatsii-i-provedeniya-azartnyh-igr-na-territorii-rossiyskoy-federatsii> (Available at: 30.08.2020).

8. Stebeneva E. V. Analysis of the current state of counteraction to illegal gambling activities / E. V. stebeneva, Yu. a. Grachev // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennogo-sostoyaniya-protivodeystviya-nezakonnoy-igornoy-deyatelnosti> (Available at: 21.12.2020).

9. The fight against illegal gambling activity: criminal-legal and criminological aspects: [monograph] / I. N. Museckin. Kirov: Vyatka state University, 2018. 163 p.

10. Kuznetsova I. A. Features of identifying and documenting administrative offenses in the field of organizing and conducting illegal gambling / I. A. Kuznetsova, N. I. Musina // Nauka. Thought: electronic periodical journal. 2016, no. 5-2, <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vyyavleniya-i-dokumentirovaniya-administrativnyh-pravonarusheniy-v-sfere-organizatsii-i-provedeniya-nezakonnyh-azartnyh> (Available at: 21.12.2020).

11. Koltsov D. V., papirnik A. A. Separate directions of operational-search counteraction to illegal gambling business // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. No. 3 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelye-napravleniya-operativno-rozysknogo-protivodeystviya-nezakonnomu-igornomu-biznesu> (Available at: 21.12.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поздняков Константин Васильевич, адъюнкт адъюнктуры. Санкт-Петербургский университет МВД России, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

ORCID: 0000-0002-1582-8850

ResearcherID ABE-2886-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pozdniakov Konstantin Vasilyevich, postgraduate student. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Pilutov pilot St, St. Petersburg, Russia. 199004.

ORCID: 0000-0002-1582-8850

ResearcherID ABE-2886-2021

Статья поступила в редакцию 12.03.2021; одобрена после рецензирования 25.03.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 12.03.2021; approved after reviewing 25.03.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 92—102.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 92—102.

**12.00.08. Уголовное право и криминология;
 уголовно-исполнительное право**

Научная статья

УДК 343.851.3

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-92-102

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УБИЙСТВ ПО НАЙМУ

Анна Леонидовна Репецкая^{1,2}, Сергей Валерьевич Габеев²

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
 repetsk@mail.ru

² Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
 kafedra.upik@yandex.ru

Введение: предупреждение убийств по найму является актуальной проблемой, поскольку данные преступления причиняют тяжкий вред и являются особо опасными. Специфика механизма совершения таких убийств, а также проблемы, возникающие при их квалификации и расследовании, в значительной степени усложняют задачу по предупреждению этого преступления. Авторами рассматриваются перспективные концепции для осуществления такого предупреждения, критикуются сомнительные предложения в этом направлении. Указывается на то, что убийства по найму в зависимости от вида конфликта и сферы совершения (бытовые, экономические, профессиональные) имеют специфику при осуществлении предупреждения, которая рассматривается авторами.

Материалы и методы: научную основу составили криминологические исследования об убийствах по найму; научные методы: диалектический метод, структурно-функциональный и системный методы; общенаучные методы, такие как анализ, синтез, функциональный подход, метод индукции, дедукции, абстрагирование и конкретизация, логический метод, метод аналогии, описания, аксиоматический метод; научно-научные методы, такие как исторический, политологический и психологический методы; а также частноправовые методы, среди которых сравнительно-правовой, формально-юридический и метод правового прогнозирования.

Результаты исследования: основные специально-криминологические меры классифицированы по трем направлениям: организационно-управленческие меры предупреждения; оперативно-розыскная профилактика; административное предупреждение. Виктимологическая профилактика убийств по найму осуществляется теми же субъектами при реализации всех перечисленных мер предупреждения. Она является необходимым дополнением ко всем остальным видам предупреждения этих преступлений. Ее охранительные или информативные меры могут уберечь жертву от смерти, а реализация иных специальных мер — нейтрализовать факторы, детерминирующие действия преступника.

Выводы и заключения: авторы приходят к выводу о том, что, комплексное осуществление названных мероприятий позволит осуществлять профилактику убийств по найму более эффективно.

Ключевые слова: убийство по найму, предупреждение убийств по найму; оперативно-розыскная профилактика; административное предупреждение преступлений; виктимологическая профилактика.

Для цитирования: Репецкая А. Л., Габеев С. В. Проблемы предупреждения убийств по найму // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 91-102. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-92-102

12.00.08. Criminal Law and Criminology; criminal executive law

Original article

PROBLEMS OF PREVENTING MURDER RENTAL

Anna L. Repetskaya^{1, 2}, Sergey V. Gabeev²

¹ Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, repetsk@mail.ru

² East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, kafedra.upik@yandex.ru

Introduction: the prevention of homicide for hire is an urgent problem, since these crimes cause serious harm and are especially dangerous. The specificity of the mechanism for committing such murders, as well as the problems arising during their qualification and investigation, greatly complicates the task of preventing this crime. The authors consider promising concepts for the implementation of such a warning, criticize dubious proposals in this direction. It is indicated that homicide for hire, depending on the type of conflict and the area of commission (domestic, economic, professional), have specificity in the implementation of the warning, which is considered by the authors.

Materials and methods: the scientific basis was formed by criminological research on homicide for hire; scientific methods: dialectical method, structural-functional and systemic methods; general scientific methods, such as analysis, synthesis, functional approach, method of induction, deduction, abstraction and concretization, logical method, method of analogy, description, axiomatic method; private scientific methods such as historical, political science and psychological methods; as well as private law methods, including comparative legal, formal legal and legal forecasting method.

The results of the study: the main special-criminological measures are classified in three areas: organizational and managerial preventive measures; operational-search prevention; administrative warning. Victimological prevention of homicide for hire is carried out by the same subjects, with the implementation of all the listed preventive measures. It is a necessary complement to all other types of prevention of these crimes. Its protective or informative measures can protect the victim from death, and the implementation of other special measures can neutralize the factors that determine the actions of the offender.

Findings and Conclusions: The authors come to the conclusion that the comprehensive implementation of the above measures will allow the prevention of homicide for hire more effectively.

Keywords: homicide for hire, prevention of homicide for hire; operational-search prevention; administrative crime prevention; victimological prevention.

For citation: Repetskaya A. L., Gabeev S. V. Problems of preventing homicide for hire // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — no. 4 (99). — pp. 92-102. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-92-102

Убийство по найму как особо тяжкое преступление против личности обладает, с точки зрения криминологии и уголовного права, специфическими признаками. Оно является заранее спланированным корыстным преступлением, совершаемым в соучастии, в одних случаях носит открытый, резонансный характер, в других — маскируется под несчастный случай, безвестное исчезновение или иное преступление. Для многих жертв убийств по найму это преступление становится неожиданным и фатальным, хотя последующий анализ причинного комплекса, механизма совершения преступления, его мотивов и целей часто свидетельствует о том, что совершенное преступление можно было спрогнозировать. Полагаем, проблема предупреждения убийств по найму является сложной, но решаемой.

Вопрос о возможности предупреждения убийств по найму периодически выступает предметом научных исследований и общественно-научных дискуссий. Анализ специальной литературы показывает, что авторы используют различные классификации предупредительных мер при разработке предупреждения убийств по найму. Наиболее распространенные подходы базируются на характеристике специально-криминологического предупреждения, в частности, осуществляемого на индивидуальном уровне. Кроме того, часто внутри специально-криминологической профилактики выделяют меры в зависимости от вида заказного убийства (бытового, экономического, профессионального и др.). Выделяются и другие подходы к предупреждению данного преступления.

В этой связи интересной представляется позиция Р. В. Локка, который для предупреждения заказных убийств, совершаемых организованными преступными группами, предлагает нейтрализовать мотивационный фактор для лиц, причастных к заказным убийствам. В частности, речь идет о конфискации любой прибыли и собственности у таких лиц, взыскании с них компенсации причиненного преступлением ущерба [1, с. 167]. Идея Р. В. Локка базируется на принципе лишения какой-либо выгоды от заказного убийства любого соучастника в этом преступлении, и угрозе конфискации (реквизиции) любого имущества, находящегося у преступника и его близких.

Данное обстоятельство, безусловно, может заставить воздержаться кого-либо из соучастников убийства по найму от совершения преступления. Особенно эта мера может быть действенной, если убийство выбирается как вариант разрешения экономического конфликта. Однако вряд ли она способна повлиять на заказчика убийства по найму, движимого мотивами мести или ненависти, а также на самого наемного убийцу, который может не иметь никакого имущества и средств к существованию. Тем не менее предложение Р. В. Локка заслуживает поддержки и внимания, т. к. данный уголовно-правовой инструмент позволит государству более активно противостоять не только убийствам по найму, но и иным особо тяжким преступлениям, совершаемым организованными группировками. Представляется, что реализовать указанное предложение возможно путем совершенствования норм о конфискации имущества и возмещении ущерба.

Р. В. Локк одним из первых современных исследователей применительно к убийству по найму выделил организационные меры предупреждения заказных убийств, под которыми понимается организация адекватного материального, информационного и кадрового обеспечения правоохранительных органов, осуществляющих противодействие рассматриваемым преступлениям.

Сходные направления профилактики предлагались и А. Д. Кутыным, который выделяет следующие направления специально-криминологического предупреждения убийств по найму: организационно-управленческое и информационное обеспечение деятельности ОВД; оперативно-розыскная профилактика; административное предупреждение [2, с. 9]. В качестве меры предупреждения убийств по найму им предлагается проведение криминологической экспертизы деятельности потенциального потерпевшего [2, с. 18—19]. Аналогичные виды предупредительных мер предложены в исследовании В. А. Красавцева [3, с. 23—25], однако он применил эти направления предупредительной деятельности для убийств по найму, совершаемых на бытовой почве.

Действительно, профилактика этого вида заказных убийств крайне актуальна, поскольку они связаны с такими детерминантами, как домашнее насилие и алкоголизация. Поэтому для предупреждения таких преступлений, прежде всего, необходима борьба с домашним насилием (насилием с семейно-бытовой сфере). К сожалению, как показывает судебно-следственная практика, бытовые убийства по найму часто фигурируют в криминальных сводках. Банальный семейный конфликт перерастает в особо тяжкое преступление, в которое вовлекается третья сторона — наемный убийца, а в ряде случаев — еще и иные посредники (подстрекатели, пособники) [4, с. 51—57; 5, с. 5—10].

Кроме того, алкоголизм и пьянство в бытовых убийствах по найму могут быть напрямую связаны с домашним насилием, которое в большинстве случаев проходит на фоне алкоголизации домашнего тирана и становится причиной его виктимизации. Вместе с тем алкоголизация также влияет на процессы деградации личности, утрату моральных качеств, сдерживающих человека от совершения преступления, способствует его маргинализации. Некоторые заказчики, не имея криминальных связей, ищут потенциальных исполнителей наемного убийства среди таких маргиналов, злоупотребляющих спиртными напитками.

Предупреждение маргинализации также может эффективно воздействовать на профилактику совершения ряда тяжких преступлений. Меры социальной реабилитации и трудоустройство алкоголиков, наркоманов, лиц, освободившихся из мест лишения свободы, должны реализовываться в каждом субъекте Российской Федерации.

Социальная реабилитация алкоголиков и наркоманов возможны только в случае их предварительного лечения, как минимум до детоксикации организма больных алкоголизмом и наркоманией. Социальная реабилитация предполагает активную деятельность по возвращению трудовых навыков (трудотерапию), продолжение образования, восстановление утраченных семейно-родственных связей. Успешность социальной реабилитации зависит от желания самого реабилитируемого. Если он не заинтересован в возвращении к нормальной трезвой жизни, то реабилитация будет бесполезной.

Алкоголизм и наркомания в большинстве случаев являются болезнями тунеядцев, не занятых общественно-полезным трудом либо принципиально не желающих трудиться. Именно в этом заключается основная проблема социальной реабилитации алкоголиков и наркоманов. Безусловно, негативные социально-экономические явления (безработица, экономические кризисы) вызывают психологические состояния безысходности и депрессии, дезориентируют человека в социальной действительности, подталкивают

многих людей к пьянству или наркомании, в том числе и социально активных, желающих работать, но не имеющих такой возможности. Однако это не оправдывает пьянства и иных пороков человека, не дает ему морального права оправдывать свое паразитическое существование и совершение преступлений. При этом социальная функция общества и государства заключается в том, чтобы дать возможность людям выбраться из тяжелой жизненной ситуации, избавиться от пороков и недугов.

В научных исследованиях, посвященных предупреждению убийства по найму, получило развитие и виктимологическое направление. Виктимологическое предупреждение (профилактика) убийства по найму предполагает нейтрализацию или блокировку виктимогенных факторов, детерминирующих виктимизацию потерпевшего.

Вопросы виктимологической профилактики убийства по найму являлись предметом специализированных исследований в диссертациях А. В. Акимова [6] и И. С. Ильина [7].

Между тем сложно согласиться с позицией последнего, согласно которой в заказных убийствах виктимность потерпевшего является массовой, т. к., по мнению автора, стать жертвой убийства по найму может каждый человек [7, с. 3—4]. С равной долей вероятности каждый человек может стать жертвой любого преступления, однако вероятность виктимизации любого человека от заказного убийства представляется минимальной. Как правило, жертвам тяжких насильственных преступлений, в том числе и заказного убийства, характерна виктимогенная деформация личности от уже описанных бытовых убийств, либо ролевая виктимность жертвы в экономических заказных убийствах. Осуществлять виктимологическую профилактику таких преступлений с ориентацией на массовую виктимность совершенно бессмысленно.

Организационно-управленческие меры предупреждения убийств по найму носят фундаментальный характер, на них базируются иные меры предупреждения. Организационные меры включают в себя рациональную организацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с любыми особо тяжкими преступлениями против личности, основанную на эффективном правовом регулировании, системной подготовке квалифицированных кадров, информационно-аналитическом, методическом обеспечении, достаточном финансировании и ином материально-техническом снабжении. Предупреждение убийств по найму должно строиться исключительно на принципе законности. При осуществлении предупредительных мероприятий нельзя использовать незаконные методы, нарушать права и свободы, законные интересы граждан и организаций.

Информационно-аналитическое обеспечение правоохранительных органов не нужно сводить к действительным или мнимым учетам какой-либо информации. Кинематографические версии о «картотеках киллеров» — это всего лишь выдумка лиц, смутно представляющих работу силовых структур. Правоохранительные органы, прежде всего ОВД, действительно аккумулируют большой объем информации в различных учетах, электронных системах. Данная информация постоянно обновляется и анализируется. Качественный анализ поступающих сведений, умение связывать разрозненные блоки информации в единый блок дают возможность проводить причинно-следственные связи, прогнозировать негативное развитие событий, предотвращать вредные последствия.

По мнению авторов настоящей статьи, предупреждение убийства по найму должно выстраиваться исходя из особенностей этого преступления. Убийство по найму не инициируется исполнителем этого преступления (наемным убийцей). Преступный

механизм запускается заказчиком, который может выступать организатором или подстрекателем этого преступления. В основе убийства по найму всегда есть конфликт интересов. Но это не конфликт между наемным убийцей (исполнителем) и потерпевшим, это столкновение интересов заказчика убийства по найму и лицом, которое заказывается наемному убийце в качестве жертвы. Поэтому одно из направлений предупреждения убийств по найму — это нейтрализация факторов, способствующих появлению конфликта между потенциальными его участниками. Хорошая аналитическая работа может позволить выявить назревающие или возникшие криминальные или экономические конфликты между частными лицами и хозяйствующими субъектами, и вовремя предпринять попытки к их разрешению ненасильственным путем.

Второе направление предупреждения убийств — это оперативно-розыскная профилактика. Под оперативно-розыскной профилактикой понимается «основанная на законах и урегулированная ведомственными нормативными актами научно обоснованная деятельность, проводимая оперативными подразделениями, заключающаяся в комплексном применении гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления и устранения причин преступлений и условий, им способствующих, установления лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, и оказания на них предупредительно-профилактического воздействия с целью недопущения с их стороны совершения преступлений, а также обеспечения безопасности граждан, которые подлежат защите от преступных посягательств» [8, с. 385].

Следует отметить, что, в отличие от теоретических разработок оперативно-розыскная профилактика пока не получила широкого признания в практической деятельности, т. к. деятельность оперативных подразделений по-прежнему оценивают по количеству выявленных и раскрытых преступлений и установленных или разысканных лиц, совершивших преступления. К оперативно-розыскной профилактике зачастую относятся формально, в некоторых случаях за оперативно-розыскную профилактику выдается работа по раскрытию преступлений [9, с. 85—88]. Сложность заключается в оценке установления причинно-следственной связи между проведенными оперативно-розыскными и профилактическими мероприятиями и несовершением убийства по найму. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что на практике вопросы предупреждения преступлений все еще остаются второстепенными, не в полной мере урегулированными нормативно-правовыми актами [10, с. 32].

Оперативно-розыскную профилактику обычно связывают с пресечением или предотвращением преступлений [11, с. 300—302], что, с точки зрения криминологической теории, не совсем одно и то же. Пресечение преступления отличается от предотвращения преступления тем, что в первом случае прекращают уже начавшуюся преступную деятельность на стадии приготовления к преступлению или покушения на него, а во втором — выявленное лицо принуждают к отказу от намерения совершить преступление. Лицо, преступная деятельность которого пресечена на стадии неоконченного преступления, подлежит уголовной ответственности при наличии к тому оснований. При этом факт пресечения убийства по найму документируется, а затем закрепляется в материалах уголовного дела.

В любом случае эффективность оперативно-розыскного пресечения убийства по найму не вызывает сомнения, т. к. в подобных случаях потенциальная жертва остается живой, а виновное лицо привлекается к ответственности. В основном, таким образом, пресекаются бытовые убийства по найму. Однако пресечение даже бытовых убийств по найму требует высокой квалификации оперативного состава ОВД и сильных опера-

тивных позиций на определенной территории, в криминальной или маргинальной среде, что подтверждает вышеупомянутый тезис: оперативно-розыскная профилактика базируется на организационно-управленческих мерах предупреждения.

Сложнее осуществлять предупреждение профессиональных убийств по найму. В данном случае одним из эффективных направлений является борьба с организованной преступностью. Убийство по найму как способ расправы с конкурентами по криминальному бизнесу, устранением неудобных лиц стало атрибутом организованной преступности. Соответственно, противодействие организованной преступности, ограничение вмешательства преступных сообществ в экономическую сферу способствуют уменьшению количества убийств по найму.

Как показывает практика, пресечение убийства по найму осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, это выявление заказчика, осуществляющего поиск наемного убийцы, и документирование сговора заказчика с подставным лицом (обычно оперативным сотрудником), выступающим в роли мнимого посредника или наемного убийцы, на совершение убийства по найму, при этом оговаривается жертва убийства и оплата. Сам факт оплаты желательно также зафиксировать, хотя для квалификации убийства по найму достаточно и простого обещания «оплатить» преступление в будущем.

Во-вторых, это выявление потенциального наемного убийцы, которого заказчик склоняет к преступлению. Во многих случаях, склоняемое лицо само сообщает правоохранительным органам, а иногда и потенциальной жертве о факте его найма на убийство. В этом случае осуществляется инсценировка убийства по найму, создается необходимый информационный фон, а затем осуществляется документирование встречи заказчика и «наемного убийцы» или факта оплаты. Заказчик убийства по найму привлекается к уголовной ответственности за организацию приготовления к убийству по найму или подстрекательство к приготовлению к убийству по найму.

Оперативно-розыскная профилактика убийств по найму должна осуществляться конфиденциально, негласными способами, путем убеждения морально неустойчивых граждан, прежде всего ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности, в бесперспективности преступного пути.

Административное предупреждение убийств по найму предполагает индивидуальную профилактику в отношении конкретного лица или группы лиц. Данное предупреждение осуществляется в рамках административной деятельности подразделений ОВД, уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России в отношении ранее судимых граждан, лиц, состоящих на профилактических учетах, несовершеннолетних и т. д.

Основная нагрузка в этом случае ложится на участковых уполномоченных полиции¹, по закону обязанных обеспечивать правопорядок на обслуживаемом участке и вести индивидуальную профилактическую работу с гражданами. Участковый уполномоченный может осуществлять мониторинг конфликтах ситуаций, владеть информацией об одиноких владельцах недвижимости, о спорах наследования, о скандалах, ссорах, неприязненных отношениях.

¹ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции»): приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.04.2021).

Участковый уполномоченный полиции как никто другой должен владеть оперативной обстановкой на своем административном участке, знать контингент людей, способных на антиобщественное или преступное поведение. Важным инструментом участкового уполномоченного является административный надзор¹. Административный надзор устанавливается в отношении самых криминогенных граждан, имеющих криминальный опыт, способных пойти на новое преступление. Административный надзор одновременно выступает средством контроля за поведением лица, сдерживающим фактором от противоправного поведения, инструментом исправительного воздействия, основанием индивидуальной профилактической работы. Большой объем возлагаемой на участковых уполномоченных работы (а это порок организационно-управленческих мер предупреждения преступности) порождает проблему их излишней загруженности, что, в свою очередь, приводит к формальному исполнению обязанностей и фактически отсутствию реальной профилактической работы.

Виктимологическую профилактику убийств по найму можно считать самостоятельным направлением предупреждения убийств по найму, но при этом важно понимать, что работа с потенциальным потерпевшим осуществляется организационно-управленческими мерами, при оперативно-розыскной профилактике, а также при административном предупреждении.

О том, что подходы к пониманию виктимологической профилактики расширяются, свидетельствует появление новых теорий. Так, С. С. Галахов, в частности, предлагает рассматривать оперативно-розыскную виктимологию как составную часть оперативно-розыскной профилактики, отмечая, что «оперативные сотрудники имеют неограниченные возможности в привлечении к реализации оперативно-розыскной виктимологии конфиденентов» [12, с. 108]. Применительно к предупреждению заказных убийств стоит согласиться с тем, что негласные методы осуществления оперативно-розыскной деятельности дают большие возможности для профилактики виктимизации потенциальных жертв наемного убийства.

Таким образом, стоит констатировать, что в настоящее время базовыми мерами предупреждения наемных убийств можно считать организационно-управленческие, т. к. они регламентируют и обеспечивают осуществление других мер предупреждения. Если организационно-управленческие меры предупреждения преступлений потеряют свою эффективность, это прямо скажется на иных мерах предупреждения. Например, увольнение высококвалифицированных оперативных сотрудников, сбой в системе кадровой подготовки, утрата преемственности в профессиональной деятельности, низкая оплата труда и материально-техническое обеспечение быстро отразятся на качестве профилактических мероприятий и осуществлении конкретных предупредительных мер. Предупреждение преступлений должно стать действительно главным направлением деятельности правоохранительных органов. Главным критерием эффективной системы предупреждения является действительное (а не искусственное) снижение уровня преступности, в том числе латентной ее части.

Очевидной проблемой оперативно-розыскной профилактики убийств по найму и других особо тяжких и тяжких преступлений остается отсутствие системы оценки эффективности такой работы. При этом в теории оперативно-розыскной деятельности за последние двадцать лет количество научных публикаций, посвященных вопросам

¹ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

оперативно-розыскной профилактики, возросло многократно, что дает надежду на то, что теоретические разработки будут практически реализованы. Потенциал негласных методов осуществления оперативно-розыскной деятельности позволяет эффективно и быстро реализовывать профилактические мероприятия по предупреждению убийств по найму. Если оперативно-розыскная профилактика получит официальное одобрение и будет учитываться как показатель качественной работы оперативных подразделений, то и действительные результаты предупреждения этих и других преступлений не заставят себя ждать.

Административное предупреждение убийств по найму связывается деятельностью подразделений правоохранительных органов по поддержанию общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, исполнению решений суда. Данная деятельность связана с работой непосредственно с гражданами. Особое место в административном предупреждении принадлежит участковым уполномоченным полиции. Объем выполняемых ими функций позволяет владеть полной информацией об оперативной обстановке на своем административном участке, потенциальных жертвах, лицах, склонных к совершению насильственных преступлений. При этом излишняя загруженность участковых уполномоченных полиции снижает профилактический потенциал деятельности участковых уполномоченных полиции. Нерациональная организация службы участковых уполномоченных полиции, возложение на них дополнительных обязанностей, неукомплектованность личного состава порождаются неэффективной организационно-управленческой деятельностью.

Виктимологическая профилактика убийств по найму направлена на выявление причин и условий виктимизации потенциальных потерпевших. В убийствах по найму основными виктимогенными факторами является виктимогенная деформация личности потенциального потерпевшего, реализованная в его способствующем виктимизации поведении, особенно при совершении бытовых убийств; и ролевая виктимность лиц, занимающихся экономической, криминальной или профессиональной деятельностью.

Виктимологическая профилактика убийств по найму является необходимым дополнением ко всем остальным видам предупреждения этих преступлений. Ее охранительные или информативные меры могут уберечь жертву от смерти, а реализация иных специальных мер — нейтрализовать факторы, детерминирующие действия преступника. Только комплексный и системный подход к предупредительной деятельности, особенно при совершении тяжких насильственных преступлений, способен привести к положительному результату и позволит осуществлять профилактику убийств по найму более эффективно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Локк Р. В. Заказные убийства (криминологический анализ): учеб. пособ. — М.: «Былина», 2003. — 192 с.
2. Кутьин А. Д. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых по найму: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 24 с.
3. Красавцев В. А. Уголовно-правовые и криминологические особенности убийства по найму: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 25 с.
4. Габеев С. В. Убийство по найму как радикальная форма проявления домашнего насилия // Правовые, нравственные и медицинские проблемы насилия в семье: сб. мат-в Российско-американского семинара по домашнему насилию / Науч. ред. Ю. В. Солодун. — Иркутск, 2002. — С. 51—57.

5. Репецкая А. Л. Уголовно-правовая характеристика домашнего насилия и проблемы его профилактики органами внутренних дел на современном этапе / А. Л. Репецкая, С. В. Габеев, Р. А. Изаксон. — Иркутск, 2019. — 72 с.
6. Акимов А. В. Виктимологическое предупреждение убийств по найму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 23 с.
7. Ильин И. С. Виктимологические аспекты убийства по найму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 28 с.
8. Борин Б. В. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений Б. В. Борин, Я. Г. Ищук // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2017. — № 3. — С. 381—386.
9. Галахов С. С. Проблемы и перспективы оперативно-розыскной профилактики С. С. Галахов, Х. М. Ибрагимов // Научный портал МВД России. — 2010. — № 2. — С. 82—88.
10. Репецкая А. Л. Преступность в России и проблемы ее предупреждения // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2. — № 3. — С. 28—33.
11. Кузнецов Е. В. Пресечение убийств по найму как одна из форм профилактики данных преступлений / Е. В. Кузнецов, Д. В. Купин, В. А. Самсонов // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 3. — С. 300—302.
12. Галахов С. С. Оперативно-розыскная виктимология: понятие и содержание // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. — Орёл, 2015. — С. 102—110.

REFERENCES

1. Lokk R.V. Zakaznye ubiystva (kriminologicheskiiy analiz); Uchebnoe posobie [Contract Murders (Criminological Analysis): A Study Guide]— Moscow: "Bylina", 2003, 192 p. (in Russian).
2. Kutin A. D. Kriminologicheskaya harakteristika I preduprejdenie ubiystv, sovershaemyh po naymu: [Criminological characterization and prevention of homicide for hire: dis. ... cand. Jurid. sciences]. Moscow, 2004, 24 p. (in Russian).
3. Krasavtzev V. A. Ugolovno-pravovyye I kriminologicheskiiy osobennosti ubiystva po naymu: [Criminal and criminological peculiarities of homicide for hire: dis. ... cand. Jurid. sciences]. Moscow, 2006, 25 p. (in Russian).
4. Gabeev S. V. Ubiystvo po naymu kak radikalnaya forma proyavleniya domashnego nasilia [Homicide for hire as a radical form of domestic violence]. Pravovyye, npravstvennyye I meditsinskiiy problemi nasilia v semie [Legal, Moral and Medical Issues of Domestic Violence: Collection of Materials of the Russian-American Seminar on Domestic Violence]. Scientific editor Solodun Yu.V. Irkutsk, 2002, pp. 51 –57. (in Russian).
5. Repetzkaya A. L., Gabeev S. V., Izakson R. A. Ugolovno-pravovaya harakteristika domashnego nasilia I problemi ego profilaktiki organami vnutrenih del na sovremennom etape [Criminal and legal characteristics of domestic violence and the problems of its prevention by the internal affairs bodies at the present stage]. Irkutsk, 2019, 72 p.
6. Akimov A. V. Viktimologicheskoe preduprejdenie ubiystv po naymu [Victimology prevention of homicide for hire: dis. ... cand. Jurid. sciences]. Moscow, 2008, 23 p. (in Russian).
7. Ilin I. S. Viktimologicheskiiy aspektiy ubiystva po naymu [Victimological Aspects of Homicide for Hire: dis. ... cand. Jurid. sciences]. Moscow, 2008, 28 p. (in Russian).
8. Borin B. V., Ishuk Ya. G. Ponytie operativno-rozysknoy profilaktiki prestupleniy [The concept of operational-search crime prevention]. Problemi v rossiyskom zakonodatelstve. Uridicheskiiy jurnal — Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2017, no 3, pp. 381 — 386.

9. Galahov S. S., Ibragimov H. M. Problemi I perspektivi operativno-rozysknoy profilaktiki [Problems and prospects of operational-search prevention]. Nauchny portal MVD Rossii — Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010, no 2, pp. 82 — 88.

10. Repetzkaya A. L. Prestupnost v Rossii I problem ee preduprezhdenia [Crime in Russia and the Problems of Its Prevention]. Prolog: jurnal o prave — Prologue: Journal of Law. 2014, vol. 2, no. 3, pp. 28 –33.

11. Kuznetsov E. V., Kupin D. V., Samsonov V. A. Presechenie ubiystv po naymu kak odna iz form profilaktiki dannyh prestupleniy [Suppression of homicide for hire as a form of prevention of these crimes]. Evraziyskiy uridicheskiy jurnal — Eurasian Law Journal. 2019, no 3, pp. 300 — 302.

12. Galahov S. S. Operativno-rozysknaya viktimologiya: ponytie I sodержanie [Operative-search victimology: concept and content]. Ugolovno-protzessualnye I kriminalisticheskie problem borbi s prestupnostu [Collection of works: Criminal procedure and forensic problems of combating crime. All-Russian scientific and practical conference. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova]. Editorial board: A.V. Bulyzhkin and others. Orel, 2015, pp. 102 –110.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Репецкая Анна Леонидовна, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований. Байкальский Государственный Университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. Профессор кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-4796-3969;

Researcher ID Q-5459-2016; repetsk@mail.ru

Габеев Сергей Валерьевич, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-5637-9297

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Institute of Law Researches. Baikal State University, 664003, Russia, Irkutsk, st. Lenin, 11. Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Russia, Irkutsk, st. Lermontov, 110.

ORCID: 0000-0002-4796-3969;

Researcher ID Q-5459-2016; repetsk@mail.ru

Sergey V. Gabeev, senior lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Russia, Irkutsk, st. Lermontov, 110.

ORCID: 0000-0002-5637-9297

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 103—113.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 103—113.

**12.00.08. Уголовное право и криминология;
 уголовно-исполнительное право**

Научная статья

УДК 343.97

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-103-113

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
 ГРУЗОПЕРЕВОЗОК НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ
 (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

**Евгения Викторовна Рогова^{1,2}, Ольга Викторовна Ивушкина²,
 Светлана Валерьевна Пархоменко¹**

¹ Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация

² Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация

Введение: в представленной статье проведен анализ состояния и динамики краж грузов, совершаемых на объектах грузового железнодорожного транспорта Восточно-Сибирской железной дороги. Рассмотрены некоторые особенности совершения краж грузов из подвижного состава, позволяющие правильно определить направления деятельности органов внутренних дел на транспорте при совершенствовании системы безопасности грузоперевозок.

Материалы и методы: нормативную базу исследования образует уголовное законодательство Российской Федерации. Методологической основой исследования является диалектический подход, а также системный метод познания криминологических закономерностей. В контексте диалектического метода и во взаимосвязи с ним в ходе исследования использовались также и другие общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, логический, формально-юридический и др.).

Результаты исследования позволили выявить актуальные уголовно-криминологические проблемы профилактики преступлений на объектах грузового железнодорожного транспорта Восточно-Сибирской железной дороги в современных социальных условиях.

Выводы и заключения: определены причины и условия, способствующие совершению хищений грузов из подвижного состава, рассмотрены некоторые проблемы предупреждения преступлений в указанной сфере, сформулированы основные меры профилактики, внесены предложения по усовершенствованию мер, направленных на предотвращение краж грузов на объектах железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: безопасность, преступления на железнодорожном транспорте, хищение грузов, кража, преступление, структура, динамика, профилактика преступлений, предупреждение.

Для цитирования: Рогова Е. В. Совершенствование системы обеспечения безопасности грузоперевозок на железнодорожном транспорте (криминологический аспект) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99) — С. 103-113.
DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-103-113

12.00.08. Criminal Law and Criminology; criminal executive law

Original article

IMPROVING THE SYSTEM OF ENSURING THE SAFETY OF CARGO TRANSPORTATION BY RAIL (CRIMINOLOGICAL ASPECT)

Evgenya V. Rogova^{1,2}, Olga V. Ivushkina², Svetlana V. Parkhomenko¹

¹ Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor of the Russian Federation

² East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: in the present article analyzes the state and dynamics of thefts of goods committed at the objects of freight railway transport of the East Siberian Railway. Some features of the commission of thefts of goods from rolling stock are considered, which allow to correctly determine the areas of activity of the internal affairs bodies in transport in the prevention of these crimes.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by the criminal legislation of the Russian Federation. The methodological basis of the research is the dialectical approach, as well as the systematic method of cognition of criminological patterns, In the context of the dialectical method and in connection with it, other general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, logical, formal-legal, etc.) were also used in the course of the study.

The results of the study: allowed us to identify the actual criminal and criminological problems of crime prevention at the objects of freight railway transport of the East Siberian Railway in modern social conditions.

Findings and Conclusions: the reasons and conditions that contribute to the theft of goods from rolling stock are determined, some problems of preventing crimes in this area are considered, the main preventive measures are formulated, proposals are made to improve measures aimed at preventing the theft of goods at railway transport facilities.

Keywords: safety, crimes in railway transport, theft of goods, theft, crime, structure, dynamics, crime prevention, prevention.

For citation: Rogova E. V., Ivushkina O. V., Parkhomenko S. V. Improving the system of ensuring the safety of cargo transportation by rail (criminological aspect) // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. —2021. no. 4 (99). — pp. 103—113. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-103-113

Одной из актуальных задач современного государства является обеспечение экономического роста и экономической безопасности, включая защиту прав собственности, культурного развития общества, а также обеспечение и укрепление безопасности страны.

Это направление актуализирует Концепция транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 г., которая определяет активную позицию государства по созданию условий для социально-экономического развития, прежде всего в целях повышения качества транспортных услуг, снижения совокупных издержек общества, зависящих от транспорта, повышения конкурентоспособности отечественной транспортной системы, усиления инновационной, социальной и экологической направленности развития транспортной отрасли¹.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что хищение грузов, перевозимых железнодорожным транспортом, является одним из наиболее распространенных среди всех преступлений на объектах транспортной инфраструктуры.

Криминальная ситуация современного российского общества является неотъемлемой частью социальной обстановки, оказывающей негативное влияние на все сферы общественного развития [1, с. 2]. В данном контексте исследование преступности, в целом по стране и в регионах в частности, позволит выявить действительную криминальную ситуацию и предпринять адекватные пути решения по предупреждению всплесков преступности.

Обеспечение порядка и общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры занимают одно из ведущих мест в правоохранительной политике [2, с. 78], что соответствует задачам, указанным в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г.² с учетом динамики развития транспортного комплекса Восточной Сибири, социально-экономических и криминологических процессов.

Анализ состояния преступности на объектах обслуживания Восточно-Сибирского ЛУ МВД России на транспорте за период с 2015 по 2020 г. имеет некоторую тенденцию роста зарегистрированных преступлений по представленным сведениям, как в целом, так и по отдельным категориям преступлений (исследованию представлено 59 статей Уголовного кодекса Российской Федерации).

Таблица 1

Динамика преступности по Восточно-Сибирскому ЛУ МВД России на транспорте (2015—2020 гг.)

Показатель	Год					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Общее количество преступлений	1532	1509	1664	1608	1762	1771
Темп прироста (цепной), в %	-	-1,5	10,3	-3,4	9,6	0,5
Темп прироста (базисный), в %	-	-1,5	8,7	4,9	15,1	15,6

Так, количество зарегистрированных преступлений по исследуемым статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) в 2015 г. составило 1 тыс.

¹ О Транспортной стратегии Российской Федерации: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 22 нояб. 2008 г. № 1734-р [Электронный ресурс]. — URL: <http://doc.rzd.ru> (дата обращения: 21.08.2021).

² Перечень ежегодных посланий и бюджетных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Интернет-портал-электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/> (дата обращения 23.08.2021).

532 преступлений, в 2016 — 1 тыс. 509, сокращение составило лишь 1,5 %. В 2017 г. прирост по отношению к 2016 г. составил 10,3 %. Затем снова наблюдалась положительная тенденция снижения зарегистрированной по Восточно-Сибирскому линейному управлению преступности на 3,4 %. В 2020 г. зарегистрировано 1 тыс. 771 преступление, что в целом говорит о приросте преступности по отношению к базисному 2015 г. Иначе говоря, за последние полные шесть лет (с 2015 по 2020 г.) количество ежегодно регистрируемых преступлений увеличилось с -1,5 % на 15,6 %.

В структуре корыстной преступности кражи чужого имущества являются самым распространенным их видом (ст. 158 УК РФ). Так, за период с 2015 по 2020 г. в среднем преступления против собственности составили 26 % от общего количества зарегистрированных преступлений.

Проведенным исследованием установлено, что кражи грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта по распространенности занимают второе место и составляют в среднем 37—45 % (табл. 2—3).

Таблица 2

Динамика краж грузов, совершенных на железнодорожном транспорте Российской Федерации (2015—2020 гг.)

Показатель	Год					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Общее количество краж, зарегистрированных на железнодорожном транспорте по России	14 379	12 126	12 695	12649	12143	12180
Общее количество краж грузов, зарегистрированных на железнодорожном транспорте по России	3331	2452	2561	1893	1549	1333
Удельный вес краж грузов от общего количества краж, зарегистрированных на железнодорожном транспорте по России, %	23,1	20,1	20,1	14,9	12,7	10,9

Таблица 3

Динамика краж грузов, совершенных по Восточно-Сибирскому ЛУ МВД России на транспорте (2015—2020 гг.)

Показатель	Год					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Общее количество краж, зарегистрированных на ВСЖД	444	396	425	410	442	369
Общее количество краж грузов, зарегистрированных на ВСЖД	146	46	70	89	54	39
Удельный вес краж грузов от общего количества краж, зарегистрированных на ВСЖД, %	32,8	11,6	16,5	21,7	12,2	10,5
Темп прироста (цепной), в %	-	-68,4	52,2	21,3	-39,3	-27,7
Темп прироста (базисный), в %	-	-58,2	-36,4	43,1	67,1	-73,2

Так, за исследуемый период с 2015 по 2020 г. количество грузовых краж снизилось более чем на 25 % по отношению к базисному 2015 г. Однако в период с 2017 по 2019 г. наблюдалось значительное увеличение данного вида преступления. (+67,1 % в 2019 г. по отношению к 2018 г.). При этом, стоит отметить, что, несмотря на снижение общего количества краж грузов, их удельный вес по-прежнему остается на достаточно высоком уровне от общего количества краж, зарегистрированных по линии Восточно-Сибирской железной дороги. Такое положение дел вызвано в том числе сокращением численности штатов сотрудников роты военизированной охраны, сопровождающих грузовые поезда, и некомплектом личного состава сотрудников ОВДт, и, соответственно, снижением предупредительно-профилактической деятельности в данном направлении сотрудников ОВДт. Так, по состоянию на 31 декабря 2019 г. некомплект сотрудников правоохранительных органов составил 86 единиц или 6 %, в том числе старшего и среднего начальствующего состава — 56 единицы (7,6 %), рядового и младшего начальствующего состава — 30 (3,2 %), в ведущих службах: ОУР — 17 (14,5 %), ОБ-ППГ — 9 (18 %).

Кроме того, высокие показатели преступлений на объектах железнодорожного транспорта обусловлены рядом причин, основными из которых являются нарастание психологической напряженности, связанной с ухудшением материального положения значительной части населения, резким имущественным расслоением, способствующим росту корыстной преступности, в том числе и в сфере грузоперевозок. Отражением экономического кризиса является закрытие предприятий малого и среднего бизнеса, увеличением числа безработных граждан, снижением заработной платы, следствием чего становится уменьшение доходов большей части населения. Такое положение с неизбежностью порождает озлобленность и отчаяние людей, также возникает духовный кризис в обществе, вызванный переоценкой ценностей. Все это сопровождается усилением социальной поляризации, маргинализацией, алкоголизацией, наркотизацией, пропагандой культа материальных ценностей, а не духовных, что не может не вызывать рост преступности [3, с. 41].

Таким образом, в той или иной мере в официальных статистических данных отражается современная действительность. Это имеет прямое отношение к профилактике преступности на объектах железнодорожного транспорта [4, с. 121]. Для того чтобы осуществляемая профилактика была эффективной и достигала своих результатов, ее необходимо строить на основании подтвержденных, проверенных данных, в первую очередь — данных официальной статистики.

К сожалению, в настоящее время объекты железнодорожной инфраструктуры по-прежнему остаются одной из наиболее притягательных сфер криминального воздействия. Исключением не стала и железная дорога Восточно-Сибирского региона. Современные социально-экономические условия позволяют охарактеризовать железнодорожную инфраструктуру страны признаком открытости и значительной протяженности, что способствует проявлению повышенного интереса преступных групп и сообществ, а также отдельных лиц к железным дорогам как предмету уголовно наказуемых деяний.

К числу преступлений в сфере грузовых перевозок также относятся хищения узлов, деталей оборудования, входящего в комплектацию грузового и тягового железнодорожного подвижного состава; горюче-смазочных материалов с подвижных и транспортных средств, используемых для транспортировки и перевозки на железнодорожном транспорте; средств централизации, блокировки и связи с объектов транспорта, черных и цветных металлов, в том числе деталей верхнего строения пути.

Необходимо отметить, что хищения перечисленных материально-технических ценностей ведут к нарушениям в функционировании железнодорожного транспорта, препятствуют бесперебойному перемещению грузов, наносят урон состоянию транспортной безопасности страны в целом, в связи с чем реализуемые ОВДТ меры по пресечению таких хищений, в числе прочего, лежат в плоскости реализации задач, определенных Федеральным законом от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»¹.

Важнейшим условием сокращения числа хищений перевозимого имущества, повышения эффективности по предупреждению краж является выявление всех совершаемых преступлений, их своевременное раскрытие, изобличение и наказание виновных. Проблема выявления латентных (незарегистрированных) краж грузов из подвижного состава в настоящее время еще не разрешена.

Специалисты отмечают, что ежегодно по железным дорогам нашей страны перевозятся грузы на миллиарды рублей, что привлекает внимание преступников к объектам данного вида транспорта, и неслучайно на протяжении многих лет кражи грузов остаются распространенными преступлениями на железнодорожном транспорте [5, с. 21]. Вместе с тем следует понимать, что эффективность предупреждения корыстных преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта, в первую очередь краж, зависит от эффективности реализации превентивных мер, направленных на борьбу с преступностью в целом и корыстной преступностью в частности. Иными словами, предупреждение необходимо осуществлять в контексте предупреждения преступлений корыстной направленности с учетом специфики Восточно-Сибирской железной дороги [6, с. 222].

Обозначим основные меры, необходимые для предупреждения преступлений и хищений грузов из подвижного состава.

¹ О транспортной безопасности: федер. закон № 16-ФЗ от 09.02.2007. Доступ из чарвы.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Во-первых, для охраны грузов на железнодорожном транспорте существуют специальные структурные подразделения [7, с. 28]. Однако в действительности одной из основных причин краж является отсутствие стрелков СПВО при перевозке номенклатурных грузов. Порядок принятия под охрану и сопровождение вагонов строго регламентированы, все ценные грузы должны охраняться СПВО либо сопровождаться проводниками.

Однако зачастую, как свидетельствует практика, стрелков военизированной охраны используют не по прямому назначению [8, с. 57]. Поэтому повышение ответственности тех служб, которые непосредственно обязаны охранять перевозимые железнодорожным транспортом грузы, является одной из основных задач органов транспортной прокуратуры в целях борьбы с хищениями грузов.

Среди мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих кражам грузов из подвижного состава, немалое значение имеет улучшение освещения парков и путей товарных станций в ночное время, организация их ограждения, обеспечение надлежащей пропускной системы на грузовых дворах и контейнерных площадках.

Особое внимание в современный период, век технологий и массовой цифровизации следует уделять совершенствованию системы видеонаблюдения за грузовым составом на железнодорожном транспорте для контроля за деятельностью работников транспорта при коммерческом и техническом осмотрах, совершенствование запирающих устройств люков вагонов, пломб. Данная мера относится к категории необходимых и первостепенных, которую особенно важно реализовывать во время стоянок на перегонах или станциях [9, с. 361].

Во-вторых, посягательства на грузы, к сожалению, не всегда осуждаются определенной частью коллектива железнодорожного транспорта. Если товарно-материальные ценности недостаточно качественно охраняются, подвергаются порче — они не воспринимаются как ценные. Поэтому важную роль в воспитании бережного отношения к перевозимым грузам должна играть правовая пропаганда. Однако воспитательная работа в трудовых коллективах железнодорожного транспорта не отвечает требованиям настоящего времени. Как правило, лекции читаются без учета образовательного уровня аудитории, специфики их профессиональных функций, большей частью неквалифицированно, без учета сложившейся на объекте транспорта или на участке дороги обстановки.

Основное усилие правовой пропаганды должно быть направлено на воспитание высокой политической сознательности, информировании трудового коллектива о размерах ущерба от хищений, которые совершаются на том или ином участке дороги, о том, какие потери несет транспортная компания при нарушении правил перевозки грузов.

Необходимо введение коллективной материальной ответственности за не сохранность перевозимого имущества, что незамедлительно отразилось бы на характере отношения работников транспорта к перевозимому грузу, помогло бы избежать многих случаев хищений. Важно повысить и личную ответственность должностных лиц за деятельностью по обеспечению сохранности перевозимых грузов, устранению условий, способствующих кражам.

Несомненно, результативность предупредительной деятельности по хищениям грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта во многом зависит от эффективности деятельности субъектов профилактики, важнейшее место среди которых отводится правоохранительным органам. Органы внутренних дел на железнодорожном

транспорте непосредственно занимаются предупреждением рассматриваемых нами уголовно наказуемых деяний, именно поэтому совершенствование деятельности названного органа является важным направлением предупреждения хищений грузов на железнодорожном транспорте.

Учитывая, что предупреждение преступности в целом и отдельных ее групп включает в себя меры общей и индивидуальной профилактики, необходимо рассмотреть два взаимосвязанных, но имеющих существенные различия направления деятельности ОВД на транспорте по обеспечению безопасности грузоперевозок на объектах железнодорожного транспорта. Первое имеет объектом разнообразные криминогенные факторы, способствующие проявлению преступных замыслов и их реализации [10, с. 377]. Второе заключается в предупреждении противоправных действий со стороны конкретных лиц.

Как правило, работа по изучению причин и условий, состояния и динамики краж грузов, контингента лиц, участвующих в их совершении, ведется в большинстве ОВДт довольно поверхностно. В основном она сводится к выяснению причин и условий конкретных преступлений и вынесению представлений для их устранения, определению процента раскрываемости грузовых краж в структурных подразделениях и их роста за отчетные промежутки времени. Криминологический анализ ведется лишь на уровне УВДт. Такое положение можно объяснить тем, что усилия правоохранительных органов ограничиваются лишь установлением факта и места хищения груза — на «своем» участке, отделении дороги или на «чужом». Для этого выставляются оперативные группы на стыковых с соседними дорогами станциях, на участках, граничащих с другими УВДт. Полезность таких «заслонов» очевидна, они практически исключают случаи, когда вагон с признаками хищения перемещается на сотни и тысячи километров, прежде чем обнаруживается факт посягательства.

По мнению авторов настоящей статьи, деятельность такого рода необходимо осуществлять по четырем основным направлениям — патрулирование в парках крупных товарных станций, на контейнерных площадках и грузовых дворах; на перегонах со сложной оперативной обстановкой; сопровождение грузовых поездов; гласная и негласная проверки правильности погрузки и выгрузки вагонов, качества коммерческого осмотра прибывших поездов.

Важная роль в работе по предотвращению краж несомненно отводится мерам индивидуальной профилактики: надзорно-профилактическая и оперативно-розыскная работа с лицами, склонными к совершению краж, прежде всего с ранее судимыми, а также выявление и разобшение групп несовершеннолетних с антисоциальной направленностью. Необходимо оказывать влияние на подростков, которые в силу нездоровой семейной обстановки, наличия взрослых подстрекателей могут совершать хищения грузов с объектов железнодорожного транспорта.

Определенная сложность в индивидуально-профилактической работе обусловлена тем, что жилой сектор на территории обслуживания ОВДт очень мал. Поэтому эффективность деятельности по предупреждению хищений со стороны конкретных лиц зависит от организации взаимодействия с территориальными органами внутренних дел. Как показало исследование, значительная часть преступников, совершивших кражи грузов из подвижного состава, находились в поле зрения правоохранительных органов [11, с. 79].

Однако сфера деятельности органов внутренних дел на транспорте должна распространяться и на работников железной дороги, которые в прошлом совершали преступления, поддерживают связи с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни,

злоупотребляют алкоголем, не соблюдают установленные правила при производстве работ с подвижным составом и грузом.

Наряду с профилактической работой своевременное раскрытие и качественное расследование составляют основу деятельности ОВДт по обеспечению безопасности грузоперевозок железнодорожным транспортом, в том числе хищения грузов. Ее успех во многом обусловлен взаимодействием с территориальными органами внутренних дел и общественными формированиями [12, с. 189].

Подводя итог, обращаем внимание на то, что в обеспечении сохранности перевозимых грузов не стоит опираться только на силы и средства ОВДт, контрольно-ревизионную деятельность, использование различных форм юридической ответственности. Важно постоянно искать новые формы профилактической работы. Необходимо опираться на трудовые коллективы железнодорожников и клиентских организаций. У всех сотрудников транспорта, грузоотправителей и грузополучателей должна быть активная позиция в обеспечении сохранности грузов, необходимо экономически заинтересовать их в этом.

Проблема обеспечения безопасности грузоперевозок на железнодорожном транспорте не может быть сведена только к деятельности правоохранительных органов, к проблеме наказания, к уголовной и иной ответственности. Она гораздо сложнее и нуждается в дальнейшем изучении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ивушкина О. В. Кражи грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта: моногр. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуж., юриста Рос. Федерации А. Л. Репецкой. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 144 с.
2. Конев А. Н. Приветственное слово // История, современный этап и перспективы совершенствования деятельности органов внутренних дел на транспорте: сб. мат-в междунар. науч.-практ. конф. — М.: Академия управления МВД России, 2018. — 240 с.
3. Упоров И. В. Мировой экономический кризис и статистика преступности в России / И. В. Упоров // Общество и право. — 2009. — № 5. — С. 41—44.
4. Грибунов О. П. Уголовно-правовые аспекты квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при осуществлении железнодорожных грузоперевозок / О. П. Грибунов, А. С. Князьков, Е. С. Качурова // Юристы-Правовед. — 2019. — № 2. — С. 121—124.
5. Варьгин А. Н. Особенности преступности на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2017. — № 3. — С. 63.
6. Коротаев А. Н. К вопросу о предупреждении краж грузов с подвижного состава железнодорожного транспорта / А. Н. Коротаев, Е. Ф. Новиков // Актуальные проблемы государственно-правового развития России: мат-лы VI всерос. науч.-практ. конф. — Чита: Забайкальский государственный университет, 2020. — С. 282.
7. Рогова Е. В. Проблемы уголовной ответственности за совершение преступлений экономической направленности на объектах железнодорожного транспорта (региональный аспект) // Российский следователь. — 2012. — № 1. — С. 27—29.
8. Тимко С. А. Предупредительно-профилактическая деятельность органов предварительного расследования в отношении жертв преступлений / С. А. Тимко, А. А. Урусов // Вестник Омской юридической академии. — 2017. — Т. 14. — № 2. — С. 50—54.
9. Винокуров В. О. Уголовно-криминологические особенности современной преступности на железнодорожном транспорте // Социально-экономические явления и процессы. — 2012. — № 12. — С. 359—361.

10. Крицкая Ю. В. Криминологическая характеристика личности преступников, участвующих в групповых хищениях на железнодорожном транспорте // Теория и практика общественного развития. — 2010. — № 2. — С. 374—378.
11. Некрасов В. А. Проблема специально-криминологического предупреждения хищений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 35. — С. 79—81.
12. Степаненко Ю. В. Органы внутренних дел на транспорте: вопросы теории и практики: моногр. — М.: ВНИИ МВД России, 2004. — 212 с.

REFERENCES

1. Ivushkina O.V. Theft of goods from railway rolling stock: monograph / ed. doct. jurid. Sciences, prof., honored., lawyer of the Russian Federation A.L. Repetskaya. — М.: Yurlitinform, 2020, 144 p.
2. Konev A.N. Welcome speech // History, current stage and prospects for improving the activities of internal affairs bodies in transport: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, 240 p.
3. Uporov I.V. The world economic crisis and crime statistics in Russia / I.V. Uporov // Society and Law. 2009, no. 5, pp. 41-44.
4. Gribunov O.P., Knyazkov A.S., Kachurova E.S. Criminal-legal aspects of the qualification of causing property damage by deception or abuse of trust in the implementation of rail freight // Jurist-Pravoved. 2019, No.2, pp. 121-124.
5. See: Varygin A.N. Features of crime in railway transport // Problems of law enforcement. 2017, no. 3, 63 p.
6. Korotaev A.N., Novikov E.F. On the issue of preventing the theft of goods from railway rolling stock // Actual problems of state and legal development of Russia. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheat. Trans-Baikal State University. 2020, 282 p.
7. Rogova E.V., Problems of criminal responsibility for the commission of economic crimes at railway transport facilities (regional aspect) // Russian investigator. 2012, no.1, pp.27-29.
8. Timko S.A., Urusov A.A. Preventive and preventive activity of preliminary investigation bodies in relation to victims of crimes // Vestnik of the Omsk Law Academy. 2017. Vol. 14, no. 2, pp. 50-54.
9. Vinokurov V.O. Criminal criminological features of modern crime in railway transport // Socio-economic phenomena and processes. 2012, no. 12, pp.359-361.
10. Kritskaya Yu.V., Criminological characteristics of the personality of criminals involved in group theft on railway transport. Theory and practice of social development. 2010, no.2, pp.374-378.
11. Nekrasov V.A. The problem of special criminological prevention of embezzlement committed at railway transport facilities // Vestnik of Chelyabinsk State University. 2011, no.35, pp.79-81.
12. Stepanenko Yu.V. Internal affairs bodies in transport: issues of theory and practice: Monograph. М.: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004,- 212 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Профессор кафедры уголовного процесса, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
 ORCID: 0000-0002-2524-0241
 rev-80@yandex.ru

Ивушкина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-9183-3184

Grigorievao86@mail.ru

Пархоменко Светлана Валерьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

ORCID: 0000-0002-0370-3102

Researcher ID: AAZ-9298-2020

psvet@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rogova Evgenya Viktorovna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor of the Russian Federation. 1, Shevtsova st. Irkutsk, Russia. 664074.

Professor of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.

ORCID: 0000-0002-2524-0241

rev-80@yandex.ru

Ivushkina Olga Viktorovna, Candidate of Law, Head of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.

ORCID: 0000-0002-9183-3184

Grigorievao86@mail.ru

Parkhomenko Svetlana Valeryevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor of the Russian Federation. 1, Shevtsova st. Irkutsk, Russia. 664074.

ORCID: 0000-0002-0370-3102

Researcher ID: AAZ-9298-2020

psvet@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.08.2021; одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 25.08.2021; approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 114—122.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
no.4 (99). P. 114—122.

12.00.09. Уголовный процесс

Научная статья

УДК 343.132

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-114-122

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЯХ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА В ЖИЛИЩЕ

Елена Александровна Миллерова¹, Игорь Павлович Напханенко²,
Сергей Михайлович Сергеев³

^{1,2} Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, nip1966@yandex.ru

³ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, ssmirk@mail.ru

Введение: статья посвящена рассмотрению процессуальных и тактических приемов проведения обыска в жилище. Акцентируется внимание на ошибках, допускаемых в практической работе сотрудниками правоохранительных органов при проведении обыска в жилище и правовых способах их устранения. Авторами вносятся предложения по оптимизации совершенствования уголовно-процессуального законодательства в целях исключения допускаемых ошибок.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное, уголовное, жилищное, федеральное законодательство, эмпирические данные оперативных подразделений ОВД, судебная практика. Методологическую основу исследования составили исторический, формально-юридический методы, общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения.

Результаты исследования: обозначен пробел в уголовно-процессуальном законодательстве при проведении обыска в жилище в отсутствие проживающих в нем лиц. В уголовно-процессуальном законе не конкретизировано, какое именно лицо должно присутствовать при обыске в жилище — проживающий или собственник.

Выводы и заключение: в целях правового решения в рассмотренной статье пробела в законодательстве авторы предлагают дополнить ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации частью 11.1 следующего содержания: «при невозможности участия лица, жилище которого обыскивается или совершеннолетних членов его семьи, для производства обыска в жилище приглашать представителя администрации или ЖЭКа», а также на законодательном уровне закрепить порядок проведения обыска и его тактические особенности в каждой возможной ситуации.

Ключевые слова: обыск в жилище, жилое помещение, безотлагательный обыск, процессуальные ошибки, следственное действие, представитель администрации, представитель жилищно-эксплуатационной конторы.

Для цитирования: Миллерова Е. А. К вопросу о конституционных гарантиях неприкосновенности жилища при производстве обыска в жилище / Е. А. Миллерова, И. П. Напханенко, С. М. Сергеев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 114—122. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-114-122

12.00.09. Criminal proceedings

Original article

ON THE ISSUE OF CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF THE INVIO- LABILITY OF THE HOME DURING THE SEARCH OF THE HOME

Elena A. Millerova¹, Igor P. Naphanenko², Sergey M. Sergeev³

^{1,2} Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

³ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

¹nip1966@yandex.ru

²nip1966@yandex.ru

³ssmirk@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the consideration of procedural and tactical methods of conducting a search in a dwelling. Attention is focused on the mistakes made in practical work by law enforcement officers during a search of a home and legal ways to eliminate them. The authors make proposals to optimize the improvement of criminal procedure legislation in order to exclude mistakes.

Materials and methods: the normative basis of the study was the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure, criminal, housing, federal legislation, empirical data of operational divisions of the Department of Internal Affairs, judicial practice. The methodological basis of the research was made up of historical, formal-legal methods, general scientific methods of analysis, synthesis, comparison.

The results of the study: a gap in the criminal procedure legislation is identified when conducting a search of a dwelling in the absence of persons living in it. It is not specified which person should be present during the search of the dwelling — the resident or the owner.

Findings and Conclusions: for the purpose of a legal solution to the gap in the legislation in the article under consideration, the authors propose to supplement Article 182 of the Code of Criminal Procedure with paragraph 11.1 of the following content: “if it is impossible for a person whose home is being searched or adult members of his family to invite a representative of the administration or housing department to conduct a search in the dwelling,” as well as at the legislative level to fix the order of conduct of the search and its tactical features in each possible situation.

Keywords: house search, residential premises, urgent search, procedural errors, investigative action, representative of the administration, representative of the housing maintenance office, absence of a resident.

For citation: Millerova E. A., Naphanenko I. P., Sergeyev S. M. On the issue of constitutional guarantees of the inviolability of the home during the search of the home. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp.114—122 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-114-122

Неприкосновенность жилища гарантирована ст. 25 Конституции Российской Федерации, только лишь проживающий в нем человек решает впускать кого-либо в свое жилище или нет, за исключением случаев, когда судебное решение «игнорирует» этот запрет для достижения конституционно значимых целей, либо в указанных в ст. 3 Жилищного кодекса Российской Федерации целях «спасения жизни граждан или их имущества, обеспечения их личной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, а также в целях задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечения совершаемых преступлений или установления обстоятельств совершенного преступления либо произошедшего несчастного случая» [1].

Обыск — это следственное действие, которое связано с ограничением прав граждан на частную собственность, неприкосновенность жилища, требующее четкого соблюдения процессуальных особенностей его проведения. По целевому назначению обыск относится к следственному действию, направленному на собирание и проверку доказательств, когда лица, производящие обыск, достоверно знают, что в конкретном месте находятся или могут находиться орудия совершения преступления, либо предметы, документы или ценности, имеющие значение для уголовного дела.

Не стоит вуалировать обыск под выемку или осмотр. Это следственное действие отличается от других следственных действий своей сложностью и особенностями проведения, т. к. имеет принудительный характер поисковых действий, влекущих неизбежное вмешательство в личное пространство обыскиваемого. Поэтому, прежде чем обыскивать жилище, следователь или дознаватель должны быть точно уверены в его результативности, а также точно знать, что местом проведения обыска будет являться жилище, для производства обыска в котором необходимо судебное разрешение. Жилой дом — это «индивидуально-определенное здание, состоящее из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании» [1]. Обращаем внимание, что указанное понятие жилого дома, а также Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) не связывают понятие «жилище» с его регистрацией. Так, например, президиум Новгородского областного суда на этом основании отменил решения судов первой и второй инстанции, которые признали проведенный дознавателем обыск в недостроенном строении без судебного разрешения законным, мотивировав это тем, что «недостроенное двухэтажное строение не признано жилым помещением в установленном законом порядке» [2].

Рассматриваемое следственное действие бывает двух видов: первоначальный и повторный. Выбор зависит от цели его проведения. Первоначальный, как правило,

проводится при наличии имеющейся информации о нахождении по определенному адресу орудий или предметов преступлений, обнаружение и изъятие которых будет способствовать раскрытию и дальнейшему расследованию преступления. Порой даже повторный обыск принесет положительный результат, чем первичный, потому что после проведения первого обыска обыскиваемые могут посчитать, что к ним больше не придут с обыском, и можно разложить разыскиваемые материал на свои места.

Приняв решение провести обыск помимо соблюдения процессуального порядка его проведения, следует не забывать применять тактические приемы при планировании проведения обыска, а именно сократить время между получением информации обыскиваемым лицом, о возможных действиях следователя и самим производством обыска для того, чтобы присутствовала внезапность его проведения, позволяющая получить положительный результат проводимого мероприятия.

В соответствии со ст. 165 УПК РФ следователь (дознатель) при принятии решения о необходимости проведения обыска в жилище обязаны взять разрешение (следователь — у руководителя следственного органа, а дознаватель — у прокурора) о возбуждении перед судом ходатайства о его проведении. Положения части 5 этой же статьи предусматривают исключения из вышесказанного. Например, в случаях, не терпящих отлагательства, следователь (дознатель) может принять решение о проведении обыска в жилище без получения судебного решения. Однако, согласно указанной норме, следователь или дознаватель обязаны не позднее 3 суток с момента начала проведения обыска уведомить судью и прокурора о его проведении. К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве обыска действия и протокола обыска для проверки законности решения о его проведении. В течение 24 часов после получения уведомления, судья проверяет поступившие документы на предмет допустимости проведенного следственного действия на наличие или отсутствие реальных обстоятельств, побудивших его проведение и наличие для этого оснований. Поэтому судья должен убедиться в том, что в представленном материале имеется достаточно информации, свидетельствующей об исключительности ситуации, при которой производство обыска в жилище не терпело отлагательства его проведения, о том, что именно в указанном жилище могут находиться предметы, оружие, наркотические вещества, документы и ценности, имеющие причастность к расследуемому уголовному делу, и только после этого вынести постановление о законности или незаконности его проведения [5, с. 82].

В качестве примера приведем ситуацию, когда при производстве обыска в нежилом помещении была обнаружена дверь, ведущая в жилое помещение (квартиру). Сотрудникам полиции, которые проводили обыск тут же, но не в жилом помещении, не было известно заранее, что может находиться за дверью. Открыв ее, они увидели двухкомнатное помещение с кухней, санузлом, шкафы с папками, но признаков проживания людей в этих комнатах не наблюдалось ввиду отсутствия личных вещей и продуктов, в связи с чем сотрудники полиции сделали вывод, что помещение не является жилым, и изъяти находившиеся в нем имущество, имеющее значение для уголовного дела. Суд признал обнаруженную комнату жилищем. Соответственно, действия сотрудников полиции, проводящих в нем обыск, были признаны незаконными, по-

тому что отсутствовало судебное решение на его проведение, судья и прокурор также не были уведомлены в установленном УПК РФ порядке. Обнаружив за закрытой дверью жилое помещение, обыскивающие должны были вынести постановление о проведении обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательства.

Процессуальные ошибки лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также произвольное трактование случаев, не терпящих отлагательства, недопустимы, т. к. все это влечет признание доказательств, полученных при производстве обыска в жилом помещении, недействительными. В том случае, если судья признает обыск в жилище проведенным с нарушением положений УПК РФ, будет очень печально признавать, что вся работа проделана напрасно, потому что такие доказательства, считаются недопустимыми (ст. 75 УПК РФ). Если обыск жилища у гражданина правоохранительные органы провели незаконно, то потерпевшие вправе обратиться в суд в гражданском порядке с иском о взыскании денежной компенсации за моральные страдания. Такая компенсация положена не только тому, кого обыскали, но и членам его семьи, которые живут вместе с этим человеком [3].

Согласно разъяснениям, данным в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) № 19 от 1 июня 2017 г. [4], к исключительным случаям, в которых производство следственного действия не может быть отложено, относятся, например, ситуации, когда:

- необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления;
- промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться;
- возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления;
- имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела.

Важно при производстве обыска в жилище учитывать еще один важный факт, который влияет на законность проведения обыска в жилище, — наличие присутствующих лиц при этом виде обыска.

Пункт 11 ст. 182 УПК РФ обязывает при проведении обыска в жилище присутствия лица, проживающего в нем, его защитника (если он участвует в деле), либо совершеннолетних членов его семьи. Если обыскиваемое лицо не является подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу, тогда при производстве обыска в жилище вправе присутствовать его адвокат.

Возникает вопрос: Как надлежит поступать в ситуации, если лицо, в помещении которого должен проводиться обыск, не имеет возможности присутствовать дома, а ситуация безотлагательная? В УПК РФ нет ответа на этот вопрос, так же, как и нет разъяснений такой ситуации в постановлении Пленума ВС РФ. По факту возникает «тупиковая» ситуация, и отнюдь не новая, не имеющая однозначного процессуального разрешения, только лишь доктринальные суждения. Аналогичные проблемы стояли перед

лицами, осуществляющими расследование, еще в 40-е годы XIX столетия. В 1846 г. первый русский криминалист Д. Долгов давал такой ответ на этот вопрос: «при отсутствии лица, у которого надобно сделать обыск и, если нет налицо его домашних или ближних родных, нужно опечатать дом или квартиру и все пристройки, требовать его на место жительства и дожидаться его прибытия» [6, с. 403]. Однако в Своде Законов Российской империи 1842 года было сказано, что следователь обязан был войти с понятными в дом, «хотя бы он был пустой, обыскать его с правом отмыкать запертое» [6, с. 403].

Некоторые ученые в области уголовно-процессуального права считают обоснованной ситуацию, в которой обыск может быть произведен в присутствии иных лиц, которые приняли на себя обязательство по сохранности жилища и находящегося в нем имущества, в том числе и по устной договоренности, в частности, соседей, представителя жилищно-эксплуатационной организации, при условии, что в постановлении судьи оговаривается невозможность обеспечения присутствия при обыске проживающих в жилище лиц [6, с. 404; 8, с. 221]. Допускаем данную позицию, но вопрос весьма спорный. С теоретической точки зрения, это недопустимо, потому что следует нарушение конституционных норм, так же причина запрета может заключаться в том, что при проведении обыска в жилище в отсутствие проживающих в нем лиц имеется опасение, что искомые предметы могут подкинуть сами обыскивающие. Однако, с точки зрения практики, возникает вопрос: как тогда в такой ситуации поступать лицу, в производстве которого находится уголовное дело? Либо нарушать закон, либо терять возможное доказательство, изобличающее лицо, совершившее преступление?

Так, в ходе расследования уголовного дела сотрудникам полиции, не нашедшим в УПК РФ ответа на вопрос о том, как правильно поступить, пришлось нарушить закон. Так, 22 января 2021 г. в целях обнаружения и изъятия документации и иных предметов, представляющих интерес по расследуемому уголовному делу, по поручению следователя, сотрудниками ОЭБиПК МО МВД России «Красносулинский» был проведен обыск в домовладении гражданки П. с нарушением требований ст. 182 УПК РФ. В ходе обыска в ее домовладении были обнаружены и изъяты документы и предметы, принадлежащие ей. Однако обыск в жилище проводился в отсутствие гр-ки П., ввиду того, что она находилась на стационарном лечении в районной больнице, а также в отсутствие проживающих в этом жилище лиц, но с участием оперуполномоченного ОЭБиПК МО МВД, старшего лейтенанта полиции К., двух понятых и соседки — гр-ки П. М., с применением технических средств (фотоаппарата Canon). В протоколе обыска не были отражены сведения о причинах невозможности участия проживающих лиц в обыске, а также об исчерпывающих мерах, предпринятых для обеспечения присутствия указанных лиц в производстве рассматриваемого следственного действия.

В нарушение п.п. 4 и 8 ст. 166 УПК РФ, п. 13 и 15 ст. 182 УПК РФ в протокол обыска не были занесены сведения:

- о способе проникновения в домовладение;
- о результатах поэтапного осмотра домовладения, месте и обстоятельствах обнаружения изъятых предметов, их индивидуальных признаков;
- о вручении копии протокола лицу, в жилище которого был произведен обыск (либо совершеннолетнему члену его семьи);

— о приложении к протоколу электронного носителя с видеозаписью следственного действия.

Таким образом, в действиях сотрудника полиции А. установлены нарушения требований п. 11 ст. 182 УПК РФ, выразившиеся в несоблюдении требований к порядку проведения обыска и составлению протокола данного следственного действия. Данное требование к проведению обыска является важной гарантией соблюдения конституционных прав обыскиваемого лица, а вышеуказанные нарушения действующего уголовно-процессуального законодательства влекут за собой признание данного следственного действия незаконным, что, в свою очередь, служит основанием для признания проведенного обыска в жилище незаконным.

Это не единичный такой случай, возникающий на практике. В связи с чем учеными выдвигаются предложения, согласно которым, одни авторы предлагают, чтобы обыск в жилище проводился без обязательного участия обыскиваемого, в этом случае он будет более эффективен, потому что не будет ставить его производство в зависимость от лиц, которые не заинтересованы в его проведении. Большинство авторов все-таки придерживаются мнения о том, обыск в жилище при отсутствии проживающих в нем лиц необходимо проводить в присутствии не менее двух работников жилищных органов, с участием не менее двух понятых, т. е. вернуться к прежним апробированным формам работы, которые были предусмотрены в УПК РСФСР 1960 г. [6, с. 404, 8, с. 223]. При этом в обязательном порядке всем лицам, присутствовавшим при обыске, нужно предъявить протокол обыска для ознакомления и разъяснить их право делать замечания, подлежащие внесению в протокол.

Такое предложение заслуживает внимания и поддержки. В связи с чем на основании изложенного, в целях решения в рассмотренной в статье проблемы, считаем необходимым заполнить пробел в уголовно-процессуальном законодательстве, дополнив ст. 182 УПК РФ п. 11.1 следующего содержания: «при невозможности участия лица, жилище которого обыскивается, или совершеннолетних членов его семьи, для производства обыска в жилище приглашать представителя администрации или жилищно-эксплуатационной конторы», а также на законодательном уровне закрепить порядок поведения обыска и его тактические особенности в каждой возможной ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. — 2005. — № 1 (ч. I). — Ст. 14.
2. Постановление Президиума Новгородского областного суда от 11.12.2017 № 44У-33/2017 Обстоятельства: Постановлением отказано в удовлетворении жалобы на постановление должностного лица о производстве обыска. Постановление: Постановление отменено, дело направлено на новое рассмотрение// КонсультантПлюс: [сайт]. — URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805 (дата обращения 11.07.2021).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы и применения законодательства о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1995. № 3.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных

с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Российская газета. 9.09.2017. - № 125(7291).

5. Федоров А. В. Уголовный процесс (уголовно-процессуальное право): учеб. пособ. / А. В. Федоров, Е. А. Миллерова Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2017. — 105 с.

6. Косарев С. Ю. О возможности проведения обыска в жилище лица в его отсутствие // В сборнике: Неделя науки СПбПУ, Материалы научной конференции с международным участием. — 2018. С. 403-405.

7. Донченко Е. Г., Правоохранительные органы: учеб. пособ. / Е. Г. Донченко, О. П. Терехова. — Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2017. — 92 с.

8. Курочкина В. Р. Конституционное право на неприкосновенность жилища как уголовно-процессуальная гарантия // Права человека: история, теория, практика: VIII всерос. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст. — Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2019. — С. 220-224.

REFERENCES

1. Housing Code of the Russian Federation: feder. the law of 29 Dec. 2004 No. 188-FZ // SZ RF. — 2005. — No. 1 (Part I). — Article 14.

2. Resolution of the Presidium of the Novgorod Regional Court of 11.12.2017 No. 44U-33/2017 Circumstances: The resolution denied satisfaction of the complaint against the decision of the official on the search. Resolution: The resolution has been canceled, the case has been sent for new consideration// ConsultantPlus: URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805 (Available at:11.07.2021).

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.12.1994 No. 10 (ed. dated 06.02.2007) "Some issues and application of legislation on compensation for moral damage". Vestnik of the Supreme Court of the Russian Federation. 1995, no. 3.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.06.2017 No. 19 "On the practice of consideration by courts of petitions for investigative actions related to the restriction of constitutional rights of citizens (Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)". Rossiyskaya Gazeta. 9.09.2017, no. 125(7291).

5. Fedorov A.V. Criminal procedure (criminal procedure law): studies. A.V. Fedorov, E. A. Millerova Rostov-on-Don: Rostov State University of Railway Transport, 2017, 105 p.

6. Kosarev S. Yu. On the possibility of conducting a search in a person's home in his absence // In the collection: SPBPU Science Week, Materials of a scientific conference with international participation. 2018, pp. 403—405.

7. Donchenko E. G., Law enforcement agencies: studies. manual / E. G. Donchenko, O. P. Terekhova. - Rostov-on-Don: Rostov State University of Railways, 2017, 92 p .

8. Kurochkina V. R. The constitutional right to inviolability of the home as a criminal procedural guarantee // Human rights: history, Theory, practice: VIII All-Russian Scientific and Practical conference: Collection of scientific articles - Kursk: South-Western State University, 2019, pp. 220—224.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Миллерова Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и уголовно-правовых дисциплин. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2.

ORCID: 0000-0001-8628-5657

Напханенко Игорь Павлович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права и уголовно-правовых дисциплин. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2

ORCID: 0000-0002-6250-9625

Сергеев Сергей Михайлович, кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-0455-2019

INFORMATION ON AUTHORS

Millerova Elena Aleksandrovna, candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines. Rostov State University of Railway Engineering. 2, sq. Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenya, Rostov-on-Don. Russia, 344038.

ORCID: 0000-0001-8628-5657

Napkhanenko Igor Pavlovich, candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines. Rostov State University of Railway Engineering. 2, sq. Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenya, Rostov-on-Don. Russia, 344038.

ORCID: 0000-0002-6250-9625

Sergeyev Sergey Mikhailovich, Candidate of economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov Irkutsk, Russia. 664074

ORCID: 0000-0002-0455-2019

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 20.07.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 23.04.2021; approved after reviewing 18.05.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 123—139.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
no.4 (99). P. 123—139.

12.00.09. Уголовный процесс

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-123-139

ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ирина Павловна Попова

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
irinabaikal@mail.ru

Введение: статья посвящена проблеме функциональной роли следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования для достижения назначения уголовного судопроизводства и позволяет выявить значение следователя как участника уголовного процесса со стороны обвинения. Следователь формулирует обвинение, и он вправе его изменять в сторону, усиливающую ответственность обвиняемого, тогда как прокурор лишь обладает полномочиями изменять квалификацию и объем обвинения в сторону улучшения. Правильное понимание своего функционального назначения позволит следователям более эффективно осуществлять свою деятельность. Дискуссии о функциях следователя, которые ведутся в последнее время на страницах юридических изданий, порой негативно влияют на авторитет следователей в целом и осознание ими своей роли в решении задач досудебного производства и назначения уголовного судопроизводства. Проведенное исследование позволяет отчасти разрешить указанную проблему.

Материалы и методы: основу исследования составляют положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, научные работы в области уголовного судопроизводства по изучаемой проблематике, следственно-судебная практика. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные, приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: отдельные следственные ошибки заложены законодателем, не определившись с функциональным значением роли следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования. Отсутствие целевых ориентиров у следователя в условиях многозадачности его процессуальной деятельности приводит в итоге к нарушениям различных норм уголовно-процессуального закона. Увеличение числа функций следователя не способствует решению задач досудебного производства. Выделение дополнительных функций может вызвать в результате обратный эффект ухудшения эффективности деятельности следователя и снижения его самостоятельности.

В статье обоснована позиция, что следователь выполняет самостоятельную функцию предварительного расследования, которая относится к функции обвинения. Следователь реализует публичный интерес, и обоснованно отнесен к участникам со стороны обвинения. Также в статье обоснованы и сформулированы предложения, направленные на оптимизацию функций следователя в целях решения задач досудебного производства и достижения назначения уголовного судопроизводства.

Выводы и заключения: сформулированы выводы о выполнении следователем самостоятельной функции предварительного расследования и выдвинуто предложение о внесении соответствующих изменений в ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Предлагаемый подход к изучению проблем функций следователя и его роли в уголовном судопроизводстве содержит залог повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности данного участника со стороны обвинения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, функции, процессуальный интерес, механизм уголовно-процессуального регулирования, функции следователя, назначение уголовного судопроизводства, задачи досудебного производства.

Для цитирования: Попова И. П. Функции следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 123—139. DOI:10.24412/2312-3184-2021-4-123-139

12.00.09. Criminal proceeding

Original article

FUNCTIONS OF THE INVESTIGATOR IN THE MECHANISM OF CRIMINAL PROCEDURE REGULATION

Irina P. Popova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, irinabaikal@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the problem of the functional role of the investigator in the mechanism of criminal procedural regulation to achieve the purpose of criminal proceedings and allows us to identify the importance of the investigator as a participant in the criminal process on the part of the prosecution. The investigator formulates the accusation, and he has the right to change it in a way that increases the responsibility of the accused, while the prosecutor only has the authority to change the qualification and scope of the accusation in the direction of improvement. A proper understanding of their functional purpose will allow investigators to carry out their activities more effectively. Discussions about the functions of the investigator, which have been conducted recently on the pages of legal publications, sometimes negatively affect the credibility of investigators, in general, and their awareness of their role in solving the tasks of pre-trial proceedings and the appointment of criminal proceedings. The conducted research allows us to partially solve this problem.

Materials and methods: the research is based on the provisions of the Criminal Code—the Procedural Code of the Russian Federation, scientific works in the field of criminal proceedings on the studied issues, investigative and judicial practice. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive, methods of comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study some investigative errors were laid down by the legislator, who did not decide on the functional significance of the investigator's role in the mechanism of criminal procedural regulation. In confirmation of which, an actual scientific discussion on the issues under study. The lack of targeted orientations of the investigator, in the conditions of multitasking of his procedural activity, eventually leads to violations of various norms of the criminal procedure law. The increase in the number of functions of the investigator does not contribute to solving the tasks of pre-trial proceedings. The allocation of additional functions may result in a negative effect of deterioration of the effectiveness of the investigator and a decrease in his independence. The article substantiates the position that the investigator performs the independent function of the preliminary investigation, which relates to the function of the prosecution. The investigator realizes the public interest, and is reasonably attributed to the participants by the prosecution. The article also substantiates and formulates proposals aimed at optimizing the functions of the investigator in order to solve the tasks of pre-trial proceedings and achieve the purpose of criminal proceedings.

Findings and Conclusions: conclusions are formulated about the performance by the investigator of an independent function of preliminary investigation and a proposal is put forward to make appropriate amendments to Article 38 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The proposed approach to the study of the problems of the investigator's functions and his role in criminal proceedings contains a pledge to increase the effectiveness of the criminal procedural activity of this participant on the part of the prosecution.

Keywords: criminal proceedings, functions, procedural interest, mechanism of criminal procedure regulation, functions of the investigator, purpose of criminal proceedings, tasks of pre-trial proceedings.

For citation: Popova Irina Pavlovna. Functions of the investigator in the mechanism of criminal procedure regulation. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 123—139. (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-123-139

Для достижения цели предварительного расследования необходимо последовательно разрешить ряд задач, которые стоят перед данной стадией производства по уголовному делу, путем осуществления соответствующих функций участниками уголовного судопроизводства. Ключевой фигурой досудебного производства является следователь, отнесенный уголовно-процессуальным законом к участникам со стороны обвинения.

Сохраняет актуальность высказывание российского юриста Б. Л. Бразоля, изложенное им в 1914 г. в связи с 50-летием Судебных уставов, о том, что «история нашего

предварительного следствия — это история нареканий на него. Нелегко разобраться в пестром разнообразии противоречивых по сему поводу мнений, требований и пожеланий, выраженных за последние пятьдесят лет» [1, с. 95]. Можно смело добавить к этой дате еще сто лет и повторить, что мнений и требований стало еще больше, а нареканий в адрес предварительного следствия меньше не становится.

В досудебном производстве осуществляется многообразная деятельность, направленная на раскрытие преступления, установление обстоятельств его совершения, доказывание, уголовное преследование и защиту от него, что предваряет разрешение уголовного дела по существу. Именно процессуальные функции и различные подходы к их пониманию определяют цели, задачи, назначение и смысл и содержание всего уголовного процесса, как науки, так и практической деятельности.

Нельзя признать тему функций в целом и функций следователя в частности, обделенной вниманием со стороны юридического сообщества. Между тем представляется, что четкое и ясное понимание той роли, что отводится законом следователю как участнику уголовного судопроизводства в механизме уголовно-процессуального регулирования, позволит выполнять свои должностные обязанности на более высоком уровне и качественно осуществлять расследование по уголовным делам, создавая необходимые предпосылки вынесения правосудного решения. Представляется, что назрела необходимость в ревизии и оптимизации функций следователя в уголовном судопроизводстве как участника уголовного судопроизводства, играющего важную роль в достижении его назначения.

Законодателем за основу для выделения трех процессуальных функций и разделения всех участников уголовного судопроизводства приняты положения принципа состязательности сторон (ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)). Между тем теория функций является едва ли не самой острой темой дискуссий в науке уголовного процесса, с той или иной периодичностью возобновляющихся в юридической литературе. Чем же обязаны эти проблемы столь пристальному вниманию ученых, и каково значение результатов научных дискурсов на обозначенную тему?

Думается, это вполне объяснимо: для практики научно-обоснованные выводы могут иметь значение при реализации дискреционных начал, когда за правоприменителем выбор одного из нескольких законных вариантов решений, но при этом на нем и лежит «груз» ответственности за мотивирование своего выбора с обоснованием соответствующей позиции. Нельзя сбрасывать со счетов не только правовые последствия для всех, кого в итоге затрагивает принятое в исследуемом направлении решение следователя, но и его персональную ответственность по вертикали служебных взаимоотношений при выполнении профессиональных обязанностей.

К сожалению, следует признать, что из всех интересов, которыми руководствуются следователи, последнее имеет для них главенствующее значение, в чем, представляется, выражена профессиональная деформация личности сотрудников правоохранительных органов, призванных защищать интересы общества и конкретных граждан. Вместе с тем этот интерес, хотя и находящийся в плоскости непроцессуальных, может быть

успешно реализован только на основе ясного понимания буквы и духа закона, четкого понимания алгоритма своих действий.

Следователи ежедневно загружены в плотном режиме разнообразной, но имеющей большое значение для широкого круга лиц и государства в целом деятельности. Такой режим многозадачности, притом, что со следователя «больше спрашивают», нежели оказывают ему содействие, к сожалению, неизбежно приводит к эмоциональному выхолащиванию и профессиональной деформации. Возможно ли повлиять на это? За годы 25-летней практической деятельности не ослабло убеждение автора настоящей статьи в том, что только знание закона и выполнение его предписаний — гарантия стабильности в профессии и внутреннего душевного комфорта правоприменителя вне зависимости от занимаемой должности. Участие в повышении квалификации практических работников, выступающих в качестве участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (следователей и государственных обвинителей), и судей различных инстанций лишь укрепляет обоснованность данного сформировавшегося практикой убеждения. В этом контексте предпринятое автором исследование функций следователя, представляется, направлено как на реализацию ведомственных и профессиональных интересов, так и на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, поскольку правильное понимание функций служит предпосылкой создания процессуальных гарантий реализации норм материального права, ответственно защите публичных и частных интересов, нарушенных преступлением.

Следует признать, что, исходя из теории трех процессуальных функций, отнесение следователя к участникам процесса на стороне обвинения самое противоречивое решение законодателя. Тому подтверждение и изменения в процессуальный статус следователя, и предложения о необходимости новых перемен, порой радикальных. Так, с точки зрения С. В. Власовой, приспособление уголовно-процессуального механизма к современным реалиям приведет к тому, что «субъектом расследования может быть программист, специалист по информационной безопасности (профессиональный „антихакер“), а также „робот“ (компьютер)», а «профессия „следователь“ в его современном практическом смысле, как составителя и архивариуса следственных процессуальных документов, но равно как правоприменителя, как юриста — это профессия, которая отомрет в XXI веке» [2, с. 13, 17].

Не разделяя подобных прогнозов, следует отметить, что процессуальная деятельность, бесспорно, подвергается серьезным коррективам, в том числе и в связи с автоматизацией уголовного процесса, однако, думается, что в числе участников уголовно-процессуальных отношений будет система «человек — человек», а не «человек — машина». В этой связи исследование вопросов эффективности механизма уголовно-процессуального регулирования, с решением концептуальных задач функций следователя, является перспективным для анализа.

Ю. В. Францифоров, определяя механизм уголовно-процессуального регулирования как единую систему уголовно-процессуальных средств, обеспечивающую результативное процессуальное воздействие на уголовно-процессуальные отношения в целях их упорядочения, охраны и совершенствования, обоснованно подчеркивает, что эта «система позволяет направлять явления уголовно-процессуальной действительности, связан-

ные с возбуждением уголовного дела, предварительным следствием и судебным производством на достижение целей всего уголовного судопроизводства, главная из которых — защита прав и законных интересов участников общественных отношений, пострадавших от преступлений» [3, с. 96].

В механизме уголовно-процессуального регулирования одним из главных элементов выступают уголовно-процессуальные правоотношения. Характерной чертой досудебного производства является участие следователя, обладающего властными полномочиями, но пока отсутствуют стороны — правоотношения еще не возникли, а уголовно-процессуальная деятельность уже осуществляется. Возможно ли рассматривать эту деятельность как реализацию функции обвинения, притом, что обвинительный тезис возникает с момента формулирования обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого?

Нормативное закрепление получила теория классического построения системы из трех функций, предложенная М. С. Строговичем. Так, М. С. Строгович являлся сторонником наличия трех уголовно-процессуальных функций: 1) обвинения (уголовного преследования); 2) защиты; 3) разрешения дела, а в деятельности следователя, по его мнению, сочетаются все три основные процессуальные функции [4, с. 189, 226].

О том, что при современном построении досудебного производства следователь выполняет три уголовно-процессуальные функции, отмечает и Г. П. Химичева [5, с. 61]. Сторонники, отрицающие традиционный подход, усматривают множественность функций, и, по сути, каждый автор, критикуя мнения других, предлагает свою систему процессуальных функций. К авторам, разделяющим позицию о множественности функций, можно отнести П. С. Элькин, Д. М. Берову и др.

В свое время П. С. Элькин выделяла в уголовном процессе шесть функций:

1. Установление, проверка данных относительно преступлений, их расследование.
2. Функция обвинения.
3. Функция защиты.
4. Функция судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела.
5. Вспомогательные функции.
6. Побочные функции.

Все функции П. С. Элькин разделяла на несколько групп:

— основные: 1) функция обвинения, в рамках которой автор рассматривала исключительно деятельность обвинителя по поддержанию обвинения в суде, полагая, что эта функция может быть реализована только в судебном разбирательстве и связана с деятельностью обвинителя как равноправной стороны в судебном заседании; 2) функция защиты; 3) функция судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела, которая может быть реализована только судом (при этом прекращение уголовного дела на других стадиях охватывается иными функциями);

— вспомогательные (охватывают уголовно-процессуальную деятельность, которая является вспомогательной не только для суда, но и для органов других компетентных органов государства, осуществляющих уголовный процесс, и производимые такими участниками уголовного процесса, которые не имеют других процессуальных функций);

— побочные (осуществляются в противоположной по своей непосредственной направленности деятельности гражданского истца и гражданского ответчика (их представителей), объединяемой общим признаком — производным от уголовного дела характером такой деятельности).

В качестве самостоятельной функции П. С. Элькинд рассматривала установление, проверку данных относительно преступлений, их расследование. Непосредственной задачей органов и лиц, участвующих в осуществлении этой функции, по ее мнению, является быстрое и безусловное реагирование на преступления, изобличение виновных, установление и пресечение причин, способствующих совершению преступлений. В рамках этой функции, по мнению П. С. Элькинд, осуществляются действия, которые не только входят в расследование, но и предшествуют ему [6, с. 59—67].

Д. М. Берова в системе функций выделяла функцию обвинения, включающую не только собственно обвинительную деятельность, но и установление всех обстоятельств дела (невиновность лица и др.). По ее мнению, эта функция пронизывает весь уголовный процесс, являясь его движущей силой, осуществляется на всех его стадиях и включает подфункции: а) уголовное преследование; б) обвинение (в узком смысле слова), начинается с момента, когда официально сформулировано обвинение в соответствующем процессуальном документе — постановлении о привлечении в качестве обвиняемого на следствии и обвинительного акта на дознании; в) обоснование ранее предъявленного обвинения. Осуществляется при поддержании обвинения прокурором (или частным обвинителем) в судебных стадиях.

Среди иных функций указанной автор обозначила сквозную (комплексную) функцию — охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве; побочные функции, например, принятие мер по обеспечению вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества, организационную функцию и вспомогательные — выполняемые иными участниками уголовного судопроизводства (свидетель, эксперт и др.).

Анализируя систему функций участников уголовного судопроизводства, Д. М. Берова в числе основной функции следователя, выполняющего функцию обвинения в полном объеме (кроме обоснования обвинения в суде), указывает, что он осуществляет следующие функции:

— сквозную функцию охраны прав и свобод человека и гражданина (например, обеспечение прав всех участников следственного действия);

— властно-распорядительную функцию — принятие решений по делу (например, об участниках уголовного судопроизводства — признании потерпевшим и др.);

— функцию принятия мер по обеспечению вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества (розыск похищенного, наложение ареста на имущество и др.);

— превентивную (предупредительную) функцию — выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления и принятие мер к их устранению [7, с. 228—230].

В. В. Колодко предлагает систему из десяти функций, в числе которых самостоятельная функция расследования, осуществляемая следователем, дознавателем; функция

обвинения (уголовного преследования), осуществляемая прокурором, частным обвинителем, его представителем. По его представлению, выделение в деятельности следователя противоположных функций: обвинения, защиты, разрешения уголовного дела противоречит логике и психологии человека: «следователь не может одновременно или поочередно обвинять, защищать, разрешать уголовное дело», — пишет указанный автор и полагает, что следователь должен выполнять только одну присущую ему уголовно-процессуальную функцию — расследования, в которую, по его мнению, входит: 1) возбуждение уголовного дела; 2) охрана прав и законных интересов участников предварительного расследования; 3) уголовное преследование и обвинение; 4) доказывание; 5) возмещение вреда, причиненного преступлением; реабилитация; 6) выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и предупреждение преступлений [8, с. 3, 6, 11—12].

Выполнение следователем функции предварительного расследования рассматривают и другие авторы, например, З. В. Макарова [9, с. 121—123], В. А. Азаров, Н. И. Ревенко, М. М. Кузембаева [10].

Так, А. П. Гуськова была солидарна с В. В. Колодко в том, что функция следователя должна быть заключена именно в расследовании, подчеркивая, что отнесение следователя к стороне, осуществляющей уголовно-процессуальную функцию обвинения, несостоятельна, поскольку она придает деятельности следователя односторонний характер [11, с. 61].

В свою очередь, В. В. Уланов, рассматривая совместимость функций обвинения и защиты, полагает их производными от такой функции следователя, как функция исследования обстоятельств дела, а осуществление той или иной из них, как он представляет, находится в зависимости от результатов исследования этих обстоятельств. В. В. Уланов справедливо отмечает, что часто следователь получает доказательственную информацию, направленность которой на изобличение либо на оправдание в момент получения нельзя определить. Как обоснованно полагает В. В. Уланов, выяснить это возможно только при оценке и сопоставлении с другими доказательствами, но при этом не вполне ясно формулирует вывод о том, что «это нельзя возводить в ранг обязательной для следователя функции» [12, с. 30—31].

Приведенные позиции не только свидетельствуют об отсутствии единых точек зрения на систему функций и на роль следователя, но и подчеркивают разнообразную деятельность следователя в досудебном производстве. В указанном аспекте следует определить, какой же интерес преобладает в деятельности следователя, и какой интерес реализуется через нее, поскольку общеизвестно, что интерес лежит в основе всякого вида деятельности. Рассматривая в данной части лишь процессуальный интерес, очевидно, что вся деятельность следователя направлена на реализацию публичного интереса. В силу ст. 21 УПК РФ уголовное преследование (т. е. процессуальную деятельность в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления — п. 55 ст. 5 УПК РФ) от имени государства осуществляют по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения прокурор, а также следователь и дознаватель, и это является их обязанностью.

Полномочия следователя в рамках уголовного преследования включают и уголовно-процессуальную деятельность по обвинению лица, в отношении которого оно осуществляется. На основании ст.ст. 171, 175, 213, 220 УПК РФ именно следователь выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого, предъявляет обвинение, при наличии оснований — изменяет и дополняет обвинение, полностью или в части прекращает уголовное преследование, составляет обвинительное заключение.

У прокурора и руководителя следственного органа имеются полномочия по отмене постановления следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ст.ст. 214, 221 УПК РФ), а также по поступившему уголовному делу с обвинительным заключением, но последствием реализации этих полномочий является новое обвинение или итоговый процессуальный документ, вынесенный следователем: производство по делу возобновляется и процессуальные решения по уголовному преследованию (обвинению) находятся в рамках полномочий следователя. Равно как и в порядке ст. 237 УПК РФ уголовное дело возвращается судом для устранения препятствий к его рассмотрению прокурору, а затем также поступает в производство следователя, который принимает соответствующее решение.

Так, уголовное дело по обвинению С. на основании ст. 237 УПК РФ было возвращено прокурору, т. к. имелись основания для составления обвинительного заключения по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера, и исключалась возможность устранения указанных нарушений в ходе судебного разбирательства и постановления судом приговора или иного решения. В ходе предварительного слушания, назначенного по инициативе суда, было установлено, что, согласно заключению комплексной судебной психолого-психиатрической комиссии экспертов, С. в период, относящийся к инкриминируемому ему деянию, был лишен способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В соответствии со ст. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности¹.

Таким образом, обвинительный тезис не может быть сформулирован государственным обвинителем в суде, если следователь направлял уголовное дело в суд для разрешения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера. Функция предварительного расследования не совпадает по объему с функцией обвинения, и в силу ст. 38 УПК РФ самостоятельность следователя предопределяет и полномочия государственного обвинителя: законодателем обоснованно исключена возможность государственному обвинителю (что продемонстрировано в примере) выполнить действия, входящие в компетенцию следователя, с целью продолжения судебного разбирательства. В связи с чем некачественное выполнение функции предварительного расследования предопределило возвращение уголовного дела судом.

¹ В статье приведены примеры из материалов уголовных дел, находившихся в производстве автора в различные периоды осуществления правосудия.

Публичный интерес обеспечения законности и поддержания правопорядка должен учитывать и охватывать и частный интерес восстановления нарушенных преступлением прав. Более того, думается, что данный интерес должен быть лейтмотивом уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц, осуществляющих от имени государства производство по уголовному делу.

Так, судом в порядке ст. 237 УПК РФ было возвращено прокурору уголовное дело в отношении М., поскольку на досудебных стадиях производства по уголовному делу имели место нарушения норм уголовно-процессуального закона, и, соответственно, обвинительное заключение не может считаться составленным в соответствии с требованиями УПК РФ. По данному делу в ходе предварительного следствия в связи с причинением имущественного ущерба О. была признана потерпевшей. В последующем ее процессуальный статус не изменился, однако потерпевшая О. была ограничена в возможности реализации прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, т. к. в нарушение требований ст.ст. 42, 44, 198, 215—216 УПК РФ она не была ознакомлена с постановлениями о назначении экспертиз и их заключениями, с материалами уголовного дела, была лишена возможности заявлять ходатайства и иными способами осуществлять свои процессуальные права. В нарушение требований ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении не указаны данные о ней, как о потерпевшей, характере и размере, причиненного ей преступлением вреда. Таким образом, указанные нарушения повлекли стеснение прав потерпевшей как участника уголовного судопроизводства.

По другому уголовному делу, также возвращенному судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, основанием тому послужило как нарушение прав потерпевших, так и нарушение прав обвиняемого. В ходе судебного заседания установлено, что в досудебном производстве было прекращено уголовное дело и уголовное преследование в отношении Д. Б. Х. в связи с его непричастностью к совершению преступления, притом, что также утверждено обвинительное заключение в отношении Т. С. Н. и того же обвиняемого Д. Б. Х., при этом Т. С. Н. предъявлено обвинение в совершении преступления группой лиц по предварительному сговору. Тогда как никакого процессуального документа в отношении неустановленного лица не было вынесено и никакого правового решения по этому вопросу не принято. Также в ходе предварительного следствия были существенно нарушены права потерпевшей Д., которая не была надлежаще уведомлена об окончании предварительного следствия, и, соответственно, лишена возможности реализовать свои права, предусмотренные ст.ст. 215—216 УПК РФ. Наряду с этим в связи со смертью потерпевшего П. к моменту окончания предварительного следствия не были уведомлены его родственники об окончании предварительного следствия с разъяснением их прав, не было принято мер к признанию их потерпевшими для реализации их прав, предусмотренных ст.ст. 42, 44 УПК РФ.

Данные примеры иллюстрируют, что содержание функции предварительного расследования включает возможность сочетания обязанности следователя быть «транслятором» публичного интереса, не исключаящего, а порою и охватывающего частный интерес. Нарушения, связанные с соблюдением частных интересов потерпевших от преступления, влечет и нарушение публичного интереса, в силу чего такие нарушения

препятствуют принятию правосудного решения судом и влекут возвращение уголовного дела следователю для выполнения им функции предварительного расследования качественно и в полном объеме. Кроме того, в приведенных примерах прослеживается взаимообусловленность функции следователя и функций других участников уголовного судопроизводства с достижением назначения уголовного судопроизводства. Устранение приведенных нарушений государственным обвинителем, как субъектом функции обвинения и судом, полномочным разрешить уголовное дело по существу, невозможно, и соответствующая процессуальная деятельность не может быть выполнена никем иным, как следователем, реализующим функцию предварительного расследования. Отсюда и очевидно значение функции следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования в целом.

Указанная следственно-судебная практика демонстрирует проявление и действия принципа состязательности. Участники уголовного процесса, не обладающие властными полномочиями, не могут располагать теми же процессуальными возможностями, которыми обладает властная сторона уголовно-процессуальных правоотношений. Тогда как формально в уголовно-процессуальном законе закреплён принцип равенства сторон перед судом, в досудебном производстве данный принцип не может быть реализован. Именно поэтому в досудебном производстве усеченно действует и принцип состязательности, а превалирует публичное начало, ограничивающее диспозитивность сторон в выборе формы и средства разрешения уголовно-правового конфликта, возникшего в результате преступления.

Рассматривая функции как основные направления уголовно-процессуальной деятельности, отраженные в законе на основе принципа состязательности сторон, следует выяснить, какое из трех направлений является определяющим в деятельности следователя. Думается, что следователь обоснованно отнесен законодателем к участникам со стороны обвинения: в досудебном производстве именно следователь формулирует обвинительный тезис, который в дальнейшем определяет пределы судебного разбирательства. В ходе досудебного производства следователь выполняет также уголовно-процессуальную деятельность по раскрытию преступления, уголовному преследованию, а также по охране прав и свобод участников уголовного процесса. Эти все виды деятельности никоим образом не противоречат полномочиям следователя по обвинению, а все в системе их можно поименовать как функция предварительного расследования. Данную функцию можно рассматривать как подфункцию обвинения, но она никакими другими участниками уголовного судопроизводства, кроме как следователем, не может быть реализована.

В случае если функцию предварительного расследования признать в качестве самостоятельной четвертой функции, то возникает вопрос, а кем из участников уголовного судопроизводства в досудебных стадиях реализуется функция обвинения? Прокурор и руководитель следственного органа реализуют полномочия, обусловленные, соответственно, прокурорским и ведомственным контролем, и они, а равно и потерпевший по делам частного-публичного и публичного обвинения, не вправе формулировать и предъявлять обвинение. Прокурор, как участник со стороны обвинения, осуществляет магистральную функцию обвинения, в которой осуществляет уголовное преследование

через предоставленные законом полномочия в рамках прокурорского надзора, а в суде — путем поддержания обвинения перед судом и распоряжается уголовным иском от имени государства на основании ст. ст. 21, 37, 246 УПК РФ. Тем не менее прокурор не может формулировать обвинение, предъявленное следователем, а только вправе улучшать положение обвиняемого (подсудимого) путем уменьшения объема, изменения квалификации в сторону смягчения или отказа от обвинения, чем реализуется уголовное преследование конкретного лица.

Так, в суде был принят отказ прокурора от предъявленного К. обвинения по трем преступлениям, предусмотренным ч. 4 ст. 150 УК РФ. К. обвинялся в том, что вовлек несовершеннолетних Ч. и А. в совершение тяжких преступлений — краж имущества Л., С. и М. с незаконным проникновением в их жилище, путем обещания, будучи лицом, достигшим 18-летнего возраста. Государственный обвинитель отказался от обвинения, предъявленного К. в совершении названных преступлений, мотивируя тем, что причастность К. к указанным преступлениям не доказана в судебном заседании. Как следует из показаний А. и Ч., они все вместе, в том числе и К., решили похитить велосипеды с балконов, при этом ни А., ни Ч. не пояснили, что К. за их участие в кражах им что-либо обещал. Не установлено органами следствия и того факта, что К., который не умеет считать и не обучался в школе, достоверно знал о несовершеннолетнем возрасте Ч. и А. Таким образом, показаний А. и Ч. на предварительном следствии о том, что они пошли воровать велосипеды, потому что К. пообещал им тоже достать велосипеды, не подтвержденных ими в судебном заседании, при отсутствии иных доказательств, подтверждающих эти показания — явно не достаточно для вынесения в отношении К. обвинительного приговора по предъявленному обвинению.

Данный пример наглядно иллюстрирует взаимосвязь функции предварительного расследования и обвинения с предопределяющим значением функции предварительного расследования на функцию обвинения. Их разграничение будет способствовать более качественной реализации каждой из них и позволит при обсуждении процессуального статуса следователя укрепить его самостоятельность и обеспечить более эффективную реализацию механизма уголовно-процессуального регулирования, что может составлять предмет самостоятельных исследований, выходящих за пределы данной публикации.

В тех случаях, когда достижение назначения уголовного судопроизводства возможно на стадии досудебного производства, следователь не выполняет функции разрешения уголовного дела по существу по смыслу ст. 15 УПК РФ, т. к. не осуществляет правосудие с рассмотрением вопроса виновности. Иное бы противоречило принципу презумпции невиновности. Деятельность следователя в этом случае охватывается его полномочиями по уголовному преследованию, и при наличии соответствующих оснований он выносит решение о его прекращении. Полномочия и обязанность обеспечить участие защитника в досудебном производстве не ставит следователя на сторону защиты, и охватывается направлением функции предварительного расследования, в рамках которой он обеспечивает реализацию прав участников уголовного процесса.

Функция предварительного расследования включает в себя несколько видов процессуальной деятельности, осуществляемой следователем:

1) раскрытие преступления — деятельность, обусловленная необходимостью установления события преступления и связанных с ним обстоятельств;

2) уголовное преследование — включает самый широкий вид деятельности, выполняемой следователем по формулированию обвинения и доказыванию виновности, осуществляемой в отношении конкретного лица;

3) охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. По сути, вся уголовно-процессуальная деятельность в рамках реализуемой следователем функции предварительного расследования, в том числе относящаяся к раскрытию преступления и уголовному преследованию, направлена на защиту и охрану прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса. К этому виду деятельности уместно отнести ту, которая не охватывается в первых двух видах уголовно-процессуальной деятельности. Например, доказывание обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния и влекущих прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования; разъяснение прав участникам уголовного судопроизводства и обеспечение их реализации; деятельность по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления и предупредительная (превентивная) деятельность.

Схематично функцию предварительного расследования и ее содержание можно представить следующим образом (рис. 1):

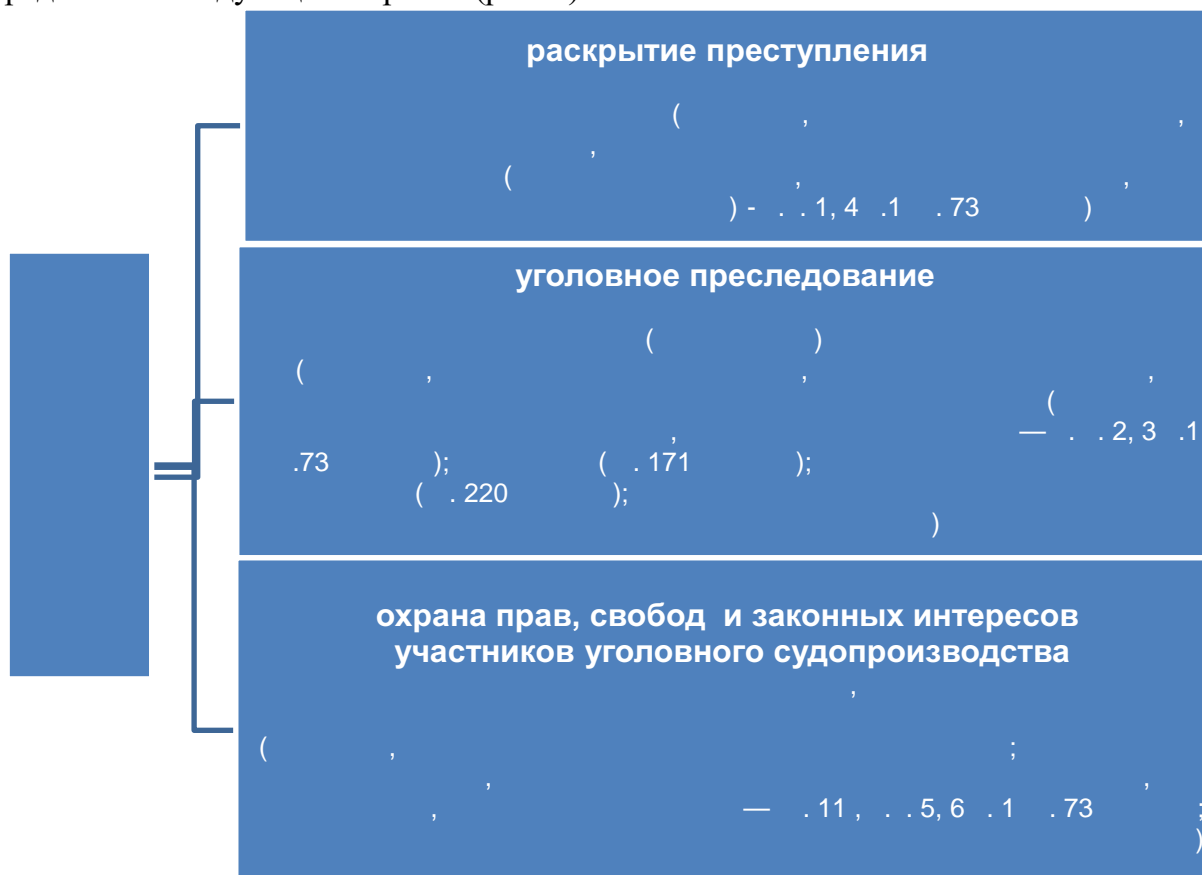

Рисунок 1

Реализацию следователем функции предварительного расследования следует отразить в ст. 38 УПК РФ, что укрепит самостоятельность следователя и позволит конкретизировать его процессуальный статус, послужит превентивной мерой формированию обвинительного уклона. Предлагается ч. 1 ст. 38 УПК РФ изложить в следующей редакции: «1. Следователь осуществляет функцию предварительного расследования, а именно осуществляет раскрытие преступления, уголовное преследование и охрану прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, для реализации чего он, как должностное лицо, осуществляет процессуальную деятельность по уголовному делу в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом».

Включая раскрытие преступлений и другие задачи процессуальной деятельности по их расследованию в функцию предварительного расследования, представляется излишне выделять в качестве самостоятельной задачи или функции следователя деятельность по предупреждению преступлений. Многозадачность в деятельности следователя и так очевидна, выделение еще одного направления, по сути, сопровождающего любые из перечисленных видов деятельности следователя, может привести к «разбрасыванию» сил и средств, потребности выстраивания «иерархии» соответствующих задач, и в итоге высок риск ослабления функций следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования, со снижением его самостоятельности. Следовательно, общая и частная превенция преступлений в конечном итоге может реализовываться и в рамках функции предварительного расследования.

Таким образом, увеличение числа функций следователя, в том числе функцией предупреждения преступлений, не способствует решению задач досудебного производства. Представляется, что выделение дополнительных функций может вызвать в результате обратный эффект ухудшения эффективности деятельности следователя. Тогда как в рамках предлагаемой функции следователем, по сути, осуществляется и процессуальная деятельность по предупреждению преступлений.

Уголовно-процессуальная деятельность в стадии досудебного производства должна быть основана на принципе гуманизма как общеправовом принципе, имеющем несомненное значение и в уголовном судопроизводстве. Нравственные начала реализуются через уголовно-процессуальные нормы, выступают целевым ориентиром для лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в первую очередь для следователя, который своей профессиональной деятельностью решает задачи уголовного процесса по конкретному уголовному делу. В этой связи следует согласиться с Н. Н. Загвоздкиным в том, что реализация уголовно-процессуальной политики невозможна без надлежащего ресурсного обеспечения судебной и правоохранительной систем, но вместе с тем ссылки на объективные трудности не отменяют необходимости добросовестно работать, искать возможности их преодоления [13, с. 82—83].

Предложение, направленное на оптимизацию функции следователя в механизме уголовного-процессуального регулирования, с выделением функции предварительного расследования, может служить дальнейшей научной дискуссии о процессуальном статусе следователя, дает возможность продолжить разграничение полномочий участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, с усилением процессуальной самостоятельности следователя. Понимание содержания стоящих перед следователем задач,

роли его функций в механизме уголовно-процессуального регулирования будет иметь и большое практическое значение, поскольку выступит тем вектором в процессуальной деятельности следователя, которая сопровождается не только жесткой регламентацией за счет императивного характера норм уголовного-процессуального права, но и предусматривает широкие возможности для усмотрения следователя, обладающего существенными властными полномочиями, о чем указывается непосредственно в норме или вытекает из ее смысла.

Именно в указанном аспекте предлагаемые изменения найдут практическое применение, т. к. вопросам усмотрения в уголовно-процессуальной деятельности следователя законодатель не уделил должного внимания. В УПК РФ предусмотрено большое число норм, предусматривающих принятие процессуальных решений и производство процессуальных действий на основе усмотрения следователя. В первую очередь это касается выбора видов и количества следственных действий, достаточных и необходимых для производства предварительного расследования, оценки собранных доказательств для принятия соответствующих решений. Вся деятельность следователя сопровождается усмотрением, но каковы его пределы и что выступает целевым ориентиром, уголовно-процессуальный закон «инструкций» не содержит. Возможно, в этой связи нередко следователей упрекают в «обвинительном уклоне», проявляющемся в их процессуальной деятельности, в том числе при принятии решений, а дискреционные нормы в отсутствие указанных пределов и ориентиров создают «нишу» для коррупционных проявлений. В свою очередь, исключение дискреционных полномочий следователя чревато нивелированием индивидуального регулирования уголовно-процессуальных правоотношений. Напротив, расширение дискреционных начал следователя, как носителя властных полномочий в досудебном производстве в механизме уголовно-процессуального регулирования с одновременной либерализацией уголовной ответственности, выступает неким трендом в подходе отечественного законодателя в последние годы. Сохранение функций следователя без их ревизии и соответствующей корректировки процессуального статуса не позволяет качественно решать стоящие перед досудебным производством задачи, а, соответственно, достигать назначения уголовного судопроизводства.

Следовательно, предложение о функции предварительного расследования, осуществляемой следователем, имеет существенное практическое значение, поскольку выделение данной функции, выступая целевым ориентиром для самого следователя, как участника уголовного судопроизводства, при осуществлении им процессуальной деятельности, выступает одновременно и в качестве превентивной меры негативного проявления усмотрения следователя. Тем самым данное предложение будет способствовать защите прав и законных интересов других участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Вовне усмотрение следователя реализуется в мотивировании принимаемых им решений, выступающих элементом принципа законности в силу ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Представляется, что точное понимание функции следователя будет способствовать тому, чтобы процессуальные решения следователя соответствовали указанным требованиям закона. Соблюдение указанных норм, к сожалению, выступает «слабым звеном» в деятельности не только следователя, но и других властных участников процесса, что

и отражено в приведенных примерах следственно-судебной практики. Соответственно, это предложение содержит положительный потенциал влияния на авторитет правоохранительных органов. Принимая процессуальные решения, мотивируя свои выводы на основе самостоятельной функции предварительного расследования, следователь сможет более убедительно их обосновать при выборе одного из нескольких возможных законных решений, в доказывании и при определении хода расследования в целом. Соответственно, осознание функционального предназначения позволит снизить количество следственных ошибок, обеспечивая залог доверия общества к принятым решениям и эффективность механизма уголовно-процессуального регулирования.

Дискуссии о месте следователя в уголовном судопроизводстве будут продолжаться еще долгое время, но при всех недостатках действующей модели уголовного судопроизводства, следователь должен оставаться той фигурой, которая будет обеспечивать независимое объективное расследование уголовного дела и восстанавливать нарушенные права потерпевших, государства и общества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бразоль Б. Л. Следственная часть // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. В. 2 т. — Петроград: Сенатская тип., 1914. — Т. 2. — С. 65—114.
2. Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. — 2018. — № 1 (36). — С. 9—18.
3. Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. — 2017. — С. 89—117.
4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — В 2 т. — М.: Наука, 1968. — Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. — 469 с.
5. Химичева Г. П. Некоторые замечания о реформе органов предварительного следствия в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 7. — С. 60—63.
6. Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. — 172 с.
7. Берова Д. М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве // Общество и право. — 2010. — № 4 (31). — С. 224—232.
8. Колодко В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования: автореф. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2013. — 21 с.
9. Макарова З. В. Специальное назначение и роль следователя в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 4 (47). — С. 121—123.
10. Азаров В. А. Функция предварительного расследования в истории, теории практике уголовного процесса России / В. А. Азаров, Н. И. Ревенко, М. М. Кузембаева. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. — 559 с.
11. Гуськова А. П. К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя // Вестник Оренбургского гос. ун-та. — 2013. — № 3 (152). — С. 59—62.
12. Уланов В. В. Понятие и виды процессуальных функций следователя / В. В. Уланов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2009. — № 1 (48). — С. 30—31.
13. Загвоздкин Н. Н. Роль ресурсного обеспечения досудебного производства в реализации уголовно-процессуальной политики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 1. — С. 78—84.

REFERENCES

1. Brazol B.L. Investigative part // Judicial Charters of November 20, 1864 for fifty years. V. 2 vol. Petrograd, Senate Printing House, 1914, vol. 2, pp. 65-114.

2. Vlasova S.V. On the question of adapting the criminal procedure mechanism to digital reality. *Library of criminalist*. 2018, no.1 (36), pp. 9-18.
3. Francefrom V. Controversies in criminal proceedings. *Pub personal and private law*. 2017, pp. 89-117.
4. Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. — In 2 vols. — M.: Nauka, 1968, — Vol. 1. The main provisions of the science of the Soviet criminal process. 469 p.
5. Himicheva G. P. Some remarks about the reform of the advanced-tion of the investigation in the Russian Federation // *Vestnik of Moscow University of the MIA of Russia*. 2013, no. 7, pp. 60-63.
6. Elkind P.S. The essence of Soviet criminal procedure law. — L.: Publishing House of the Leningr. un., 1963, 172 p.
7. Berova D.M. The concept and system of functions in criminal proceedings // *Society and law*. 2010, no. 4 (31), pp. 224-232.
8. Kolodko V.V. Criminal procedural function of investigation: auto-ref. ... cand. jurid. sciences'. — Chelyabinsk, 2013, 21 p.
9. Makarova Z.V. Special appointment and the role of the investigator in the criminal process // *Eurasian Legal Journal*. 2012, no. 4 (47), pp. 121-123.
10. Azarov V.A. The function of preliminary investigation in the history, theory and practice of the criminal process of Russia / V.A. Azarov, N.I. Revenko, M.M. Kuzembayeva. — Omsk: Publishing House of OmSU, 2006, 559 p.
11. Guskova A.P. On the question of the criminal procedural function of the investigator // *Bulletin of the Orenburg State University*. 2013, no. 3 (152), pp. 59-62.
12. Ulanov V.V. The concept and types of procedural functions of the investigator / V. V. Ulanov // *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009, no. 1 (48), pp. 30-31.
13. Zagvozdkin N.N. The role of resource support of pre-trial proceedings in the implementation of criminal procedural policy // *Siberian criminal procedural and criminalistic readings*. — 2019, no. 1. pp. 78-84.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Ирина Павловна, кандидат юридических наук, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-6065-4888

ResearcherID: Y-3120-2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Irina Pavlovna, Candidate of Law, Chairman of Ust-Ilim City Court of Irkutsk Region Honorary Retirement, associate professor of Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.

ORCID: 0000-0002-6065-4888

ResearcherID: Y-3120-2019

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 140—148.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
no.4 (99). P. 140—148.

12.00.09. Уголовный процесс

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-140-148

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН КАК КРИТЕРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОМ УГО- ЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Дмитрий Михайлович Сафронов¹, Лариса Сергеевна Шестакова²

¹Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация, dimsafonov@bk.ru

²Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация, shela2811@mail.ru

Введение: решение вопросов, связанных с формированием системы следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве России должно осуществляться через определение ключевых прав граждан, которые данными действиями ограничиваются.

Материалы и методы: при подготовке статьи использовались материалы уголовных дел, расследованных следственными подразделениями и подразделениями дознания УМВД России по Омской области. Использовались формально-юридический метод, эмпирический метод и метод системного анализа.

Результаты исследования: авторы полагают, что процесс формирования системы поисково-познавательных действий в рамках уголовного судопроизводства требует в свою основу положить не вновь вводимые технологии, а права лиц, ограничение которых в установленном законом порядке, позволит установить обстоятельства, имеющие значение для дела, и разрешить его по существу.

Выводы и заключения: делается вывод о необходимости формирования системы поисково-познавательных действий через установление в качестве критериев — конституционных прав граждан, а не путем введения новых действий, обслуживающих новую разработанную промышленностью научную технологию.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, ограничение конституционных прав, следственные действия, поисково-познавательные действия.

Для цитирования: Сафронов Д. М., Шестакова Л. С. Использование конституционных прав граждан как критерия формирования системы поисково-познавательных действий в современном уголовном судопроизводстве// Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 140—148. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-140-148

12.00.09. Criminal proceedings

Original article

**THE USE OF CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS
AS A CRITERION FOR THE FORMATION OF A SYSTEM OF SEARCH
AND COGNITIVE ACTIONS IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS****Dmitry M. Safronov¹, Larisa S. Shestakova²**¹Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, dimsafronov@bk.ru²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, shela2811@mail.ru

Introduction: the solution of issues related to the formation of a system of investigative actions in the criminal procedure legislation of Russia should be carried out through the definition of key rights of citizens who are limited to these actions.

Materials and methods: during the preparation of the article, materials of criminal cases investigated by investigative units and inquiry units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Omsk region were used. The formal legal method, the empirical method and the method of system analysis were used.

The results of the study: the authors believe that the process of forming a system of search and cognitive actions in the framework of criminal proceedings requires the rights of persons to be based on, the restriction of which will allow to establish the circumstances relevant to the case and resolve it on its merits.

Findings and Conclusions: it is concluded that it is necessary to form a system of search and cognitive actions through the correct establishment of restricted rights, and not by introducing an action serving a new scientific technology developed by the industry.

Keywords: criminal proceedings, restriction of constitutional rights, investigative actions, search and cognitive action.

For citation: safronov Dmitry Mikhailovich, Shestakova Larisa Sergeevna. The use of constitutional rights of citizens as a criterion for the formation of a system of search and cognitive actions in modern criminal proceedings. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 140— 148 (in Russ.).

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-140-148

Изучение современного уголовно-процессуального законодательства и складывающейся на его основе правоприменительной практики предлагает интересные, порой нестандартные, пути решения известных теоретических вопросов, которые в научной среде на конференциях и круглых столах, в монографиях и научных статьях обсуждаются на протяжении весьма длительного периода. Практический работник, следователь или дознаватель, стремясь оптимизировать расследование уголовного дела, своевременно направить его в суд, и исключить возвращение для устранения обнаруженных недостатков, порой предлагает оригинальные и интересные предложения, находясь в сложных и противоречивых условиях [1, с. 137—144].

К одному из таких противоречий современного уголовно-процессуального законодательства можно отнести необходимость сохранения стройной системы поисково-познавательных действий при учёте непрерывного развития научно-технического прогресса.

Ни для кого не секрет, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) стал развиваться путем введения все более точечных процедур, обслуживающих частные случаи. Так, например, вслед за решением Конституционного Суда Российской Федерации в него вошло положение об особенностях производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката (ст. 450.1 УПК РФ). Общие положения о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, описанные в ч.ч. 1—6 ст. 185 УПК РФ, были дополнены несколько неожиданной частью 7, касающейся электронных и иных передаваемых по сетям сообщений. Справедливости ради можно сказать, что в данном случае, как никогда ранее, сработал известный правовой принцип: «Строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения». Практические работники продолжали использовать ст. 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» и для установления факта соединения, и для установления его содержания. Между тем анализ закона показывает принципиальное отличие обоих действий [2, с. 30—33]. И разница существенна.

Как реагирует правоприменительная практика на вводимые частные процедуры и новые следственные действия? Задавшись целью изучить этот вопрос, авторы настоящей статьи провели выборочное изучение уголовных дел и принимаемых в ходе производства по ним судебных решений, посвященным охраняемым Конституцией Российской Федерации правам. Для изучения были выбраны уголовные дела с судебными решениями о производстве выемки. Их изучение позволило обратить внимание на ряд особенностей.

Прежде всего, следует заметить, что выемка в ее классическом виде стала применяться весьма редко. В абсолютном большинстве случаев практические работники стремятся получить изымаемые объекты у участников уголовного судопроизводства путем проведения осмотров либо выемок в кабинете следователя [3, с. 86—87]).

В ходе изучения более 100 уголовных дел, находящихся и находившихся в производстве органов предварительного следствия и дознания МВД России в 2020—2021 годах была обнаружена 21 выемка, проводимая по судебному решению. Все эти факты были приняты в рамках предварительного судебного контроля и предшествовали фактическому получению документов и материалов, имеющих значение для дела. Из них 16 решений касались производства выемки из банков и 5 из ломбардов.

При этом при исследовании не было обнаружено ни одного случая выемки из жилища. Проанализировав данную ситуацию, полагаем, это обоснованно. В тех случаях, когда лица сотрудничают с органами предварительного расследования, передача интересующих органы следствия и дознания объектов осуществляется либо путем принятия представленного либо путем выемки в кабинете следователя (дознателя), либо путем производства осмотра. В иных случаях, когда ситуация складывается конфликтно, следователям и дознавателям разумнее и целесообразнее провести обыск. Этим путем практика и пошла. В этой связи производство обыска в жилище стало определенным показателем наличия противодействия со стороны подозреваемого, обвиняемого, и, следо-

вательно, обусловило необходимость его преодоления путем применения более жестких силовых процедур [4, с. 63—67].

Однако и с теми судебными решениями, что были приняты в отношении объектов, находящихся в ломбардах либо в банках, ситуация тоже сложилась непростая.

Изучение уголовных дел показало следующее.

Из ломбардов было проведено 5 изъятий. Во всех решениях подозреваемый сам указал в ходе допроса на местонахождение похищенного имущества. При этом изымаемые предметы были сопоставимо малы (как, например, золотой браслет или сотовый телефон), и для их изъятия фактически требовалось производство обыска. В двух случаях органы расследования ходатайствовали, и суд их поддержал в необходимости производства обыска. При этом в одном случае перечень сданного имущества не был конкретизирован, а лишь указана категория — «похищенное имущество», в другом изымаемый предмет был сопоставимо большим — телевизор, и его сокрытие в ломбарде, думается, было бы сомнительно, он мог быть сравнительно легко обнаружен и изъят.

В этой связи видится интересным правовой анализ возникающим отношениям. Так, ст. 354 Гражданского кодекса Российской Федерации указывает на возможность передачи прав и обязанностей по договору залога. Ссылающаяся на нее норма Федерального закона «О ломбардах»¹ (далее — ФЗ «О ломбардах»), именуемая в ч. 2 ст. 4 «Последствия изъятия, принудительного изъятия либо выемки заложенной или сданной на хранение вещи» указывает на то, что «в случае выемки заложенной или сданной на хранение вещи в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации либо изъятия в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях договор займа или договор хранения прекращается».

Сведения о заемщике либо поклажедателе, в соответствии со ст. 3 ФЗ «О ломбардах», составляют профессиональную тайну. Именно этим обстоятельством и была обусловлена, как представляется авторам настоящей статьи, необходимость производства изъятия имущества из ломбарда по судебному решению, несмотря на то, что ФЗ «О ломбардах» такой дополнительной гарантии профессиональной тайны не требовал.

Однако, как можем предположить, использование термина «выемка» в неспециализированном законе — ФЗ «О ломбардах» — было скорректировано самой правоприменительной практикой. Практика стала допускать производство изъятия имущества, сданного в ломбард, и путем производства названной в законе выемки, и путем производства, не названного в данном законе обыска. Полагаем, такая корректировка была и разумна, и правильна.

Во-первых, данные правоотношения касаются профессиональной тайны и, исходя из судебного решения, по всей видимости, не предполагалось. Это позволило отнестись к указанию в статье 4 ФЗ «О ломбардах» расширительно, оставляя существо деятельности — выемку, но не распространив предписание неспециализированного закона «О ломбардах» на форму следственного действия — выемку. Нельзя не заметить, что результат и выемки, и обыска один — изъятие. Однако обыск дополнительно предполагает возможность производства поисковых действий. В этой ситуации видится вполне разум-

¹ См.: О ломбардах [Электронный ресурс]: федер. закон от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ным оставить выбор действия за органами расследования, опирающимися на анализ имеющихся в уголовном дела материалов. Установление формы изъятия видится неоправданным, и практическими работниками в итоге не поддержано.

Во-вторых, практические работники органов предварительного расследования и суды стали разумно сопоставлять параметры изымаемых объектов и помещений, из которых такое изъятие осуществляется. При этом они пришли к выводу о том, что изъятие из ломбарда предметов, несопоставимых с самими ломбардами — это, по сути, поисковые действия, а, следовательно, необходимо исходить из понимания сущности уголовно-процессуальных действий, а не из буквального предписания нормы неспециализированного закона. Строго говоря, обнаружение и изъятие объектов, несопоставимых с местом изъятия, требует, безусловно, действий поискового характера. Значит, необходимо проводить именно обыск.

В-третьих, само по себе включение судов в процедуру изъятия имущества из ломбарда есть не что иное как дополнительная гарантия законодателя корректности защиты интересов ломбардов, обеспечиваемая силой судебного контроля. Полагаем, к этим же выводам пришли и суды, удовлетворяя ходатайства органов предварительного расследования и о производстве выемки, что соответствовало законодательству (ст. 4 ФЗ «О ломбардах», ст. 29 УПК РФ), и о производстве обыска, что фактически точнее отражало характер и содержание возникающих между участниками изъятия правоотношений.

При данных обстоятельствах, приветствуя складывающуюся правоприменительную практику, заметим, что нормотворчество — очень тонкий процесс, требующий принятия взвешенных решений. Видится разумным формировать процедуры, требующие использования смежных отраслей законодательства, исходя из описания существа затрагиваемых вопросов, но не их формы. В нашем случае в части 2 ст. 4 ФЗ «О ломбардах» целесообразнее было бы указать следующее: «В случае изъятия заложенной или сданной на хранение вещи, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации либо с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, договор займа или договор хранения прекращается». И суть проводимой процедуры была бы понятна, и в складывающиеся в уголовно-процессуальном законодательстве правоотношения норма бы не вторгалась. При таких обстоятельствах, как видится, было бы правильно поставить вопрос о приведении норм обоих законов в соответствие.

Кстати сказать, до настоящего времени ФЗ «О ломбардах» необходимость применения судебного решения в данном вопросе так и не поддержал. Возможно, оно здесь было исходно избыточным.

16 из обнаруженных нами решений судов касалось выемки сведений из банков. Из них 14 изъятий из банков касались переписок, связанных с движением денежных средств, изъятием документов, на основании которых проводились незаконные банковские операции (кредитных дел, договоров поручительства), либо документов, обеспечивающих производство судебных экспертиз, в частности почерковедческой.

Наше внимание привлекли два документа.

Первый представлял собой постановление о выемке из управления Пенсионного фонда Российской Федерации. Законодатель данный орган как защищающий тайны

граждан не называет. Законом «О банках и банковской деятельности»¹ он не охватывается. Поэтому, на первый взгляд, производство выемки из данной организации по судебному решению не вполне объяснимо. Между тем, считаем, что органы предварительного расследования поступили и разумно, и обоснованно. Причина этого кроется в содержании получаемой информации, а, точнее в том, что она, по сути, касается личной тайны и тайны вкладов, которые в случае обращения за подобными сведениями в банк, требовали бы получения судебного решения. И потому данные сведения строго охраняются законом, и их получение требует процедуры судебного контроля. Видимо, аналогичным образом рассуждал и правоприменитель, правильно указывая, что, поскольку ему необходимо получить дело лица, имеющего право на дополнительные меры государственной поддержки, а в деле содержится информация о счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а именно сведения, касающиеся перечисления денежных средств; и получение данной информации из банка, необходимо было провести процедуру судебного контроля, получив от суда разрешение на изъятие подобных сведений, что и было сделано.

Налицо процедура применения закона по аналогии, когда охраняемое законом право ставится выше, чем установленный законом перечень объектов, изъятие из которых информации требует судебного решения.

Изучая судебные решения и необходимость обоснования процедуры изъятия интересующей информации путем выемки из банков, считаем необходимым заметить следующее.

Проводимые выемки, осуществляемые с разрешения суда, предполагают точное представление о местонахождении изымаемого объекта, что при сопоставлении размеров нескольких листов дела вкладчика с размерами помещения, занимаемого банками, видится необоснованным. Данный порядок скорее констатирует определенную договоренность между органами предварительного расследования и банковскими организациями, поскольку в случае отказа банков от сотрудничества органы расследования не смогут в рамках выемки получить документы, потому что им неизвестно их местонахождение. Однако в случае производства обыска данные документы могут быть обнаружены, но финансовые и временные потери, связанные с приостановлением работы банка, не позволяют банкам в этом вопросе оказывать противодействие. При этом нельзя не заметить, сам по себе факт судебного разрешения еще не становится гарантией защиты интересов органов предварительного расследования, поскольку среди банковских служащих также могут быть соучастники преступления. Следовательно, не исключена возможность их противодействия в процессе получения сведений о переводах и счетах лиц, преследуемых в уголовно-процессуальном порядке, что вновь подводит исследователя к вопросу о необходимости правильно определять средство для изъятия объектов: выемка или обыск.

При сложившихся условиях для получения информации из банков видится более взвешенным и правильным использовать процедуру обыска как отражающую существо проводимых действий и позволяющую без повторного обращения в суд прибегнуть к поисковым действиям. При этом задействование в процедуре ограничения права на тайну вклада суда — профессиональной банковской тайны — уже само по себе ста-

¹ См.: О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

новится гарантом обоснованности требования органов предварительного расследования о необходимости ограничения данного права. Это уже вторая из приводимых ситуаций, когда применяемая процедура и фактически и юридически неоправданно снижает эффективность судебной деятельности и основанной на ней деятельности органов предварительного расследования. Обыск предпочтительнее выемки. А цель защиты прав отдельных лиц, указанных в основном законе страны, является для правоприменителей более предпочтительной, несмотря на то, что закон не называет все объекты для изъятия необходимой информации, опираясь больше на необходимость защиты прав.

Не можем не заметить, что, по данным интервьюирования отдельных практических работников органов предварительного следствия, аналогичная практика складывается и в Новосибирской области.

Вторая выемка из банка, вынесенная на обсуждение, оказалась не менее интересной. По ходатайству органов предварительного расследования суд разрешил осуществить выемку из банка письменной корреспонденции, поступившей по почте от имени определенных лиц. При этом и суд, и органы расследования руководствовались п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, т. е. положением, требующим судебного решения на производство «выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях». А между тем речь должна была вестись об ином праве — о праве на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, предусмотренном ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации. Сложность ситуации состоит в том, что, исходя из буквального анализа УПК РФ, обратиться в суд, в соответствии с УПК РФ, нельзя, ибо данный закон предусматривает в таком случае лишь процедуру наложения ареста корреспонденции, разрешения на ее осмотр и выемку лишь в учреждениях связи (п. 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Банковская организация к таковым не относится.

Таким образом, закон, устанавливая формальные процедуры, не учитывает и, пожалуй, не может учитывать всего многообразия возникающих ситуаций. Возможно, проблема кроется в другом?

Приводимые примеры судебной практики, имеющей место в Омской области в 2014—2021 года, наглядно показывают, что избранный законодателем пусть правового регулирования, путем введения процедур, охватывающих различные избранные объекты, подлежащие охране, не является, по сути, ни эффективным, ни правильным.

При этом, полагаем, допускается ряд принципиальных ошибок.

Первая. Законодатель в непроцессуальном законе использует термины, которые несопоставимы ни с положениями действующего уголовно-процессуального закона, ни с потребностями складывающейся правоприменительной практики. Видится правильным указывать на правоотношения, которые нуждаются в защите путем введения судебного контроля. Процедуру же должен определять специальный процедурный закон.

Вторая. Законодатель исходит из добропорядочности органов, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства (ломбардов и банковских организаций), а, следовательно, рассчитывает на их непротиводействие либо даже содействие при изъятии объектов, имеющих значение для дела. Однако авторы статьи не обнаружили данных, обосновывающих такое безоговорочное допущение.

Третье. Законодатель выделяет заведомо более узкую процедуру выемки, не указывая на обыск. Между тем подлежащие изъятию объекты несопоставимы с размерами места, откуда происходит изъятие, в изученных нами уголовных делах нет указания на конкретные места, из которых и надлежало изымать искомые объекты. Иначе говоря, проводимая процедура использовалась как бы «по умолчанию», что, по сути, не отражает и не может отражать ни фактически складывающиеся отношения, ни отношения необходимые для обеспечения целей уголовного судопроизводства.

Изучение складывающейся правоприменительной практики позволяет обратить внимание на возможность и даже необходимость переоценки подходов к ограничению конституционных прав граждан.

Как представляется, в настоящее время избранный законодателем путь «обслуживания» отдельных современных технологий посредством введения дополнительных следственных действий является, по сути, порочным.

УПК РФ не может и не должен формироваться исходя из уровня развития научно-технического прогресса. Его задача — предложить сбалансированные способы обеспечения законных интересов государственных органов путем введения судебного контроля при учете интересов отдельных частных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. А для этого необходимо не вводить новые действия, описывающие новые технологии, а обратить внимание на возможность ограничения тех либо иных прав граждан вне зависимости от того, в ходе какого именно действия данное право может быть затронуто и ограничено [5, с. 27—31]. И тогда, возможно, появится способ оптимизации системы поисково-познавательных действий, которые будут необходимо и разумно обеспечивать ограничения конституционных прав граждан вне зависимости от места, где это право будет ограничено. Практические работники свое слово в данном вопросе высказали. Возможно, стоит всерьез задуматься над данным вопросом и исследователям. «Стоит ли множить сущее без необходимости?», стоит ли придумывать отдельные следственные действия, когда Конституция Российской Федерации защищает право? Полагаем — нет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безруков С. С. Использование оценочных понятий в условиях реформирования российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 3 (98). — С. 137—144.
2. Сафронов Д. М. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты получения информации о пользователях сети Интернет при производстве следственных действий / Д. М. Сафронов, К. С. Сидорова // Российская юстиция. — 2021. — № 1. — С. 30—33.
3. Новицкий А. Н. Проблемные вопросы производства обыска и выемки в уголовном процессе Российской Федерации // Молодой ученый. — 2017. — № 38 (172). — С. 86—87.
4. Тактоева В. В. Проблемы соблюдения прав и законных интересов лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений в порядке ст.ст. 91—92 УПК РФ / В. В. Тактоева, А. Н. Залескина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 3 (7). — С. 63—67.
5. Сафронов Д. М., Соотношение интересов государства и личности в рамках уголовного судопроизводства в условиях чрезвычайного правового регулирования / Д. М. Сафронов, Л. С. Шестакова // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (23). — С. 27—31.

REFERENCES

1. Bezrukov S. S. The use of evaluative concepts in the conditions of reforming the Russian criminal procedure legislation// Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 3 (98), pp. 137-144.
2. Safronov, D.M., Sidorova K.S. Criminal procedural and criminalistic aspects of obtaining information about Internet users during investigative actions// Russian Justice, 2021, no. 1, pp. 30-33.
3. Novitsky A.N. Problematic issues of search and seizure in the criminal process of the Russian Federation // Young Scientist. 2017, no. 38 (172), pp. 86-87.
4. Taktoeva V.V., Zaleskina A.N. Problems of observance of the rights and legitimate interests of persons detained on suspicion of committing crimes in accordance with Articles 91-92 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation// Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2018, no. 3 (7). pp. 63-67.
5. Safronov D.M., Shestakova L.S. Correlation of interests of the state and the individual in the framework of criminal proceedings in the conditions of emergency legal regulation// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 3 (23), pp. 27-31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сафронов Дмитрий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики. Омская академия МВД России 644092, г. Омск, ул. Комарова, д.7.

ORCID: 0000-0002-8202-991X

Шестакова Лариса Сергеевна, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-1596-4684

INFORMATION ON AUTHORS

Safronov Dmitry Mikhailovich, candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminalistics of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7, Komarova St, Omsk, Russia. 644092

ORCID: 0000-0002-8202-991X

Shestakova Larisa Sergeevna, senior lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov Irkutsk, Russia. 664074

ORCID: 0000-0002-1596-4684

Статья поступила в редакцию 23.04.2021; одобрена после рецензирования 18.05.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 23.04.2021; approved after reviewing 18.05.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 149—162.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 149—162.

**12.00.11. Судебная деятельность,
 прокурорская деятельность, правозащитная
 и правоохранительная деятельность**

Научная статья

УДК 351.74:331.107.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-149-162

**О ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
 ПОДХОДАХ К ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИЮ СОВЕЩАНИЙ И ИНЫХ
 КОЛЛЕГИАЛЬНЫХ ФОРМ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ
 РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ**

Елена Владимировна Кушнарёва

Главное Управление МВД России по г. Москве, г. Москва, Российская Федерация,
 Kushnaryova82@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются теоретико-правовые и методологические подходы к проведению совещаний в системе МВД России. Определены теоретическая, нормативная основы, а также методология проведения совещаний.

Материалы и методы: нормативную основу исследования представляет федеральное и ведомственное законодательство, регламентирующее функционирование совещаний и иных коллегиальных форм принятия управленческих решений в системе МВД России, а именно их подготовку и проведение. Методология исследования представлена диалектическим методом познания, в частности контент-анализом и теоретико-правовым моделированием.

Результаты исследования позволили сформулировать классификацию проводимых совещаний в системе МВД России, которые могут повысить эффективность деятельности всего совещательного процесса, и, следовательно, всей системы органов внутренних дел Российской Федерации. Также в данном исследовании предложен алгоритм подготовки и проведения совещаний.

Выводы и заключения: управление в органах внутренних дел строится на постоянном поиске, принятии и исполнении решений, которые будут эффективно влиять на устойчивую её деятельность и перспективное развитие в дальнейшем. Классическим, а также продуктивным способом эффективного управления считается деятельность института проведения совещаний в системе МВД России. Стоит отметить, что данный вид деятельности является одним из самых важных и обязательных, оказывающих влияние на деятельность подчиненного коллектива. Грамотная организация подготовки и проведения коллегиальных форм принятия управленческих решений влияет на четко выстроенную организационную деятельность любого руководителя.

В ходе настоящего исследования определены основные аспекты нормативно-правовой и методологической основ проведения совещаний в органах внутренних дел, предложен новый взгляд на классификацию совещаний, а также документационное обеспечение совещательного процесса.

Ключевые слова: совещания, совещательный процесс, органы внутренних дел, управленческие решения, коллегиальные формы принятия управленческих решений, теоретико-правовые и методологические подходы, совещательные органы.

Для цитирования: Кушнарёва Е.В. О теоретико-правовых и методологических подходах к подготовке и проведению совещаний и иных коллегиальных форм принятия управленческих решений в системе МВД России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 149—162.

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-149-162

12.00.11. Judicial Activities, Prosecutorial Activities, Human Rights and Law Enforcement

Original article

ON THEORETICAL, LEGAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES PREPARATION AND HOLDING OF MEETINGS AND OTHER COLLECTIVE FORMS OF MANAGERIAL DECISION-MAKING IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Elena V. Kushnareva

Ministry of Internal Affairs of Russian in Moscow, Moscow, Russian Federation, Kushnaryova82@mail.ru

Introduction: this paper discusses the theoretical, legal and methodological methods of systematic meetings held in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The theoretical, normative basis and methods of the meeting are determined.

Materials and Methods: the normative basis of the study is federal and departmental legislation regulating the functioning of meetings and other collegial forms of managerial decision-making in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, namely their preparation and conduct. The research methodology is represented by the dialectical method of cognition, in particular, content analysis and theoretical and legal modeling.

The results of the study: allowed us to formulate a classification of meetings held in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which can increase the efficiency of the entire consultative process and therefore the entire system of internal affairs bodies of the Russian Federation. Also in this study, an algorithm for preparing and holding meetings is proposed.

Findings and Conclusions: management in the internal affairs bodies is based on constant search, adoption and execution of decisions that will effectively affect its sustainable activities and long-term development in the future. The activity of the institute of holding meetings in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia is considered a classic,

as well as a productive way of effective management. It is worth noting that this type of activity is one of the most important and mandatory, influencing the activities of the subordinate team. Competent and clear organization of the preparation and conduct of collegial forms of managerial decision-making affects the well-structured organizational activity of any manager.

In the course of this study, the main aspects of the regulatory and methodological framework for holding meetings in the internal affairs bodies are identified, a new view on the classification of meetings is proposed, as well as the documentation support of the consultative process.

Keywords: meetings, consultative process, internal affairs bodies, managerial decisions, collegial forms of managerial decision-making, theoretical, legal and methodological approaches, advisory bodies.

For citation: Kushnareva Elena Vladimirovna. On the theoretical, legal and methodological approaches preparation and holding of meetings and other collective forms of managerial decision-making in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russian. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 149— 162 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-149-162

Известно, что одним из ведущих элементов совершенствования повседневной деятельности органов внутренних дел считается оптимизация процесса подготовки и проведения совещаний, формы и виды которых довольно разнообразны. При этом особое внимание в ходе любого заседания уделяется анализу эффективности деятельности по тому или иному направлению, а также выработке управленческих решений и ориентировании участников обсуждения на их реализацию.

На фоне постоянной оптимизации деятельности всей системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее также — МВД России), потребность совершенствования теоретических основ коллегиальных форм принятия управленческих решений очевидна.

Повсеместно в управлении любой организации можно встретить упоминание о том, что совещания, деловые встречи, переговоры занимают большую часть рабочего времени руководящих сотрудников. Становится совершенно очевидным, что грамотное и высокорациональное выстраивание рабочего процесса, своего и подчиненных, должно быть одной из черт любого современного руководителя. Однако, как показывают проводимые проверки управленческой деятельности территориальных подразделений системы МВД России, в том числе на районном уровне, многие руководители не могут понять смысла и значения существования института совещаний, а некоторые из них лишь частично понимают процесс их подготовки и проведения [1, 94].

Анализ нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность коллективных форм принятия управленческих решений в органах внутренних дел, показывает, что данная сфера не полностью изучена и порой не дает ответов на поставленные вопросы. При этом проведенное исследование среди руководителей, в том числе руководителей подразделений на районном уровне самого многочисленного гарнизона полиции Российской Федерации, а именно Главного управления МВД России по г. Москве, вывил

ряд проблемных вопросов, ставших основой настоящей статьи¹. По этой причине было подготовлено данное исследование, целью которого является систематизация теоретических, правовых и методологических основ подготовки и проведения совещаний и иных коллегиальных форм принятия управленческих решений.

Анализируя действующие нормативные правовые акты, можно отметить, что Указом Президента Российской Федерации² от 21 декабря 2016 года № 699 утверждено Положение, в котором закреплено: «В Министерстве внутренних дел Российской Федерации³ образуется коллегия⁴». Министр внутренних дел вправе образовывать «координационные, консультативные, экспертные и совещательные органы (советы, комиссии), в том числе межведомственные, в сфере внутренних дел»⁵.

Именно по этой причине вышеупомянутые коллегиальные формы выработки решений, влияющих на повышение эффективности деятельности, закреплены в положениях о территориальных органах внутренних дел по субъектам Российской Федерации, например, в приказах МВД России от 27 июня 2017 года № 551⁶, от 6 марта 2017 года № 109⁷.

Вместе с тем в 2011 году были закреплены термины «коллегия, совещание при Министре внутренних дел Российской Федерации» и утверждены регламенты данных совещательных органов, а также «оперативные совещания»⁸. Приказом Министра было предписано создать регламенты проведения «коллегий» и «оперативных совещаний» в территориальных органах МВД России на региональном уровне. Такие регламенты должны были нормативно закрепить состав участников коллегии и оперативного совещания при начальниках, дни и периодичность проведения заседаний таких коллегиальных форм принятия управленческих решений. Между тем термины «коллегия» и «оперативное совещание» встречаются в приказе МВД России от 17 октября 2013 года № 850⁹.

¹ В исследовании приняли участие более 1000 (1044) руководителей системы ГУ МВД России по г. Москве.

² Об утверждении Положения о Министерстве Внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства Внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации [Электронный ресурс]: офиц. текст Указа Президента Российской Федерации № 699 от 21 декабря 2016 г. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

³ Далее – МВД России или Министерство внутренних дел Российской Федерации.

⁴ Там же п. 21.

⁵ Там же п. 11.

⁶ Об утверждении Положения о Главном Управлении Министерства внутренних дел по городу Москве [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 28 июля 2017 г. № 551. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

⁷ Об утверждении Положения о Главном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Красноярскому краю: приказ Мин-ва внут. дел России от 6 марта 2017 г. № 109. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

⁸ О коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, совещании при Министре внутренних дел Российской Федерации и совещании при заместителе Министра внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 15 августа 2011 г. № 948. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

⁹ Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 17 октября 2013 г. № 850. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

Важно отметить, что в территориальных органах внутренних дел МВД России на районном уровне также: «Действуют оперативные совещания для рассмотрения текущих вопросов деятельности территориального органа»¹. Стоит отметить, что приказ МВД России от 15 августа 2011 года № 948 не только раскрыл понятия «коллегия» и «совещание», но и предложил понятийный аппарат к данным терминам.

Так, данным документом, предписано: «Коллегия является совещательным органом, который на своих заседаниях вправе рассматривать любой вопрос, входящий в компетенцию МВД России, требующий коллегиального рассмотрения». При этом совещание: «Является одной из форм коллегиального рассмотрения текущих вопросов деятельности подразделений системы МВД России»².

Приказ МВД России от 15 августа 2011 года № 948 регламентирует организацию и проведение совещаний в системе МВД России, что продиктовано необходимостью рассмотрения вопросов деятельности МВД России, а в рамках коллегий — рассмотрением наиболее остро стоящих вопросов оперативно-служебной деятельности и требующих коллегиального решения.

При этом у руководителей территориальных органов внутренних дел и у практических сотрудников зачастую возникает вопрос: что можно отнести к «любым вопросам, требующим коллегиального обсуждения» или «текущим вопросам»? Эти аспекты можно отнести к реализации функции планирования в управленческой деятельности и организации планирования данных совещательных органов [2, с. 7].

В связи с вышеизложенным необходимо говорить о методологической подходах к организации и проведению совещаний. Так, эффективность деятельности любого совещательного органа в значительной мере формируется на основном этапе — этапе планирования. При этом, в соответствии с приказом МВД России от 26 сентября 2018 года № 623³, в территориальных органах внутренних дел проводится анализ состояния оперативной обстановки, отдельных направлений оперативно-служебной деятельности, в ходе которых выявляются проблемные вопросы, требующие коллегиального обсуждения для выработки и принятия управленческих решений. При этом прорабатываются предложения, с целью формирования графика проведения совещаний, коллегий, основанные на результатах информационно-аналитической работы.

Говоря о принципе планирования, применимого в том числе к проведению совещаний, и учитывая тот факт, что значительное число процедур, требующих совещательных мероприятий с участием руководителя подразделения для рассмотрения вопросов и принятия соответствующих решений, в ходе оперативно-служебной деятельности, планирование оперативных совещаний стоит обеспечивать исходя из рациональности их организации, а также учитывая «тренды повседневности» и необходимости в совместном решении вопросов, касающихся вопросов служебной деятельности. Практическими со-

¹ Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне» [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 5 июня 2017 г. № 355. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

² О коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, совещании при Министре внутренних дел Российской Федерации и совещании при заместителе Министра внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 15 августа 2011 г. № 948. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

³ Вопросы организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 26 сентября 2018 г. № 623. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

трудниками установлено, что обсуждение трех вопросов, но не больше, является особо продуктивным.

Необходимо подчеркнуть, что совещания проводятся под председательством заместителей руководителей органов внутренних дел¹. Регламенты проведения таких совещаний утверждаются правовыми актами руководителей соответствующих подразделений, которыми, как правило, утверждается единый порядок организации и проведения совещаний.

В частности, в Московском гарнизоне установлен целостный подход при организации и проведении заседаний совещательных органов. Совещания при заместителях начальника; совещания (оперативные совещания) при руководителях подразделений ГУ МВД России по г. Москве² проводятся с соблюдением единых требований.

Анализируя планирование работы коллегии, можно установить, что порядок подготовки предложений действует тот же, что и для планирования совещаний, которые предоставляются субъекту планирования не позднее, чем за месяц до запланированного периода (до 1 июня и 1 декабря соответственно). При этом при планировании необходимо учитывать уровень коллегиального органа, на рассмотрение которого выносится тот или иной вопрос.

Практический опыт показывает, что рассмотрение любых «вопросов, требующих коллегиального обсуждения» абсолютно не значит, что на заседаниях коллегии можно обсуждать любой вопрос. Очевидным является тот факт, что даже продолжительный срок, на который осуществляется планирование заседаний коллегии (полугодие — I и II, соответственно), подразумевает, что обсуждаемые вопросы, требуют серьезной организации и проработки. Как правило, на заседаниях коллегии рассматриваются вопросы, связанные с наиболее важными сторонами деятельности, затрагивающими вопросы комплексного решения правоохранительных задач. Также стоит отметить, что на коллегиях, зачастую, рассматриваются итоги деятельности за полугодие и год.

Анализируя заседания оперативных совещаний, можно отметить, что повсеместно обсуждаются вопросы текущей деятельности органов внутренних дел, которые, как правило, находятся в центре внимания руководителя на постоянной основе и по которым требуется принятие актуальных решений.

Совершенно бесспорным является тот факт, что «первым лицам», а также сотрудникам штабов нужно учитывать, что совещание, прежде всего, не ограничивается только временем его проведения, важно учитывать время прибытия на заседание и время убытия после проведенного заседания на свое рабочее место, а также непредвиденные обстоятельства.

Именно по этой причине проведению оперативных совещаний лучше посвятить определенные дни недели и определенное время. Данную мысль подтвердило проведенное исследование, представленное в диаграмме 1³.

¹ Там же п.3.

² Пункт 45 регламента оперативного совещания при начальнике ГУ МВД России по г. Москве, утвержденного приказом ГУ МВД России по г. Москве от 30 июня 2021 г. № 244.

³ Исследование проведено среди руководителей подразделений системы ГУ МВД России по г. Москве.

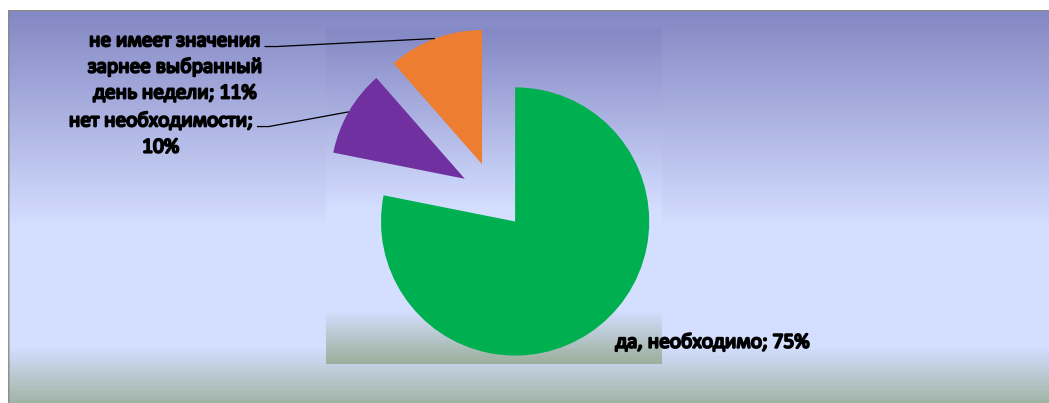

Диаграмма 1

Знание данных дефиниций в том числе позволит спланировать свое рабочее время другим участникам заседания.

При этом руководителям стоит учитывать следующие аспекты:

1. Обозначить определенную задачу — с какой целью проводится совещание. Необходимо проверить, возможно ли реализовать ту или иную задачу, используя механизм проведения совещания.

2. Сформулировать способы и методы проведения совещания, которые приведут к поставленной цели.

3. Регламентировать временные рамки заседания и обеспечить точное время начала и окончания.

4. Вне зависимости от цели совещания обязательно зарезервировать время на то, чтобы участники задали вопросы и высказали свою позицию.

5. Установить лимит выступления участников, в том числе и свой лимит. Речи, занимающие больше установленного времени, не приветствуются (например, 10 минут). Это правило применимо к «первым лицам» в том числе [3, с. 39].

Изучение настоящей проблематики показало, что, помимо организационных вопросов, важным аспектом методологической основы организации проведения заседаний коллегиальных форм принятия управленческих решений является время проведения совещаний. Согласно исследованиям, время проведения заседания любого совещательного органа не должно превышать 60 минут, именно так можно обеспечить эффективное его проведение, и, как следствие, грамотные управленческие решения [1, с. 95].

Отмечено, что при проведении совещания свыше указанного времени у участвующих в проведении заседания начинают ослабевать когнитивные способности человека, такие как: восприятие, внимание, анализ получаемой информации, запоминание. А в конечном итоге наступает усталость. Более того, при переходе этого времени за 90 минут, заинтересованность рассматриваемой проблематикой исчезает вовсе, а специалисты в области психологии данный этап называют периодом негативной активности [4, с. 91].

Исходя из вышеприведенного, можно сказать, что наиболее продуктивное время проведения любых заседаний — не более 1 часа, максимальное — 1,5 часа. В случае проведения заседаний в более продолжительное время, председательствующим рекомендуется организовывать перерыв уже после 40—45 минут времени его проведения.

В контексте установленной продолжительности совещания оптимальными временными рамками для выступлений (докладов, отчетов) являются 5—10 минут, а для вступительного и заключительного слова председателя совещания — не более 5 минут. Итоговый доклад может быть 30—45 минут (в редких случаях).

Говоря о методологии проведения совещаний, стоит уделить внимание такому этапу, как подготовка к проведению совещаний и подготовка основных документов, разрабатываемых к заседаниям.

Характерно, что материалы совещания готовятся в соответствии с установленными правилами подготовки документов в системе МВД России, объем их текста, как правило, не должен превышать: для предложений в проект решения оперативного совещания — 3 страниц машинописного текста (14 шрифт, одинарный интервал); для информационной справки — 5 страниц машинописного текста.

При этом ответственный исполнитель обобщает поступившие от соисполнителей информационно-справочные материалы и предложения, на основе которых готовит проект решения оперативного совещания, а также предложения по списку членов оперативного совещания с указанием докладчика (содокладчиков) и выступающих на оперативном совещании и за 5 рабочих дней до установленной даты проведения такого совещания представляет в штабное подразделение в бумажном и электронном виде информационную справку. В том случае, если материалы совещания не соответствуют предъявляемым требованиям, сотрудники штабных подразделений (либо ответственные за организацию подготовки совещаний) докладывают рапортом на имя начальника о нарушениях, выявленных в ходе подготовки совещания и действуют в соответствии с его указаниями.

Выступления (доклады, отчеты) в ходе совещания могут быть дополнены мультимедийным графическим сопровождением (слайды, презентации). По решению председателя совещания тексты выступлений (доклады, содоклады, отчеты) приобщаются к материалам совещания [5, с. 498].

Исходя из характера и количества рассматриваемых вопросов и числа выступающих лиц, для председателя совещания (по его решению) может готовиться сценарий проведения совещания, в котором в последовательной форме отражается порядок и предполагаемый ход проведения совещания, вступительное и заключительное слово председательствующего, его возможные реплики, вопросы к докладчикам, выступающим и присутствующим [1, 95].

Стоит отметить, что по решению председателя совещания могут готовиться иные документы, необходимые для полного и всестороннего рассмотрения вопроса (материалы инспектирований, контрольных и целевых проверок, информационные справки по отдельным направлениям деятельности).

Резюмируя вышеприведенные стадии, можно определить следующий алгоритм подготовки и проведения совещаний:

1. Планирование деятельности совещаний, которое включает: а) анализ результатов оперативно-служебной деятельности и поиск проблемных вопросов, требующих рассмотрения на совещании при руководителе органа внутренних дел; б) подготовку запросов предложений в график проведения совещаний; в) сбор и анализ поступивших предложений; г) подготовку графика проведения совещаний и его направление в заинтересованные подразделения.

2. Подготовка к проведению совещания, заключается в: а) подготовке указания о проведении совещания; б) подготовке повестки проведения совещания; в) сборе и анализе материалов для проведения совещания; г) тиражировании материалов и их предоставлении председателю совещания и постоянным участникам совещания.

3. Проведение совещания, состоит из: а) регистрации участников совещания; б) рассадки участников совещания; в) непосредственного обсуждения вопросов, выработки управленческих решений; г) протоколирования хода проведения совещания.

4. Документальное оформление результатов и управленческих решений, выработанных в ходе проведения совещания, охватывает: а) подготовку проекта протокола и его согласование; б) подписание и рассылку протокола участникам совещания.

В рамках настоящей статьи стоит отметить некоторые отличия заседаний совещательных органов в территориальных органах МВД России на примерах регионального и районного уровней.

Таблица 1

Критерии	Управления на региональном уровне	Подразделения на районном уровне
Характер рассматриваемых вопросов	Характер рассматриваемых вопросов носит региональный характер, имеет развернутые формулировки, применимые к региону	Характер рассматриваемых вопросов носит узконаправленный характер, в частности это могут быть вопросы, посвященные подведению итогов деятельности за отчетный период либо рассмотрение вопросов, связанных с раскрытием и расследованием отдельных видов преступлений
Периодичность проведения совещаний	Исходя из специфики выполняемых задач имеется необходимость проведения плановых оперативных ежемесячных совещаний, а также совещаний, требующих рассмотрения текущих вопросов по мере необходимости.	Периодичность проведения плановых оперативных совещаний может быть установлена ежеквартально, а также совещаний, требующих рассмотрения текущих вопросов по мере необходимости.
Участники совещания	Возможно обсуждение текущих вопросов с приглашением представителей органов государственной власти, судебной власти и прокуратуры, а также взаимодействующих структур и других организации либо физических лиц, на усмотрение председателя заседания.	Возможно обсуждение вопросов о подведении итогов за определенные отчетные периоды с приглашением представителей муниципальных образований, районных судов и надзирающих прокуратур и других участников на усмотрение председателя заседания.

Ведя речь о научных подходах, методологически верным стоит, по мнению автора статьи, мнение В. Лозенко, согласно которому, мероприятие имеет статус совещания в том случае, если имеется руководитель совещания и перечень вопросов для

обсуждения [6, с. 23]. Такой научный подход применим к органам внутренних дел, т. к. любое совещание проводится для рассмотрения проблемных вопросов, порядок обсуждения которых определяется председательствующим (в большинстве случаев — руководителем либо его заместителем). Кроме того, научный интерес представляет классификация форм обсуждения, сформированных В. Лозенко:

— доклад — один участник выступает с докладом по определенной теме. Важно, чтобы доклад занимал не более семи минут, т. к. это именно то время, в течение которого в среднем способны удерживать свое внимание слушатели;

— обмен мнениями (информацией) — каждый из участников по очереди высказывается на определенную тему (отвечает на конкретный вопрос). Метод хорош тем, что позволяет создать целостную картину за счет того, что каждый участник совещания берет слово;

— мозговой штурм — участники в хаотичном порядке продумывают и предлагают ответы (решения) на конкретный вопрос (проблему). При этом необходима ситуация безоценочности по отношению к идеям, т. к. основная задача — генерировать как можно больше идей, даже самых абсурдных. Нужно предупредить сотрудников, чтобы они не критиковали предложения коллег и вообще не произносили слово «нет». Тогда обстановка будет непринужденной, и никто не будет замыкаться в себе. Впоследствии из всего многообразия можно выбрать те решения, которые больше всего подходят. Метод хорош тем, что позволяет использовать ресурс группы и найти творческие решения сложных задач;

— обсуждение — любой из участников может взять слово по имеющемуся вопросу, но не все должны высказываться в обязательном порядке. Этот метод полезен, когда проблема уже обсуждалась и все имели возможность выступить, однако еще остались спорные моменты и вопрос на сегодняшний день не решен [7, с. 163].

Как известно, служебные совещания представляют собой особый вид организации труда. Анализ имеющихся подходов к их классификации позволяет поддержать мнение И. В. Грошева, который провел систематизацию в зависимости от следующих основных признаков [3, с. 34]:

— по периодичности (частоте) проведения: разовые, регулярные, периодические;

— по количеству участников: узкий состав (до пяти человек), расширенные (до двадцати человек), представительные (свыше двадцати человек);

— по степени стабильности состава участников совещания: с фиксированным составом, с приглашенными по списку, составленному для каждого совещания, комбинированные;

— по принадлежности общественных организаций: административные, научные и научно-технические, объединенные;

— по масштабу привлечения участников: международные, республиканские, отраслевые, региональные, областные, городские, районные, внутренние (в масштабе одной организации или ее подразделений);

— по месту проведения: местные, выездные;

— по назначению: вырабатывающие и принимающие решения (проблемные совещания), инструктивные (передача необходимых сведений и распоряжений сверху вниз по схеме управления для скорейшего их выполнения), подводящие итоги и дающие оценку принятым ранее решениям, оперативные (диспетчерские).

Стоит отметить, что вышеприведенная методология проведения совещания применима к организации заседания любого совещательного органа, функционирующего в системе МВД России.

Используя основные подходы к проведению оперативных совещаний при начальнике территориального органа внутренних дел на региональном уровне, некоторые руководители своими регламентами классифицируют совещания, функционирующие в территориальном органе внутренних дел на региональном уровне. Например, в ГУ МВД России по г. Москве существуют следующая классификация оперативных совещаний¹:

Плановое — основная форма оперативного совещания, проводится в соответствии с графиком проведения оперативных совещаний в порядке, установленном соответствующими нормативными правовыми актами МВД России, правовыми актами ГУ МВД России по г. Москве.

Внеплановое — проводится по указанию начальника ГУ МВД России по г. Москве и в определенном им порядке для рассмотрения неотложных вопросов.

Рабочее — особая форма проведения внепланового оперативного совещания, отличающаяся, как правило, узким кругом участников, конкретностью и актуальностью решаемой задачи.

Инструктивное — особая форма проведения внепланового оперативного совещания для определения исполнителей и постановки задач, по конкретному мероприятию.

Согласительное — особая форма проведения внепланового оперативного совещания при наличии неурегулированных разногласий по проекту документа с участием полномочных представителей заинтересованных подразделений, по итогам которого при необходимости готовится таблица разногласий.

Селекторное — особая форма проведения внепланового оперативного совещания, отличающаяся участием руководителей в совещании с помощью средств селекторной связи.

Расширенное — с приглашением для участия в совещании руководителей подразделений ГУ МВД России по г. Москве, не являющихся постоянными участниками оперативного совещания.

Выездное — проводится с выездом в подразделение системы ГУ МВД России по г. Москве.

Совместное — проводится совместно с другими правоохранительными органами для рассмотрения вопросов, представляющих взаимный интерес.

В случае необходимости данный перечень может быть аппроксимирован, в том числе на совещания, проводимые в режиме видео-конференц-связи.

¹ Пункт 7 регламента оперативного совещания при начальнике ГУ МВД России по г. Москве, утвержденного приказом ГУ МВД России по г. Москве от 30 июня 2021 года № 244 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. – правовой системы «Консультант плюс».

По мнению автора настоящей статьи, такая классификация может быть применима ко всем территориальным органам МВД России, в том числе регионального и районного уровней.

Однако, как видится, приведенные аспекты методологических и теоретических основ на сегодняшний день остаются не изученными в полной мере. Совершенно очевидным представляется создание более совершенной нормативно-правовой базы на уровне МВД России, касающейся организации проведения и подготовки совещаний. Внедрение методологических основ в практический опыт повседневной деятельности сотрудников штабных подразделений либо сотрудников, отвечающих в различного рода подразделениях за организацию и проведение совещаний может сформировать ряд аспектов по совершенствованию функционирования МВД России.

Таким образом, в ходе мониторинга нормативных правовых актов установлено, что основным документом, регламентирующим деятельность различного рода совещательных органов, по коллегиальному рассмотрению вопросов в системе МВД России, является Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 года № 699, который закрепил основы деятельности органов внутренних дел. Детальная регламентация данного вопроса определяется приказом Министра внутренних дел Российской Федерации, а также приказами руководителей территориальных органов МВД России на всех уровнях.

Что касается планирования работы коллегии, то порядок подготовки предложений действует тот же, что и для планирования совещаний, которые предоставляются субъекту планирования не позднее, чем за месяц до запланированного периода (до 1 июня и 1 декабря соответственно). Стоит отметить, что при планировании необходимо учитывать уровень коллегиального органа, на рассмотрение которого выносятся тот или иной вопрос.

Например, рассмотрение любых «вопросов, требующих коллегиального обсуждения» абсолютно не значит, что на заседаниях коллегии можно обсуждать любой вопрос. Очевидным является тот факт, что даже продолжительный срок, на который осуществляется планирование заседаний коллегии (полугодие — I и II соответственно), подразумевает, что обсуждаемые вопросы, требуют серьезной организации и проработки. Как правило, на заседаниях коллегии рассматриваются вопросы, связанные с наиболее важными сторонами деятельности, затрагивающими вопросы комплексного решения правоохранительных задач. Также стоит отметить, что на коллегиях зачастую рассматриваются итоги деятельности за полугодие и год.

На заседаниях же оперативных совещаний повсеместно обсуждаются вопросы текущей деятельности органов внутренних дел, которые, как правило, находятся в центре внимания руководителя на постоянной основе и по которым требуется принятие актуальных решений.

Руководителям подразделений системы МВД России, а также сотрудникам штабов нужно принимать во внимание тот факт, что совещание, прежде всего, не ограничивается только временем его проведения, важно учитывать время прибытия на заседание и время убытия после проведенного заседания на свое рабочее место, а также непредвиденные обстоятельства.

В заключении статьи можно сделать вывод о том, что процесс организации подготовки и проведения заседаний коллегиальных форм принятия управленческих решений является одним из основных инструментов управленческой культуры руководителя. Важным элементом коллегиальных форм принятия управленческих решений является «коллективный разум», вовлечение обычных сотрудников во все стадии процесса управления, выработка грамотных решений.

Большое и неотъемлемое значение играет подготовка итогового документа заседания совещательного органа.

Методологической основой совещаний и иных коллегиальных форм принятия управленческих решений в системе МВД России является опыт практической деятельности, который неотделим от навыков и умений председателя совещания.

Иными словами, результативность любого заседания совещательного органа напрямую зависит от уровня его подготовленности, а нечетко поставленные задачи и размытые цели могут испортить успешно подготовленное заседание. При этом роль председателя совещания должна быть точно определена и иметь решающее значение в ходе любого заседания.

Приведенный в статье материал показал, что на сегодняшний день назрела острая необходимость изменения подходов к организации подготовке и проведению любого характера совещаний. Требуется оптимизация нормативно-правовая база МВД России, регламентирующая деятельность коллегиальных форм принятия управленческих решений, которая приведет к повышению эффективности деятельности подразделений системы МВД России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кушнарева Е. В. Алгоритм подготовки и проведения совещаний в территориальных органах МВД России // Труды Академии управления МВД России. — 2021. — № 3 (59). — С. 89—97.
2. Кузнецова Л. В. Организация подготовки и проведения заседаний коллегиальных органов в территориальных органах МВД России на региональном и районном уровнях: учеб.-метод. пособ. / Л. В. Кузнецова, Е. В. Миронов. — Барнаул: Барнаульский институт МВД России, 2014. — 64 с.
3. Грошев И.В. Служебное совещание: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Менеджмент» / И.В. Грошев, А.П. Поздняков и др. — СПб, 2005. — 203 с.
4. Сорокина Е. Л. Наследственные липодистрофии: клинические, гормональные и молекулярно-генетические характеристики: дис. ... канд. мед. наук. — Москва, 2017. — 120 с.
5. Константинов И. В. Повышение эффективности совещаний при выработке управленческих решений / И. В. Константинов, Д. Э. Ермошенко // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2016. — № 2. — С. 498—499.
6. Лозенко В. К. Совещания XXI века // В. Лозенко, Д. Морозов / Управление персоналом. — 2007. — № 19. — С. 22—27.
7. Деловые коммуникации: учебник / под ред. Л. И. Чернышовой. — М.: Финансовый университет, Департамент социологии, 2018. — 338 с.

REFERENCES

1. Kushnareva EV Algorithm for preparing and holding meetings in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 3 (59), pp. 89-97.
2. Kuznetsova L. V. Organization of preparation and holding of meetings of collegial bodies in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional and district levels: study guide. manual. / L. V. Kuznetsova, E. V. Mironov. - Barnaul: Barnaul Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014, 64 p.
3. Groshev I.V. Service meeting: textbook. A manual for university students enrolled in the specialty "Management" / I.V. Groshev, A.P. Pozdnyakov and others - St. Petersburg, 2005, 203 p.
4. Sorokina EL Hereditary lipodystrophies: clinical, hormonal and molecular genetic characteristics: dis. ... Cand. honey. sciences. Moscow, 2017, 120 p.
5. Konstantinov IV Improving the efficiency of meetings in the development of managerial decisions / IV Konstantinov, DE Ermoshenko // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2016, no. 2, pp. 498-499.
6. Lozenko V. K. Meetings of the XXI century // V. Lozenko, D. Morozov / Personnel management. 2007, no. 19, pp. 22-27.
7. Business communications: textbook / ed. L. I. Chernyshova. - М.: Financial University, Department of Sociology, 2018, 338 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кушнарёва Елена Владимировна, адъюнкт адъюнктуры Академии управления МВД России, заместитель начальника 1 отдела Управления анализа, планирования и контроля ГУ МВД России по г. Москве, г. Москве, ул. Петровка, дом 38.

ORCID: 0000-0001-5745-2372.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kushnareva Elena Vladimirovna, Postgraduate student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Deputy Head of the 1st Department of the Department of Analysis, Planning and Control of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, Moscow, Petrovka str., house 38.

ORCID: 0000-0001-5745-2372.

Статья поступила в редакцию 02.06.2021; одобрена после рецензирования 15.06.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 02.06.2021; approved after reviewing 15.06.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 163—175.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
no.4 (99). P. 163—175.

**12.00.11. Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность**

Научная статья

УДК 343.915

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-163-175

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРОФИЛАКТИКЕ БЕЗНАДЗОРНОСТИ
И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Тамара Николаевна Михайлова¹, Евгений Викторович Михайлов²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, stn-postman@mail.ru

²Прокуратура Свердловского района г. Иркутска, evm-postman@mail.ru

Введение: проблема безнадзорности и преступности несовершеннолетних является одной из социально опасных и значимых проблем современного общества. Надлежащим образом организованный надзор в данной сфере выступает приоритетным в работе органов прокуратуры Российской Федерации. В статье освещены вопросы организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Исходя из положений действующего законодательства определены основные направления деятельности и установлены субъекты системы профилактики детской беспризорности, безнадзорности и преступности. Применительно к поднадзорным субъектам выделены основные вопросы, проверку которых необходимо организовать должностным лицам органов прокуратуры при осуществлении надзорной деятельности.

Материалы и методы: основу исследования составило законодательство Российской Федерации, научные исследования в области профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Методологической основой исследования выступил общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, познавательные методы и приемы анализа, сравнения, обобщения и описания. Кроме того, использовался метод опроса через интервьюирование представителей органов прокуратуры Российской Федерации.

Результаты исследования позволили определить основные вопросы и эффективные формы организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Выводы и заключения: проанализированные нормы действующего законодательства, вопросы и формы организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних определили значимость и результативность работы органов прокуратуры в сфере охраны и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, несовершеннолетний, преступность, беспризорность, безнадзорность.

Для цитирования: Михайлова Т. Н., Михайлов Е. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 163—175. DOI:10.24412/2312-3184-2021-4-163-175

12.00.11. Judicial Activities, Prosecutorial Activities, Human Rights and Law Enforcement

Original article

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION ON THE PREVENTION OF NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY

Tamara N. Mikhailova¹, Evgeny V. Mikhailov²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, stn-postman@mail.ru

²Sverdlovsk district of Irkutsk Adviser of Justice, Irkutsk, Russian Federation, evm postman@mail.ru

Introduction: the problem of neglect and juvenile delinquency is one of the socially dangerous and significant problems of modern society. Properly organized supervision in this area is a priority in the work of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. The article deals with the organization of prosecutor's supervision over the implementation of legislation on the prevention of neglect and juvenile delinquency. Based on the provisions of the current legislation, the main areas of activity are defined and the subjects of the system of prevention of child homelessness, neglect and crime are established. In relation to the supervised subjects, the main issues are identified, the verification of which should be organized by the officials of the prosecutor's office in the implementation of supervisory activities.

Materials and methods: the normative basis of the study was the norms of international law, as well as the norms of the domestic legislation of the Russian Federation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as methods of logical deduction, cognitive methods and techniques of analysis, comparison, generalization and description.

The results of the study allowed us to identify the main issues and effective forms of organization and implementation of prosecutor's supervision over the implementation of legislation on the prevention of neglect and juvenile delinquency.

Findings and Conclusions: the article analyses the current legislation, issues and forms of organization of Prosecutor's supervision over execution of the legislation on the prevention of child neglect and juvenile delinquency has identified the significance and effectiveness of the prosecution authorities in the sphere of protection of rights and legitimate interests of minors.

Keywords: prosecutor, prosecutor's supervision, minor, crime, homelessness, neglect.

For citation: Mikhailova Tamara Nikolaevna, Mikhailov Evgeny Viktorovich Prosecutor's supervision over the implementation of legislation on the prevention of neglect and juvenile delinquency // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 163— 175 (in Russ.).

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-163-175

В 2017 году Президентом Российской Федерации В. В. Путиным был принят Указ № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»¹. Данный документ стал новым ориентиром в развитии системы органов, учреждений и мероприятий по защите прав и законных интересов несовершеннолетних. На его основе были разработаны как федеральный, так и региональные планы основных мероприятий, проводимых в рамках десятилетия детства в Российской Федерации, в которых нашли свое отражение в том числе и такие вопросы, как: разработка предложений, направленных на реформирование системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; выявление беспризорности; совершенствование системы взаимодействия органов и организаций по защите прав детей.

Преступность, безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних являются одной из наиболее актуальных проблем современного российского государства. К сожалению, за весь период своего существования наше общество не смогло полностью искоренить эти пагубные явления [1, с. 602]. Так, еще в 1935 году в СССР было принято постановление Совета народных комиссаров «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»², в котором на государственном уровне обращалось внимание на существование данной проблемы. Однако действенные способы ее решения не выработаны до сих пор.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, российские подростки ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 тысячах преступлений, при этом стабильно высоким является удельный вес несовершеннолетних, совершавших преступления и ранее. Именно повторная преступность несовершеннолетних является одной из наиболее опасных форм преступных проявлений данной категории граждан. При этом рецидивная преступность несовершеннолетних рассматривается органами прокуратуры в более широком смысле, под которую, помимо как такового рецидива, подпадают и случаи, когда: несовершеннолетний повторно совершил преступление (2 и более эпизода преступной деятельности по одному уголовному делу в период следствия); ранее привлекался к уголовной ответственности, однако был

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности [Электронный ресурс]: постановление Совета нар. комиссаров СССР, ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

освобожден от нее по нереабилитирующим основаниям; совершил преступление в период условного осуждения, условно-досрочного освобождения; если судимость снята и погашена в установленном законом порядке. В рамках ежегодно проводимых межведомственных совещаний руководителей правоохранительных органов особо акцентируется внимание на том, что профилактика рецидивных преступлений несовершеннолетних должна являться частью общих профилактических мероприятий преступности несовершеннолетних [10].

Другой проблемой российского общества и одной из причин существования преступности несовершеннолетних является проблема беспризорности и безнадзорности детей. Так, по словам председателя Национального родительского комитета И. В. Волинец, «ненадлежащее исполнение родителями или лицами, их заменяющими, установленных нормами семейного законодательства обязанностей по воспитанию детей влечет их безнадзорность и является одной из причин совершения правонарушений несовершеннолетними»¹. К сожалению, авторы вынуждены согласиться с мнением И. В. Волинец, поскольку многолетними статистическими данными установлено, что в регионах с большим количеством беспризорных и безнадзорных детей достаточно высокие показатели и детской преступности.

В 2019 году надзорными органами на территории Российской Федерации было выявлено 75,5 тысяч несовершеннолетних, относящихся к категории детей-беспризорников, в 2018 году — 68,7 тысяч детей. При этом, лидерами в показателях большого количества беспризорных детей являются Курганская область (9,7 тыс.), г. Москва (8,2 тыс.), Свердловская область (3,6 тыс.), Московский регион (2,8 тыс.), Иркутская область (2,7 тысяч).

По данным Министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области, численность безнадзорных несовершеннолетних, к сожалению, стабильна в своих показателях. Сегодня на территории Иркутской области действуют различные социальные программы, в рамках которых субъекты системы профилактики в пределах своей компетенции проводят определенную работу. Тем не менее добиться снижения социальной напряженности в этой сфере удалось только в 2020 году. Так, на территории Иркутской области в 2019 году было выявлено 2 тысячи 693 случая доставления в отделения полиции детей, отнесенных к категории беспризорных, в 2020 году — 1 тысяча 721 случай. Согласно информации регионального банка данных семей и детей, находящихся в социально опасном положении, в 2020 году в Иркутской области состоит на учете 5 тысяч 455 семей и 10 тысяч 76 детей.

Преступность несовершеннолетних в регионе также не радует своими показателями. По данным ИЦ ГУВД Иркутской области, в 2019 году на территории региона было зарегистрировано 890 антиобщественных деяний, совершенных несовершеннолетними лицами (удельный вес составил 4,9 %), из них 457 были совершены в общественных местах (удельный вес составил 7,7). В г. Иркутске было зарегистрировано 237 случая совершения преступлений несовершеннолетними лицами (удельный вес составил 4 %), из которых 157 — в общественных местах (удельный вес составил 8,1 %). В 2020 году данные показатели были снижены на 19,3 % и составили

¹ Официальный сайт Национального родительского комитета [Электронный ресурс]. — URL: <https://nrkrus.ru> (дата обращения: 13.04.2021).

по Иркутской области 718 антиобщественных деяний, совершенных несовершеннолетними лицами (удельный вес — 4,3 %), из которых 359 были совершены в общественных местах (удельный вес составил 6,2 %). В г. Иркутске в 2020 году было зарегистрировано 190 случаев совершения несовершеннолетними преступлений (удельный вес составил 3,4 %), из которых 109 совершены в общественных местах (удельный вес — 5,5 %).

Сегодня охрана и защита прав и законных интересов несовершеннолетних, принятие комплексных мер по предупреждению детской преступности являются приоритетными направлениями деятельности органов прокуратуры России. В соответствии с требованиями приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» прокуратурами субъектов ежегодно планируется проведение проверок исполнения законодательства о профилактике беспризорности и безнадзорности, предупреждении правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних. Целью данных мероприятий является проверка исполнения законодательства по вопросам профилактики; своевременное выявление, учет и устройство безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних; проведение комплексной и индивидуальной работы всех органов системы профилактики.

Основным направлением деятельности органов прокуратуры в рамках охраны и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних сегодня определен надзор за исполнением законодательства: о социальной защите несовершеннолетних; об охране здоровья и жизни несовершеннолетних; об образовании; о защите детей от информации, наносящей вред их здоровью и полноценному развитию; пресечение фактов жестокого обращения с детьми, всех форм насилия над ними; требование от органов предварительного расследования неукоснительного соблюдения уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающего гарантии прав несовершеннолетних; неукоснительное исполнение органами и учреждениями профилактики требований законодательства о выявлении беспризорных и безнадзорных детей. При этом эффективность прокурорского надзора в сфере предупреждения беспризорности, безнадзорности, совершения правонарушений и преступлений несовершеннолетними зависит как от знания предмета правового регулирования и поднадзорных объектов (субъектов системы профилактики детской беспризорности и преступности), так систематичности и полноты проводимых проверок. Главным при проведении проверок является контроль за обеспечением баланса между соблюдением прав и интересов несовершеннолетних со стороны всех субъектов профилактики и принимаемыми мерами по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В перспективе развития должна быть разработана эффективно действующая схема организации механизма профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Для достижения положительных результатов в профилактической работе по борьбе с безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних большое значение имеет, прежде всего, взаимодействие всех органов и учреждений системы профилактики. Как отмечает в своих исследованиях Е. Н. Костенко «благополучие детства во многом зависит от деятельности каждого органа профилактики беспризорности

и правонарушений несовершеннолетних» [2, с. 227]. Осуществление мер по координации деятельности этих органов и учреждений, в соответствии с требованиями ст. 11 федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» сегодня возложено на *комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП)* [3, с. 49].

Проводя исторический экскурс, следует отметить, что прототипом КДН и ЗП можно считать комиссии по делам несовершеннолетних, образованные в соответствии с декретом от 14 января 1918 г., действующие на основании специально разработанных инструкций¹. Однако ранее этот орган обладал более широкими полномочиями и в качестве апелляционной инстанции мог также пересматривать уголовные дела, оконченные в судах решением об осуждении несовершеннолетнего. К сожалению, данного рода комиссии просуществовали недолго и были отменены властью, поскольку их деятельность в отношении несовершеннолетних правонарушителей в большей степени носила не карательный, а медико-психолого-педагогический характер [4, с. 230].

Сегодня КДН и ЗП является постоянно действующим органом по защите прав и законных интересов несовершеннолетних и входит в единую систему органов по профилактике беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому. Законодательство предусмотрело трехуровневую систему организации деятельности КДН и ЗП: правительственную (федеральную), региональные и муниципальные [5, с. 53—55]. 12 ноября 2007 года в Иркутской области был принят закон № 100-ОЗ «О порядке образования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Иркутской области и осуществления ими отдельных государственных полномочий». В настоящее время в Иркутской области осуществляют деятельность 49 КДН и ЗП.

Организация прокурорского надзора за соблюдением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних при проведении проверок в КДН и ЗП должна быть сосредоточена на выяснении следующих вопросов:

- своевременность и эффективность работы КДН и ЗП по принятию мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности и совершению правонарушений несовершеннолетними;
- виды и формы предоставления защиты несовершеннолетним в случаях нарушения их прав (должное внимание должно быть уделено вопросам своевременности и качества предоставленной помощи);
- проведение плановых и внеплановых мероприятий по координационной деятельности всех органов и учреждений системы профилактики;
- выработка методических рекомендаций, указаний по вопросам, связанным с проведением профилактических мероприятий, а также предложений по повышению эффективности работы КДН и ЗП всех уровней;

¹ Инструкция Комиссиям по делам о несовершеннолетних: постановление Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 30 июля 1920 г // Собрание узаконений РСФСР. — 1920. — № 100. — № 68.

— обращение в интересах несовершеннолетних в правоохранительные и судебные органы, в том числе и по вопросам, связанным с направлением в специальные учебно-воспитательных учреждения (СУВУ) открытого и закрытого типов;

— оказание помощи несовершеннолетним, вернувшимся из СУВУ, осуществление функций по их социальной реабилитации;

— количество предложений о применении мер дисциплинарной или иных видов ответственности к гражданам, должностным лицам и организациям в случае невыполнения ими решений КДН и ЗП;

— количество и полнота предусмотренных законодательством мер воздействия, применяемых в случаях необходимости в отношении несовершеннолетних и членов их семей;

— соблюдение требований закона при рассмотрении дел об административных правонарушениях (установление количества возвращенных материалов; оценка обоснованности возврата и соблюдения сроков принятия решений; количество рассмотренных дел; результат рассмотрения; оценка законности и обоснованности принятого решения; эффективность принятых мер воздействия к родителям и иным законным представителям);

— используется ли комиссиями право внесения представлений об устранении причин и условий совершения правонарушений, предусмотренное ст. 29.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Следующим субъектом системы профилактики детской безнадзорности, беспризорности и преступности — поднадзорным субъектом органов прокуратуры в рамках осуществления надзора по предупреждению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних — являются *органы управления социальной защиты населения*.

Деятельность по социальной защите населения сегодня является одной из самых важных задач российского государства [9]. За последнее десятилетие законодателями разработаны сотни комплексных национальных и региональных программ, направленных на оказание социальной поддержки и помощи населению, в том числе и несовершеннолетним гражданам России. Действующим законодательством органы управления социальной защиты населения включены в единую систему органов профилактики безнадзорности несовершеннолетних, контролирующую сферу предоставления им социальных услуг, занимающихся разработкой и реализацией современных методик социальной реабилитации несовершеннолетних, попавших в сложные жизненные обстоятельства [6, с. 308]. В связи со сказанным при проведении проверок в органах управления социальной защиты населения представитель органов прокуратуры должен быть сосредоточен на выяснении следующих вопросов:

— полнота и эффективность принимаемых профилактических мер (организация индивидуальной воспитательно-профилактической работы с семьями и несовершеннолетними);

— правильность ведения учета безнадзорных, беспризорных несовершеннолетних и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации (количество несовершеннолетних; неблагополучных семей с детьми, состоящих на учёте в местном банке данных, оператором которого являются органы социальной защиты; установление

фактов дублирования полученных сведений (учёта одного и того же ребёнка (семьи) дважды);

— проверка своевременности выявления несовершеннолетних, а также их семей, попавших в трудную жизненную ситуацию; оценка полноты принятых мер;

— проверка работы с жалобами и обращениями граждан по вопросам профилактики;

— качество осуществляемого контроля за деятельностью специализированных учреждений для несовершеннолетних, а также иных организаций, предоставляющих социальные услуги несовершеннолетним и их семьям;

— виды и формы оказываемой помощи несовершеннолетним и их семьям в преодолении трудных жизненных ситуаций;

— организация индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, являющимися детьми-сиротами или детьми, оставшимися без попечения родителей;

— соблюдение требований законодательства о подборе и назначении опекунов (наличие документов, характеризующих личность и состояние здоровья кандидата в опекуны, сведений об их возрасте, занятиях и доходах, жилищно-бытовых условиях, взаимоотношениях с подопечным, добровольности принятия решения о воспитании ребёнка; наличие фактов отстранения, освобождения опекунов (попечителей) от исполнения ими опекунских обязанностей, причины этого, в случае виновного поведения привлечение опекунов (попечителей) к материальной, административной, уголовной ответственности);

— качество осуществляемого контроля за условиями содержания, воспитания и образования детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся как в учреждениях для детей указанной категории, так и под опекой (попечительством) граждан (следует обратить внимание на то, что полнота проверок условий проживания и воспитания подопечных характеризуется наличием актов обследования жилищно-бытовых условий, сведений о занятости, состоянии здоровья, сохранности имущества и жилья детей, взаимоотношениях в семье и т. д.);

— ведение учета неустроенных детей (одновременно необходимо выяснить, сколько выявленных органами опеки детей передано в учреждения системы образования и здравоохранения, в учреждения системы социальной защиты, в том числе в семейно-воспитательные группы);

— количество заявленных исков о лишении родительских прав и об ограничении в родительских правах, об отобрании ребёнка, результаты их рассмотрения;

— своевременность и полнота мер по защите личных и имущественных прав несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства;

— законность разрешений органов опеки на сделки с жильём, затрагивающие интересы несовершеннолетних, состояние взаимодействия по этим вопросам с иными органами системы профилактики, паспортно-визовой службой и иными заинтересованными ведомствами.

Еще одним важным субъектом системы профилактики детской безнадзорности, беспризорности и преступности сегодня являются *органы управления образованием*

и образовательные учреждения. Прокурорам при проведении проверок в указанных субъектах следует акцентировать внимание на выяснении следующих вопросов:

— полнота и эффективность работы по выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, своевременность направления информации о них в банк данных органа социальной защиты;

— ведение учета несовершеннолетних, систематически пропускающих или вообще не посещающих занятия в образовательных учреждениях; анализ причин пропуска и принимаемые меры (необходимо ознакомиться с журналами посещаемости общеобразовательных учреждений; выяснить, какая работа проводится с учащимися классными руководителями, социальными педагогами, психологами);

— оценка деятельности психолого-медико-педагогической комиссии по выявлению и подготовке рекомендаций по оказанию помощи несовершеннолетним, имеющим отклонения в развитии и поведении;

— законность перевода слабоуспевающих в коррекционные классы, оставления на второй год обучения в том же классе или перевод детей с девиантным поведением на домашнее обучение (наличие заключения медико-психолого-педагогической комиссии и согласия родителей); законность отчисления учащихся из образовательных учреждений;

— имелись ли обращения учащихся и их родителей о применении к несовершеннолетним антипедагогических методов воздействия за какие-либо проступки, в том числе временное отстранение от занятий, а также другие меры, унижающие честь и достоинство ребёнка (для этого необходимо изучить личные дела учащихся, приказы по личному составу, материалы служебных проверок по фактам антипедагогического обращения с воспитанниками и т. д.);

— организация и общедоступность спортивных, танцевальных и иных развивающих секций, кружков и клубов для несовершеннолетних; оценка их деятельности.

Следующим субъектом системы профилактики детской безнадзорности, беспризорности и преступности — поднадзорным субъектом органов прокуратуры в рамках осуществления надзора по предупреждению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних — являются *органы управления здравоохранением и учреждения здравоохранения*, при проведении проверок в которых следует акцентировать внимание на выяснении следующих вопросов:

— осуществляется ли прием и содержание в лечебно-профилактических учреждениях подкинутых, заблудившихся и других детей в возрасте до четырех лет, а также несовершеннолетних, находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения для оказания им медицинской помощи;

— проводятся ли меры по профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании несовершеннолетних (поставка несовершеннолетних с зависимостью на учет, их обследование и лечение);

— проводится ли медицинское обследование несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, с последующей подготовкой рекомендаций по их устройству с учётом состояния здоровья.

В рамках осуществления надзора за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних органами прокуратуры также подлежат проверке *органы службы занятости* на предмет:

— взаимодействия с иными органами системы профилактики по вопросам трудоустройства несовершеннолетних;

— качества и полноты контроля за исполнением требований трудового законодательства в отношении несовершеннолетних.

Органы по делам молодежи и учреждения данных органов должны быть проверены органами прокуратуры на предмет:

— участия данных органов в индивидуальной профилактической работе с несовершеннолетними, в том числе путем организации их досуга и занятости;

— предоставления защиты социально-правовых интересов несовершеннолетних;

— разработки и внедрении программ социальной реабилитации несовершеннолетних;

— осуществления информационно-просветительных и иных мер в отношении несовершеннолетних.

Эффективность работы *органов внутренних дел* по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в большей степени зависит от взаимодействия таких служб, как подразделения по делам несовершеннолетних (далее — ПДН), службы участковых уполномоченных полиции, подразделений уголовного розыска отделов полиции [7]. Организация прокурорского надзора в ПДН с учетом требований ведомственных инструкций должна быть сосредоточена на выяснении следующих вопросов:

— качество и своевременность проведения индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния, и их законных представителей; проверка журнала учета профилактических мероприятий;

— полнота мер по выявлению несовершеннолетних, объявленных в розыск, а также несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства; решение вопроса о направлении таких лиц в соответствующие органы или учреждения системы профилактики;

— качество рассмотрения заявлений и сообщений об административных правонарушениях и общественно опасных деяниях несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к ответственности, а также о неисполнении и ненадлежащем исполнении их законными представителями обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию несовершеннолетних;

— подготовка и направление материалов в отношении несовершеннолетних в КПН и ЗП, результаты их рассмотрения и эффективность принятых мер профилактического характера;

— использование в полной мере всех имеющихся полномочий для профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Кроме того, при проведении прокурором проверок также необходимо оценить работу центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел [8, с. 58].

Проведенный анализ вопросов организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних позволяет прийти к выводу о том, что данный вид надзора является одним из самых сложных, требующих от должностных лиц органов прокуратуры тща-

тельной подготовки и знания большого количества нормативно-правовых актов. При этом по результатам проведенных должностными лицами органов прокуратуры проверок осуществляется систематизация выявленных нарушений законов по органам и учреждениям системы профилактики с принятием мер прокурорского реагирования. При наличии законных оснований органами прокуратуры также могут быть инициированы проверки в порядке ст.ст. 144—145 УПК РФ. Результаты проведенных проверок используются в дальнейшей работе по координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних и принятия мер по ее предупреждению. Заключение по проведенным надзорным мероприятиям, а также проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности, в дальнейшем рассматриваются и обсуждаются на координационных либо межведомственных совещаниях, результатом которых является выработка конкретных решений с последующим контролем за их исполнением. Стабильное состояние законности в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних во многом зависит от надлежащем образом организованной работы органов прокуратуры Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дородонова Н. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии / Н. В. Дородонова, Е. В. Евстифеева, Е. В. Ильгова // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — № 4. — С. 601—608.
2. Костенко Е. Н. Правовое регулирование прокурорского надзора за исполнением законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / Е. Н. Костенко // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 9 (94). — С. 226—231.
3. Воеводина Т. Г. Взаимодействие науки о прокурорской деятельности и других юридических наук в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних / Т. Г. Воеводина // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. — 2019. — № 8. — С. 47—52.
4. Михайлова Т. Н. Эволюция развития нормативно-правовой основы ювенального судопроизводства в России / Т. Н. Михайлова, О. П. Грибунов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 2. — С. 235—236.
5. Беженцев А. А. Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в профилактике правонарушений несовершеннолетних, перспективы модернизации административной деятельности / А. А. Беженцев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 1 (73). — С. 52—58.
6. Суслин Г. Е. Особенности государственной социальной политики России в отношении беспризорных детей в современных условиях / Г. Е. Суслин // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 8. — С. 306—311.
7. Рыбалка Е. А. Деятельность органов внутренних дел в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / Е. А. Рыбалка // Научный портал МВД России. — 2019. — № 1. — С. 121—125.
8. Смирнова В. М. Профилактика безнадзорности несовершеннолетних в деятельности сотрудников полиции [Электронный ресурс] / В. М. Смирнова // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. — 2017. — № 3-2. — С. 56—59. URL: <http://wwenews.esrae.ru> (Дата обращения: 18.02.2021).

9. Фурсов В. А. Социальная защита населения в Российской Федерации / В. А. Фурсов, А. А. Долгова // Образование и проблемы развития общества. — 2020. — № 4. — С. 220—223.

10. Корягина С. А. Повторная преступность несовершеннолетних: современный взгляд на данную проблему / С. А. Корягина // Всероссийский криминологический журнал. — 2010. — № 3. — С. 23—29.

REFERENCES

1. Dorodonova N.V. Prevention of juvenile delinquency: the experience of the USA and New Zealand / N.V. Dorodnova, E.V. Evstifeeva, E.V. Ilgova // All-Russian Criminological Journal. 2018, no. 4, pp. 601-608.

2. Kostenko E.N. Legal regulation of prosecutor's supervision over the execution of laws on the prevention of neglect and juvenile delinquency / E.N. Kostenko // Actual problems of Russian law. 2018, no. 9 (94), pp. 226-231.

3. Voevodina T.G. Interaction of the science of prosecutor's activity and other legal sciences in the field of prevention of juvenile delinquency / T.G. Voevodina // Vestnik of the University named after O. E. Kutafin. 2019, no. 8, pp. 47-52.

4. Mikhailova T.N. Evolution of the development of the legal framework of juvenile justice in Russia / T.N. Mikhailova, O.P. Gribunov // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2020, no. 2, pp. 235-236.

5. Refugees A.A. the role of the commissions on Affairs of minors and protection of their rights in the prevention of juvenile delinquency, the prospects of administrative modernization / A.A. Refugees // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017, no. 1 (73), pp. 52-58.

6. Suslin G.E. Features of the state social policy of Russia in relation to street children in modern conditions / G.E. Suslin // Theory and practice of social development. 2012, no. 8, pp. 306-311.

7. Rybalka E.A. Activity of internal affairs bodies in the field of prevention of neglect and juvenile delinquency / E.A. Rybalka // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 1, pp. 121-125.

8. Smirnova V.M. Prevention of neglect of minors in the activities of police officers [Electronic resource] / V.M. Smirnova // Nauka. Mysl: electronic periodical journal. 2017, no. 32, pp. 56-59. <http://wwenews.esrae.ru> (Available at: 18.02.2021).

9. Fursov V.A. Social protection of the population in the Russian Federation / V.A. Fursov, A.A. Dolgova // Образование и проблемы развития общества. 2020, no 4. pp. 220-223.

10. Koryagina S.A. Re-criminality of minors: a modern view of this problem / S. A. Koryagina. All-Russian Criminological Journal. 2010, no. 3, pp. 23-29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михайлова Тамара Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0003-4681-175X

Михайлов Евгений Викторович, советник юстиции, заместитель прокурора. Прокуратура Свердловского района г. Иркутска. 664011, Россия, г. Иркутск, ул. Володарского, 5

ORCID: 0000-0002-2107-5234

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhailova Tamara Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.

ORCID: 0000-0003-4681-175X

Mikhailov Evgeny Viktorovich, justice Advisor, assistant prosecutor. Prosecutor's Office of the Sverdlovsk district of Irkutsk. 5, Volodarsky St., Irkutsk, Russia. 664011.

Статья поступила в редакцию 18.02.2021; одобрена после рецензирования 01.03.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 18.02.2021; approved after reviewing 01.03.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 176—188.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 176—188.

**12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
 оперативно-розыскная деятельность**

Научная статья

УДК 343.72:343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-176-188

**МОШЕННИЧЕСТВА И ВОЗМОЖНЫЕ КРИТЕРИИ
 ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ**

Владислав Юрьевич Белицкий

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,
 vlad_belitskiy@mail.ru

Введение: анализ статистических данных свидетельствует как о неуклонном росте мошенничеств, их доли в общей структуре преступности, так и о стремительном снижении процента раскрываемости преступлений рассматриваемого вида. С криминалистической точки зрения, появляются новые виды и методы действий мошенников, к чему, к сожалению, оказываются неготовыми сотрудники правоохранительных органов. Отсутствуют и научно разработанные методики раскрытия и расследования мошенничеств отдельных видов.

Автором статьи высказана идея о необходимости разработки полноструктурной базовой криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств, модельные элементы которой могут в дальнейшем выступать основой для разработки частных методик расследования мошенничеств конкретных видов. При этом для разработки подобной базовой концепции необходимо провести классификацию мошенничеств, критериям которой и посвящена настоящая статья.

Материалы и методы: методологической основой исследования послужил метод материалистической диалектики как общий метод научного познания носящий универсальный характер. Также были использованы частно-научные методы исследования: синтеза, анализа, сравнения, обобщения и описания.

Результаты исследования: автором выделены основные схемы совершения хищений чужого имущества или права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, в каждой из которых определены основные криминалистически значимые критерии классификации мошенничеств.

Выводы и заключения: на страницах статьи предложены возможные криминалистически значимые свойства и признаки мошенничеств, которые могут быть использованы, как изолированно, так и в совокупности при формировании частных криминалистических методик расследования мошенничеств отдельных видов, а равно послужат основой для создания эффективной полноструктурной криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств в целом.

Ключевые слова: мошенничества, виды мошенничеств, криминалистическая классификация мошенничеств, методика расследования, криминалистическая характеристика преступления.

Для цитирования: Белицкий В. Ю. Мошенничества и возможные критерии их криминалистической классификации. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 176—188. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-176-188

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

FRAUDS AND POSSIBLE CRITERIA FOR THEIR FORENSIC CLASSIFICATION

Vladislav Yu. Belitskiy

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vlad_belitskiy@mail.ru

Introduction: the analysis of statistical data indicates both a steady increase in fraud, their share in the overall structure of crime, and a rapid decrease in the percentage of solved crimes of the type in question. From a forensic point of view, new types and methods of fraudsters are emerging, for which, unfortunately, law enforcement officers are not ready. There are also no scientifically developed methods of disclosing and investigating certain types of fraud.

The author of the article expressed the idea of the need to develop a full-structured basic forensic methodology for pre-trial proceedings and trial fraud, the model elements of which can further serve as the basis for the development of private methods for investigating specific types of fraud. At the same time, in order to develop such a basic concept, it is necessary to carry out the classification of fraud, the criteria of which this article is devoted to.

Materials and Methods: The methodological basis of the research was the method of materialistic dialectics, as a general method of scientific cognition of a universal nature. Also, private scientific research methods were used: synthesis, analysis, comparison, generalization and description.

The results of the study: the author has identified the main schemes for committing theft of someone else's property or the right to someone else's property by deception or abuse of trust, each of which defines the main forensically significant criteria for the classification of fraud.

Findings and Conclusions: on the pages of the article, possible forensic properties and signs of fraud are proposed, which can be used, both separately and in aggregate, in the formation of private forensic methods for investigating certain types of fraud, as well as serve as the basis for creating an effective full-structured forensic method of pre-trial proceedings and fraud litigation in general.

Keywords: fraud, types of fraud, forensic classification of fraud, investigation technique, forensic characteristics of a crime.

For citation: Belitskiy V. Yu. Frauds and possible criteria for their forensic classification // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 176— 188 (in Russ.).

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-176-188

Статистические данные о количестве зарегистрированных мошенничеств, их соотношении с другими преступлениями свидетельствуют как о неуклонном росте хищений чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, так и об увеличении их доли в общей структуре преступности. Если в 2000 году было зарегистрировано 82 тыс. 667 преступлений рассматриваемого вида, а их доля составляла 2,8 %, в 2010 году зафиксировано уже 160 тыс. 81 мошенничеств, составивших 6,08 % в общей структуре преступности, то в 2020 году количество зарегистрированных мошенничеств возросло до 335 тыс. 631 преступлений, а их доля — до 16,4 % [1]. Ситуацию усугубляет и то, что приведенные статистические данные не в полной мере отражают количество совершенных мошенничеств по причине высокой степени их латентности, на что обращено внимание в научной литературе [2, с. 35—38; 3, с. 3, с. 43—47].

С сожалением приходится констатировать, что раскрываемость мошенничеств ежегодно снижается. Если в 2010 году она составляла 58,91 %, в 2015 году — уже 29,75 %, то в 2020 году — только 20,1 %. При этом неуклонное сокращение процента раскрываемости мошенничеств наблюдается на протяжении последних 12 лет. Справедливости ради отметим, что в 2018 году наблюдалось некоторое улучшение, по сравнению с 2017 годом: 26,7 %, вместо 25,21 %, однако в 2019 году раскрываемость вновь снизилась до 25,03 % [1].

Таким образом, за последние 10 лет раскрываемость мошенничеств сократилась вдвое, а если анализировать последние 15 лет, то почти втрое: с 56,92 % в 2006 году, до 20,1 % в 2020 году.

На страницах своих статей [см., напр.: 4, с. 132—133; 5, с. 63—68; и др.] автор обращал внимание на причины складывающегося положения, носящие как объективный, так и субъективный характер.

В целом, соглашаясь О. П. Грибуновым, по вопросу о необходимости разработки узкоспециализированных методик расследования [6; с. 146—156] применительно к мошенничествам современного периода, отметим, что создание подобных методик порой оказывается запоздалым. Преступники идут на несколько шагов впереди сотрудников правоохранительных органов, постоянно совершенствуя элементы преступной деятельности, что и обуславливает приведенный выше как низкий процент раскрываемости преступлений данного вида, так и стремительный рост их количества.

Глубокий анализ механизмов преступной деятельности мошенников позволяет увидеть некие общие черты, детерминирующие возможность формирования криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств [5, с. 63—68; 7, с. 3—5]. Думается, что модельные элементы разрабатываемой базовой полноструктурной криминалистической методики будут полезны для формирования узкоспециализированных методик расследования мошенничеств.

В то же время формированию криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств должна предшествовать работа по классификации преступлений рассматриваемого вида, возможным критериям которой и будет посвящена настоящая статья.

Анализ научной литературы позволяет отметить, что различные варианты криминалистической классификации мошенничеств были предложены И. О. Антоновым, Г. В. Бембеевой, С. Ю. Журавлевым и другими авторами. Кроме этого исследователи,

как в рамках разрабатываемой ими методики расследования отдельных видов анализируемых хищений, так и в рамках самостоятельных научных трудов, предлагали классификацию способов мошенничеств конкретных видов, а равно мошенничеств в определенных сферах: предпринимательской деятельности [см., напр.: 8, с. 3—16]; в кредитно-финансовой сфере [см., напр.: 9, с. 89—99]; оборота недвижимости [см., напр.: 10, с. 124—129]; оборота жилища [11; 12; 13 и др.]; страхования [см., напр.: 14; 15 и др.]; банковской сфере [16; 17 и др.]; банковского кредитования, потребительского кредитования; налогообложения [18; 19] и пр. Также были выделены виды мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сеть Интернет), мобильных средств связи, компьютерной техники или других информационно-телекоммуникационных технологий, на долю которых в 2020 году пришлось около 70 % всех хищений, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием [20, с. 6].

Ещё раз подчеркнем, что разработка криминалистической классификации мошенничеств необходима для выделения общих, характерных для всех преступлений рассматриваемого вида, криминалистически значимых свойств и признаков, наличие которых послужит основой для создания эффективной полноструктурной методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств в целом, а равно может быть использована для разработки частных методик расследования мошенничеств отдельных видов.

Безусловно, правы будут те ученые и практики, которые отметят, что классификация мошенничеств, по причине их многообразия, широты сфер реализации является сложной задачей, однако предпримем попытку её выполнения.

С учетом норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), устанавливающих уголовную ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), а равно — за мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), подчеркнем, что в рамках проводимого исследования будут проанализированы те виды хищений чужого имущества или права на чужое имущество, которые совершены с использованием электронных средств и обмана (злоупотребления доверием) человека: уполномоченного сотрудника банка, кассира, сотрудника торговой или иной организации и пр.

Считаем, что обман или злоупотреблением доверием выступают обязательным элементом мошенничества, наличие которого позволяет отграничить его от хищений иных видов. Именно посредством обмана или злоупотребления доверием реализуется процесс воздействия виновного на сознание другого человека «с целью заведомого искажения истины, т. е. правильного отражения действительности в сознании этого человека» [21], либо умолчании об истине.

Переходя к криминалистической классификации мошенничеств, отметим, что для обеспечения создания эффективных методик расследования, критериями такой классификации должно выступать сочетание возможных оснований: уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, криминологических [22, с. 134].

Как верно отмечал В. К. Гавло, их сочетание и учет позволяют «более точно выявить общие и специфические закономерности механизмов совершения преступлений и ситуаций расследования и познать тенденции формирования и функционирования методики расследования отдельных видов и групп преступлений» [22, с. 134—135].

Полагаем возможным выделить две основные схемы совершения хищений чужого имущества или права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием:

I. «Человек — человек».

II. «Человек — специальное техническое устройство (мобильные средства связи, компьютерная техника, другие информационно-телекоммуникационных технологии) и (или) глобальная сеть Интернет — человек».

Полагаем значимым для криминалистической классификации мошеннического завладения имуществом или правом на имущество также схему, предложенную на страницах диссертационного исследования И. О. Антоновым [23]: «субъект коммуникации — сообщение — субъект получения сообщения».

В каждой из данных схем можно выделить следующие основные критерии для разрабатываемой криминалистической классификации:

1. Субъект совершения мошенничества:

1.1. В зависимости от количества лиц, совершивших преступление рассматриваемого вида: преступление совершено одним лицом или несколькими лицами (группой лиц по предварительному сговору, организованной преступной группой) [24].

1.2. В зависимости от обладания специальными знаниями, а равно опытом деятельности у лица, совершившего мошенничество, наличие которого необходимо для совершения конкретного мошенничества (вида, схемы, способа и пр.). Например, для мошенничества в сфере предпринимательской деятельности субъектом преступления выступает лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность или участвующее в предпринимательской деятельности; мошенничество по принципу «финансовой пирамиды» с использованием схем бизнес-клубов, организаций социальных новаций и т. п., нередко совершают лица, ранее участвующие в аналогичных организациях в иных субъектах Российской Федерации, в том числе ранее судимые за совершение мошенничеств.

1.3. По наличию гражданства Российской Федерации: гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства.

1.4. С учетом использования служебного или должностного положения при совершении преступления: мошенничество совершено с использованием служебного (должностного) положения [25; 26; 27] или без использования.

1.5. Совершение мошеннических действий от имени физического лица (так называемое простое мошенничество) или от имени юридического лица, а равно индивидуального предпринимателя, без образования юридического лица:

1.5.1. Мошенничество совершено физическим лицом.

1.5.2. Мошенничество совершено индивидуальным предпринимателем без образования юридического лица.

1.5.3. Мошенничество совершено с использованием юридического лица:

а) по наличию государственной регистрации;

б) от имени официально зарегистрированного юридического лица;

в) от имени официально незарегистрированного юридического лица [28];

г) в зависимости от того, подлинные или подложные документы были использованы при регистрации, юридические лица, от имени которых было совершено мошенничество, могут быть подразделены на юридические лица, при регистрации которых использованы:

— подлинные документы;

— подложные документы;

— как подлинные, так и подложные документы;

д) в зависимости от того, на документы каких лиц зарегистрировано юридическое лицо, от имени которого совершено мошенничество, юридические лица, от имени которых совершено мошенничество, могут быть подразделены на зарегистрированные на реальных лиц; на подставных лиц; на вымышленных лиц;

е) в зависимости от того, осуществляет ли юридическое лицо, от имени которого осуществлено мошенничество, реальную финансово-экономическую деятельность, можно выделить юридические лица:

— осуществляющие реальную финансово-экономическую деятельность по производству товаров, выполнению работ и осуществлению услуг;

— не осуществляющие реальной финансово-экономической деятельности.

2. Обстановка преступления:

2.1. В зависимости от времени совершения преступления [29, с. 93—97]: кратковременные, длящиеся или продолжаемые преступления, состоящие из ряда продолжаемых преступлений, включающих тождественные действия, охваченные единой целью: например, мошенничество на рынке Forex.

2.2. В зависимости от места совершения преступления: мошенничество совершено в материальном пространстве или в виртуальном (в сети Интернет).

При этом местом мошенничества может быть как материальное пространство, доступное любому и каждому, в том числе объекты транспортной инфраструктуры [30; 31], общественные места [32] и пр., так и особые, специфичные места, например: совершение мошенничеств заключенными, находящимися в местах отбывания наказания уголовно-исполнительной системы [33].

2.3. С учетом широты территориальной деятельности мошенников: совершение мошенничества в одном населенном пункте — мошенничество, носящее региональный характер; межрегиональное мошенничество; международный характер деятельности мошенников.

2.4. Мошенничества, совершенные с использованием существующей обстановки или с созданием дополнительных условий, необходимых для совершения мошенничества конкретного вида [34; 35, с. 109—113].

2.5. В зависимости от сферы совершения мошенничества: в сфере оборота недвижимого имущества; в жилищной сфере (строительство, вторичный рынок, купля-продажа, наём и пр.); в сфере денежного обращения, кредита (потребительского, автокредитования и пр.); в банковской сфере; в сфере здравоохранения; страхования; купли-продажи товаров народного потребления, транспортных средств; в сфере получения выплат; компьютерной информации и IT-сфере и т. д.

3. Способ преступления:

3.1. С учетом уголовно-правового критерия, выделяют два основных способа мошенничества: путем обмана или путем злоупотребления доверием.

Нередко суды не разграничивают обман и злоупотребление доверием и указывают в приговоре на то, что завладение имуществом осуществлено путем обмана и злоупотребления доверием. Например, в приговоре по уголовному делу № 1-3/2013 суд отразил, что, наряду с обманом, достижению преступной корыстной цели способствовало и доверие, которое длительное время существовало со стороны потерпевших, злоупотребляя которым, подсудимая рассчитывала на то, что факты хищений не вскроются [см., напр.: 36].

Безусловно, в определенных случаях указанные два способа могут иметь место в совокупности (например, виновный вводит в заблуждение ранее знакомое лицо). В этом случае органы предварительного расследования абсолютно правильно описывают как обман, так и злоупотребление доверием в качестве способа совершения преступления [37, с. 35—38].

Однако, если по материалам уголовного дела особых доверительных отношений между виновным и потерпевшим нет (например, они впервые встречаются либо между ними неприязненные отношения), то необходимо устанавливать только один способ — обман.

3.2. В зависимости от механизма реализации способа совершения мошенничества: вербальные средства; невербальные средства; использование мобильных устройств, специальных средств передачи информации; IT-технологий, сети Интернет и пр., а равно сочетание различных источников и способов передачи информации, её доведения до сведения адресата [38].

3.3. С учетом содержания мошеннического обмана: доведение до потерпевшего исключительно ложной информации, сознательное искажение истинных сведений (активный обман); умолчание об истинных сведениях (пассивный обман); сочетание ложных и истинных сведений.

3.4. В зависимости от содержания элементов способа мошенничества: полноструктурный, т. е. охватывающий объединенным умыслом виновного действия по подготовке, совершению и сокрытию мошенничества и не полноструктурный, т. е. включающий только один или два элемента способа преступления: совершение; подготовку и совершение или совершение и сокрытие мошенничества.

3.5. В зависимости от сложности использования криминальной технологии: простое мошенничество, среднетехнологичное или высокотехнологичное.

3.6. С учетом использования специальных средств совершения мошенничества либо без их использования видами мошенничества могут выступать:

а) мошенничество со специальными средствами: совершенное с использованием:

— объектов материального мира, для фальсификации предмета преступления, сокрытия личности виновного либо создания необходимого мошеннику образа, требуемого для совершения преступления: использование формы сотрудников правоохранительных органов, наград и пр.; предметов двойного назначения, позволяющих совершать виновному действия, незаметных или неожиданных для потерпевшего и пр.;

— документов (официальных документов, предоставляющих право или освобождающих от обязанности; банковских, бухгалтерских, финансовых, учетных и пр.) [см., напр.: 39 и др.];

— банковских или платежных карт;

— электронных платежных систем;

— информационно-телекоммуникационных технологий (мобильных устройств, смартфонов, сети Интернет, возможностей IP-телефонии, динамических IP-адресов, специального программного обеспечения и пр.);

б) простое мошенничество без использования специальных средств.

4. Личность потерпевшего и её учет при подготовке, совершении и сокрытии мошенничества [40, с. 103—109]:

4.1. Мошенничество совершено в отношении физических лиц:

4.1.1. Отдельных (случайных) людей, без учета их возрастных, гендерных, социальных и иных характеристик.

4.1.2. Мошенничество, совершенное с учетом возрастных, гендерных, социальных и иных характеристик граждан: например, мошенничество в отношении несовершеннолетних; в отношении социально незащищенных слоев населения; в отношении отдельных категорий граждан, с учетом конкретных, личностных потребностей и др.

4.2. Мошенничество, совершенное в отношении предпринимателей [см., напр.: 41].

4.3. Мошенничество, совершенное в отношении юридических лиц [см., напр.: 42, 43].

5. Особенности взаимодействия потерпевшего и преступника:

5.1. По длительности и содержанию связи потерпевшего и преступника: потерпевший имеет длительное знакомство с преступником, доверяет ему, имеются личные и деловые связи и, наоборот, потерпевший не знал мошенника, знакомство носило кратковременный или одномоментный характер. В частности, при продаже товаров на дому.

5.2. По способу коммуникации потерпевшего и виновного:

— личное, непосредственное общение потерпевшего и мошенника (непосредственный контакт);

— использование для коммуникации средств массовой информации;

— использование для коммуникации телефонной связи;

— использование для коммуникации потовой, телеграфной, факсимильной связи;

— использование для коммуникации возможностей сети Интернет;

— сочетание различных способов коммуникации.

6. Характер предмета посягательства.

Предметом мошенничества являются:

— денежные средства в валюте Российской Федерации и (или) в иностранной валюте наличные, находящиеся на счетах в банках и (или) иных кредитных организациях;

— электронные денежные средства в валюте Российской Федерации и (или) в иностранной валюте;

— ценные бумаги: векселя, акции, облигации, используемые в качестве средств платежа;

— имущество потерпевшего, как движимое, так и недвижимое;

— право на имущество потерпевшего (имущественные права).

Завершая рассмотрение вопроса о возможных критериях классификации мошенничеств, подчеркнем, что на страницах статьи предпринята попытка выделения всех возможных криминалистически значимых свойств и признаков мошенничеств, которые могут быть использованы, как изолировано, так и в совокупности при формировании частных криминалистических методик предварительного расследования мошенничеств конкретных видов, а равно выступают основой для создания эффективной полноструктурной криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статические данные ГИАЦ МВД России. Состояние преступности [Электронный ресурс]. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 25.03.2021).

2. Харитонов А. Н. Квалификация мошенничества в сфере компьютерной информации / А. Н. Харитонов, Е. В. Никульченкова // Российская юстиция. — 2019. — № 11. — С. 35—38.
3. Хисамова З. И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики // Российский следователь. — 2018. — № 9. — С. 43—47.
4. Белицкий В. Ю. Предупреждение совершения мошенничеств участковым уполномоченным полиции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2017. — № 2 (33). — С. 132—133.
5. Белицкий В. Ю. Концепция криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств: цели и задачи // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2020. — № 1 (39). — С. 63—68.
6. Грибунов О. П. К вопросу о необходимости разработки узкоспециализированных методик расследования // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. — 2021. — № 1 (96). — С. 146—156.
7. Белицкий В. Ю. О необходимости разработки базовой методики раскрытия, расследования и судебного разбирательства мошенничеств // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 13-й междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. — Ч. 1. — С. 3—5.
8. Волчецкая Т. С. Особенности, содержание криминалистической характеристики и классификация мошенничества в сфере предпринимательской деятельности / Т. С. Волчецкая, Е. В. Осипова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 4. — С. 3—16.
9. Гаджиев Н. Г. Судебно-экономическая экспертиза мошенничества в кредитно-финансовой сфере Н. Г. Гаджиев, О. В. Киселева, С. А. Коноваленко, О. В. Скрипкина // Вестник Астраханского государственного технического университета. — Серия: Экономика. — 2020. — № 2. — С. 89—99.
10. Крепышев А. М. Способы совершения мошенничества в сфере недвижимости // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 10 (178). — С. 124—129.
11. Шаров А. В. Методика расследования мошенничества в сфере оборота жилища: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 265 с.
12. Кабанова Ж. Ю. Теоретические основы и практика предварительного расследования и судебного следствия по делам о мошенничестве, совершаемом на вторичном рынке жилья: дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2009. — 254 с.
13. Розин А. Н. Расследование мошенничества в сфере жилищного строительства: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 194 с.
14. Потапова Н. Н. Выявление и расследование мошенничества, совершаемого в сфере страхового бизнеса: дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2006. — 199 с.
15. Быкова Н. В. Выявление и раскрытие мошенничества в сфере страхования: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 205 с.
16. Звезда И. И. К вопросу о классификации способов мошенничества в банковской сфере // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2015. — № 3—2. — С. 97—105.
17. Осадин Н. Н. Финансовый рынок и особенности расследования мошенничества / Н. Н. Осадин, А. М. Дьячков. — Волгоград: ВЮИ МВД России, 2000. — 62 с.
18. Петросян Е. Н. Организационно-методические вопросы первоначального этапа расследования налоговых мошенничеств: дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2015. — 210 с.
19. Белохребтов В. С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: дис. ... канд. юрид. наук. — Иркутск, 2015. — 215 с.

20. Состояние преступности в России за январь — июнь 2020 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. — 2020. — 62 с.
21. Петров С. А. Проблемы квалификации хищений безналичных денег // Законность. — 2020. — № 7. — С. 42—45.
22. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. — 333 с.
23. Щербаченко А. К. Группа, совершающая мошенничество, как элемент базовой криминалистической характеристики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 1 (96). — С. 214—221.
24. Слепнев А. Е. Расследование мошеннических посягательств, совершенных группой лиц: дис. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2001. — 244 с.
25. Шумигой И. Н. Методика расследования мошенничества, совершённого военнослужащими с использованием служебного положения: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2011. — 211 с.
26. Карепанов Г. Н. Особенности расследования мошенничеств, совершаемых работниками банков в сфере кредитования: дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2018. — 235 с.
27. Парковская М. И. Особенности расследования преступлений экономической направленности, совершенных лицами, выполняющими управленческие функции в садоводческих некоммерческих товариществах: дис. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2019. — 252 с.
28. Кушниренко С. П. Криминалистическая характеристика и типовые программы расследования хищений чужого имущества путем мошенничества с использованием лжепредприятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1996. — 252 с.
29. Белицкий В. Ю. Время преступления и его взаимосвязь с другими элементами криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Юрист-Правоведь. — 2008. — № 1 (26). — С. 93—97.
30. Набоких И. А. Криминалистическая модель экономических преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте в условиях реформирования: дис. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2004. — 138 с.
31. Лановой А. Ф. Первоначальный этап расследования мошенничества, совершаемого на объектах железнодорожного транспорта: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 245 с.
32. Шмелев Д. Б. Криминалистические основы расследования мошенничества, совершенного в отношении граждан в общественных местах: дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2008. — 194 с.
33. Нуждин А. А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи: дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2013. — 232 с.
34. Булгакова Е. В. Особенности расследования и предупреждение вымогательства и мошенничества, совершенных путем фальсификации обстоятельств дорожно-транспортных происшествий: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2003. — 228 с.
35. Белицкий В. Ю. Обстановка преступления как элемент криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Алтайский юридический вестник. — 2019. — № 3 (27). — С. 109—113.
36. Дело № 1-3/2013. Приговор от 09.01.2013 // Архив Алтайского районного суда Алтайского края.
37. Минская В. С. Современное законодательное регулирование уголовной ответственности за мошенничество и вопросы квалификации // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2013. — № 10. — С. 35—38.

38. Бердникова О. П. Особенности первоначального и последующего этапов расследования мошенничества в сфере компьютерной информации: учеб. пособ. — Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019. — 55 с.

39. Кеворкова Ж. А., Экспертное исследование мошеннических действий в системе бухгалтерского учета: моногр. / Ж. А. Кеворкова, А. А. Коршунова. — Калуга: Эйдос, 2019. — 204 с.

40. Белицкий В. Ю. Личностные особенности лиц, потерпевших от мошенничества // Алтайский юридический вестник. — 2018. — № 1 (21). — С. 103—109.

41. Казинская С. Н. Методика расследования мошенничества в сфере потребительского рынка в отношении предпринимателей: дис ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 247 с.

42. Лебедева А. А. Расследование мошенничества, совершаемого с целью незаконного захвата в собственность имущества юридического лица: дис ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 198 с.

43. Трубкина О. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования, совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний: дис. ... канд. юрид. наук. — Иркутск, 2015. — 226 с.

REFERENCES

1. Static data of the GIATs Ministry of Internal Affairs of Russia. The state of crime. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/16053092/> (Available at: 03/25/2021).

2. Kharitonov A.N., Nikulchenkova E.V. Qualification of fraud in the field of computer information // Russian Justice. 2019, no. 11, pp. 35-38.

3. Khisamova Z.I. On criminal liability for embezzlement committed with the use of IT-technologies: analysis of changes in legislation and law enforcement practice // Russian investigator. 2018, no. 9, pp. 43-47.

4. Belitsky V.Yu. Prevention of the commission of fraud by the district police officer // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 2 (33), pp. 132-133.

5. Belitsky V.Yu. The concept of forensic methods of pre-trial proceedings and trial of fraud: goals and objectives // Vestnik of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 1 (39), pp. 63-68.

6. Gribunov O.P. On the issue of the need to develop highly specialized investigation techniques // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021, no. 1 (96), pp. 146-156.

7. Belitsky V.Yu. On the need to develop a basic methodology for the disclosure, investigation and trial of fraud // Actual problems of combating crime and other offenses: materials of the thirteenth international scientific and practical conference: in 3 hours — Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, Part 1, pp. 3-5.

8. Volchetskaya T.S., Osipova E.V. Features, content of forensic characteristics and classification of fraud in the field of entrepreneurial activity // Vestnik of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2020, no. 4, pp. 3-16.

9. Gadzhiev N.G., Kiseleva O.V., Konovalenko S.A., Skripkina O.V. Forensic economic examination of fraud in the credit and financial sphere // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. — Series: Economics. 2020, no. 2, pp. 89-99.

10. Krepyshev A.M. Ways of committing fraud in real estate // Law and state: theory and practice. 2019, no. 10 (178), pp. 124-129.

11. Sharov A.V. Methods for investigating fraud in the sphere of housing turnover: dis. ... Cand. jurid. sciences. Moscow, 2003, 265p.

12. Kabanova Zh.Yu. Theoretical foundations and practice of preliminary investigation and judicial investigation in cases of fraud committed in the secondary housing market: dis. ... Ph.D in Law. — Moscow, 2009, 254 p.
13. Rozin A.N. Investigation of fraud in the field of housing construction: dis. ... cand. jurid. sciences. — Moscow, 2009, 194 p.
14. Potapova N.N. Detection and investigation of fraud in the insurance business: dis ... Ph.D in Law. — N. Novgorod, 2006, 199 p.
15. Bykova N.V. Detection and disclosure of fraud in the field of insurance: dis. ... Ph.D in Law. — Moscow, 2009, 205 p.
16. Star I.I. On the question of the classification of fraud methods in the banking sector // Izvestia of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2015, no. 3-2, pp. 97-105.
17. Osadin N.N., Dyachkov A.M. Financial market and features of fraud investigation. — Volgograd: All-Union Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000, 62 p.
18. Petrosyan E.N. Organizational and methodological issues of the initial stage of the investigation of tax fraud: dis. ... Ph.D in Law. — Krasnodar, 2015, 210 p.
19. Belokhrebtoov V.S. Features of identification, disclosure and the initial stage of investigation of attempted fraud in the reimbursement of value added tax: dis. ... Cand. jurid. sciences. — Irkutsk, 2015, 215 p.
20. The state of crime in Russia in January-June 2020. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Main Directorate of Legal Statistics and Information Technologies. 2020, 62 p.
21. Petrov S.A. Problems of qualification of non-cash money theft // Legality. 2020, no. 7, pp. 42-45.
22. Gavlo V.K. Theoretical problems and practice of applying the methods of investigation of certain types of crimes. — Tomsk: Publishing house of Vol. University, 1985, 333 p.
23. Shcherbachenko A.K. A group committing fraud as an element of the basic forensic characteristics // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 1 (96), pp. 214-221.
24. Slepnev A.E. Investigation of fraudulent encroachments committed by a group of persons: d dis. ... Ph.D in Law.. Ufa, 2001, 244 p.
25. Shumigay I.N. Methods for investigating fraud committed by servicemen using their official position: dis. ... Ph.D in Law. Volgograd, 2011, 211 p.
26. Karepanov G.N. Features of the investigation of frauds committed by bank employees in the field of lending: dis. ... Ph.D in Law. Yekaterinburg, 2018, 235 p.
27. Parkovskaya M.I. Features of the investigation of economic crimes committed by persons performing managerial functions in horticultural non-profit partnerships: dis. ... Ph.D in Law. Ufa, 2019, 252 p.
28. Kushnirenko S.P. Forensic characteristics and typical programs for the investigation of theft of someone else's property by fraud with the use of pseudo-enterprises: abstract of Ph.D. dis. ... Ph.D in Law. SPb., 1996, 252 p.
29. Belitsky V.Yu. Time of the crime and its relationship with other elements of the forensic characteristics of frauds committed according to the principle of "financial pyramids" // Yurist-Pravoved. 2008, no. 1 (26). pp . 93-97.
30. Nabokikh I.A. Forensic model of economic crimes committed on railway transport in the context of reform: dis. ... Ph.D in Law. Izhevsk, 2004, 138 p.
31. Lanovoy A.F. The initial stage of the investigation of fraud committed at railway transport facilities: dis. ... Ph.D in Law. — Moscow, 200, 245 p.
32. Shmelev D.B. Forensic bases for the investigation of fraud committed against citizens in public places: dis. ... Ph.D in Law. — Nizhny Novgorod, 2008, 194 p.

33. Nuzhdin A.A. Investigation of fraud committed by convicts in penal institutions using mobile cellular systems: dis. ... Ph.D in Law. Ryazan, 2013, 232 p.
34. Bulgakova E.V. Features of investigation and prevention of extortion and fraud committed by falsifying the circumstances of road traffic accidents: dis. ... Ph.D in Law. — Volgograd, 2003, 228 p.
35. Belitsky V.Yu. The situation of the crime as an element of the forensic characteristics of frauds committed according to the principle of “financial pyramids” // *Altai legal bulletin*. — 2019, no. 3 (27), pp. 109-113.
36. Case No. 1-3 / 2013. The verdict of 01/09/2013 // Archive of the Altai District Court of the Altai Territory.
37. Minskaia V.S. Modern legislative regulation of criminal liability for fraud and qualification issues // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2013, no. 10, pp. 35-38.
38. Berdnikova O.P. Features of the initial and subsequent stages of investigation of fraud in the field of computer information: a tutorial. — Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019, 55 p.
39. Kevorkova Zh.A., Korshunova A.A. Expert study of fraudulent activities in the accounting system: monograph. — Kaluga: Eidos, 2019, 204 p.
40. Belitsky V.Yu. Personal characteristics of persons who have suffered from fraud // *Altai legal Vestnik*. 2018, no. 1 (21), pp. 103-109.
41. Kazinskaya S.N. Methods for investigating fraud in the consumer market in relation to entrepreneurs: dis. ... Ph.D in Law. Moscow, 2011, 247 p.
42. Lebedeva A.A. Investigation of fraud committed with the aim of illegal seizure of the property of a legal entity: dis ... cand. jurid. sciences. Moscow, 2010, 198 p.
43. Trubkina O.V. Features of the initial stage of investigation of insurance fraud committed against the material interests of insurance companies: dis. ... Cand. jurid. sciences. Irkutsk, 2015. 226 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белицкий Владислав Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса. Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.
ORCID: 0000-0002-5658-4733

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belitskiy Vladislav Yurevich, Candidate of Legal Sciences, associate professor, deputy Head of the Department of Criminal Procedure. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 49, Chkalov st., Barnaul, Russia, 656038.
ORCID: 0000-0002-5658-4733

Статья поступила в редакцию 23.06.2021; одобрена после рецензирования 01.07.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 23.06.2021; approved after reviewing 01.07.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 189—201.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 189—201.

**12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
 оперативно-розыскная деятельность**

Научная статья

УДК 614.841.2

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-189-201

**САМОДЕЛЬНЫЕ ЗАЖИГАТЕЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА
 КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Михаил Юрьевич Гераськин¹, Леонид Васильевич Дашко², Ирина Владимировна Харченко³, Галина Викторовна Плотникова⁴

^{1,3} Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, a258a216@mail.ru

² Экспертно-криминалистический центр МВД России, Москва, Россия, suthomas@yandex.ru

⁴ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, plotnikovagv@mail.ru

Введение: статья посвящена криминалистическому исследованию самодельных зажигательных устройств (СЗУ), представляющих собой специально созданные технические устройства, предназначенные для умышленной инициации горения при поджогах.

Материалы и методы: изучение оперативно-значимой информации в ходе осмотра места происшествия (ОМП), с помощью которой значительно ускоряется процесс раскрытия совершенного преступления для получения доказательственной информации при производстве судебных экспертиз.

Результаты исследования: рассмотрены основные признаки, позволяющие отнести исследуемое изделие к категории самодельных зажигательных устройств (СЗУ). Выработано корректное понятие СЗУ, позволяющее в комплексе решить вопрос отнесения какого-либо предмета к объектам данной категории.

Авторы, обобщив и систематизировав, имеющуюся в отечественной криминалистической литературе информацию о различных видах СЗУ выделяют следующие основные составные части таких устройств:

- зажигательное вещество (ЗВ);
- устройство воспламенения (УВ);
- средство иницирования (СИ);
- корпус;
- исполнительный механизм.

Выводы и заключения: целесообразно конкретизировать понятие СЗУ через рассмотренные в статье признаки и критерии, позволяющие в комплексе решить вопрос отнесения какого-либо предмета к категории СЗУ: «Самодельное зажигательное устройство (СЗУ) — изделие однократного действия, специально подготовленное к зажиганию, способное наносить поражение и содержащее зажигательное вещество и средство приведения устройства в действие, в котором хотя бы один из элементов изготовлен самодельным способом или установлена его непромышленная нерегламентированная сборка».

Ключевые слова: пожар; поджог; самодельное зажигательное устройство; раскрытие и расследование преступлений; зажигательное вещество; средство воспламенения; средство инициирования.

Для цитирования: Гераськин Михаил Юрьевич / Дашко Леонид Васильевич, Харченко Ирина Владимировна, Плотникова Галина Викторовна. Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 189-201. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-189-201

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

IMPROVISED INCENDIARY DEVICES AS AN OBJECT OF FORENSIC RESEARCH

Mikhail Yu. Geraskin¹, Leonid V. Dashko², Irina V. Kharchenko³, Galina V. Plotnikova⁴

^{1,3} Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, a258a216@mail.ru

² Forensic science centre of the Ministry of the Interior of Russian Federation, suthomas@yandex.ru, suthomas@yandex.ru

⁴ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, plotnikovagv@mail.ru

Introduction. The article is devoted to the forensic study of improvised incendiary devices (IEDs), which are specially created technical devices designed for the deliberate initiation of gorenje during arson.

Materials and methods: the study of operationally significant information during the inspection of the scene of the incident (WMD), with the help of which the process of disclosure of a committed crime is significantly accelerated in order to obtain evidentiary information during the conduct of forensic examinations.

The results of the study: The main features that make it possible to classify the product under study to the category of improvised incendiary devices are considered, the correct concept of SDU is developed, which allows to solve the issue of assigning any object to objects of this category in a complex.

The authors, having generalized and systematized the information available in the domestic criminal literature on various types of SSU, distinguish the following main components of such devices:

- an incendiary substance (SV);
- an ignition device (UV);
- a means of initiation (SI);
- housing;
- the executive mechanism.

Findings and Conclusions: It is advisable to concretize the concept of an incendiary device through the signs and criteria considered in the article, which allow us to solve the issue of assigning an object to the category of an incendiary device in a complex: «An improvised incendiary device (SZ) is a single-action product specially prepared for ignition, capable of causing damage and containing an incendiary substance and a means of activating the device, in which at least one of the elements is made by a homemade method or its non-industrial unregulated assembly is installed.»

Keywords: fire; arson; improvised incendiary device; disclosure and investigation of crimes; incendiary substance; means of ignition; means of initiation

For citation: Geraskin M. Y. / Dashko L. V., KHarchenko I. V., Plotnikova G. V. Improvised incendiary devices as an object of forensic research // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 189-201 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-189-201

Одной из основных задач экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России (далее — ЭКП) является получение оперативно-значимой информации в ходе осмотра места происшествия (далее — ОМП), с помощью, которой значительно ускоряется процесс раскрытия совершенного преступления. Однако, не менее важным для следственных и оперативных подразделений МВД России ЭКП является совокупность доказательственной информации, полученной в ходе производства судебных экспертиз. Зачастую именно выводы, полученные экспертами в результате проведенных исследований вещественных доказательств, позволяют не только установить способ совершения преступления, но и доказать причастность к нему конкретного лица.

Особую важность приобретает доказательственная информация, полученная в ходе экспертных исследований, когда перед правоохранительными органами стоит задача раскрытия и расследования тяжких или особо тяжких преступлений, совершенных в условиях неочевидности или, когда в силу специфики данного вида преступлений возникают негативные факторы, препятствующие сохранности и пригодности для дальнейшего исследования материальных следов, оставленных преступником на месте происшествия.

Одним из таких преступлений является умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества с помощью поджога. Хотя количество таких преступлений постепенно снижается (если в 2016 году было зарегистрировано 15 тыс. 862 поджога, в 2020 году — 9 тыс. 519 поджогов, а за 6 месяцев 2021 года — 3 тыс. 415 поджогов), их раскрываемость остаётся довольно низкой. Так, в 2020 году раскрыто всего 2 тыс. 11 поджогов (раскрываемость составила 21 %), а в первом полугодии 2021 года раскрыто всего 918 подобных преступлений (раскрываемость — 27 % [1]).

Такое преступление, как поджог, представляет собой особую опасность для окружающих, прежде всего тем, что злоумышленник в дальнейшем, практически не может ни контролировать процесс совершения преступления (горения), ни остановить его на определенной стадии, в отличие, например, от причинения тяжких телесных повреждений, где преступник может прекратить свои противоправные действия в любой момент.

Поэтому часто последствия поджога, помимо причинения материального ущерба конкретному лицу, являются причиной травм и гибели людей, повреждения систем жизнеобеспечения всего объекта (а не только конкретной локации), причинение прямого материального ущерба лицам, не являющимися целью преступного посягательства поджигателя и т. д. [2].

При расследовании поджогов нередко приходится сталкиваться с применением самодельных зажигательных устройств (далее — СЗУ). Особую важность для своевременного раскрытия поджогов с применением СЗУ представляет собой факт обнаружения при проведении ОМП следов и фрагментов, не являющихся объектами вещной обстановки данного места, но явно представляющих конструктивные элементы какого-либо СЗУ [3, с. 480—484]. Выявленное в ходе осмотра наличие подобных объектов позволяет пожарно-техническому специалисту, равно как и высококвалифицированному специалисту-криминалисту, сделать однозначный категоричный вывод о причине возгорания, что, безусловно, будет способствовать сокращению сроков раскрытия и расследования преступления за счёт правильного выбора приоритетной версии [4, с. 22—23].

В настоящее время в отечественной криминалистической литературе отсутствует общепринятое определение СЗУ. В ЭКП МВД России используется определение: «Самодельное зажигательное устройство (СЗУ) — зажигательное устройство, конструкция которого не соответствует конструкторско-технологической документации на производство или сборку любого из зажигательных устройств промышленного изготовления. Под СЗУ понимаются устройства, в которых хотя бы один из элементов изготовлен самодельным способом или установлена его непромышленная нерегламентированная сборка, т. е. конструкция окончательно подготовленного к зажиганию устройства не оговорена требованиями соответствующих технических условий на его изготовление (монтаж)» [5, с. 4]. Нетрудно заметить, что данное определение дано по аналогии с широко используемым с 1992 года в криминалистической практике определением самодельного взрывного устройства (СВУ), выдвинутого сотрудниками ЭКЦ МВД России. Указанное определение СВУ базируется на ранее сформулированном и широко применяемом в криминалистике понятии взрывного устройства (ВУ). В отечественной криминалистической литературе нет единого подхода к дефиниции понятия «зажигательное устройство». Поэтому представляется более правильным выразить корректное понятие СЗУ через систему признаков и критериев, позволяющих в комплексе решить вопрос отнесения каких-либо предметов к категории СЗУ.

Авторами предлагаются следующие основные признаки, позволяющие отнести исследуемое изделие к категории самодельных зажигательных устройств:

- наличие зажигательного вещества и средства приведения устройства в действие;
- способность наносить поражение;
- однократность применения;
- использование тепловой энергии;

— специальная подготовленность устройства к зажиганию.

Специалисты ЭКЦ МВД России в своей формулировке СЗУ акцентируют внимание на понятии «специальная подготовленность» (т. е. его предусмотренность) устройства к зажиганию.

Однако следует отметить, что при отнесении устройства к СЗУ помимо «специальной подготовленности» важную роль в определении играет способность СЗУ наносить поражение, т. е. причинять существенный материальный ущерб или термические поражения конкретному лицу.

Первое из них может быть связано с незаконченностью какого-то действия. Конструктор самодельного зажигательного устройства при его изготовлении планирует будущие последствия в виде поджога, который, однако, может и не произойти (например, из-за несовершенства конструкции изготавливаемого устройства, ненадлежащих условий его хранения и т. п.). «Способность» подразумевает необходимую экспериментальную проверку соответствующих поражающих параметров СЗУ, что ближе к констатации факта, а не замысла [6, с. 38—39]. Таким образом, такие критерии отнесения изделия к СЗУ, как специальная подготовленность устройства к зажиганию и способность наносить поражение, необходимо рассматривать в совокупности.

Под однократностью применения подразумевается, что после применения СЗУ разрушается и повторное его применение невозможно. Факт наличия поражающего фактора за счет теплового действия является критерием отнесения изделия к СЗУ.

Авторы, обобщив и систематизировав имеющуюся в отечественной криминалистической литературе информацию о различных видах СЗУ, выделяют следующие основные составные части таких устройств:

- зажигательное вещество (ЗВ);
- устройство воспламенения (УВ);
- средство инициирования (СИ);
- корпус;
- исполнительный механизм.

Последние две части, по мнению большинства исследователей, не являются обязательными конструктивными элементами СЗУ.

Рассмотрим эти составные части более подробно.

Зажигательные вещества, которые используются лицами-изготовителями СЗУ можно подразделить на две группы:

- традиционные ЗВ, к которым относятся различные легковоспламеняющиеся и горючие жидкости (ЛВЖ и ГЖ);
- специальные ЗВ, включающие так называемые зажигательные составы (ЗС) [7, с. 11—16].

По способу воспламенения ЗВ можно разделить на два основных класса:

- горючие вещества принудительного воспламенения;
- самовоспламеняющиеся.

К горючим веществам принудительного воспламенения относятся:

- огнесмеси на основе ЛВЖ и ГЖ (температура горения около 1000°С);
- металлизированные смеси ЛВЖ и ГЖ (температура горения до 1800°С);
- пиротехнические составы (температура горения до 2500 °С).

К самовоспламеняющимся веществам относятся:

- аэро- и гидрореагирующие (температура горения до 1000°С);

— особые пиротехнические составы (температура горения до 2500°С).

Номенклатура используемых злоумышленниками ЛВЖ и ГЖ достаточно широка. Она включает в себя моторные топлива; товарные нефтепродукты, используемые в быту как в качестве растворителей (например, «уайт-спирит», нефрасы, толуол, ксилолы и др.); так и органические растворители (ацетон, различные спирты и др.); товары парфюмерной промышленности на спиртовой, водно-спиртовой основе, газообразные аэрозоли). Анализ экспертной практики показывает, что чаще всего в качестве ЗВ изготовителями СЗУ используются, ввиду их большей доступности, моторные топлива для автомобильных двигателей, а именно различные марки бензинов и дизельных топлив.

Самым простым самодельным зажигательным устройством, где используется в качестве зажигательного вещества ЛВЖ, является бутылка с бензином и тканевым фитилем.

Существуют также огнесмеси на основе ЛВЖ и ГЖ — горючие вещества, как правило, представляющие собой загущенные жидкие углеводородные смеси (коллоидные растворы высокомолекулярных веществ в горючих растворителях). Основное количество тепла выделяется при горении паров смеси в атмосфере воздуха [8, с. 24—26].

Металлизированные смеси (термиты), в том числе с добавлением ЛВЖ и ГЖ (пирогели), являются многокомпонентными составами, в основе которых могут быть углеводородные смеси, металлическое горючее с окислителем. Тепловой импульс образуется в основном за счет горения металлического горючего. Основное количество тепла выделяется при взаимодействии металлического горючего с окислителем. Горение таких составов протекает весьма интенсивно, с образованием раскаленных жидких шлаков, за счет чего достигаются сильные прожигающий и поджигающий эффекты.

Кроме вышеперечисленных горючих составов, существуют специфические рецептуры, отличающиеся способностью воспламеняться при контакте с окружающей средой (атмосферным воздухом, водой или влагой, за счет механического воздействия). Такие смеси называются самовоспламеняющимися составами.

Смесевые зажигательные составы можно условно разделить на два вида:

1. Вязкие зажигательные смеси на основе органических компонентов (нефтепродуктов): напалмы и пирогели.

2. Зажигательные смеси, изготовленные на основе неорганических компонентов, в том числе металлов, оксидов и др. (термит, «электрон»).

Вязкие зажигательные смеси обычно получают путем добавления к жидкому горючему (бензин, дизельное топливо и другие нефтепродукты) специальных загустителей, состоящих из смеси алюминиевых солей органических кислот — нафтяных, пальмитиновой и др. Наиболее известный представитель вязких зажигательных смесей — напалм. Существует усовершенствованный рецепт напалма — «Напалм-В», имеющий свойство прилипать к любой поверхности (даже влажной). При поджогах применяются суррогаты «Напалма-В», состоящие, как правило, из трёх тщательно перемешанных компонентов: растворителя (бензол, толуол и т.п.), загустителя (полимер, например, полиизобутилен, полистирол и т. д.) и разбавителя (бензин).

Пирогели представляют собой напалмы, содержащие помимо указанных компонентов порошки некоторых металлов (магния, алюминия и т. п.). Они также могут дополнительно включать в свой состав высококипящие вязкие нефтепродукты (масла, битумы, асфальты и т. п.), а также неорганические окислители (нитраты, нитриты, бихроматы и т. д.). Ввиду относительно сложной технологии изготовления и необходимости

наличия у лица-изготовителя специальных знаний и высокой квалификации пирогели в СЗУ используются довольно редко, несмотря на то, что они по своим зажигательным свойствам превосходят напалмы.

Пока редко в криминалистической практике встречаются зажигательные вещества, изготовленные на основе металлов. Подобные составы представляют собой системы «горючее — окислитель». В качестве окислителей чаще всего выступают относительно легкодоступные оксиды металлов (например, свинцовый сурик Pb_3O_4), а в качестве горючего — порошкообразные горючие металлы алюминий и магний. Преимуществом их использования в качестве ЗВ (с точки зрения поджигателей) является способность этих веществ гореть без доступа кислорода. Крайне редко окислителями в таких составах используются перекиси и надперекиси щелочных и щелочноземельных металлов (например, Na_2O_2 , K_2O_4 , BaO_2 и т. п.), а в качестве горючего такие вещества, как белый фосфор. Это обусловлено их малой доступностью для поджигателя, а также относительно высокой токсичностью большинства из них.

К термитам относятся смесевые составы, которые содержат в качестве окислителя оксиды железа, а в качестве горючего — порошкообразные горючие металлы. Наиболее часто используется рецептура из смеси порошка железной окалины (Fe_3O_4) и алюминиевой пудры. Загоревшийся термит создаёт в зоне очага пожара очень высокую температуру — до $2500^\circ C$ (для сравнения максимальная температура, создаваемая горящей ЛВЖ, не превышает $1200^\circ C$). Однако сам термит воспламеняется при температуре не ниже $1000^\circ C$, т. е. для обеспечения загорания термитного состава необходим так называемый запальный состав. Такие составы также представляют собой системы «горючее — окислитель», одним из компонентов которых являются неорганические окислители (оксиды и пероксиды металлов, нитраты, хлораты и т. п.), а другим горючие металлы, элементарная сера и т. д. Электронами называют группы сплавов на основе магния, для воспламенения которых требуется мощный тепловой импульс, т. к. электрон воспламеняется только при нагревании до $625\text{—}650^\circ C$. Иначе говоря, как и для термита для обеспечения загорания такого ЗВ нужен определенный запальный состав. Редкость встречаемости в криминалистической практике зажигательных веществ, изготовленных на основе металлов, обусловлена их относительно сложным химическим составом и труднодоступностью компонентов (по сравнению с огнесмесями на основе ЛВЖ и ГЖ и даже с вязкими рецептурами).

Устройства воспламенения (УВ), используемые конструкторами СЗУ, как правило, представляют собой комбинацию самодельных и промышленно изготовленных изделий. Последние обычно дорабатываются (видоизменяются) лицами-изготовителями применительно к их замыслу.

В качестве конструктивных элементов УВ чаще всего используются:

- различные виды самодельных и промышленных огнепроводных шнуров и фитилей;
- тепловые реле электрических схем, реагирующие на изменение температуры в помещении;
- механические и электронные часовые механизмы и таймеры;
- промышленно изготовленные электронагревательные или электроосветительные приборы и т. п., способные вызвать воспламенение иницирующего вещества через определенный промежуток времени;
- химические источники тепловыделения;

- механические воспламенители (терочные, накольные);
- замыкатели электрических цепей, отдельные элементы которых заранее приведены в аварийное состояние или находятся в условиях, не предусмотренных нормальным режимом их эксплуатации;
- радиоуправляемые устройства (чаще всего используются модифицированные радиоигрушки или охранные системы автомобилей);
- штатные или самодельные пиротехнические средства [9, с. 16].

В зависимости от вида начального импульса способы инициирования возгорания можно разделить на четыре вида: огневые (термические), механические, химические и электрические.

Огневыми (термическими) источниками инициирования являются такие источники, как открытое пламя, нагретая поверхность, искры горящих веществ, тлеющие материалы (например, тлеющие табачные изделия); нагретые газы, солнечные лучи. К механическим источникам инициирования относят поверхности, нагретые в результате трения, ударом, сжатия, а также фрикционные искры (например, возникающие при соударении двух металлических предметов друг о друга). Нагрев вещества в результате жизнедеятельности микроорганизмов, а также вследствие тепла экзотермической химической реакции — химический способ представляют собой химико-биологические источники инициирования. Электрические источники инициирования — это, прежде всего, электрический разряд; искры, образующиеся при аварийном режиме работы электропроводки (так называемое короткое замыкание), разряды атмосферного электричества, статического электричества, газовый разряд, короткое замыкание.

Термическое инициирование основано на передаче огневого импульса непосредственно на ЗВ. Этот способ является самым распространенным у поджигателей из-за простоты технического исполнения. Для его реализации не нужны специальные устройства: пригодны простейшие подручные средства. Недостатком (с точки зрения злоумышленника) является относительно короткое время замедления (от нескольких секунд до нескольких минут).

Метод химического инициирования основан на экзотермическом взаимодействии двух или нескольких веществ. Выделяющегося тепла должно быть достаточно, чтобы вызвать инициирование ЗВ. Устройства воспламенения на их основе относительно просты в изготовлении и в глазах преступника обладают значительным достоинством: они чаще всего не обнаруживаются после пожара. Серьёзным недостатком этого метода с точки зрения поджигателя является большой разброс времени задержки воспламенения. Для его более или менее точного определения необходимо произвести серию экспериментов, на что преступники идут относительно редко.

Классическим примером УВ, основанном на методе химического инициирования, неоднократно описанным в криминалистической литературе, является самодельный аналог широко известного «коктейля Молотова». Бутылка из тонкого стекла заполняется смесью купоросного масла (концентрированной серной кислоты) и бензина. Горлышко бутылки заткнуто пробкой, обмотанной изделием из полимерного материала, в котором находится состав типа «горючее-окислитель» (например, смесь сахарного песка и хлората калия (бертолетовой соли)). При переворачивании бутылки кислота, как более тяжёлая жидкость, чем бензин, первой контактирует с полимерным материалом (например, резиной) и разъедает её. В результате реакции попавшей на смесь сахара и хлората

калия серной кислоты выделяется количество тепла, достаточное для воспламенения бензина и разрушения стеклянных стенок бутылки.

Следует отметить, что время задержки воспламенения сильно зависит от температуры окружающей среды. Так, описанное выше устройство может не сработать при низких температурах из-за увеличения вязкости, а, следовательно, текучести кислоты [10, 11].

Электрическое инициирование является наиболее надежным и практичным видом инициирования. Оно отличается очень широкой функциональностью благодаря возможности использования различных способов приведения в действие, таких, как дистанционное управление, датчик цели и т. п. Кроме того, электрическое инициирование более безопасно, чем огневое или химическое, т. к. к моменту передачи импульса ЗВ злоумышленник может находиться на заведомо безопасном расстоянии. Также приведение в действие СЗУ можно производить в точно выбираемый момент времени. Вместе с тем электрический способ инициирования имеет определённые ограничения в применении в части образовательного уровня и наличия профессиональных навыков у злоумышленника.

Классическим примером электрического инициирования, достаточно распространенным в экспертной практике, является УВ с использованием нити накаливания. Данное устройство представляет собой лампу накаливания, в которую внутрь через небольшое просверленное отверстие засыпается порошкообразное ЗВ (чаще всего бездымный порох), а само отверстие закупоривается.

На спираль электрической лампы накаливания, представляющую собой вольфрамовая нить толщиной от 0,04 до 0,2 мм, подается электрический ток. В результате внутри колбы лампы происходит воспламенение пороховой массы. Напряжение и сила тока источника будет зависеть от диаметра вольфрамовой нити. Так, например, если используется электролампа от карманного фонарика, в качестве источника тока может быть использован стандартный элемент питания типа АА. При этом внутри колбы лампы происходит инициирование воспламенительного вещества. Чем меньше диаметр проволоки, тем меньшее напряжение и ток необходимы для воспламенения пороховой массы.

В практике исследования ВУ необходимыми признаками для отнесения объекта к категории ВУ (которые определяют способность устройства к осуществлению преднамеренного взрыва в конкретных условиях) являются наличие корпуса (оболочки) и (или) средства взрывания, обеспечивающего создание необходимого инициирующего начального импульса. Достаточным признаком может служить оболочка даже при отсутствии средств взрывания. Однако при исследовании СЗУ данные критерии неприменимы по нескольким причинам.

Во-первых, некоторые СЗУ не имеют как такового корпуса. Например, в годы Великой Отечественной войны в качестве ручного средства поражения применялась граната ТШ-300, представляющая собой шар из термитного состава с впрессованным в него замедлительным пиротехническим столбиком с терочным воспламенителем.

Во-вторых, в УК РФ не предусмотрена ответственность за изготовление, хранение, перевозку и использование (при соблюдении соответствующих норм безопасности) зажигательных веществ, в отличие от ответственности за изготовление, хранение и перевозку взрывчатых веществ (ВВ). Таким образом, наличие у подозреваемого ЗВ не позволяет сделать однозначный вывод об имевшемся у него умысле на совершение поджога [12, с. 108—110; 13, с. 96—99].

Одним из основных условий эксплуатации боеприпаса является его безопасность при хранении, перевозке и использовании. В существующих конструкциях зажигательных устройств, в том числе самодельных, используются различные способы обеспечения безопасности обращения с устройством.

Так, например, у бутылок с самовоспламеняющейся зажигательной смесью предохранительно-исполнительным устройством является корпус бутылки, которая при хранении предохраняет горючее вещество от соприкосновения с воздухом, а при попадании в цель разбивается, и, таким образом, при контакте с кислородом воздуха зажигательное вещество воспламеняется.

Также в качестве исполнительных устройств могут выступать:

- различные замедлители (от простейшего фитиля до электронной схемы замедления);
- средства дистанционного управления (вплоть до радиоуправляемого механизма);
- средства воспламенения контактного действия (механические воспламенители с датчиками цели).

В любом случае наличие подготовленного средства воспламенения обеспечивает изготовителю относительную безопасность при изготовлении, транспортировке и применении СЗУ.

Таким образом, для однозначного отнесения представленного объекта к категории СЗУ необходимо наличие двух признаков, которые являются диагностическими или квалификационными:

- зажигательное вещество;
- средство приведения устройства в действие [2; 5, с. 56—57].

Основным поражающим действием СЗУ является термическое (тепловое), которое, в зависимости от характеристик ЗВ и поражаемого объекта, может подразделяться на зажигающее и прожигающее (для неодушевленных целей) и ожоговое (для человеческого организма). Прожигающее поражающее действие выделяется в отдельную категорию для СЗУ, в которых в качестве ЗВ используются термитные составы, образующие в процессе горения значительные количества твердых высокотемпературных медленно остывающих шлаковых масс. Сопутствующим поражающим действием при горении ЗВ СЗУ (по отношению к человеческому организму) является токсическое (отравляющее) воздействие продуктов горения СО и СО₂, а при термическом разложении загустителей и добавок происходит дополнительное выделение вредных для человеческого организма веществ.

Достаточно распространены СЗУ, конструкции которых включают в себя заряд ВВ, обеспечивающего диспергирование ЗВ, его разброс и воспламенение, которые получили название самодельных взрывозажигательных устройств (СВЗУ). Наличие в их конструкции разрывных зарядов ВВ дополнительно к термическому и токсическому (отравляющему) поражающим действиям вызывает повреждения объектов за счет бризантного, и (или) фугасного, и (или) осколочного действия.

Таким образом, представляется целесообразным конкретизировать понятие СЗУ через рассмотренные выше признаки и критерии, позволяющие в комплексе решить вопрос отнесения какого-либо предмета к категории СЗУ: «Самодельное зажигательное устройство (СЗУ) — изделие однократного действия, специально подготовленное к зажиганию, способное наносить поражение и содержащее зажигательное вещество

и средство приведения устройства в действие, в котором хотя бы один из элементов изготовлен самодельным способом или установлена его непромышленная нерегламентированная сборка».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гостев А. А. Эксперт исследует поджог [Электронный ресурс]. — URL: https://mvd.rf/upload/site1/document_journal/6-2020.pdf (дата обращения: 26.08.2021).
2. Гераськин М. Ю. Некоторые аспекты криминалистического исследования самодельных зажигательных устройств / М. Ю. Гераськин, Л. В. Дашко // Судебная экспертиза. — 2018. — № 2 (54). — С. 81—90.
3. Дашко Л. В. Исследование самодельных зажигательных устройств при расследовании поджогов / Л. В. Дашко, В. Ю. Ключников // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. I междунар. форума. — Москва: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2017. — С. 479—485.
4. Ключников В. Ю. Проблемы установления признаков и обстоятельств, свидетельствующих о поджоге / В. Ю. Ключников, А. В. Довбня, Л. В. Дашко, В. Д. Синюк // Профессионал: популярно-правовой альманах МВД России. — 2015. — 4 (126). — С 21—24.
5. Шульгин С. О. Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования / С. О. Шульгин, Л. В. Дашко, В. Ю. Ключников, С. Е. Гусев, А. И. Колмаков. — М.: ЭКЦ МВД России, 2014. — 117 с.
6. Багет А. М. Расследование преступлений, совершенных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств: учеб.-практ. пособ. / А. М. Багет, С. Н. Волочай, С. М. Колотушкин, В. А. Расчётов, Т. И. Розовская, В. Г. Стаценко, В. Х. Устов, В. А. Федоренко; под ред. З. И. Брижак. — М.: Изд-во «КРЕДО», 2012. — 234 с.
7. Чешко И. Д. Техническое обеспечение расследования поджогов, совершенных с применением инициаторов горения: учеб.-метод. пособ. / И. Д. Чешко, М. А. Галишев, С. В. Шарапов, Н. И. Кривых. — М.: ВНИИПО, 2002. — 131 с.
8. Дашко Л. В. Обнаружение признаков поджога автотранспортных средств при производстве пожарно-технических экспертиз / Л. В. Дашко, В. Д. Синюк, В. Н. Кабанов // Профессионал: популярно-правовой альманах МВД России. — 2017. — 4 (138). — С 24—27.
9. Соболевская С. И. Криминальные пожары: научно-техническое обеспечение расследования. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России., 2003. — 28 с.
10. Дашко Л. В. Комплексное исследование остатков бутылок с зажигательной смесью / Л. В. Дашко, И. В. Клаптюк, И. Д. Чешко // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. — 2016. — № 2. — С. 21—24.
11. Катаров Д. В. Криминалистическое исследование бутылок с зажигательной смесью / Д. В. Катаров, Л. В. Дашко // Судебная экспертиза Беларуси. — 2017. — № 2 (5). — С. 58—65.
12. Гераськин М. Ю. К вопросу о создании учёта самодельных зажигательных устройств в МВД России / М. Ю. Гераськин, Л. В. Дашко, А. В. Довбня, Г. В. Плотникова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 3 (90). — С. 104—114.
13. Гераськин М. Ю. Организационные и методические основы создания учёта самодельных зажигательных устройств / М. Ю. Гераськин, А. А. Курин // Судебная экспертиза. — 2017. — № 2 (50). — С. 93—101.

REFERENCES

1. Gostev A. A. Expert investigates arson. URL: / / https://mvd.rf/upload/site1/document_journal/6-2020.pdf (Available at:26.08.2021).
2. Geraskin M. Yu., Dashko L. V. Some aspects of forensic research of improvised incendiary devices. // Forensic examination. 2018, no. 2 (54), pp. 81-90.

3. Dashko L. V., Klyuchnikov V. Yu. Research of improvised incendiary devices in the investigation of arson. Collection of scientific papers of the I International Forum “Theory and practice of forensic examination: international experience, problems, prospects”. — Moscow: Moscow University of the MIA of Russia for them. V. Y. Kikot, 2017, pp. 479-485.

4. Klyuchnikov, V. Y., Dovbnya, A. V., L. V. Dashko, Sinuk V. D. problem of determining the characteristics and circumstances, evidence of arson Popular legal almanac of the MIA of Russia “Professional” 2015, 4 (126), pp. 21-24.

5. Shulgin S. O., Dashko L. V., Klyuchnikov V. Yu., Gusev S. E., Kolmakov A. I. Improvised incendiary devices as an object of forensic research. — Moscow: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014, 117 p.

6. Baget A.M., Volochay S. N., Kolotushkin S. M., Calculations V. A., Rozovskaya T. I., Statsenko V. G., Ustov V. H., Fedorenko V. A. Investigation of crimes committed with the use of explosives and explosive devices. Educational and practical manual // edited by Z. I. Brizhak. — M.: Publishing house “CREDO”, 2012, 234 p.

7. Cheshko I. D., Galishev M. A., Sharapov S. V., Krivykh N. I. Technical support for the investigation of arson committed with the use of gorenje initiators: Educational method. Manual. — M.: VNIPO, 2002, 131 p.

8. Dashko L. V., Sinyuk V. D., Kabanov V. N. Detection of signs of arson of motor vehicles during the production of fire-technical examinations // Popular-legal almanac of the Ministry of Internal Affairs of Russia “Professional” 2017, 4 (138), pp. 24-27.

9. Sobolevskaya S. I. Criminal fires: scientific and technical support of the investigation. Autorefer. diss. ... cand. jurid. sciences’: 12.00.09. — Nizhegorod. akad. The Ministry of Internal Affairs of Russia. — Nizhny Novgorod, 2003, 28 p.

10. Dashko L. V., Klapyuk I. V., Cheshko I. D. Complex investigation of the remnants of molotov cocktails // Supervisory activity and forensic examination in the security system, 2016, 2, pp. 21-24.

11. Katarov D. V., Dashko L. V. Forensic investigation of molotov cocktails // Forensic examination of Belarus, 2017, 2 (5), pp. 58-65

12. Geraskin M. Yu., Dashko L. V., Dovbnya A.V., Plotnikova G. V. On the issue of creating a record of improvised incendiary devices in the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, No. 3 (90), pp. 104-114.

13. Geraskin M. Yu., Kurin A. A. Organizational and methodological bases for creating accounting for improvised incendiary devices // Forensic examination. 2017. No. 2 (50). pp. 93-101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гераськин Михаил Юрьевич, старший преподаватель кафедры криминалистической техники. Волгоградская академия МВД России. 400075, Россия, Волгоград, ул. Историческая, 130.

ORCID: 0000-0003-0906-0897

Дашко Леонид Васильевич, кандидат химических наук, заместитель начальника отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности. Экспертно-криминалистический центр МВД России. 125130, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5.

ORCID: 0000-0001-8320-9616

Харченко Ирина Владимировна, кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-

криминалистической деятельности. Волгоградская академия МВД России. 400075, Россия, Волгоград, ул. Историческая, 130.

ORCID: 0000-0001-9479-1445

Плотникова Галина Викторовна, кандидат химических наук, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0003-2721-292X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Geraskin Mikhail Yuryevich, senior lecturer of the Department of Criminalistic Techniques. Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 130, Historical st., Volgograd, Russia, **400075**.

ORCID: 0000-0003-0906-0897

Dashko Leonid Vasiljevich, candidate of chemical sciences, deputy head of the Division of Scientific Research on Special Types of Examinations and Forensic-Criminalistic Support for Countering Drug Crime. Forensic science centre of the Ministry of the Interior of Russian Federation. 5, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, Russia, 125130.

ORCID: 0000-0001-8320-9616

Kharchenko Irina Vladimirovna, Candidate of Biological Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of Forensic Technology of the educational and scientific complex of expert forensic activity. Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 130, Historical st., Volgograd, Russia, 400075.

ORCID: 0000-0001-9479-1445

Plotnikova Galina Viktorovna, candidate of chemical sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Expert Activity. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664074.

ORCID: 0000-0003-2721-292X

Статья поступила в редакцию 03.09.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 03.09.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 202—211.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
no.4 (99). P. 202—211.

**12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Научная статья

УДК 343.98.068

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-202-211

ДВИЖЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕХАНИЗМА РАССЛЕДОВАНИЯ

Андрей Леонидович Пермяков

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация, peran176@mail.ru

Введение: при разработке теоретических положений о преступной деятельности ученые-криминалисты уже давно используют такой эффективный инструмент, как учение о механизме преступления или механизме преступной деятельности. Однако человеческая деятельность, направленная на установление истины о преступлении, как одна из двух основных составляющих дихотомического объекта криминалистики, подробно не рассматривалась в подобном ключе. Между тем рассмотрение расследования преступления как механизма открывает достаточно интересные аспекты этого явления, что может способствовать формированию более эффективных рекомендаций при разработке частных методик расследования преступлений. В статье рассматривается деятельностный аспект такого недостаточно подробно описанного в криминалистике феномена, как механизм расследования преступления.

Материалы и методы: материалами для проведенного исследования послужили результаты исследований известных ученых в области криминалистики, уголовно-процессуального права, криминологии, теории систем, а также авторские работы как теоретического, так и эмпирического характера. Кроме таких методов, как носящий универсальный характер, общий диалектический метод научного познания, методы правового анализа, логической дедукции, индукции, познавательных методов и приемов наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания, применялись специальные методы, характерные для особенностей исследуемого предмета, такие как системно-объектный, системно-функциональный. Междисциплинарный характер объекта криминалистических исследований вполне позволяет в данном случае прибегнуть к методам, разработанным в общей теории систем.

Результаты исследования: предпринятые изыскания позволили достаточно обстоятельно, насколько это возможно в рамках данной формы публикации, описать деятельностный аспект механизма расследования, его подвижный характер, отличающий данный феномен от другого рода систем, многие из которых имеет сугубо статичную форму.

Выводы и заключения: логически завершённым итогом настоящей статьи является дополнительное подтверждение тезиса о необходимости рассмотрения механизма расследования, как подвижного феномена, в основе подвижности которого лежит свойство элементов заложенной в нем системы изменяться самим и изменять взаимодействующие с ними объекты.

Ключевые слова: механизм расследования преступления, элементы механизма расследования преступления, функциональная система, функция элемента системы, механизм преступной деятельности, формы движения.

Для цитирования: Пермяков А. Л. Движение как составляющая механизма расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 202—211. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-202-211

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

MOVEMENT AS A PART OF THE INVESTIGATIVE MECHANISM

Andrei L. Permyakov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, peran176@mail.ru

Introduction: In developing theoretical provisions on criminal activity, forensic scientists have long had such a tool as the doctrine of the crime mechanism or the mechanism of criminal activity. However, human activities aimed at establishing the truth about the crime, as one of the two main components of the dichotomous object of forensic science, were not considered in detail as a mechanism. The article considers one aspect of this phenomenon, which is not sufficiently detailed in forensic science, as a mechanism for investigating a crime.

Materials and methods: the materials for the study were the results of research by famous scientists in the field of criminology, criminal procedure law, criminology, system theory, as well as their own developments of both theoretical and empirical nature. In addition to such methods as universal, general dialectical method of scientific cognition, methods of legal analysis, logical deduction, induction, cognitive methods and methods of observation, comparison, analysis, generalization and description, special methods characteristic of the features of the subject under study, such as system-object, system-functional, were used. The interdisciplinary nature of the object of forensic research makes it possible in this case to resort to methods developed in the general theory of systems.

The results of the study: the research undertaken made it possible to describe in sufficient detail, as far as possible within the framework of this form of publication, the operational aspect of the investigation mechanism, its mobile nature, distinguishing this phenomenon from another kind of systems, some of which have a purely static shape.

Findings and Conclusions: logically completed result of this article is an additional confirmation of the thesis that it is necessary to consider the investigation mechanism

as a mobile phenomenon, the basis of which is the property of the elements of the system laid down in it to change itself and change the objects interacting with them.

Keywords: mechanism of crime investigation, elements of mechanism of crime investigation, functional system, function of system element, mechanism of criminal activity, forms of movement.

For citation: Permyakov A. L. Movement as a part of the investigative mechanism // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 202— 211 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-202-211

Академик П. К. Анохин в первой половине XX века, занимаясь исследованиями в области нервной системы и поведения живых организмов, разработал теорию функциональных систем [1], положения которой оказались применимы не только в биологии, но и в других научных исследованиях, не относящихся к естествознанию. Исходя из положений его теории, следует признать функциональным характер системы, лежащей в основе механизма расследования преступлений. На это указывает присутствие у нее следующих признаков:

- 1) наличие цели достижения определенного результата, как фактора, определяющего формирование системы;
- 2) результат, на который направлена деятельность системы, определяет ее фазовые реорганизации [2, с. 42];
- 3) наличие функций как у самой системы, так и у отдельных ее компонентов.

Профессор А. Ф. Лубин, рассуждая о механизме преступной деятельности и его отличиях от криминалистической характеристики, пришел к выводу о том, что в роли единицы анализа последней выступает предметное действие. При функциональном подходе, который был им использован при описании внутреннего устройства механизма преступной деятельности, по его мнению, требуются иные единицы, которыми могли бы выступать функции [3, с. 113] как части единого процесса, которые в своей совокупности вместе с отношениями между ними образуют функциональную структуру [4, с. 133]. Это вполне справедливо можно перенести на исследование механизма расследования, если рассматривать этот феномен так же, как и А. Ф. Лубин рассматривал преступную деятельность, т. е. как методологическую категорию, определяя ее в общем виде как «выражающую закономерности теоретического построения и экспериментальной проверки модельной иерархической системы типовых версий, в целях последующего формирования и корректировки типовых методик расследования преступлений» [5, с. 125].

Конструкция механизма, предлагаемая таким образом, была получена при отказе от «представления деятельности как протекающего во времени процесса» с одновременным введением «стадийности механизма». Это в совокупности с другими особенностями выбранного подхода повлияло на признание рассматриваемого механизма методологической категорией.

Исходя из этого единицей анализа механизма преступной деятельности признана именно функция. Признавать функцию в основе связи элементов системы характерно для рассмотрения феноменов в преимущественно статическом разрезе. Если изначально поставлена цель рассматривать механизм расследования как движущийся феномен, кате-

горию, обладающую динамическим аспектом, то базовой элементарной частицей связи и взаимного влияния элементов рассматриваемой системы необходимо признать воздействие или действие. Это подвижная по определению категория, являющаяся, по сути, движением, ядром которой будет та самая функция элементов системы, которую подробно описал А. Ф. Лубин в своем фундаментальном исследовании. Иначе говоря, функция может быть рассмотрена нечто подобное потенциальной энергии элемента механизма в его статической модели. Когда модель или сам механизм приведен в действие, его элементы выполняют заложенные в них функции, осуществляя движение. В статическом состоянии механизм расследования можно только представить как модель мысленно или попытаться изобразить схематично. Существующий в реальности, он не может быть абсолютно неподвижен.

В свое время Аристотель выделил в «Физике» три типа движения. Это движение относительно величины, движение состояния и движение места [3, с. 157]. При этом он также разделил все виды движения в пространстве на естественные и насильственные. В мире физических явлений естественное движение известный философ античности сопоставлял по смыслу с движением по инерции, а насильственное считал обусловленным внешними силами. Галилей и Ньютон внесли в положения Аристотеля свои поправки, принципиальное новшество которых было основано на тезисах о том, что изменение движения тела без воздействия на него невозможно, земля не является неподвижной точкой отсчета в пространстве, и закономерности, связанные с этими явлениями, возможно представить математически. Надеюсь, коллеги-физики простят автору настоящей статьи такое упрощение и резюмирование некоторых теорий великих ученых. Из этого всего нам необходим для рассуждений тезис о том, что движение не бывает без воздействия внешних сил, конечный итог его является суммой действия на объект различных факторов (сил), а также то, что двигаться (изменяться) может состояние и величина исследуемого феномена. Это в полной мере относится к явлениям и процессам, о которых пойдет речь, несмотря на то, что они весьма косвенно относятся к миру естественно-физических объектов.

Примеряя к социальным явлениям общепринятые положения о такой естественнонаучной категории, как движение, мы неизбежно можем рассмотреть множество схожих особенностей. Механизм расследования, как уже говорилось ранее, кроме внутренней структуры взаимного расположения, образующих его систему, объектов, определяемой исходя из силы и характера их взаимного влияния друг на друга, обладает таким свойством, как подвижность, выполнение определенных действий, и, в конце концов, главное его свойство — выполнение функции производства¹ расследования. Все это суть подвижные процессы. Безусловно, движение, которое подразумевается в них, существенно отличается от физического перемещения объектов в пространстве. Ф. Энгельс, материалистические убеждения которого, учитывая практическую ориентированность

¹ Стоит учесть, что слово «производство» также имеет сильный технический оттенок, и при этом такие понятия, как производство по уголовному делу или производство следственных действий, уголовное судопроизводство, весьма гармонично вписались в понятийный аппарат уголовного процесса и криминалистики.

криминалистики, тут как нельзя кстати, выделял 4 вида движения. Наряду с механическим, физическим, химическим, по его мнению, существует биологическое движение, связанное с многовидовой жизнедеятельностью организмов. К этой форме можно, несмотря на некоторую циничность данного утверждения, отнести социальные формы движения. В самом общем смысле слова движение — это «способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» [6, с. 391].

Общим, по мнению автора, у всех видов движения будет лежащее в их основе какое-либо изменение. При движении, которое описывал в своих законах Ньютон, закладывая, таким образом, в свое время основу для смены парадигмы в физике, изменяется расположение тел в пространстве. Движение, о котором ведет речь автор статьи, предлагая рассматривать расследование преступления как механизм, подразумевает также изменения состояния некоторых сущностей, не всегда материальных в полном смысле этого слова.

В социологии вообще принято рассматривать под движением массовые коллективные действия по реализации интересов и достижению целей (движение за социальное равенство, студенческое движение, национально-освободительное, за здоровый образ жизни и т. д.). Еще это можно назвать совокупностью усилий, действий, направленных на поддержание социальных изменений и против них. В этих определениях также можно увидеть термин «действие», за которым стоят изменения.

Во всех определениях понятия движение, которые можно встретить в существующих общепринятых положениях социологии, так или иначе присутствует такой элемент, как множественное количество часто обезличенных индивидов (толпа, масса, коллектив, общество, социум и т. п.). Это вполне справедливо, если учесть, что в социологии традиционно не принято рассматривать отдельно взятого индивида, принимая за «элементарную» единицу в исследованиях группу людей.

В этом движение, которое можно наблюдать в механизме расследования, имеет отличный от социального движения характер. К социальной сфере его относит то, что ключевыми элементами механизма являются люди, и развитие отношений или процессы взаимодействия между ними являются основными проявлениями сути внутренней работы механизма расследования. Взаимодействие следователя и оперуполномоченного, рассуждения о котором в большом количестве присутствуют в криминалистических трудах [7, с. 133—138], является социальным явлением, т. к. происходит между людьми, основано на общении между ними, обмене информацией с отнесением на второй план физических действий, которые они неизбежно выполняют при этом.

С понятием движения в социологии в общем, движение, которое необходимо рассматривать в механизме расследования сближают, такие характерные особенности этого явления, как цель, которую можно упрощенно выразить в осознаваемом и предполагаемом изменении состояния следственной ситуации. Кроме того, объединяет их лежащее в основе этих явлений действие или действия. Только в социальном движении речь идет обязательно о действиях многих лиц, в механизме расследования следует рассматривать чаще действия одного лица-элемента механизма. Это вытекает из уже названного нами

выше основного отличия. Кроме цели, действие может быть направлено также для реализации интересов действующего лица. Это также объединяет сравниваемые нами понятия. Тут следует отметить, что некоторые авторы вообще отождествляют понятие действие и движение, если речь идет о движениях человека.

Подходя к отождествлению понятий действие и движение возникает вопрос о том, может ли бездействие быть движением в механизме расследования, так же, как оно в некоторых случаях выступает способом совершения преступления в уголовном праве. Сразу в качестве примера приходит ситуация, когда следователь занимает выжидательную позицию, «оставляя мяч на стороне защиты». Особенно полезным такое поведение может быть тогда, когда удастся создать ситуацию, при которой любое действие со стороны защиты будет ухудшать ее положение или сильно влиять на выбор направления действий стороны обвинения. Безусловно, движение в механизме расследования при этом будет присутствовать, т. к. изменения в следственной ситуации иногда могут происходить без непосредственного действия следователя. Но такой ключевой элемент механизма, как следователь, будет оставаться без движения или бездействующим в представленной нами модели. Кроме того, не предпринимая действий в отношении защиты, он не может бездействовать в отношении других элементов механизма. Рассматривая идеальную модель, подразумеваем в ней активное и плодотворное взаимодействие со стороны следствия и органа дознания, которое не должно останавливаться ни при каких условиях. Кроме того, сроки расследования не могут останавливаться, а они также являются существенной составляющей механизма¹.

Предпринимаемые человеком действия проявляются в изменениях. Это могут быть как изменения его физического состояния, перемещение в пространстве, положения частей тела, т. е. внешних характеристик, так и внутренние изменения физиологического, когнитивного, эмоционального и иного характера. Кроме того, большое значение имеют изменения, непосредственно порождаемые действиями следователя. Некоторые из них сложно отделить от него, несмотря на то, что происходят они не с человеком, а в окружающей его обстановке, с предметами или средой, с которыми он контактирует при совершении действия. Так, если рассматривать, например, высказанное в устной форме заявление, то негоже отделять вибрацию воздуха, вызванную физическими действиями человека, невзирая на то, что этот воздух и его состояние, это отдельный объект. Более того, исследователя не интересует никакая вибрация и закономерности, с ней связанные. При рассмотрении такого феномена, как заявление, разумеется, следует иметь в виду информацию, которая в нем содержится, и форму, в которой она представлена. Поэтому на сами физические действия, выполненные человеком, в исследованиях часто не обращают внимания, но они неизбежно присутствуют. Часто такое отношение смешивает в общую массу многие элементы механизма. Это формирует восприятие процесса расследования как нечто единое целое, выделяя в нем только некоторые фигуры, предусмотренные процессуальными правилами и предписаниями. Между тем каждое

¹ Приостановление расследования или его прекращение с последующим возобновлением подразумевает остановку механизма, и движений в нем в таких случаях быть не должно, за редким исключением. Поэтому срок расследования не может не двигаться в действующем механизме.

проявление какой-либо формы движения имеет своего носителя. При любом изменении состояния присутствует физический объект, который выполнил движение. Следственная ситуация изменяется перманентно, и каждое изменение вызвано каким-то элементом или подсистемой элементов в механизме расследования.

В криминалистике принято считать одним из признаков обстоятельства следственной ситуации осведомленность о нем лица, осуществляющего расследование. Такой подход к рассмотрению данного феномена вызван значением, заложенным при формировании учения о нем [8]. Это вполне справедливо, т. к. обстоятельства, о которых не осведомлен следователь, не в состоянии повлиять на процесс планирования расследования и сознательный выбор следователем своего поведения. Однако при рассмотрении следственной ситуации как состояния механизма расследования в определенный момент времени нужно понимать эту научно-криминалистическую категорию в широком смысле, включая в нее все обстоятельства, которые влияют на формирование и работу механизма расследования.

Ведущим элементом механизма расследования является следователь и осуществляемая им деятельность, на совершенствование которой прежде всего направлена криминалистика как наука [9, с. 23—35]. Следователь своим поведением приводит в движение некоторые объекты силы и влияния, что в результате должно давать предполагаемый этим следователем результат. Так же, как и в механизме преступления, центральное место занимает физическое лицо, приводящее его в движение — преступник, так и в механизме расследования главную роль играет следователь. От него в первую очередь зависит то, в каком направлении и с какой интенсивностью будет двигаться весь механизм. Однако в характере ролей этих фигур не всегда можно рассмотреть тождество. Так, деятельность преступника не всегда бывает умышленной. Следователь же интересуется криминалистикой именно с осознанной стороны. Сформировать рекомендации для неосознанного поведения невозможно, несмотря на имеющие место в криминалистике научные рассуждения об интуиции [10, с. 167—174; 11, с. 24—30; 12, с. 107—110]. В криминалистических исследованиях изучается, прежде всего, сознательная и мотивированная деятельность следователей или иных уполномоченных лиц, участвующих в расследовании. Влияние деятельности следователя на процесс расследования и зависимость результатов расследования от деятельности следователя настолько велико, что при поверхностном рассмотрении можно прийти к отождествлению таких понятий, как механизм расследования и деятельность следователя.

Тем не менее в механизме расследования, кроме следователя, существенное влияние на его состояние оказывают и другие элементы. И, несмотря на то, что каждый из них по-отдельности не сравнится со следователем по значимости и силе влияния, направление, по которому станет продвигаться расследование, или, другими словами, действие механизма расследования, будет являться суммой всех этих воздействий. Конечный результат этой работы, точка, в которую в конце концов приведет расследование, и маршрут, по которому оно будет двигаться, станет совокупностью результатов действия отдельных подвижных элементов или подсистем элементов механизма.

Однако действие не единственная форма движения в представляемом нами феномене. Некоторые элементы механизма расследования можно рассматривать по аналогии

с существующими в мире физических явлений полями. Например, при расследовании любого преступления устанавливаются сроки. Сроки расследования и все, что с ними связано это одна из наиболее неприятных для следователя составляющих. Существующие процедуры их продления или приостановления во многих случаях несут неприятные последствия для следователя, в производстве которого находится уголовное дело. Состояние истекающего срока в определенный момент расследования (в определенной следственной ситуации) может усилить стрессовое воздействие на следователя и его непосредственного руководителя, которого также следует рассматривать как отдельный элемент механизма расследования. Это объяснимо может повлиять на принимаемые ими решения. Иногда со сроками напрямую связано принимаемое окончательное решение.

Такое условие расследования, как срок, не может рассматриваться как объект, однако влияние его на движение расследования может быть слишком существенным, чтобы его не учитывать в моделировании механизма расследования. В данном случае следует говорить не о действии, а о воздействии различных условий, что также, как и действие, в некоторых случаях следует связывать с движением, учитывая, что действия, тормозящие движение или направляющие его в неправильном направлении наравне с положительными все же являются действиями элементов механизма. Важно, чтобы при этом изменения, которые лежат в основе любого движения, являясь его сутью, были напрямую связаны с этим.

Подводя итоги рассуждений, приходим к тому, что движение неизбежно атрибутивно присутствует в механизме расследования, представляя, по своей сути, изменение обстоятельств, относящихся к следственной ситуации в ее широком понимании при отрыве их от осведомленности следователя об их состоянии. Отсюда подвижными элементами в механизме расследования следует признавать те его составляющие, которые способны изменяться сами и изменять значимые обстоятельства в обстановке расследования. Изменения эти могут быть вызваны как воздействием элементов механизма, так и действием, что опять же само по себе будет являться движением. Наиболее значимым элементом в любом механизме расследования, конечно же, будет следователь, который, выступая подвижным элементом механизма расследования, выполняет действия сам и возбуждает другие элементы, изменяет интенсивность или направление движения каких-то из них. Кроме того, что имеет еще большее значение, следователь, одновременно являясь элементом механизма расследования, своими движениями формирует механизм, конструируя другие элементы механизма, необходимые для достижения цели расследования. Отношение к промежуточному результату своей деятельности как к системе, изменяющейся во времени и состоящей из взаимосвязанных подвижных и неизменных элементов, является одной из форм особого криминалистического мышления [13, с. 36—39] и может позволить более системно и структурированно подойти к организации своей работы, эффективнее планировать процесс расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. — М.: Наука, 1978. — 400 с.
2. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. — М.: «Медицина», 1975. — 448 с.

3. Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 1997. — 337 с.
4. Ладенко И. С. Имитационные процессы (методология исследований и проектирования). — Новосибирск, 1981. — 302 с.
5. Аристотель. Физика. Пер. В. П. Карпова. — 2-е изд. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 228, 2 с.
6. Энгельс Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — М., 1961. — 828 с.
7. Пермяков А. Л. Различия критериев оценки результатов профессиональной деятельности подразделений органов внутренних дел как одна из основных проблем организации эффективного взаимодействия следственных органов и органов дознания при расследовании преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. тр. участ-в XIII всерос. науч.-практ. конф. РЮИ МВД России. — 2016. — С. 133—138.
8. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: моногр. / Под ред. проф. Н. П. Яблокова. — М.; Калинингр. ун-т. — Калининград, 1997. — 248 с.
9. Варданыан А. В. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А. В. Варданыан, О. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23—35.
10. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — В 3-х т. — Т. 3. — М.: Юристъ, 1997. — 480 с.
11. Ратинов А. Р. О следственной интуиции // Соц. Законность. — 1958. — № 4. — С. 24—30.
12. Строгович М. С. Об интуиции в исследовании доказательств // В кн.: Проблемы судебной этики. — М., 1974. — 272 с.
13. Грибунов О. П. Криминалистическое мышление как отражение системности теории и практики / О. П. Грибунов, А. Б. Власов // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: мат-лы 21-й всерос. науч.-метод. конф. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016. — С. 36—39.

REFERENCES

1. Anokhin P.K. Philosophical aspects of the theory of a functional system. — M.: Science, 1978, 400 p.
2. Anokhin P.K. Essays on the physiology of functional systems. — M., Medicine, 1975, 448 p.
3. Lubin A.F. Methodology of forensic investigation of the mechanism of criminal activity. dissertation of Doctor of Law. Novgorod, 1997, 337 p.
4. Ladenko I.S. Simulation processes (research and design methodology). — Novosibirsk, 1981, 302 p.
5. Aristotle. Physics. Trans. by V.P. Karpov. 2nd ed. — M.: Sotsekgiz, 1937, 228, 2 p.
6. Engels F. Dialectics of Nature/Marx K., Engels F. Comp., 2nd ed. — T. 20. — M, 1961. 828 p.
7. Permyakov A.L. Differences in the criteria for assessing the results of professional activities of units of internal affairs bodies as one of the main problems of organizing the effective interaction of investigative and inquiry bodies in the investigation of crimes / Permyakov A.L. // Forensics: topical issues of theory and practice. Collection of works of participants of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference. RUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2016, pp. 133-138.
8. Volchetskaya T.S. Forensic situalogy: Monograph /Ed. Prof. N.P. Yablokov. — M.; Kaliningr. un-t. — Kaliningrad, 1997, 248 p.

9. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. Modern doctrine of methodological and forensic support for the investigation of certain types of crimes / Vardanyan A.V., Gribunov O.P. // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 2 (81), pp. 23-35.

10. Belkin R.S. Forensic Science Course: Forensic Tools, Techniques and Recommendations. In three volumes. T.3. — М.: Lawyer, 1997, 480 p.

11. Ratinov A.R. On investigative intuition / Ratinov A.R. // Sots. legality, 1958, no. 4, pp. 24-30;

12. Strogovich M.S. On intuition in the study of evidence. — in Book: Problems of judicial ethics. М., 1974, 272 p.

13. Gribunov A.B. O.P. Vlasov. Criminalistic thinking as reflection of systemacity of the theory and practitioners / Gribunov A.B. O.P. Vlasov // Training for security agencies: modern directions and educational technologies: materials of the twenty first All-Russian scientific and methodical conference. — Irkutsk, Publishing house: East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016, pp. 36-39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пермяков Андрей Леонидович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0001-7402-7503

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Permyakov Andrei Leonidovich, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Forensic Science. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664074.

ORCID: 0000-0001-7402-7503

Статья поступила в редакцию 2021; одобрена после рецензирования 2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 2021; approved after reviewing 2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 212—219.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 212—219.

**12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
 оперативно-розыскная деятельность**

Научная статья

УДК 343.98.067

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-212-219

**К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ
 ИНСЦЕНИРОВКИ КАК СПОСОБА
 ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ**

Ирина Сергеевна Приходько

Алматинская академия МВД Республики Казахстан им. Макана Есбулатова, г. Алматы, Республика Казахстан, kp2001@inbox.ru

Введение: в статье проанализированы мнения известных ученых — И. Н. Якимова, А. Р. Ратинова, В. И. Попова, В. А. Овечкина, Е. В. Баранова, Р. С. Белкина, В. И. Фадеева, — касающихся криминалистической проблемы противодействия расследованию.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют Конституция Республики Казахстан, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы дедукции, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результат исследования: проанализированные подходы в изучении криминалистической проблемы противодействия расследованию позволили сформулировать собственное криминалистическое определение инсценировки преступления.

Выводы и заключения: изучение значимости криминалистической проблемы противодействия досудебному расследованию позволило прийти к выводу о том, что фундаментальной работы, синтезирующей все накопленные криминалистические знания по данной проблеме до настоящего времени, не создано. Предложены пути развития аналитической работы в этом направлении.

Ключевые слова: инсценировка, преступление, сокрытие, изменение, обстановка, расследование.

Для цитирования: Приходько И. С. К вопросу о криминалистическом определении инсценировки, как способа противодействия расследованию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 212—219. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-212-219

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity**Original article****ON THE ISSUE OF THE FORENSIC DEFINITION OF STAGING AS A WAY OF COUNTERACTING AN INVESTIGATION****Irina S. Prikhodko**

Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan, kp2001@inbox.ru

Introduction: The article analyzes the opinions of such famous scientists as I.N. Yakimov, A.R. Ratinov, V.I. Popov, V.A. Ovechkin, Ye.V. Baranov, R.S. Belkin, V.I. Fadeyev concerning the criminalistic problem of counter-investigation.

Materials and Methods: legal framework of the study are the Constitution of the Republic of Kazakhstan, criminal and criminal procedural legislation. The methodological framework of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of deduction, comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study: The analyzed approaches in the study of the criminalistic problem of counteraction to the investigation allowed us to develop our own criminalistic definition of staging a crime.

Findings and Conclusions: the study of the significance of the criminalistic problem of counteraction to pre-trial investigation led to the conclusion that there is no fundamental work synthesizing all the accumulated criminalistics knowledge on this problem to date. Ways of development of analytical work in this direction are proposed.

Keywords: adaptation, crime, concealment, change, situation, investigation.

For citation: Prikhodko I. S., On the issue of the forensic definition of staging as a way of counteracting an investigation // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 212— 219 (in Russ.).

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-212-219

В настоящее время является бесспорным тот факт, что системная деятельность по раскрытию и расследованию уголовных правонарушений заключается не только в планомерном собирании и исследовании криминалистически значимой информации. Значительный пласт деятельности лица, осуществляющего расследование, составляет соотнесенный анализ совершенно различных объектов и обстоятельств, составляющих то, что в современной криминалистической науке принято называть механизмом совершения преступления. И совершенно ясно, что такой анализ априори невозможен без качественного методологически и методически подкрепленного инструментария.

Современная криминалистическая наука в своей системе выработала целые блоки криминалистических приемов, средств и методов, позволяющих эффективно использовать всю имеющуюся в распоряжении органа, осуществляющего досудебное расследование, как актуальную, так и потенциальную криминалистически значимую информацию. Вместе с тем наблюдающийся рост квалификации преступников, их информацион-

ная насыщенность, а также осведомленность о методах деятельности правоохранительных органов зачастую создают такие следственные ситуации, которые весьма негативно сказываются на эффективности и результатах расследования.

В этом контексте существенное значение приобретают методики работы лица, ведущего уголовный процесс в условиях конфликтной следственной ситуации, либо в условиях следственной ситуации, сопряженной с оказанием различного противодействия органам досудебного расследования со стороны преступников.

Как свидетельствует следственная практика, способы противодействия преступников, органам, осуществляющим досудебное расследование, многообразны по своему содержанию и направленности. Они могут обладать различной степенью агрессии и, соответственно, различной степенью общественной опасности.

К сожалению, как показало проведенное автором настоящей статьи исследование, криминалистическая проблема противодействия расследованию не пользуется популярностью у ученых-криминалистов. Не принимая во внимание причины такой «нелюбви», в свою очередь, отметим, что диссертации, посвященные данной проблематике, все-таки защищаются с определенной периодичностью, но фундаментальная работа, синтезирующая все накопленные криминалистические знания по данной проблеме, до настоящего времени ещё не создана. В качестве примера можно представить тот факт, что последняя диссертация на соискание ученой степени доктора наук «Соккрытие преступлений, как форма противодействия расследованию» была защищена И. А. Николаичук в 2000 году, т. е. более 20 лет назад [1]. Именно подобные обстоятельства обусловили сложившуюся на сегодняшний день ситуацию со множеством различных классификаций и определений, форм и способов противодействия расследованию.

Именно благодаря этому абсолютное большинство авторов, в сферу интересов которых входят криминалистические проблемы противодействия досудебному расследованию, различны в подходах к одному из наиболее специфичных способов противодействия досудебному расследованию — инсценировке преступления.

Оговоримся, что применение к инсценировке термина — «способ противодействия расследованию» совсем не исключает возможности использования термина «форма противодействия расследованию». Это обстоятельство обусловлено тем, что инсценировка может выступать как в роли самостоятельной формы противодействия расследованию, так и в качестве способа, являющегося элементом другой формы противодействия. Так, например, инсценировка может являться определенной составляющей такой формы противодействия расследованию как сокрытие преступления.

Особое значение инсценировка приобретает при ее рассмотрении в системе механизма преступления как составной части способа его совершения. Так, в своей работе «Способы сокрытия преступления и его место в структуре способа совершения преступления» П. В. Малышкин достаточно логично считает, что действия лица, расследующего преступление данной категории, зависят от действий преступника, направленных на сокрытие преступления [2, с. 51—52]. И именно эти обстоятельства, полагаем, особенно подкрепленные низким уровнем методической обеспеченности криминалистическим инструментарием распознавания инсценировки, обуславливают низкую эффективность процессов расследования. Усугубляются эти обстоятельства тем, что такая маскировка преступлений как инсценировка и дезинформация очень часто используются пре-

ступниками для сокрытия наиболее опасных видов преступлений, например, убийств, тяжкого вреда здоровью, изнасилований и др.

Следует обратить внимание на то, что в общем массиве преступлений количество фактов инсценировок преступных деяний отследить довольно непросто. Однако, учитывая опыт практической деятельности можно сделать вывод о том, что преступлений подобного характера регистрируется значительное количество.

Вполне обычными являются инсценировки преступлений против собственности (грабежей и разбоев), совершаемых с целью сокрытия масштабных хищений.

Так, например, 29 сентября 2017 года в городе Воронеже Российской Федерации сотрудниками службы экономических расследований при содействии правоохранительных органов России задержан гражданин Республики Казахстан Лакомкин Д. А., который в сентябре 2016 года инсценировал собственную смерть на территории России и был признан умершим¹. Таким образом, гражданин Лакомкин хотел избежать наказания, предусмотренное сразу тремя статьями Уголовного кодекса Республики Казахстан — ст. 215 ч. 3 («лжепредпринимательство»), ст. 245 ч. 3 («уклонение от уплаты налогов»), ст. 262 ч. 1 и 2 («создание и руководство ОПГ»).

Также следует отметить сложность расследования инсценировок преступного поведения в тех случаях, когда в действиях подозреваемых не содержалось состава преступления, а сама инсценировка могла быть совершена из различных побуждений, например, по мотивам мести, с целью привлечения подозреваемого к уголовной ответственности. Подобные инсценировки, по своей сути и содержанию не являясь преступлением, вместе с тем отвлекают значительные силы и средства правоохранительных органов для своего расследования.

Указанные нами обстоятельства в целом свидетельствуют о насущной необходимости организации статистического отслеживания всех установленных фактов инсценировок уголовных правонарушений с последующим изучением мотивов и целей их осуществления, классификации по использованным способам и степени общественной опасности, по примененным методам распознавания и расследования. Такая деятельность на фоне низкого уровня осведомленности лиц, осуществляющих досудебное расследование, о способах распознавания и расследования инсценировок и маскировок уголовных правонарушений, позволит в конечном итоге сформировать некую информационно-аналитическую базу, на основе которой в последующем возможна разработка эффективных методик распознавания и расследования рассматриваемых явлений.

Говоря о проблеме инсценировки в системе криминалистической науки, нельзя не сказать о том, что различные аспекты этого явления в той или иной степени затрагивались практически всеми известными учеными-криминалистами. Так, инсценировка как способ сокрытия преступления затрагивалась в трудах О. Я. Баева, Е. В. Баранова, Р. С. Белкина, В. С. Бурдановой, А. Н. Васильева, И. А. Возгина, Г. А. Густова, В. Е. Коноваловой, И. М. Лузгина, Г. Н. Мудьюгина, В. А. Образцова, В. А. Овечкина, В. И. Фадеева, В. И. Шиканова и т. д.

¹ Инсценировавшего свою смерть казахстанца задержали в России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/instsenirovavshego-svou-smert-kazahstantsa-zaderzhali-v-rossii> (дата обращения: 12.05.2021).

Между тем проблема определения криминалистических подходов к инсценировке, к ее семантическому и содержательному определению в понятийной части не является новой для криминалистической науки.

Способы, приемы, криминальные средства, используемые лицами, совершающими преступления, привлекли внимание ученых-криминалистов еще на заре становления криминалистической науки. Первоначально приемы и средства, используемые в целях инсценировки преступных действий, чаще всего, криминалисты называли термином «симуляция».

Например, И. Н. Якимов в своем труде «Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике» рассмотрел значительное число приемов, используемых преступниками в целях снятия с себя подозрений в совершении преступления. Рассматривая «симуляцию преступления», И. Н. Якимов, отмечал, что она наиболее часто выражена в принудительном, часто очень значительном изменении обстановки места преступления или же, наоборот, в приведении изменившейся обстановки в первоначальный порядок [3, с. 126—127].

Вместе с тем нельзя не согласиться с точкой зрения А. Р. Ратинова, который справедливо считал, что явление, являющееся элементом поведенческого отражения личности, не может быть применено к обстановке места преступления. Иначе говоря, это, по его мнению, инсценировка, которая заключается не просто в изменении или уничтожении тех или иных следов, а в создании ложной обстановки места преступления [4, с. 248—250].

По мнению В. И. Попова, инсценировку как способ сокрытия преступления можно определить, как некое искусственное создание обстановки на месте происшествия, которая впоследствии, при ее исследовании следователем, введет последнего в заблуждение.

В. И. Попов в своем определении понятия «инсценировка преступления» впервые в истории криминалистической науки ввел две основные новеллы:

— во-первых, в понятийную часть криминалистики введено само понятие «инсценировка», замещая термин «симуляция» применительно к преступлению;

— во-вторых, автором сделано утверждение, о том, что в случае с инсценировкой преступления совершенно не обязательно вести речь о создании обстановки именно преступного поведения, вполне возможна маскировка действий лиц, совершивших преступление под событие некриминального характера. Например, убийство может быть замаскировано под несчастный случай или самоубийство [5, с. 25].

Подобное определение понятия «инсценировка», как видится, в полной мере свидетельствует о сложившихся подходах к этому явлению уже в середине прошлого столетия.

Между тем попытки поиска определения, наиболее объективно отражающего криминалистическую сущность инсценировки, на этом не были прекращены.

Так, уже к концу 70-х годов XX века известным ученым-криминалистом В. А. Овечкиным была предпринята очередная попытка определения инсценировки. В целом его определение не отличалось от ранее данных. Основное отличие заключалось лишь в том, что В. А. Овечкин предложил под инсценировкой понимать не только действия, направленные на изменение первоначальной обстановки преступления или дей-

ствия, направленные на сокрытие этого преступления. Однако, по его мнению, инсценировка — это и уже измененная обстановка места происшествия [6, с. 97—98].

Такой подход нам представляется более логичным, нежели приведенные выше. Это связано с тем объективным обстоятельством, что инсценировка может рассматриваться не только как деятельностный процесс, но и как сложившаяся на месте происшествия вещная обстановка. Вместе с тем понимание инсценировки только как деятельностного процесса, несмотря на стройность логических суждений, приведенных В. А. Овечкиным, являлось устойчивым для ученых-криминалистов того времени. Примером тому может служить определение инсценировки, предложенное Е. В. Барановым [7, с. 18].

Вполне согласуется с представленными выше определением, предложенное Е. В. Барановым. По его мнению, на первое место в определении также выходит деятельностная составляющая. Иными словами, опорным моментом является именно умышленное создание обстановки, которая не соответствует обстоятельствам совершения преступления [8, с. 386].

В определении, предложенном Р. С. Белкиным, впервые определяется сущность и содержание дефиниции «инсценировка» посредством использования ряда обоснованных таксонометрических признаков, выступающих в качестве оснований для классификации различных видов инсценировок.

Значительное развитие криминалистические представления об инсценировке получили благодаря исследованию, проведенному В. И. Фадеевым в работе «Расследование криминальных инсценировок». Оценивая существовавшие ранее определения инсценировки, В. И. Фадеев делает обоснованный вывод о фактической неполноте их содержания. Это, по его мнению, связано, прежде всего, со стремлением всех авторов, обращавшихся к данной проблеме, сузить содержание инсценировки посредством сведения ее только к способу сокрытия преступления. При этом В. И. Фадеев представляет инсценировку не только как способ действия, преследующий своей целью сокрытие преступления, но и как результат такой деятельности [9].

Основываясь на таком подходе, В. И. Фадеев предложил собственное определение инсценировки. По его мнению, «криминальная инсценировка — это деятельность субъекта преступления по сокрытию (видоизменению) совершенного преступления (аморального поступка) и (или) совершению преступления, характеризующаяся умышленным созданием ложной субъектной, предметной, пространственной, временной, информационной, следовой обстановки, скрывающей умысел и цели преступника» [9, с. 24].

В общем, соглашаясь с предлагаемым определением, считаем его не в полной мере отражающим сущность и содержание рассматриваемого явления.

Так, полагаем, стоит полностью согласиться с позицией В. И. Фадеева относительно того, что современное криминалистическое понимание инсценировки должно охватывать не только деятельность по созданию обстановки, противоречащей объективной стороне совершенного преступления, по своей сути, выражаясь в способе сокрытия преступления, как элементе способа и механизма совершения преступления. Не вызывает спора и тот факт, что это определение в своей структуре должно также отражать и обстановку места происшествия, сложившуюся как результат такой деятельности. Между тем далеко не всякая инсценировка образует самостоятельный состав преступления, являясь только элементом способа совершения преступления. Поэтому тер-

мин «криминальная инсценировка», как видим, является не вполне корректным. Он (термин) по своему семантическому наполнению описывает только те случаи, когда уже факт завершенной инсценировки или ее осуществления сам по себе является уголовным правонарушением. Такой подход, думается, значительно сужает объект определения.

Следующим спорным, по мнению автора статьи, моментом определения является обозначение лица, осуществляющего инсценировку, как субъекта преступления. Отметим, что в некоторых случаях действия лица по своему содержанию хотя и образуют состав преступления, но в ряде случаев по уголовному законодательству оно не является субъектом преступления.

Так, в соответствии со ст. 15 Уголовного кодекса Республики Казахстан уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения уголовного правонарушения шестнадцатилетнего возраста. За некоторые преступления возраст наступления уголовной ответственности может быть снижен до 14 лет¹. Иначе говоря, фактически лицо совершившее преступление и инсценировку для его сокрытия, вполне может и не являться субъектом преступления.

Также следует отметить, что в основу определения не положены цели инсценировки, хотя, следуя содержанию термина «криминальная инсценировка», полагаем, что В. И. Фадеев сознательно вывел из определения все виды инсценировок, связанные с маскировкой действий, не являющихся преступлениями под, собственно, преступлением.

Исходя из сказанного выше, рискнем предложить собственный подход к криминалистическому определению инсценировки. Так, предлагаем под инсценировкой преступления понимать действия лица, совершившего преступление, направленные на изменение первоначальной обстановки места совершения преступления, характеризующиеся умышленным созданием ложной субъектной, предметной, пространственной, временной, информационной, следовой обстановки, скрывающей умысел и цели преступника, осуществляемые в целях противодействия расследованию, а также результат таких действий в виде изменившейся обстановки места преступления.

В заключение необходимо отметить, указанное определение, как представляется, может по своему содержанию обозначить основные направления работы по статистическому анализу инсценировок преступлений в том случае, если будет принято волевое решение о ведении такого статистического учета, как предлагалось выше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николайчук И. А. Сокрытие преступлений, как форма противодействия расследованию: дис. ...д-ра юрид. наук. — Краснодар, 2000. — 360 с.
2. Мальшкин П. В. Вопросы детерминации преступных инсценировок // Следователь. — 2009. — № 3. — 168 с.
3. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с издания 1925 г. / И. Н. Якимов. — М.: ЛексЭст, 2003. — 496 с.
4. Судебная психология для следователей: учеб. пособ. / А. Р. Ратинов. — М.: НИиРИО ВШ МООП РСФСР, 1967. — 290 с.

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан // ИПС «Эділет» [Электронный ресурс]. — URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 18.05.2021).

5. Мартыненко Р. Г. Коммуникативное противодействие расследованию: способы, выявление, преодоление: дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2004. — 194 с.
6. Овечкин В. А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками: дис. ... канд. юрид. наук. — Харьков, 1975. — 176 с.
7. Баранов Е. В. Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений: автореф. дис. канд. юрид. наук. — М., 1977. — 18 с.
8. Криминалистика: курс лек. / В. А. Образцов. — М.: Право и Закон, 1996. — 386 с.
9. Расследование криминальных инсценировок / В. И. Фадеев. — М.: Норма, 2007. — 160 с.

REFERENCES

1. I.A. Nikolaychuk, Concealment of crimes as a form of opposition to the investigation: the dissertation of a doctor of legal sciences: 12.00.09 / Igor Anatolyevich Nikolaychuk. Krasnodar, 2000. — 360 p.
2. P.V. Malyshkin. Issues of determination of criminal stagings // Investigator, 2009.No.3.-P.51-52.
3. Forensics. A guide to criminal technology and tactics. New edition, reprinted from the 1925 edition / I.N. Yakimov — М.: LexEst, 2003. — 496 p.
4. Forensic psychology for investigators: Textbook / A.R. Ratinov -М.: Research and Publishing Department. Graduate School. Ministry of Public Order. Russian Soviet Federative Socialist Republic, 1967. —290 p.
5. R.G. Martynenko, Communicative opposition to the investigation: Methods, identification, overcoming: the dissertation of the doctor of legal sciences: 12.00.09 / Roman Georgievich Martynenko. — Krasnodar, 2004. — 194 p.
6. V.A. Ovechkin, General provisions of the methodology for investigating crimes hidden in staging: the dissertation of a doctor of legal sciences: 12.00.09 / Valery Anatolyevich Ovechkin. — Kharkov, 1975. — 176 p.
7. Ye.V. Baranov, The forensic nature of the staging and methods of exposing them in the investigation of crimes: an abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences: 12.00.09 / Evgeniy Vladimirovich Baranov. -М., 1977. — 18 p.
8. Forensics. The course of lectures / V.A. Obraztsov — М.: Law and Law, 1996. —386 p.
9. Investigation of criminal stagings / V.I. Fadeyev М.: Norma, 2007. — 160 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Приходько Ирина Сергеевна, начальник отделения научно-исследовательского центра, Алматинская академия МВД Республики Казахстан им. Макана Есбулатова, 050060, Казахстан, г. Алматы, ул. Утепова, 29.
ORCID: 0000-0003-1616-259

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Sergeevna Prikhodko, Head of the Department of the Research Center, Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. 29, Utepov Street, Almaty, Kazakhstan, 050060
ORCID: 0000-0003-1616-259

Статья поступила в редакцию 2021; одобрена после рецензирования 2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 2021; approved after reviewing 2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 220—229.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
no.4 (99). P.220—229.

**12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-220-229

**ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Сергей Владимирович Тимофеев¹, Эдуард Юрьевич Пороховой²

^{1,2}Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,

¹tsv.1981@mail.ru, ²porokhovej@mail.ru

Введение: в статье исследованы проблемы, возникающие в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел при выявлении, предупреждении и профилактике преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. На основе изучения отечественной и зарубежной практики деятельности правоохранительных органов дан краткий их анализ, а также предложены меры по совершенствованию правового регулирования, организации и тактики противодействия киберпреступности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство, локальные нормативные акты, регламентирующие вопросы взаимодействия органов государственных власти и участников уголовного судопроизводства. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также познавательные методы обобщения и описания, приемы наблюдения, сравнения и анализа.

Результаты исследования: проблема противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, является одной из актуальных для теории оперативно-розыскной деятельности, носящей как теоретико-методологический, так и прикладной характер. В рамках исследования к числу дополнительных мер по повышению эффективности противодействия рассматриваемой категории преступлений предлагается отнести: создание специализированных сил и средств компетентных органов в целях комплексного анализа цифровых данных запрещенного в Российской Федерации контента информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сбор, анализ и оперативное документирование преступных действий лиц, представляющих оперативный интерес; нормативное правовое закрепление возможности осуществлять комплексные оперативно-профилактические операции информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе в целях деанонимизации личности преступника.

Выводы и заключения позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к выработке новых подходов к оперативно-розыскному противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Ключевые слова: выявление и предупреждение преступлений, оперативно-розыскная деятельность, оперативно—розыскные мероприятия, киберпреступления, Интернет, сеть DARKNET изменения, законодательство.

Для цитирования: Тимофеев С. В., Пороховой Э. Ю. Выявление и предупреждение преступлений в сети интернет: проблемы и пути их решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 220—229.
DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-220-229

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

IDENTIFICATION AND PREVENTION OF CRIMES ON THE INTERNET: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Sergey V. Timofeev¹, Eduard Yu. Porokhovoi²

¹⁻² East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation ¹tsv.1981@mail.ru, ²porokhovoj@mail.ru

Introduction: The article investigates the problematic issues of the organization and tactics of the activities of the operational divisions of the internal affairs bodies for the detection and prevention of crimes committed using the Internet. Based on the study of domestic and foreign experience in the activities of law enforcement agencies, a brief analysis is given, and measures are proposed to improve the organization and tactics of countering cybercrime.

Materials and methods: The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal, criminal procedural and operational-search legislation, local regulations governing the content of interaction between participants in criminal proceedings. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as cognitive methods of generalization and description, methods of observation, comparison and analysis.

The results of the study: the problem of combating crimes committed with the use of information and telecommunication technologies and the Internet is one of the topical issues for the theory of operational search activity, which is both theoretical, methodological and applied in nature. Within the framework of the study, it is proposed to include among additional measures to improve the effectiveness of countering the category of crimes under consideration: the creation of specialized forces and means of competent authorities for the purpose of a comprehensive analysis of digital data of the content prohibited in the Russian Federation on the Internet, as well as the collection, analysis and documentation of criminal actions

of persons, of operational interest; normative legal consolidation of the ability to carry out complex operational and preventive operations, including for the purpose of de-anonymizing Internet users, etc.

Findings and Conclusions: it possible to clarify certain provisions related to the development of new approaches to operational-investigative counteraction to crimes committed using information and telecommunication technologies and the Internet.

Keywords: detection and prevention of crimes, operational-search activity, operational-search activities, cybercrimes, the Internet, the DARKNET network changes, legislation.

For citation: Timofeev Sergey Vladimirovich, Poroxovoi Eduard Yurievich. identification and prevention of crimes on the internet: problems and ways of their solution // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (99) pp. 220-229 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-220-229

В последние годы проблема преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, остается одной из самых актуальных и несет серьёзную угрозу национальной безопасности Российской Федерации¹. Это обусловлено ускоренным внедрением в повседневную жизнь общества достижений информационных технологий, позволяющих преступникам оставаться вне поля зрения правоохранительных органов². Неуклонный рост количества преступлений указанной категории свидетельствует о необходимости поиска наиболее оптимальных и эффективных форм, методов и средств их выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования.

В науке по этому поводу высказывались различные точки зрения. Следует согласиться с мнением А. В. Варданяна и О. П. Грибунова, которые отметили что «Раскрытие и расследование преступлений — это сложный процесс, осуществляемый на основе соответствующей уголовно-правовой, процессуальной, оперативно-розыскной и криминалистической информации и знаниях определенных частных закономерностей» [1, с. 27].

В правовой литературе справедливо отмечают, что «Любой вид деятельности направлен на достижение определенных целей, в том числе и по вопросам государственного управления процессами в своей сфере. Цели отражают потребности развития общества в целом, а также конкретного объекта управления в частности. В современных условиях приходится констатировать, что эффективность управления в той или иной сфере общественных отношений прямо зависит от правильной организации, где исполнителю понятна и подкреплена мотивацией его цель» [2, с. 174].

Значимость противодействия данному виду преступлений определяет особую специфику осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Осу-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

² Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 21.07.2021).

ществование ОРД оперативными подразделениями органов внутренних дел (далее — ОВД) посредством только проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) не в полной мере обеспечивает эффективное противодействие данному виду преступности [3, с. 138]. Это обусловлено высокими уровнями анонимности делинквентов и латентности преступности, осуществляемой с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ) и информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сеть Интернет) в целом [4, с. 113]. Также указанное обстоятельство обусловлено недостаточным уровнем научной проработки и нормативного правового регулирования рассматриваемого вопроса [5, с. 139].

Однако следует признать, что решение проблемы оперативно-розыскного противодействия преступности, совершаемой с использованием цифровых технологий, заключается в разрешении существующих противоречий между потребностью в повышении эффективности их предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования, и неполнотой научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию оперативно-розыскной теории и практики в области противодействия цифровой преступности.

Актуальность названной проблемы, по мнению авторов настоящей статьи, также обусловлена наметившейся в последние годы тенденции к повышению уровня преступлений, совершаемых с использованием ИТТ. Так, анализ статистических данных показал, что в Российской Федерации за 2017 г. зарегистрировано 90,5 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТТ, за 2018 г. — уже 174,6 тыс. преступлений, за 2019 г. уже 294,4 тыс. за 2020 г. — уже 510,3 тыс., что на 73,4 % больше аналогичного периода предыдущего года. Тенденция роста преступлений, совершенных с использованием ИТТ, была отмечена и в 2021 г. В январе — августе 2021 года зарегистрировано 358,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТТ, или на 12,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений в Российской Федерации их удельный вес увеличился с 4,3 % в 2017 году, до 26,5 % в 2021 году¹.

Приведенные данные государственной статистики свидетельствуют о том, что вопрос совершенствования деятельности оперативных подразделений ОВД по противодействию цифровым преступлениям требует выработки научно обоснованных практических рекомендаций, направленных не только на выявление, пресечение и раскрытие преступлений в сети Интернет, но и осуществление одного из приоритетных направлений деятельности ОВД — профилактики, предупреждения этих преступлений.

Проведенный нами анализ научной литературы, действующего законодательства Российской Федерации, практической деятельности отечественных и зарубежных правоохранительных органов показал, что одной из эффективных форм профилактики, предупреждения преступности является проведение органами государственной власти

¹ Общие сведения о состоянии преступности. Состояние преступности 2017—2021 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

и организаций с различной формой собственности (преимущественно в сфере IT), комплексных оперативно-профилактических операций (далее — КОПО).

Вектор российского государства на адаптацию отечественного законодательства к современным вызовам и угрозам цифровой преступности приносит положительные результаты¹, но не в полной мере использует имеющиеся резервы в организации использования всего потенциала институтов гражданского общества. Решение этой проблемы позволит более эффективно выполнять задачи борьбе с правонарушениями исследуемой категорий. В частности, по мониторингу веб-ресурсов² «теневой» части сети Интернет — сети DARKNET, где в основном и содержится запрещённый в Российской Федерации контент информацию.

1. В современном законодательстве Российской Федерации предусмотрена обязанность операторов связи выявлять наиболее распространенные и доступные анонимайзеры³. Кроме того, операторы поисковых систем сети Интернет обязаны прекращать выдачу по запросам пользователей ссылок на информационные ресурсы, доступ к которым запрещен или ограничен. В случае неисполнения указанных требований Роскомнадзор устанавливает ограничение доступа к данным ресурсам. Однако, как показывает практика, этих мер недостаточно, и заблокированные информационные ресурсы продолжают функционировать в сети DARKNET и после принятия решения о их блокировке.

Анализ деятельности правоохранительных органов зарубежных стран показал многоаспектность системы противодействия цифровым преступлениям. Например, правоохранительные органы США и ряда стран западной Европы активно используют методы технического противодействия распространения наркотических средств, осуществляемых с использованием ИТТ (осуществление DDoS-атак на ресурсы сети Интернет — операция Онимус (Operation Onymous)) [6]. Основу тактики указанной специальной операции составляет техническое противодействие в виде массовых DDoS-атак на ряд информационно-телекоммуникационных ресурсов в глубинной части сети Интернет – в сети DARKNET, как наиболее криминализованной части глобальной сети Интернет. В результате чего были выявлены IP-адреса более 17 владельцев торговых интернет-площадок в сети DARKNET по продаже наркотиков и сопутствующих товаров, а затем произведены задержания их владельцев.

Совершенно очевидно, что проведение подобных специальных операций в Российской Федерации объективно невозможно без участия других органов государственной власти.

¹ В уголовное законодательство введена ответственность за незаконное производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет); постановлением Правительства Рос. Федерации от 26 окт. 2012 г. № 1101 был создан Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

³ Веб-ресурс — совокупность информационных ресурсов, размещенных в сети Интернет.

⁵ Анонимайзер — средство для скрытия информации о компьютере или пользователю в сети от удаленного сервера.

В подтверждение необходимости проведения КОПО в сети Интернет можно привести результаты анкетирования сотрудников оперативных подразделений ОВД из 53 регионов Российской Федерации¹. Данное исследование показало, что основными факторами, обуславливающими неуклонный рост цифровых преступлений, являются:

1. Высокая доступность информационно-телекоммуникационных ресурсов, предлагающих запрещенные в гражданском обороте предметы, вещества и услуги, на фоне низкого технического контроля государственных органов и практически полной анонимности их администраторов (владельцев) — 95 % опрошенных.

2. Агрессивная маркетинговая работа представителей криминальных элементов (сообществ) в сети Интернет (рассылка сообщений в мессенджерах; реклама ресурсов, занимающихся распространением запрещенных в гражданском обороте предметов, средств, веществ, услуг) — 87 % опрошенных.

3. Отсутствие у подавляющего числа сотрудников оперативных подразделений ОВД познаний в области современных методов добывания и анализа информации о цифровых следах преступления, деанонимизации пользователей сети Интернет, особенно в его «теневой стороне» — DARKNET — 58 % опрошенных.

4. Отсутствие специализированных сил для проведения комплексной оперативно-профилактической операции в сети Интернет, в целях противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ, из числа сотрудников оперативных подразделений уголовного розыска, по контролю за оборотом наркотиков, противодействия экстремизму — 98 % опрошенных.

5. Сложная, иерархичная и высоко законспирированная с помощью современных технических средств, структура организаторов и участников преступных групп (сообществ) — 43 % опрошенных.

6. Доступность технологий легализации (отмывания) денежных средств, добытых в результате совершения преступлений, осуществляемых с использованием ИТТ и в сети Интернет — 91 % опрошенных.

7. Отсутствие в действующем законодательстве Российской Федерации эффективных механизмов оперативно-розыскного и технического противодействия функционированию информационно-телекоммуникационных ресурсов (сайтов, торговых площадок, форумов и т. п.) в сети DARKNET — 96 % опрошенных.

8. Низкий уровень взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность с операторами связи, в части сложности процедуры и своевременности предоставления технической информации и ограничения деятельности ресурсов в сети Интернет — 90 % опрошенных.

9. Низкая эффективность предпринимаемых уполномоченными государственными органами мер по блокировке запрещенного контакта в сети Интернет — 97 % опрошенных.

¹ Результаты анкетирования и интервьюирования сотрудников и руководителей оперативных подразделений в ходе их обучения на факультете повышения квалификации Восточно-Сибирского института МВД России, в период с 2018 по 2021 гг.

В то же время исследование показало, что основные факторы, обуславливающие совершение преступлений, осуществляемых с использованием цифровых технологий, базируется в том числе и на общих принципах экономического образа мышления как такового [7, с. 15]. Если учитывать один из основных экономических принципов — «спрос рождает предложение» [8, с. 960], то всю деятельность оперативных подразделений по выявлению и предупреждению преступлений, совершаемых с использованием ИТТ и в сети Интернет можно условно классифицировать на два вида деятельности.

Первый вид деятельности оперативных подразделений направлен на сокращение незаконного спроса, а второй на ликвидацию (ограничение) функционирования информационно-телекоммуникационных ресурсов (сайтов, торговых площадок, форумов), предоставляющих возможность не только приобретения (получения) незаконных предметов, средств, веществ и услуг, но и обучения, вовлечения (вербовки) в преступную деятельность новых участников.

Здесь следует отметить, что практическое значение в деятельности оперативных подразделений ОВД, думается, имеет профилактика незаконного предложения на указанных информационно-телекоммуникационных ресурсах. Такая работа может вестись по двум направлениям:

1. Общепрофилактические меры по сокращению незаконного предложения и спроса на приобретение на информационно-телекоммуникационных ресурсах незаконных предметов, средств, веществ и услуг;
2. Индивидуальная профилактика в отношении лиц, предоставляющих возможность предложения незаконных предметов, средств, веществ, услуг.

Анализ правоприменительной деятельности показал, что в своей деятельности оперативные подразделения ОВД достаточно эффективно используют проведение комплексных оперативно-профилактических операций по отдельным направлениям деятельности¹. Однако в законодательстве Российской Федерации и в практике деятельности оперативных подразделений ОВД отсутствуют правовые, организационно-тактические механизмы предупреждения и профилактики преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий в сети Интернет.

Решением данных проблем, по мнению авторов, является расширение практики проведения комплексных оперативно-профилактических операций.

В системе МВД России проведение комплексных оперативно-профилактических операций регламентируется Инструкцией, утвержденной приказом МВД России «Об утверждении Инструкции об организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России»², в соответствии с которой под

¹ Ежегодно в Российской Федерации проводится межведомственная комплексная оперативно-профилактическая операция «Мак» по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств растительного происхождения, выявления и ликвидации посевов и очагов произрастания дикорастущих растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

² Об утверждении Инструкции об организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России: приказ МВД России от 13 авг. 2002 г. № 772 [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/1356359/> (дата обращения: 10.10.2021).

термином «комплексная оперативная операция» понимается совокупность оперативно-розыскных, контрольно-надзорных, предупредительно-профилактических и иных мероприятий, осуществляемых органами внутренних дел (при необходимости — совместно с другими федеральными органами исполнительной власти) в соответствии с законодательными и иными нормативными актами Российской Федерации в масштабах страны, одного или нескольких субъектов Российской Федерации по единому замыслу для достижения конкретной цели¹.

В анализируемом нормативном правовом акте МВД России обозначены следующие цели операции:

- снижение остроты криминогенной обстановки на определенной территории, объекте или в отрасли экономики;
- повышение эффективности деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью, административными правонарушениями;
- активизация выявления и розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда.

Используя мировой опыт борьбы с цифровой преступностью, назрела объективная необходимость в разработке современной концепции проведения специальной КОПО в сети Интернет оперативными подразделениями ОВД во взаимодействии с Роскомнадзором, другими заинтересованными органами государственной власти, местного самоуправления, организациями, предоставляющими услуги связи.

На основе проведенного анализа, для реализации концепции специальной КОПО в сети Интернет считаем целесообразным осуществить следующие мероприятия, направленные на:

- создание специализированных сил и средств из числа органов, подразделений осуществляющих ОРД, государственных органов, осуществляющих контроль и надзор в сфере телекоммуникаций, организаций, предоставляющих информационно-телекоммуникационные услуги;
- создание оперативно-поисковых и групп анализа цифровых данных запрещенного в Российской Федерации контента в сети Интернет;
- сбор и документирование цифровых сведений о лицах и ресурсах, представляющих возможность приобретать, хранить, распространять запрещенные предметы, вещества, средства и услуги;
- налаживание эффективного механизма взаимодействия с операторами связи в целях деанонимизации личности преступников, использующих при совершении преступлений современные цифровые технологии;
- нормативного правового закрепления возможности осуществлять в рамках КОРО специальные технические операции — DDoS-атаки, т. е. специальные атаки на информационно-телекоммуникационные ресурсы в сети Интернет, распространяющих запрещенный контент, в том числе в целях деанонимизации пользователей сети Интернет или доведения их до отказа от противоправной деятельности;

¹ Об утверждении Инструкции об организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России: приказ МВД России от 13 авг. 2002 г. № 772.

— создание таких технических условий, при которых пользователи ресурсов не смогут получить доступ к предоставляемым системным ресурсам (серверам) либо этот доступ будет ограничен (затруднен);

— рассылку информационных сообщений гражданам Российской Федерации в целях активизации борьбы с пропагандой распространения оружия, наркотиков и других запрещенных предметов, веществ и услуг в сети Интернет;

— создание специализированных групп анализа и прогнозирования развития преступности в сети Интернет для своевременного установления причин и условий, способствующих совершению киберпреступлений и своевременному принятию организационно-управленческих решений руководством правоохранительных органов Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданыан А. В. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А. В. Варданыан, О. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23—35.

2. Кнаус О. А. Мотивирование сотрудников органов внутренних дел в системе оценки оперативно-служебной деятельности / О. А. Кнаус // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2019. — № 1 (88). — С. 172—179.

3. Невский Е. П. Предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Дневник науки. — 2019. — № 4 (28). — С. 138.

4. Тимофеев С. В. К вопросу добывания оперативно значимой информации в сети интернет: проблемы и пути их решения / С. В. Тимофеев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — № 2 (18). — С. 111—117.

5. Лузько Д. Н. Розыск военнослужащих, уклоняющихся от прохождения военной службы: правовые и практические аспекты / Д. Н. Лузько // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 2 (14). — С. 138—144.

6. Великий колесный путь. Власти США закрыли интернет-магазин наркотиков Silk Road // Информационное агентство Лента.РУ [Электронный ресурс]. — URL: <https://lenta.ru/articles/2013/10/03/silkroad/> (дата обращения: 08.10.2020).

7. Зарипов З. С. Некоторые вопросы совершенствования мер противодействия наркомафии несовершеннолетних // Криминологический журнал. — 2007. — № 1 (17).

8. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. — М., 2007.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. Modern doctrine of methodological and criminalistic support of investigation of certain types of crimes // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 2 (81), pp. 23-35.

2. Knaus O. A. Motivation of employees of internal affairs bodies in the system of evaluation of operational performance / O. A. Knaus // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 1(88), pp. 172-179.

3. Nevsky E.P. Prevention of crimes related to drug trafficking // Diary of Science. 2019, no. 4 (28), p. 138.

4. Timofeev S. V. On the issue of obtaining operationally significant information on the Internet: problems and ways to solve them / S. V. Timofeev // *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 2021, no. 2(18), pp. 111-117.

5. Luzko D. N. Search for military personnel evading military service: legal and practical aspects / D. N. Luzko // *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 2020, no. 2(14), pp.138-144

6. The Great Wheel Way. The US authorities have closed the online drug store Silk Road // <url> News Agency. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/10/03/silkroad/> (Available at:08.10.2020).

7. Zaripov Z.S. Some issues of improving measures to counteract drug addiction of minors // *Criminological Journal*. 2007, no. 1(17)

8. Smith A. *Studies on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимофеев Сергей Владимирович, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-417201571

Пороховой Эдуард Юрьевич, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-7581-176X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timofeev Sergey Vladimirovich, senior lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment in the Department of Internal Affairs. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664074.

ORCID: 0000-0002-417201571

Poroxovoi Eduard Yurievich, senior lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment in the Department of Internal Affairs. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664074.

ORCID: 0000-0002-7581-176X

Статья поступила в редакцию 23.06.2021; одобрена после рецензирования 01.07.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 23.06.2021; approved after reviewing 01.07.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 230—238.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
no.4 (99). P. 230—238.

**12.00.14. Административное право.
Административный процесс.**

Научная статья

УДК 342.95

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-230-238

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ «СНИФФИНГУ»**

Марьям Владимировна Анисифорова

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Российская Федерация, marianisiforova@mail.ru

Введение: статья посвящена изучению проблемных вопросов применения мер административной ответственности за правонарушения, связанные со «сниффингом», в молодежной среде.

Материалы и методы: материалами исследования послужили нормативные правовые акты, в том числе подзаконные, регламентирующие вопросы противодействия «сниффингу», а также судебная практика. При подготовке научной статьи использовались, прежде всего, формально-юридический и эмпирический методы, а также метод системного анализа.

Результаты исследования: обобщение опыта правоприменительной деятельности в области борьбы с новым видом подростковой токсикомании — «сниффингом» позволило выявить общие проблемы, связанные с недостаточностью правовой регламентации вопросов оборота одурманивающих веществ, и сформулировать отдельные, корректирующие законодательство в этой сфере предложения.

Выводы и заключения: обоснован вывод о необходимости признания «сниффинга» в качестве патогенного вредоносного и социально-опасного явления наряду с наркоманией и установления эффективных и достаточных мер административно-правового реагирования за соответствующие правонарушения.

Ключевые слова: административное принуждение, административная ответственность, административное правонарушение, одурманивающие вещества, сниффинг, незаконная пропаганда закиси азота.

Для цитирования: Анисифорова М. В. Административно-правовая обеспеченность противодействия «сниффингу» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 230—238. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-230-238

12.00.14. Administrative law. Administrative process.**Original article****ADMINISTRATIVE LIABILITY MEASURES USED IN THE FIGHT AGAINST SNIFFING****Maryam V. Anisiforova**

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, arianisiforova@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the study of problematic issues of the application of measures of administrative responsibility for offenses related to “sniffing” in the youth environment.

Materials and methods: the materials of the study were normative legal acts, including bylaws, regulating the issues of counteracting “sniffing”, as well as judicial practice. When preparing a scientific article, first of all, formal legal and empirical methods were used, as well as the method of system analysis.

The results of the study: generalization of the experience of law enforcement in the field of combating a new type of adolescent substance abuse — “sniffing” made it possible to identify common problems associated with the lack of legal regulation of the circulation of intoxicating substances, and to formulate individual corrective legislation in this area of proposals.

Findings and Conclusions: in the conclusion, the conclusion is substantiated that it is necessary to recognize “sniffing” as a pathogenic harmful phenomenon along with others (drug addiction, alcoholism) and to establish effective and sufficient measures of administrative and legal response for the corresponding offenses.

Keywords: administrative coercion, administrative responsibility, administrative offense, intoxicating substances, sniffing, illegal propagation of nitrous oxide.

For citation: Anisiforova M. V. Administrative liability measures used in the fight against sniffing // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — N. 4 (99). — pp. 230—238. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-230-238

Количество людей с аддиктивными расстройствами неуклонно возрастает. Традиционными причинами возникновения таких заболеваний принято считать случаи злоупотребления алкоголем и немедицинского потребления наркотических средств, психотропных и новых потенциально опасных психоактивных веществ, их аналогов. В этом ряду нечасто можно встретить упоминание об одурманивающих веществах, которые, в свою очередь, представляют серьезную опасность с клинической точки зрения.

Анализ специальной литературы показал, что однозначного подхода в вопросах действия веществ, признаваемых одурманивающими, нет, в том числе касающихся возникновения в результате их потребления абстинентного синдрома. С точностью можно сказать одно — в результате их применения страдает интеллект. Токсическое опьянение изменяет сознание, может способствовать параличу дыхательного центра в головном мозге, удушью, отеку легких. Оценка последствий отдельных случаев

употребления одурманивающих веществ обнаруживает и смертельные исходы, а главная опасность кроется в том, что подвержены «*сниффингу*» (слово английского происхождения *to sniff* дословно переводится как «нюхать») дети, подростки и молодые люди. При этом согласно известному в психиатрии закону Г. Г. Клерамбо, чем моложе психически больной, тем массивнее оказываемое на его головной мозг органическое воздействие и короче латентный период. Понятно, что, если подросток начинает употреблять одурманивающие вещества в 10—13 лет, то к совершеннолетию полноценного и стабильного функционирования его психики ожидать не стоит.

Несмотря на обоснованные беспокойства в виду активного приобщения к «*сниффингу*» молодых людей, само понятие «одурманивающие вещества», встречающееся в различных нормативных правовых актах и, прежде всего, в положениях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1] и Уголовного кодекса Российской Федерации [2], до сегодняшнего дня не нашло своего легального толкования. Не упоминается оно и в базовом Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее — Федеральный закон «О наркотиках») [3]. В то же время само слово *parakotikos* в переводе с греческого языка означает «одурманивающий, приводящий в оцепенение» [7, с. 49].

В этой связи мнения в научной литературе разделились. Одни авторы при определении одурманивающих веществ ограничиваются их простым перечислением. Так, в энциклопедическом словаре-справочнике для оперативных и следственных подразделений, подготовленном в 2013 г. Научно-исследовательским центром Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков¹, под одурманивающими веществами предлагается понимать смесь клофелина с алкоголем в любых процентах, смесь димедрола с алкоголем, эфир, толуол, закись азота, спиртовые экстракты растений, содержащих алкалоиды тропановой группы и иные [8, с. 147—148].

Другая группа авторов, в свою очередь, все же осуществляет попытки определения одурманивающих веществ, исходя из их характеристик (потребительских свойств). Например, П. А. Иванов, Т. В. Попова и др. при характеристике одурманивающих веществ обращают внимание на стойкое состояние опьянения, которое их применение вызывает, в связи с чем человек не может дать себе отчет в производимых действиях и испытывает эффект полной или частичной амнезии [9, с. 92].

Следует отметить, что список веществ, признаваемых одурманивающими, был утвержден в 1996 г. Постоянным комитетом по контролю наркотиков (далее — Список одурманивающих веществ) [6]. Наряду с одурманивающими веществами в нем также были установлены перечни психотропных веществ, крупных и особо крупных размеров наркотических средств и психотропных веществ, обнаруживаемых в незаконном хранении или обороте и, что особенно примечательно, критерии для отнесения веществ к одурманивающим и психотропным.

В частности, для причисления вещества к числу одурманивающих следует руководствоваться следующими критериями:

¹ Прим.: Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков прекратила свое существование в 2016 г.

— наличием доказательных данных об использовании токсического вещества для получения одурманивающего эффекта (источниками такой информации могут стать экспертные, судебно-следственные, медицинские либо правоохранительные органы публичной власти);

— фармакологической и токсикологической оценкой действия конкретного вещества (т. е. должны быть подтверждены факты его вредоносного воздействия на организм человека, его психику);

— наличием сведений о том, что данное вещество не является предметом широкого повседневного потребления (при этом любопытно, что закись азота, включенная в перечень, применяется активно, используется в медицинских целях и пищевой промышленности) и не включено в перечни запрещенных к обороту или ограниченно оборотоспособных наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Интересны и небезосновательны споры в отношении юридической силы Списка одурманивающих веществ. С одной стороны, новых перечней таких токсических веществ на законодательном или подзаконном уровне принято не было, а меры административной ответственности за их потребление в общественных местах установлены ч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ. С другой стороны, признана динамичность Списка одурманивающих веществ и необходимость его периодического пересмотра и пополнения Постоянным комитетом по контролю наркотиков. Однако ввиду того, что государственный орган специальной компетенции прекратил свое существование, вплоть до сегодняшних дней перечень одурманивающих веществ не изменялся. В этой связи, например, А. П. Фильченко заявляет о ничтожности с позиций юридической силы Списка одурманивающих веществ и невозможности его применения [10, с. 71].

Если списки психотропных веществ и наркотических средств, а также сильнодействующих и ядовитых веществ были пересмотрены и утверждены Правительством Российской Федерации, то вот одурманивающие вещества остались без внимания законодателя. Никаких кардинальных правовых решений в отношении последних длительное время не принимается.

Отсутствие актуального списка одурманивающих веществ и административно-правового механизма его пересмотра существенно затрудняют правоприменительную деятельность, о чем свидетельствуют и отдельные судебные решения. Например, Московским городским судом в своем апелляционном определении от 4 декабря 2018 г. было указано на то, что углеводород (бутан) не относится к одурманивающим веществам, поскольку не включён в Список одурманивающих веществ, утвержденный Постоянным комитетом по контролю наркотиков, а также в перечень наименований токсичных веществ, наиболее часто встречающихся при острых отравлениях, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29 декабря 2000 г. № 460 [5]. Тем самым, судом была формально признана юридическая сила Списка одурманивающих веществ и одновременно невозможность принятия законного и обоснованного решения в отношении факта токсического отравления гражданином бутаном в силу неопределенности правового статуса этого вещества. Вместе с тем бутан и аналогичные ему газы (пропан, изобутан и др.) при вдыхании вытесняют кислород из воздуха, что приводит к эффекту «удавки», поэтому даже единичный факт вдыхания этого газа может привести к смерти человека.

Только недавно рассматриваемая проблема вновь «оживила» с принятием Федерального закона от 29 декабря 2020 г. № 472-ФЗ «Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «Об ограничении оборота закиси азота») [4]. Целью законодательного акта послужила необходимость пресечения незаконной деятельности по распространению закиси азота — бесцветного негорючего газа, имеющего губительные свойства для организма при его употреблении не по назначению. Способствовали решению об установлении ограничений однозначные выводы Министерства здравоохранения Российской Федерации о целесообразности ограничения его оборота, поскольку нецелевое использование одурманивающего вещества может привести, по мнению экспертов органа власти, к необратимым последствиям для жизни и здоровья граждан: нарушению ритма сердца, недостаточности кровообращения, угнетению дыхания, острой гипоксии и смерти.

Подобные выводы, несомненно, имеют под собой достаточно твердую основу, поскольку нередкими стали в последние годы случаи смертей подростков на фоне употребления веществ ярко выраженного токсического свойства — закиси азота, называемого также «веселящим газом». Новая угроза разновидности подростковой токсикомании успела проявить себя на территории всей страны и особенно в Московском регионе. При этом законодательные инициативы с запретом свободной продажи закиси азота выдвигались с 2013 г. Первой стала Дума Ставропольского края, предложившая Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации принять закон, который бы ограничил оборот среди несовершеннолетних портативных газовых зажигалок и баллончиков газа для их заправки. Вслед за ней представительный орган Республики Чувашия выступил с инициативой установления запрета на продажу таких предметов. Вплоть до принятия в декабре прошлого года закона похожие предложения высказывались и в Кемеровской, Пензенской, Владимирской областях, Приморском и Краснодарском крае и других субъектах Российской Федерации.

Однако, к сожалению, ни в одном из предложений законодательных органов власти субъектов Российской Федерации не прозвучала необходимость установления ограничений оборота не только закиси азота, но и иных видов одурманивающих веществ, а также принятия соответствующего списка и установление надлежащего механизма его пересмотра.

Федеральный закон «Об ограничении оборота закиси азота» состоит из одной содержательной статьи, включающей четыре части, первая из которых устанавливает начальные сроки введения ограничений оборота. Во второй части предусматривается запрет на производство, изготовление, закупку, поставку, хранение, перевозку, пересылку закиси азота, а равно ее реализацию (сбыт), пропаганду, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, использование (потребление) закиси азота, распространение информации о реализации закиси азота. В качестве исключительной деятельности, когда такие действия с закисью азота возможны, называются производство пищевой продукции (в части охлаждения, замораживания и хранения пищи), продовольственных товаров, а также при медицинском, промышленном или техническом применении вещества (сварочные работы, изготовление двигателей внутреннего сгорания и т. д.). Все иные случаи рассматриваются как не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья граждан.

По смыслу ч. 3 ст. 1 рассматриваемого законодательного акта использование (потребление) физическими лицами закиси азота, являющейся одурманивающим веществом, не по назначению в целях изменения состояния организма человека, не связанного с медицинскими поводами (помощью или иным вмешательством), находится под запретом.

Конечно же, принятие Федерального закона «Об ограничении оборота закиси азота» оценивается положительно. Это важный шаг, свидетельствующий об официальном признании проблемы незаконного оборота одурманивающих веществ.

Однако одновременно с этим следует обратить внимание на следующие спорные позиции, которые могут отрицательно сказаться на правоприменительной деятельности.

Во-первых, шаги по контролю над закисью азота казались бы более убедительными при условии легального определения термина «одурманивающее вещество». Необходимо не только определить, что понимать под таким токсическим веществом, но и со списочным составом. Правовая предпосылка формирования такого перечня установлена ч. 4 ст. 1 Федерального закона «Об ограничении оборота закиси азота», согласно которой список одурманивающих веществ определяется Правительством Российской Федерации.

Основаниями для формулировки понятия «одурманивающее вещество» должны послужить три фактора: медицинский (доказанность специфического негативного воздействия одурманивающих веществ на организм и психику человека), социальный (подтвержденность значимости проблемы токсикомании в обществе и тяжелые последствия, вызванные ею), юридический (установление мер административной ответственности за употребление одурманивающих веществ в общественных местах, а также уголовно-правовых санкций в случае вовлечения несовершеннолетнего в систематическое употребление одурманивающих веществ и т. д.).

В отношении юридического критерия справедливым будет заметить определенную «неполноценность» статуса одурманивающего вещества, поскольку его юридическое признание предполагает обязательное включение в соответствующий контролируемый перечень, и, что не менее важно, выработку специального механизма внесения изменений в такой перечень.

Из этого можно сделать вывод, что одурманивающие вещества, в отличие от наркотических средств, психотропных и новых потенциально опасных психоактивных веществ, не содержат в себе в полной мере юридического критерия.

Во-вторых, действительно, в публичном пространстве большой резонанс получают случаи отравления «веселящим газом», однако не только закись азота признается товаром специфического свойства. Равносильно ей к отрицательным последствиям может привести употребление иных видов одурманивающих веществ. И в этом смысле остается неясным, почему законодатель обошел их вниманием. Представляется правильным вывести из свободного гражданского оборота все виды веществ, признаваемых в установленном порядке одурманивающими, т. е. те вещества, которые могут привести к хроническим заболеваниям мозга и (или) оказать пагубное влияние на поведение человека.

В-третьих, в детализации нуждаются отдельные термины, описывающие действия, совершаемые с закисью азота и, по сути, составляющие процедуры его оборо-

та. Применительно к одним из них (производство, изготовление, хранение, перевозка, пересылка) можно использовать по аналогии положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Что понимать под второй группой действий — закупкой и поставкой — вовсе неясно. Термин «закупка» используется преимущественно в экономической сфере при обеспечении государственных и муниципальных нужд, а понятие «поставка» — в положениях гражданского законодательства. Однако ни в одном, ни в другом случаях четких определений таким действиям не сформулировано.

Отрицательно оценивается и отождествление в тексте ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об ограничении оборота закиси азота» понятий «использование» и «потребление». Исходя из разъяснений, сделанных Верховным Судом Российской Федерации, очевидно, что данные термины не применяются в качестве равнозначных. Использование не во всех случаях предполагает потребление: вещество может использоваться в иных целях, не связанных с личным потреблением.

Отсутствует в законодательных актах и разъяснениях и обзорах судебной практики также определение термина «пропаганда».

Итак, возникла ситуация, требующая скорейшего разрешения. Недопустимо вводить новые термины в отсутствие нормативных определений уже имеющихся понятий.

В-четвертых, в продолжение предыдущего вывода надо сказать, что может сложиться ситуация, которая долгое время существовала в отношении пропаганды наркотических средств и психотропных веществ. Так, официальный запрет на пропагандирование запрещенных и ограниченных в обороте веществ, установленный ст. 46 Федерального закона «О наркотиках», не имел на протяжении нескольких лет механизмов для реализации, поскольку в административном и уголовном законодательстве отсутствовала санкция за такие действия.

Во избежание аналогичной ситуации и терминологических споров необходимо не только нормативно определить содержание понятий «закупка», «поставка», «использование (потребление)», но и предусмотреть меры административной ответственности за соответствующие правонарушения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2001 г.: ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г.: ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

3. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 февр. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 1 марта 2006 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2020 г. № 472-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 2020 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 дек. 2020 г. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

5. Об утверждении учетной документации токсикологического мониторинга [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29 декабря 2000 г. № 460. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

6. Критерии и перечни психотропных веществ, одурманивающих веществ. Крупных и особо крупных размеров количеств наркотических средств и психотропных веществ, обнаруживаемых в незаконном хранении или обороте; Список веществ, находящихся под специальным контролем, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств или психотропных веществ, в соответствии с Конвенцией ООН 1988 г.; критерии и Список инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ [Электронный ресурс]: Протоколы Постоянного комитета по контролю наркотиков от 9 октября 1996 г. № 51/7-96, от 17 декабря 1996 г. № 53/9-96, от 25 декабря 1996 г. № 54/10-96. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

7. Анисифорова М. В. Административно-правовое регулирование оборота наркотиков (опыт сравнительного исследования): моногр. / М. В. Анисифорова. — М.: ИНФРА-М, 2018. — 226 с. – (Научная мысль).

8. Евтеев С. П. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ: энциклопедический словарь-справочник для оперативных и следственных подразделений: учебное пособие / С. П. Евтеев, К. А. Колесников, В. А. Степанов; под ред. И. И. Батыршина. — М.: Научно-исследовательский центр Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (НИЦ ФСКН России), 2013. — 389 с.

9. Иванов П. А. Криминалистическое исследование наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ: учеб. пособ. / П. А. Иванов, Т. В. Попова, А. Г. Звонарев, Ю. Н. Баранов. — М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004. — 120 с.

10. Фильченко А. П. Категория «одурманивающие вещества» в российском законодательстве // Академическая мысль: сетевое издание. — № 3 (12). — 2020. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-odurmanivayuschie-veschestva-v-rossiyskom-zakonodatelstve> (дата обращения 10.03.2021).

REFERENCES

1. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation [Electronic resource]: adopted by the State Duma Feder. Sобр. Grew. Federation 20 Dec. 2001: approved. Federation Council Feder. Sобр. Grew. Federation 26 Dec. 2001: introduction. Feder. the law grew. Federation from 30 Dec. 2001 No. 195-FZ. - Access from the help.-legal system "Consultant Plus".

2. The Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource]: adopted by the State Duma Feder. Sобр. Grew. Federation 24 May 1996: approved. Federation Council Feder. Sобр. Grew. Federation June 5, 1996: input. Feder. the law grew. Federation of June 13, 1996, no. 63-FZ. - Access from the help.-legal system "Consultant Plus".

3. On narcotic drugs and psychotropic substances [Electronic resource]: Feder. the law grew. Federation of January 8, 1998 No. 3-FZ: adopted by the State Duma Feder. Sобр. Grew. Federation February 26, 2006: approved. Federation Council Feder. Sобр. Grew. Federation March 1, 2006 - Access from the help.- legal system "Consultant Plus".

4. On limiting the turnover of nitrous oxide in the Russian Federation [Electronic resource]: Feder. the law grew. Federal Law No. 472-FZ of December 29, 2020: adopted by the State. Do-my Feder. Sобр. Grew. Federation 22 Dec. 2020: approved. Federation Council Feder. Sобр. Grew. Federation 25 Dec. 2020 - Access from the help.- the legal system "Consult-tant Plus".

5. On the approval of the accounting documentation of toxicological monitoring [Electronic resource]: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated December 29, 2000 No. 460. - Access from the reference.- legal system "Consultant Plus".

6. Criteria and lists of psychotropic substances, intoxicating substances. Large and especially large quantities of narcotic drugs and psychotropic substances detected in illegal storage or Circulation; List of substances under special control used in the Illicit Manufacture of Narcotic Drugs or Psychotropic Substances, in accordance with the UN Convention of 1988; criteria and List of tools and Equipment under special control used in the Illicit Manufacture of Narcotic Drugs, Psychotropic or Potent Substances [Electronic resource]: Protocols of the Standing Committee on Drug Control dated October 9, 1996 No. 51/7-96, dated December 17, 1996 No. 53/9-96, dated December 25, 1996 No. 54/10-96. - Access from the help.- legal system "Consultant Plus".

7. Anisiforova M. V. Administrative and legal regulation of drug trafficking (comparative research experience): monogr. / M. V. Anisiforova. - M.: INFRA-M, 2018, 226 p. - (Scientific thought).

8. Evteev S. P. Illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances: an encyclopedic dictionary-reference for operational and investigative divisions: a textbook / S. P. Evteev, K. A. Kolesnikov, V. A. Stepanov; edited by I. I. Batyrshin. - M.: Research Center of the Federal Service of the Russian Federation for Drug Control (SIC Federal Drug Control Service of Russia), 2013, 389 p.

9. Ivanov P. A. Forensic investigation of narcotic drugs, psychotropic and potent substances: textbook. manual / P. A. Ivanov, T. V. Popova, A. G. Zvonarev, Yu. N. Baranov. - M.: IMC GUK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004, 120 p.

10. Filchenko A. P. Category "intoxicating substances" in Russian legislation // Academic thought: online edition. — № 3 (12). — 2020. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-odurmanivayuschie-veschestva-v-rossiyskom-zakonodatelstve> (Available at: 10.03.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисифорова Марьям Владимировна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1

ORCID: 0000-0002-2398-0422

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anisiforova Maryam Vladimirovna, Candidate of Law, leader Research Scientist, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation. 1, d. 25, Povarskaya st., Moscow, Russia, 121069.

ORCID: 0000-0002-2398-0422

Статья поступила в редакцию 12.03.2021; одобрена после рецензирования 22.03.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 12.03.2021; approved after reviewing 22.03.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 239—247.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 239—247.

**12.00.14. Административное право.
 Административный процесс.**

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-239-247

**СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ И СОДЕРЖАНИЕ
 АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Константин Александрович Власов¹, Александр Павлович Беликов²

¹Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия, vka@mail@mail.ru

²Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, a.belikov13@mail.ru

Введение: в статье на основе анализа действующего законодательства и научной литературы рассматриваются отдельные проблемы, связанные с пониманием сущности и социальной роли административной ответственности как правового института.

Материалы и методы: нормативной основой исследования являются действующие нормативные правовые акты; методологическую основу составляют дедукция, индукция, общий диалектический метод научного познания, системный, логический, формально-юридический методы исследования, анализ, синтез и обобщение.

Результаты исследования: основные идеи по решению отдельных, на взгляд авторов, доктринальных и практических проблем представлены в виде анализа мнений ученых правоведов и действующего законодательства, а также предложений правового (регламентационного) и организационного характера.

Выводы и заключения: делается обоснованный вывод об ослаблении социальной роли административной ответственности в виду изменений внешних и внутренних детерминант существования общества, расхождения законодательного и научного понимания смысла и роли исследуемого правового института.

Ключевые слова: административная ответственность, наказание, штраф, символ, правосознание, цели наказания, охрана правопорядка, правовое воздействие.

Для цитирования: Власов К. А., Беликов А. П. Социальная роль и содержание административной ответственности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 239—247. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-239-247

12.00.14. Administrative law. Administrative process

Original article

SOCIAL ROLE AND CONTENT OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Konstantin A. Vlasov¹, Aleksandr P. Belikov²¹Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia²National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia

Introduction: the article, based on the analysis of current legislation and scientific literature, examines certain problems associated with understanding the essence and social role of administrative responsibility as a legal institution.

Materials and methods: the normative basis of the research is the current normative legal acts; the methodological basis is deduction, induction, the general dialectical method of scientific knowledge, systemic, logical, formal legal research methods, analysis, synthesis and generalization.

The results of the study: the main ideas for solving some doctrinal and practical problems in the opinion of the authors are presented in the form of an analysis of the opinions of legal scholars and current legislation, as well as proposals of a legal (regulatory) and organizational nature.

Findings and Conclusions: a well-grounded conclusion is made about the weakening of the social role of administrative responsibility in view of changes in the external and internal determinants of the existence of society, the discrepancy between the legislative and scientific understanding of the meaning and role of the legal institution under study.

Key words: administrative responsibility, punishment, fine, symbol, sense of justice, goals of punishment, law enforcement, legal impact.

For citation: Vlasov K. A., Belikov A.P.: Social role and content of administrative responsibility // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. —2021. —No. 4 (99). — pp. 239—247.

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-239-247

В различных теориях возникновения права и государства центральным отличием является способ передачи власти от ее непосредственного носителя — народа, объединенного в общество, но цель их создания одна — установление желаемого порядка. Иначе говоря, установление неких ориентиров, границ, рамок поведения, придания отношениям, подпадаемых под правовое регулирование, удобной, желаемой, оптимальной и т. д. формы и содержания. Во всеобщности и обязательности данных представлений от том, как должен быть устроен мир людей (имеется в виду мир социальных отношений между людьми), во всей их совокупности, только правом, возможно описать модель (образ, систему) существования и жизнедеятельности данного общества. Право закрепляет порядок, государство его обеспечивает. Соответственно, государственная власть обязана уделять основное внимание дисциплине и общественному порядку, т. к. это и есть его предназначение, а к лицам, допустившим дезорганизацию этого порядка, применяет определенные меры.

Человеческая цивилизация изобрела множество способов достижения в поведении конкретных людей формализации в окружающей действительности устанавливаемой правом модели поведения, но самым эффективным из ныне применяемых правовых средств в области регулирования общественных отношений является ответственность, т. е. предусмотренные правом условия (обстоятельства) существования делинквента, искусственно для него наступающие, вследствие чего данное лицо испытывает лишения различного рода.

Стоит отметить, что в юридической литературе отсутствует четкое определение понятия «юридическая ответственность» [1, с. 14]. В отечественной доктрине понятие было введено больше пятидесяти лет назад, и до сих пор ученые, не могут прийти к единому мнению понимания содержания понятия юридической ответственности. Это свидетельствует о различных подходах к исследованию.

Так, С. С. Алексеев и Н. А. Стручков вкладывали в сущность содержания понятия данного правового института обусловленное позитивным правом государственное принуждение, базирующееся на организованной государственной силе. Это принуждение обладает известным объемом, пределами реальных методов и средств воздействия. Оно предназначено для установления примата и формализации воли государства. [2, с. 106; 3, с. 23].

Н. Г. Салищева, Б. М. Лазарев, Ц. А. Ямпольская, О. М. Якуба высказывали близкое по содержанию понимание, определяя ответственность как невыгодные последствия в виде административных мер взыскания (наказания, лишений, санкций), налагаемых в рамках закона наделенными властными полномочиями государственными органами, за доказанное виновное нарушение норм права [4, с. 97; 5, с. 71; 6, с. 167—169].

Процессуальность смысла и самого наказания подчеркивает мнение Б. В. Россинского о том, что «ответственность выражена в четком назначении уполномоченным органом или же должностным лицом наказания лицу, которое совершило правонарушение» [7, с. 13].

Дополнения в содержание, расширяющее значение административного наказания, внесли известные ученые. Так, о наличии не только карательной функции, но и правовосстановительной, говорил Ю. М. Козлов [8, с. 236], на наличие пресекательных свойств указывали А. Е. Лунев, В. И. Попова [9, с. 90—94; 10, с. 5]. В. М. Манохин сформулировал определение на обобщенных взглядах [11, с. 198].

В трудах ученых, исследующих познания в области теории государства и права, например, М. Н. Марченко, юридическая ответственность которым воспринимается как закрепленные правом меры принуждения, применяемые к лицам, совершившим правонарушения, в установленном для этого процессуальном порядке [12 с. 369].

Если рассматривать понятие «административная ответственность», то оно считается более узким в значении и распространении, чем понятие «юридическая ответственность», и является разновидностью ее в том аспекте, что применение любого вида ответственности: а) происходит по воле власти (государства, его уполномоченного представителя), б) производится в определенных материально- и процессуально-правовых рамках, в) несет базовый негативный смысл — (предупреждение о возможном претерпевании и сама кара в определенной форме и объеме) [13, с. 64].

Также многие считают, и с этим трудно не согласиться, что в ряду юридической ответственности наибольшее распространение имеет именно административная ответственность, находящаяся в форме сложного и весьма разнообразного социального

и правового феномена, благодаря широте охвата общественных отношений, взятых под охрану государства и допустимых средств правовой защиты.

Чтобы наиболее полно рассмотреть социальную роль административной ответственности, обратимся к ее цели.

Целью юридической ответственности является охрана правопорядка. Предполагается, что с установлением такого состояния в обществе, когда все урегулированные правом общественные отношения имеют предусмотренную форму и соотносятся с заложенным содержанием, а субъекты этих отношений имеют известный правовой результат, наступает правопорядок, а регулятивная динамическая функция права выполняется.

Любое правоотношение есть внешнее проявление воли субъекта по выполнению закрепленных в норме деяний, выражающее мотивацию (в той или иной форме) к получению определенного правового результата.

Одним из способов воздействия на сознание, проецирующееся в реализации воли в определенных деяниях, является наказание или его возможность его претерпевания.

Интерес или отсутствие собственного выбора, как в других правовых способах воздействия на сознание, в санкции, страх быть наказанным более всего мотивирует личность на соблюдение требований к поведению. Однако природа страха (что вынужден претерпеть индивид) исходит из социальной, экономической, политической, психологической составляющих окружающей действительности в настоящее время и место. Акцентируем внимание на данном тезисе, поскольку он имеет значение для собирания общей мысли о цели административной ответственности в ее социальной роли.

Конечно, нравственно-психологический посыл, содержащийся в санкциях, указывая важность для общества взятых под охрану правоотношений (особенно их целевое содержание), в первую очередь, демонстрирует готовность к конкретной карательной рефлексии со стороны государства. Во вторую очередь обеспечивает профилактику, предупреждение и только в последнюю, направлен на исправление сознания нарушителя.

Парадоксально, что административному наказанию, согласно ч. 1 ст. 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), несвойственны два важнейших аспекта:

а) наказание — выражение отрицательной оценки, осуждения действий и поступков, противоречащих нормам поведения [14, с. 99], нанесение физического, материального или морального ущерба за совершение преступления [15, с. 507], Взыскание, налагаемое имеющим право, власть или силу, на того, кто совершил преступление или проступок; кара [16, с. 359], тогда как законодатель, закладывая в норму права определение административного наказания, в его цели не упоминает о том, что это все-таки реакция, кара, таким образом, нивелируя значимость института как общественного манипулятора;

б) исправление или восстановление требуемого обществом (*прим. авт.*: устанавливаемые нормами права, общественной морали и иными социальными регуляторами) набора ценностей, образа мыслей и действий человека, являющегося членом данного общества, в том числе и временно, но свойственно наказанию как правовому институту в целом, частью которого оно является.

Цель наказания проявляется через функции. Правовая доктрина, рассматривая функции ответственности, в том числе и административной, относит к таковым:

— карательную (как некую штрафную публичную реакцию общества в лице государства за причиненный вред, «око за око»);

— превентивную (как информационно-воспитательную, которая оповещает наличием санкции об охране правоотношения, размером и видом наказания определяет значимость правомерного поведения, заставляя понять ценности, заложенные в норме, одуматься и принять общественную волю как собственную);

— праввосстановительную и правокомпенсационную (для настоящего исследования детальное изучение данных функций не имеет принципиального значения).

Главной целью административной ответственности следует считать ту, посредством которой обеспечивается реализации функций права, в нормах которого наказание является средством. Так, регулятивная функция права как способность норм воздействовать обеспечивается превентивной целью, поскольку определяет рамки дозволенного. Охранительная обеспечивается превентивной, обещает кару и определяет охраняемые ценности и т. д. Относительно карательной, праввосстановительной и правокомпенсационной целей следует сказать, что они вторичны, поскольку имеют непосредственное значение и реализуются лишь с момента нарушения права и не направлены на его непосредственную реализацию. Следовательно, ответственность — в первую очередь превентивное средство в функционировании права.

Так как же реализуется превентивная цель? Одной из характерных черт института административной ответственности является его содержание. Оно состоит из мер административного наказания, неких процессуальных, юридически оформленных способов психологического воздействия на сознание, имеющих конкретное (в том числе физическое) проявление, накладываемое на нарушителя.

Каждая из этих мер по-разному воздействует на сознание, обеспечивая сохранение желаемого уклада жизни, социального порядка, используя способы и степени давления, затрагивая личные ценности, отношения субъекта к ним.

В качестве примера рассмотрим несколько видов административных наказаний. В основу санкции в виде административного штрафа заложено страдание от отсутствия возможности распорядиться своими денежными средствами, принудительно отнимаемыми из собственности. Внутренние страдания человека формируются от снижающегося достатка. Воздействие же на сознание таким социальным регулятором, как мораль, со стороны общества не предусматривается, человек не испытывает страданий от общественного порицания.

Административный арест воздействует на свободу физическую. Внутренние переживания человека и его самобичевание выстраиваются на невозможности распорядиться своей свободой, временем, человек стеснен пространственно, не в своем месте обитания, ущемлен бытовых условиях, возможности обеспечивать себя (заработок). Воздействие норм морали на психологическое состояние нарушителя со стороны общества сильнее, это выражается в следующем. Человек помещен в «клетку», в которой его наблюдают другие люди, а в привычной социальной среде, откуда его изымают на время ареста, складывается отношение к нему (т. е. люди получают определенное представление о правонарушителе, и, самое главное, правонарушитель понимает, что будут о нем думать другие люди и от этого станет морально страдать еще больше).

В отбывании обязательных работ, по сравнению с административным арестом, перевес в степени силы воздействия еще больше склоняется в сторону общественного порицания. В силу публичности наказания, привлеченное к ответственности лицо будет испытывать больше (по объему) страдания. Будучи также стесненным в свободе передвижения, пользования социальными благами, добавляется факт того, что другие гражд-

дане, будут лицезреть правонарушителя за выполнением общественных работ. Удар по самолюбию сильнее.

Социальная роль административной ответственности заключается в некоем символизме тех мер воздействия на сознание, которые способствуют правопослушному поведению. Это набор чувств, эмоций и переживаний в совокупности с имеющимся ценностным рядом у конкретной личности (группы или социума в целом), которые право воздействует, формируя необходимую мотивацию.

Примеров символизма наказаний, порождавших не просто страх перед нарушением, а производящих психологические переживания такой силы, что отторжение запретного поведения становится физиологической сущностью личности (или почти таковой) в истории цивилизации имеется предостаточно.

Например, Артикул воинский 1715 г. (артикул 164) предписывал тело самоубийцы, волоча по улицам, погребать в «бесчестном месте». Измывательство уже над умершим и быть похороненным без соблюдения религиозного обряда задевает не только морально-нравственные потребности людей, но духовно-религиозные.

Наказание Древнего Китая (ок. 2070 г. до н. э. — 1600 до н. э) Мо (墨), также известное как Цин (黥), — нанесение татуировки на лице и на лбу преступника несмываемыми чернилами оставляет позор на всю жизнь.

Римское право знало *Роепа Cullei* — казнь в мешке (встречалось утопление, повешение, заточение в бочку). Преступника умертвляли вместе с животными, олицетворяя его не с самими животными, а с ассоциативными представлениями, увязываемыми с этими животными. Так, например, крыса — обман, собака — не оказывающий должного уважения (собака рождается слепой и не видит своих родителей), обезьяна — существо, схожее с человеком, но не достойное им быть, змея — яд, злость, коварство, петух — само преступление. Так в Древнем Риме обозначалось публичное наложение (присвоение) символов на преступника.

Социальная роль административной ответственности реализуется через его содержание — это осмысление личностью оценки возможного, в случае нарушения или уже наложенного, в результате совершенного проступка наказания и принятие его груза как части собственного бытия. Это испытываемые впечатления правонарушителя или простого человека, которого право знакомит с пределом дозволенного (реальные для первого, возможно грядущие для второго). Эффективность наказания (в первую очередь как профилактической меры и как коррекционной в случае необходимости) зависит от формы и содержания, т. е. от смысловой и эмоциональной нагрузки, испытываемой личностью.

Выбор подхода к человеческому сознанию обеспечивает достижение цели правового регулирования. И в данном аспекте приходится констатировать, что современное состояние общества (имеется в виду некая совокупность установок, принципов, ценностей и подходов к их пониманию и применению), экономики, культуры, политики как элементов одного синергетического организма (государство) сильно изменилось с тех времен, когда формировалось отечественное административно-деликтное законодательство, в частности его дух. Его символический потенциал (в текущем состоянии законодательства) крайне мал.

Так, например, символизм административного штрафа для человека, имеющего достаточно высокий доход, будет отсутствовать. Он не стеснен в деньгах, и от отсутствия незначительной для него суммы не будет испытывать морального страдания.

Отметим, что ч. 2 ст. 4.1 КоАП РФ предусматривает при назначении наказания, в частности, учет имущественного положения, а ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ указывает на предупреждение совершения правонарушения в будущем. Иначе говоря, предусматривается некое психологическое воздействие санкции, хотя ч. 1 ст. 4.1 КоАП РФ сужает такую возможность до «пределов, установленных законом», а именно определенные или относительно определенные размеры штрафа в денежных единицах (для физических лиц), делая весь регулятивный механизм ограниченным в воздействии. Отсюда наблюдается расхождение смысла, социальной роли, целей и возможностей административного наказания.

Исправление складывающейся ситуации видится в изменении подхода к пониманию роли и возможностей административного наказания.

Терминологическая работа над законодательным определением, с учетом накопленного богатейшего научного представления о данном институте и его возможностях, должна быть закончена.

Решение проблемы соотношения соразмерности и обоснованности конкретного вида санкции, как основная идея символизма ответственности, через которую происходит фактическое достижение состояния сознания индивида как законопослушного, должно повысить эффективность правового воздействия в действующей правовой реальности.

Например, в практике некоторых зарубежных государств административный штраф для физических лиц исчисляется не конкретными суммами или в рамках верхнего и нижнего предела, а в проценте от его достатка (достатка лиц схожей социальной группы, статуса).

Применение системы «социальной оценки» [17], к которой каждодневное поведение лица ставится в зависимость к доступу к социальным благам (проблемы с алкоголем стали причиной административного наказания — запрет на посещение общественных мест: кафе, кинотеатров и т. п., запрет на приобретение алкогольной продукции, пока социальная оценка не поднимется). Данная мера гораздо эффективнее, чем лишение специального права или дисквалификация.

Административная ответственность все-таки является мерой государственного принуждения, ее социальная роль оберегать общественный порядок через страх наказания за правонарушение. Страх претерпевания должен нести в себе смыслы, символы действительно способные воздействовать на сознание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник для акад. бакалавриата. — М., 2015. — 432 с.
2. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. — М., 1971. — С. 106.
3. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. — Саратов, 1977. — 288 с.
4. Лазарев Б.М., Салищева Н.Г., Серегин А.В., Студеникина М.С. Вопросы кодификации советского административного права // Советское государство и право. 1967. № 1.
5. Якуба О. М. Административная ответственность. — М., 1972. — 152 с.
6. Ямпольская Ц. А. Об убеждении и принуждении в советском административном праве // В сб.: Вопросы советского административного и финансового права. — М., 1952. — С. 156—181.
7. Россинский Б. В. Административная ответственность: курс лек. — 2-е изд. — М.: Норма, 2009. — 512 с.

8. Административное право / Под ред. Ю. М. Козлова. — М., 1968. — 575 с.
9. Лунев А. Е. Административная ответственность за правонарушения. — М., 1961. — 187 с.
10. Галаган И. А. Основные проблемы совершенствования законодательства об административной ответственности // Ученые записки ВНИИСЗ. — М., 1965. — Вып. 5. — С. 39-42.
11. Манохин В. М. Советское административное право. — Саратов, 1968. — 232 с.
12. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 640 с.
13. Матузов Н. И., Теория государства и права: курс лек. / Н. И. Матузов, А. В. Малько. — М., 2018. — 528 с.
14. Педагогика: учеб. / Под ред. Л. П. Крившенко. — М., 2010. — 432 с.
15. Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер; пер. с англ. И. Г. Ясавеева под ред. С. А. Ерофеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2004. — 620 с.
16. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Под. ред. проф. Д. Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996. — 520 с.
17. Власов К. А. Противодействие коррупции в органах внутренних дел: разнообразие средств и поиск новых решений / К. А. Власов, А. Е. Олейник // Бизнес. Образование. Право. — 2019. — № 4 (49). — С. 325—331.

REFERENCES

1. Marchenko MN Theory of state and law: a textbook for acad. bachelor's degree. - M., 2015, 432 p.
2. Alekseev S. S. Social value of law in the Soviet society. M., 1971, 106 p.
3. Struchkov N. A. Criminal responsibility and its implementation in the fight against crime. — Saratov, 1977, 288 p.
4. Lazarev B.M., Salishcheva N.G., Seregin A.V., Studenikina M.S. Questions of the codification of Soviet administrative law // Soviet state and law. 1967, no. 1.
5. Yakuba OM Administrative responsibility. - M., 1972, 152 p.
6. Yampolskaya Ts. A. On persuasion and coercion in Soviet administrative law // In collection: Questions of Soviet administrative and financial law. - M., 1952, pp. 156-181.
7. Rossinsky BV Administrative responsibility: course of lectures. - 2nd ed. - M.: Norma, 2009, 512 p.
8. Administrative law / Ed. Yu.M. Kozlova. M., 1968, 575 p.
9. Lunev AE Administrative responsibility for offenses. - M., 1961, 187 p.
10. Galagan IA The main problems of improving the legislation on administrative responsibility // Scientific notes of VNIISZ. - M., 1965. Issue. 5, pp. 39-42.
11. Manokhin V. M. Soviet administrative law. - Saratov, 1968, 232 p.
12. Marchenko MN Theory of state and law: textbook 2nd ed. revised and add. —M.: Prospect, 2016, 640 p.
13. Matuzov NI, Theory of State and Law: a course of lectures. / N. I. Matuzov, A. V. Malko. - M., 2018, 528 p.
14. Pedagogy: textbook. / Ed. L.P. Krivshenko. M., 2010, 432 p.
15. Abercrombie N. Sociological Dictionary / N. Abercrombie, S. Hill, B. S. Turner; per. from English I. G. Yasaveev, ed. S. A. Erofeeva. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: JSC "Publishing house" Economics", 2004, 620 p.
16. Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. 2 / Under. ed. prof. D. Ushakova. - M.: TERRA, 1996, 520 p.

17. Vlasov K. A. Anti-corruption in the internal affairs bodies: a variety of means and the search for new solutions / K. A. Vlasov, A. E. Oleinik // Business. Education. Right. - 2019. - No. 4 (49), pp. 325-331.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власов Константин Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Дальневосточный юридический институт МВД России. 680020, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.

ORCID: 0000-0003-3263-8247

Беликов Александр Павлович, кандидат юридических наук, ученый секретарь совета. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1

ORCID: 0000-0001-6569-9180

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vlasov Konstantin Aleksandrovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines. Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 15, Barrack lane, Khabarovsk, Russia. 680020.

ORCID: 0000-0003-3263-8247

Belikov Aleksandr Pavlovich, Candidate of Law, Scientific secretary, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation. 1, d. 25, *Povarskaya st.*, *Moscow*, Russia, 121069.

ORCID: 0000-0001-6569-9180

Статья поступила в редакцию 23.06.2021; одобрена после рецензирования 01.07.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 23.06.2021; approved after reviewing 01.07.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 248—258.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
no.4 (99). P. 248—258.

**12.00.14. Административное право.
Административный процесс.**

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-248-258

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОХРАНЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА: ОПЫТ РОССИИ И КАЗАХСТАНА**

Алексей Николаевич Добров¹, Лейла Тимуровна Культемирова²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, dobson@bk.ru

²Алматинская академия МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, Алматы, Казахстан, lelkultemirova@mail.ru

Введение: в статье рассматривается современное состояние нормативно-правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе участия граждан в охране общественного порядка в России и Казахстане.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют нормы действующего российского и казахстанского законодательства, регламентирующие общественные отношения, складывающиеся в сфере содействия населению органам внутренних дел по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили сформулировать обобщения и предложения, направленные на совершенствование законодательства в сфере участия граждан в профилактике правонарушений и охране общественного порядка.

Выводы и заключения: законодательство, регламентирующее участие граждан в охране общественного порядка в России и Казахстане: 1) учитывая иерархию нормативных правовых актов, выстроено в рассматриваемых государствах по схожей системе: базовые конституционные нормы; специальные федеральные законы по участию населения в обеспечении правопорядка, иные федеральные законы, ведомственные акты; региональные и местные (муниципальные) нормативные правовые акты; 2) имеет схожее наполнение: на федеральном уровне правового регулирования речь идет о специальных законах, предметом регулирования которых являются аналогичные вопросы: принципы и формы участия населения в обеспечении правопорядка, правовой статус таких граждан.

На региональном и местном уровнях правового регулирования происходит конкретизация и детализация отдельных аспектов рассматриваемой деятельности; 3) в целом в достаточной степени закрепляет порядок взаимодействия органов внутренних дел с населением по профилактике правонарушений и формы участия граждан в охране общественного порядка. В целях совершенствования механизма взаимодействия с гражданами, оказывающими содействие в охране общественного порядка сформулированы предложения по совершенствованию законодательства об участии граждан в охране общественного порядка Республики Казахстан.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, охрана общественного порядка, добровольные народные дружины, профилактика правонарушений.

Для цитирования: Добров А. Н., Культемирова Л. Т. Правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка: опыт России и Казахстана. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 248—258.
DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-248-258

12.00.14. Administrative law. Administrative process

LEGAL REGULATION OF THE PARTICIPATION OF CITIZENS IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER: EXPERIENCE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Aleksey N. Dobrov¹, Leila T. Kultemirova²

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, dobson@bk.ru

² Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named M. Esbulatova, Almaty, Kazakhstan, lelcultemirova@mail.ru

Introduction: the article examines the current state of the legal regulation of public relations that develop in the process of citizens' participation in the protection of public order in Russia and Kazakhstan.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the norms of the current Russian and Kazakh legislation governing public relations that are emerging in the field of public assistance to the internal affairs bodies to ensure public order and public safety.

The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, the methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, synthesis and description.

The results of the study: of the researching allowed to formulate generalizations and proposals aimed at improving legislation in the field of citizens' participation in crime prevention and public order protection.

Findings and Conclusions: legislation regulating the participation of citizens in the protection of public order in Russia and Kazakhstan 1) taking into account the hierarchy of normative legal acts, it is built in the states under consideration according to a similar system: basic constitutional norms; special federal laws on the participation of the population in ensuring law and order, other federal laws, departmental acts; regional and local / municipal regulations; 2) has a similar content: at the federal level of legal regulation, we are talking about special laws, the subject of regulation of which is similar issues: the principles and forms of participation of the population in ensuring law and order, the legal status of such citizens. At the regional and local levels of legal regulation, there is a concretization and detailing of certain aspects of the activity under consideration; 3) in general, it sufficiently consolidates the procedure for interaction of the internal affairs bodies with the population for the prevention of offenses and the forms of citizens' participation in the protection of public order. In order to improve the mechanism of interaction with citizens who provide assistance in the protection of public order, proposals have been formulated to improve the legislation on the participation of citizens in the protection of public order in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: public safety, public order, public order, voluntary people's squads, crime prevention.

For citation: Dobrov Aleksey Nikolaevich, Kultemirova Leila Timurovna. Legal Regulation of the participation of citizens in the protection of public order: experience of Russia and Ka-

zakhsan // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — no. 4 (99). — pp. 248—258 (in Russ.).
DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-248-258

Профилактика правонарушений и эффективность государственной системы ее обеспечения, качество правовой базы и ее регламентирующий потенциал, деятельность субъектов профилактики правонарушений и уровень их взаимодействия с институтами гражданского общества — эти и другие аспекты относятся к числу критериев, определяющих уровень защищенности граждан, их доверие к государству и, в конечном итоге, незыблемости ценностей правового государства — прав, свобод и законных интересов человека.

Здесь важно отметить, что функционирование правового государства с демократическим режимом предполагает наличие развитого гражданского общества. Под гражданским обществом понимается совокупность негосударственных социальных связей граждан, общественных организаций, которые взаимодействуют для достижения каких-либо важных социально-полезных целей, удовлетворения общественных потребностей. Поэтому развитие гражданской инициативы, связанной с охраной общественного порядка и общественной безопасности, лежит в русле развития гражданского общества в России, т. к. наличие социальной стабильности, законности и правопорядка в стране является важной потребностью общества в целом, и каждого гражданина отдельно. Здесь деятельность гражданского общества совпадает в одной из задач государства, которая так же состоит в том, чтобы обеспечить общественный порядок и общественную безопасность, что и делают сотрудники полиции. Поэтому необходимо обеспечить взаимодействие граждан и органов внутренних дел в деле обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, что многократно усилит предупредительное воздействие на правонарушителей, будет способствовать пресечению правонарушений и наказанию виновных.

Из всех правоохранительных органов именно полиция в большей части сталкивается с населением в своей непосредственной деятельности, сотрудники полиции непосредственно соприкасаются с гражданами в своей работе, разрешают их различные жалобы, заявления, обращения, проводят профилактическую работу, расследуют и раскрывают преступления и другие правонарушения, осуществляют поиск виновных, ведут предварительное расследование и передают дела о преступлениях на судебное рассмотрение.

В деятельности правоохранительных органов, в частности полиции, большое значение имеет помощь граждан, общественных организаций, привлечение которых является важным направлением для того, чтобы повысить эффективность охраны законности и правопорядка в Российской Федерации.

Поэтому государство в системе нормативных правовых актов Российской Федерации регулирует участие граждан в охране общественного порядка, сотрудничество граждан с органами внутренних дел, другими правоохранительными органами в этом направлении. Одной из распространенных форм сотрудничества общественности с государством в лице его органов внутренних дел является институт участия граждан в охране общественного порядка. Эффективность его функционирования во многом зависит от степени урегулирования в законодательстве и нормативном закреплении основных понятий, принципов, форм такого участия, статуса лиц, принимающих участие в охране правопорядка, в том числе и гарантий, льгот и компенсаций.

В Российской Федерации нормативно-правовая регламентация общественных отношений в сфере участия населения в охране общественного порядка осуществляется как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях.

Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 30 закрепляет право граждан на свободу объединения с другими лицами по политическим, профессиональным, социальным и иным интересам. Данное право предусматривает не только создание общественных объединений в рамках действующего российского законодательства, но и свободное вступление в уже существующие объединения на условиях действующего законодательства и уставных документов

объединения, а также право воздерживаться от вступления и беспрепятственного выхода из них. Любые действия, направленные на принуждение вступления в общественное объединение или создание препятствий по выходу из общественной организации, является противоправным.

До вступления в силу Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» в Российской Федерации не существовало единого нормативного акта федерального уровня, регулирующего деятельность граждан по охране общественного порядка [1, с. 32]. Принятие данного закона явилось важным шагом в развитии социальной и административной сферы жизни общества и государства, позволившим систематизировать деятельность общественных объединений и граждан. Так, указанный закон:

- 1) содержит основные принципы участия граждан в охране общественного порядка [2];
- 2) закрепляет конкретные формы индивидуального и коллективного участия, которые граждане могут использовать для охраны правопорядка;
- 3) предусматривает ограничения, связанные с деятельностью населения по охране общественного порядка;
- 4) регламентирует деятельность граждан, принимающих участие в поиске без вести пропавших лиц;
- 5) содержит требования к лицам, привлекаемым в качестве внештатных сотрудников полиции, их правовой статус;
- 6) регулирует особенности создания и функционирования народных дружин;
- 7) устанавливает правовой статус народных дружинников;
- 8) предусматривает гарантии правовой защиты, материальное стимулирование, льготы и компенсации народных дружинников и внештатных сотрудников полиции.

Следует отметить, что ст. 26 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» содержит в этом отношении общие положения:

- 1) возможность бесплатного проезда для дружинников во время исполнения ими своих обязанностей;
- 2) возможность выплаты вознаграждения (за помощь в раскрытии преступлений);
- 3) предоставление ежегодного отпуска (без сохранения заработной платы) по месту работы до 10 дней;
- 4) иные виды поощрений, установленные федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел;
- 5) возможность личного страхования народных дружинников на период их участия в охране общественного порядка на уровне субъекта Российской Федерации или муниципального образования; иные льготы и компенсации, установленные органами государственной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления [3, с. 222—223].

На федеральном уровне отношения в сфере оказания помощи населению в охране общественного порядка в части создания, реорганизации и ликвидации общественных объединений правоохранительной направленности определяются Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» с учетом положений Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

Следует также отметить и Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», который, как и Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», регламентирует специфическую деятельность по обеспечению и поддержанию правопорядка в стране, борьбе с преступностью, защите жизненно важных интересов личности, общества и государства. В этой связи важно подчеркнуть, что «в целом концепция охраны общественного порядка рассматриваемыми федеральными законами, выдержана, гражданская правоохранительная деятельность вписана в общую систему охраны общественного порядка в стране» [4, с. 130].

Наряду с регулятивными нормами, содержащимися в федеральном законодательстве об участии населения в охране общественного порядка, существуют так же и охранительные нормы. Речь идет о двух составах административных правонарушений (ст. 19.35, ст. 19.36 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), предусматривающих

административную ответственность за воспрепятствование законной деятельности внештатного сотрудника полиции или народного дружинника, а также за совершение указанными лицами действий, повлекших ограничение или нарушение прав граждан или организаций.

Кроме федеральных законов отношения в сфере участия населения в охране правопорядка регулируются и ведомственными нормативными правовыми актами. Так, например, приказ МВД России от 18 августа 2014 г. № 696 «Вопросы подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи» регулирует применение народными дружинниками физической силы, а также оказание ими помощи пострадавшим. Однако для применения физической силы и оказания помощи пострадавшим народные дружинники должны пройти необходимую подготовку. Данным нормативным актом и определяется проведение такой подготовки. Предусматривается инструктаж как одна из форм подготовки к применению физической силы дружинником, а также оказания первой помощи гражданам. Инструктаж проводится перед тем, как дружинники приступают к охране общественного порядка. Инструктаж должны проходить в районном или городском отделе внутренних дел. В процессе инструктажа народных дружинников знакомят с приемами самозащиты, а также с применением мер личной безопасности. Кроме того, формируются навыки оказания народными дружинниками первой медицинской помощи. Длительность инструктажа занимает 30 минут.

В приказе МВД России от 21 июля 2014 г. № 599 «О Порядке формирования и ведении регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности» определяются правила регистрации действующих народных дружин на территории Российской Федерации. Отметим, что народная дружина только тогда имеет право функционировать по охране общественного порядка, если внесена в указанный реестр.

Конституция Российской Федерации в п. «б» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 предусматривает, что «защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов». Ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» устанавливает, что «в полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся вопросы поддержки граждан и их объединений, участвующих в охране общественного порядка».

Указанные законодательные положения предоставляют возможность субъектам Российской Федерации принимать региональные законы, регламентирующие отдельные вопросы участия граждан в охране общественного порядка. Конкретизация федеральных правовых норм на уровне регионов должна оказывать влияние на улучшение правового статуса лиц, оказывающих помощь правоохранительным органам в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

Так, например, в Иркутской области принят закон от 21 ноября 2014 г. № 133-ОЗ «Об отдельных вопросах, связанных с участием граждан в охране общественного порядка в Иркутской области». Указанный областной закон регулирует вопросы координации деятельности народных дружин со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления Иркутской области, устанавливает образцы удостоверения и нагрудного знака дружинника, а также предусматривает возможность органов местного самоуправления устанавливать дополнительные льготы и компенсации дружинникам, в том числе гарантии правовой и социальной защиты членов семей народных дружинников в случае их гибели [5, с. 175].

Таким образом, на федеральном уровне правовое регулирование общественных отношений в сфере участия граждан в охране общественного порядка осуществляется в соответствии с фундаментальными конституционными нормами, специальным законом, непосредственно посвященным содействию гражданам органам внутренних дел в деле охраны общественного порядка, иными федеральными законами и ведомственным законодательством. На региональном [6; 7]

и местном [8] уровнях правового регулирования происходит регулирование отдельных аспектов участия населения в обеспечении правопорядка, в основном в части конкретизации и детализации мер морального и материального поощрения и стимулирования лиц, принимающих участие в указанной общественно-полезной деятельности, а также закрепление мер социальной защиты жизни и здоровья таких лиц.

В Республике Казахстан актуализация вопросов вовлеченности общества в сферу профилактики правонарушений, предупреждения факторообразующих условий нарушения норм морали и права обусловлена реализуемыми сегодня концепциями «слышащего» государства, с одной стороны, и нулевой терпимости к противоправным, даже самым незначительным, действиям, с другой. Идеологической основой данных концепций является ряд политикоопределяющих документов, в числе которых, обращения президента страны к народу. Так, первый Президент Казахстана Н. А. Назарабев подчеркнул, что государство должно следовать принципу нулевой терпимости к беспорядку. Развитое общество начинается с дисциплины и порядка во всем. «Мы не должны мириться даже с самыми малыми правонарушениями, хулиганством, бескультурьем, поскольку это нарушает общественный покой, снижает качество жизни. Ощущение беспорядка и вседозволенности создает почву для более серьезных преступлений» [9].

«Ни один аспект социально-экономического развития не может быть успешно реализован без верховенства закона и гарантирования безопасности наших граждан. „Слышащее государство“ — это, по сути, концепция строительства „Справедливого государства“. Недостаточно просто слышать и видеть проблемы граждан, главное — правильно и объективно реагировать на них», — говорится в другом программном документе¹.

Безусловно, реализация провозглашенных целей и решение поставленных задач требует соответствующего ресурсного обеспечения, эффективность которого определяется как состоятельностью правовой базы, так и уровнем правового сознания и правовой культуры граждан, их вовлеченности в процесс функционирования правового государства. Состояние безопасности, обеспечение которой является первостепенной задачей государства, зависит от многих факторов. Активность граждан в вопросах противодействия правонарушениям относится к числу определяющих. При этом, независимо от формы участия граждан (индивидуальная либо коллективная) в профилактике правонарушений, и, как следствие, обеспечении правопорядка в стране, их вклад зависит как от организационных, так и правовых основ.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос участия институтов гражданского общества в противодействии правонарушениям в силу своей актуальности регулярно поднимается на самом высоком уровне. Реализация на современном этапе реформирования всей системы государственного управления таких принципов, как «Слышащее государство», «Полиция шаговой доступности», а также формирование сервисной модели полиции являются тому подтверждением. Модернизация полиции обусловлена необходимостью повышения качества ее работы и эффективностью выстраиваемых отношений с гражданами.

Исходя из понимания безопасности как состояния защищенности прав, свобод и законных интересов личности, общества, государства от реальных и потенциальных угроз, государственное регулирование деятельности по обеспечению безопасности осуществляется в двух формах — правовая и организационная. Правовое регулирование выражается в упорядочении общественных отношений в сфере общественной безопасности и общественного порядка, их охраны нормами права, применения мер правового реагирования в целях восстановления нарушенных норм.

Правовое регулирование вопросов обеспечения общественного порядка и общественной безопасности осуществляется совокупностью нормативных правовых актов, регламентирующих данные общественные отношения. В рамках данной статьи объектом правового регулирования являются общественные отношения, связанные с обеспечением общественной безопасности

¹ Послание главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 года «Казахстан в новой реальности: время действий» [Электронный ресурс]. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000002020> (дата обращения: 27.09.2021).

и охраной общественного порядка. Субъектом рассматриваемых отношений являются граждане, участвующие в охране общественного порядка.

Нормативная правовая база, регламентирующая вопросы участия граждан в охране общественного порядка, представляет собой совокупность правовых актов, определяющих цель, задачи и принципы деятельности граждан, их основные и дополнительные функции. Согласно иерархии нормативных правовых актов, установленной законодательством, высшей юридической силой обладает основная закон страны. Не регулируя непосредственно вопросы участия граждан в охране общественного порядка, конституционные нормы определяют основополагающие принципы всей законодательной базы. Так, в основе деятельности по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности лежат такие конституционные положения, как: обязательность официального опубликования нормативных правовых актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан (ст. 4); абсолютность и неотчуждаемость прав и свобод человека, их определяющее значение для содержания и применения законов и иных нормативных правовых актов (ст.12); право каждого защищать свои права и свободы всеми не противоречащими закону способами, включая необходимую оборону (ст. 13); право каждого на личную свободу (ст. 16); неприкосновенность достоинства (ст. 17) право свободного передвижения и свободного выбора местожительства каждого, кто законно находится на территории Казахстана (ст. 21) и др.

Руководящее значение для деятельности в сфере обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка имеют те положения Конституции Республики Казахстан, в соответствии с которыми запрещены: любые формы ограничения прав граждан по дискриминационным признакам (ст. 14); произвольное лишение человека жизни (ст. 15); ограничение личной свободы (ст. 16); пытки, насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание (ст. 17); производство его осмотра и обыска без законных оснований (ст. 25).

Следует отметить, что положения конституции государства не дают полного представления о сущности рассматриваемых нами общественных отношений, специфике института участия граждан в охране общественного порядка. Эти вопросы решаются с помощью правовых норм, рассредоточенных по значительному числу нормативных правовых актов, в том числе касающихся вопросов ответственности. Как подчеркнул И. И. Веремеенко, государство, регулируя общественные отношения в нужном направлении и создавая в этих целях соответствующие правила поведения, неизбежно должно определять и последствия несоблюдения установленных правил для лиц, их нарушивших. Указанные последствия являются одной из гарантий соблюдения правовых норм, их защиты, осуществляемое государством [10, с. 11].

Следует подчеркнуть, что граждане, участвующие в обеспечении общественного порядка, не являются субъектами административно-юрисдикционной деятельности, не наделены полномочиями по осуществлению каких-либо процессуальных действий. Их роль в профилактике правонарушений заключается в выявлении фактов правонарушений, их пресечении и доставлении правонарушителей в ОВД для принятия уполномоченными лицами соответствующих процессуальных решений.

Одновременно с этим важно отметить, что казахстанским законодательством, так же, как и российским, предусмотрена защита лиц, участвующих в обеспечении общественного порядка. Так, в соответствии со ст. 443 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях неповиновение законному требованию лица, участвующего в обеспечении общественного порядка, — влечет штраф в размере пяти месячных расчетных показателей.

В качестве субъектов, участвующих в охране общественного порядка, активность граждан проявляется как в организованной форме непосредственного участия в охране общественного порядка, так и путем выражения личной нетерпимости к любым проявлениям нарушений общественного порядка.

Непосредственным правовым актом, регулирующим вопросы добровольного участия граждан Республики Казахстан в обеспечении общественного порядка, является Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 590 «Об участии граждан в обеспечении общественного

порядка». Данный закон определил правовую основу для добровольного участия граждан в борьбе с противоправными проявлениями, повышения социальной активности граждан, расширения гласности и демократизации форм борьбы с преступностью, экономии мер государственного принуждения и улучшения эффективности профилактической деятельности органов внутренних дел.

Кроме названного закона, вопросы участия граждан в охране общественного порядка, хотя и косвенно, регулируются Законом Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан». Так, согласно ст. 6 данного закона, органы внутренних дел вправе устанавливать сотрудничество на гласной основе с гражданами для реализации задач, возложенных на органы внутренних дел, а также поощрять граждан, отличившихся в охране общественного порядка. Свою нишу в правовой базе обеспечения общественного порядка занимает Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 г. № 271-IV «О профилактике правонарушений». Согласно ст. 17 данного закона, участие граждан и организаций в профилактике правонарушений осуществляется путем добровольного оказания содействия другим субъектам профилактики правонарушений. При этом их участие может осуществляться в организации правовой пропаганды; в работе консультативно-совещательных и экспертных органов; в содействии другим субъектам профилактики правонарушений [9, с. 5].

Как известно, ведомственные нормативные акты обеспечивают конкретизацию правовых норм. Принятый в целях совершенствования работы органов внутренних дел по привлечению гражданского населения к участию в обеспечении общественного порядка, приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 27 ноября 2004 г. № 641 как раз направлен на конкретизацию законов. Устанавливая Правила привлечения граждан к мероприятиям по обеспечению общественного порядка, данный правовой акт раскрывает виды взаимодействия с органами внутренних дел, индивидуальные и коллективные формы участия граждан в обеспечении общественного порядка.

Так, индивидуальное участие граждан в обеспечении общественного порядка осуществляется путем оказания ими содействия органам внутренних дел в:

- 1) сообщении о ставших известными им фактах готовящихся, совершаемых или совершенных правонарушений;
- 2) выявлении лиц, подлежащих постановке на профилактические учеты участковых инспекторов полиции и подразделений по делам несовершеннолетних;
- 3) профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности;
- 4) пропаганде Правил дорожного движения;
- 5) пропаганде правовых знаний и др.

Отдельным блоком правового регулирования участия граждан в обеспечении общественного порядка стоят правовые акты местных исполнительных и представительных органов.

Исходя из установленных законодательством полномочий, местные исполнительные органы издают постановления о поощрении граждан, участвующих в обеспечении общественного порядка. Общепринятыми видами поощрений являются: объявление благодарности; награждение грамотой; выдача денежной премии. При этом, несмотря на самостоятельное установление местными исполнительными органами денежного поощрения, в различных регионах размер вознаграждения является одинаковым.

В целях совершенствования механизма взаимодействия органов внутренних дел с гражданами, оказывающими содействие в охране общественного порядка и профилактике правонарушений, целесообразно предусмотреть дополнительные меры поощрения в виде льгот. К числу таких льгот можно отнести возможность приобретения проездных билетов на все виды общественного транспорта в пределах соответствующей территории в соответствии с льготами, предоставляемыми для отдельных категорий граждан; право на дополнительный отпуск с сохранением заработной платы и места основной работы. Важно также установление гарантий на социальную поддержку лиц, непосредственно участвующих в охране общественного порядка, при получении увечья во время исполнения своих функций. В частности, возможность получения лечения в медицинских учреждениях системы органов внутренних дел; выплата едино-

временной компенсации, а в случае его гибели (смерти) лицам, имеющим право на ее получение, в порядке, предусмотренном законодательством о правоохранительной службе Республики Казахстан.

Коллективное участие осуществляется в следующих направлениях:

1) обеспечение общественного порядка на улицах, площадях, вокзалах, транспортных магистралях и других общественных местах, а также при проведении различных спортивных, культурно-массовых и развлекательных мероприятий — под непосредственным руководством сотрудников органов внутренних дел;

2) оказание неотложной помощи лицам, пострадавшим от несчастных случаев, дорожно-транспортных происшествий и правонарушений, а также находящихся в беспомощном состоянии;

3) спасение людей, имущества при стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях;

4) обеспечение безопасности дорожного движения и предупреждении дорожно-транспортных происшествий;

5) охрана пастбищ и других мест выпасов и стойбищ скота и др.

Таким образом, анализ нормативно-правового регулирования участия граждан в охране общественного порядка в России и Казахстане позволил сформулировать следующие обобщения и предложения по совершенствованию законодательства в сфере участия граждан в охране общественного порядка.

Во-первых, законодательство, регламентирующее участие граждан в охране общественного порядка в России и Казахстане, учитывая иерархию нормативных правовых актов, выстроено в рассматриваемых государствах по схожей системе:

1) базовые конституционные нормы и принципы;

2) специальные законы, предметом регулирования которых выступают непосредственно общественные отношения по реализации права граждан на участие в охране правопорядка;

3) иные законы, имеющие другой предмет регулирования, но вместе с тем регламентирующие отдельный аспект содействия граждан в охране общественного порядка, в том числе кодексы об административной ответственности;

4) ведомственные нормативные правовые акты, изданные во исполнение законов и конкретизирующие некоторые вопросы организации и деятельности граждан по охране общественного порядка;

5) региональные и местные (муниципальные) нормативные правовые акты, регламентирующие отдельные аспекты участия граждан в обеспечении правопорядка.

Во-вторых, законодательство, регламентирующее участие граждан в охране общественного порядка в России и Казахстане, имеет схожее наполнение в рассматриваемых государствах. Прежде всего, на федеральном уровне правового регулирования речь идет о специальных законах, предметом регулирования которых являются одинаковые вопросы: принципы участия населения в обеспечении правопорядка, требования к гражданам для их допуска к осуществлению данной деятельности, правовой статус таких граждан, их права и обязанности, а также меры поощрения. На региональном и местном уровнях правового регулирования происходит регулирование отдельных аспектов участия населения в обеспечении правопорядка, в основном в части конкретизации и детализации мер морального и материального поощрения и стимулирования лиц, принимающих участие в указанной общественно-полезной деятельности.

В-третьих, сформированная на сегодняшний день законодательная база по вопросам участия населения в охране общественного порядка в России и Казахстане в целом в достаточной степени закрепляет порядок взаимодействия органов внутренних дел с населением по профилактике правонарушений и формы участия граждан в охране общественного порядка.

В-четвертых, в целях совершенствования механизма взаимодействия с гражданами, оказывающими содействие в охране общественного порядка, целесообразно предусмотреть дополнительные меры поощрения в виде льгот. В связи с этим в Закон Республики Казахстан

от 9 июля 2004 г. № 590-П «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка» внести следующие изменения:

а) включить статью 8—1:

Статья 8.2. Льготы и компенсации гражданам, участвующим в обеспечении общественного порядка.

1. Граждане, участвующие в охране общественного порядка, имеют право на:

1) приобретение проездных билетов на все виды общественного транспорта в пределах соответствующей территории в соответствии с льготами, предоставляемыми для отдельных категорий граждан;

2) дополнительный отпуск с сохранением заработной платы и места основной работы.

2. Предоставление льгот, предусмотренных в подпункте 1 пункта 1 настоящей статьи, осуществляется местным исполнительным органом по представлению органа внутренних дел.

3. Предоставление льгот, предусмотренных в подпункте 2 пункта 1 настоящей статьи, осуществляется работодателем гражданина, участвующего в охране общественного порядка, по представлению органа внутренних дел.

4. При получении увечья во время охраны общественного порядка гражданам предоставляется возможность получения лечения в медицинских учреждениях системы органов внутренних дел, производится выплата единовременной компенсации, а в случае его гибели (смерти) лицам, имеющим право на ее получение, в порядке, предусмотренном законодательством Республики Казахстан о правоохранительной службе Республики Казахстан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Щербаков О. Н. Состояние современного законодательства Российской Федерации по вопросу участия граждан в охране общественного порядка // NB: Административное право и практика администрирования. — 2018. — № 2. — С. 31—41.

2. Баранова С. А. О принципах участия граждан в охране общественного порядка в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 3 (6). — С. 22—27. — Электрон. текст. дан. (1 003 520 байт). — 60 электрон. опт. диск. (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.

3. Добров А. Н. Об эффективности отдельных организационно-правовых мер по привлечению граждан к охране общественного порядка / А. Н. Добров, С. А. Баранова, Д. Н. Рачёв // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 4 (91). — С. 219—226.

4. Голованова Т. В. Федеральные законы «О полиции» и «Об участии граждан в охране общественного порядка»: точки соприкосновения // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. — 2016. — № 1—1. — С. 127—131.

5. Добров А. Н. К вопросу о совершенствовании материального и социального статуса лиц, принимающих участие в охране общественного порядка / А. Н. Добров, С. А. Баранова // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 11 (179). — С. 174—178.

6. Маркарян А. Б. Правовые и организационные основы участия граждан в охране общественного порядка на территории Краснодарского края / А. Б. Макарян, А. С. Усенко // Эпомен. — 2021. — № 53. — С. 124—132.

7. Султанов К. А. Некоторые вопросы законодательства субъектов Российской Федерации об участии граждан в охране общественного порядка // Юридический вестник ДГУ. — 2020. — Т. 36. — № 4. — С. 86—93.

8. Усманова Р. М. Муниципально-правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка // Право и практика. — 2019. — № 2. — С. 66—69.

9. Асланов М. М. Основные аспекты взаимодействия полиции и общества в вопросах профилактики правонарушений // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2019. — № 2 (13). — С. 4—7.

10. Веремеенко И. И. Административно-правовые санкции. — М: Юрид. лит., 1975. — 192 с.

REFERENCES

1. Shcherbakov O.N. The state of modern legislation of the Russian Federation on the issue of citizens' participation in the protection of public order // NB: Administrative law and administration practice. 2018, no. 2. pp. 31—41.

2. Baranova S.A. On the principles of citizens' participation in the protection of public order in the Russian Federation // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 3 (6), pp. 22–27.

3. Dobrov A.N., Baranova S.A., Rachev D.N. On the efficiency of certain organizational-legal measures to attract citizens to the public order protection // Vestnik e Eastern Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia. 2019., no. 4 (91), pp. 219–226.

4. Golovanova T.V. Federal laws “On the police” and “On the participation of citizens in the protection of public order”: points of contact // Public safety, legality and law and order in the III millennium. 2016, no. 1-1, pp. 127–131.

5. Dobrov A.N., Baranova S.A. To the issue of improving the material and social status of persons taking part in the protection of public order // Law and State: theory and practice. 2019, no. 11 (179), pp. 174–178.

6. Markaryan A.B., Usenko A.S. Legal and organizational foundations of citizens' participation in the protection of public order in the Krasnodar Territory // Epomen. 2021, no. 53, pp. 124–132.

7. Sultanov K.A. Some issues of legislation of constituent entities of the Russian Federation on the participation of citizens in public order protection // Legal Vestnik of the DSU. 2020, vol. 36, no. 4, pp. 86–93.

8. Usmanova R.M. Municipal law regulation of participation of citizens in public order protection // Law and Practice. 2019, no. 2, pp. 66–69.

9. Aslanov M.M. The main aspects of interaction between the police and society in the prevention of offenses // Vestnik of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 2 (13), pp. 4–7.

10. Veremeenko I.I. Administrative and legal sanctions. M: Jurid.lit., 1975, 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Добров Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0001-7801-3774

Культемирова Лейла Тимуровна, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор (доцент), начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД. Алматинская академия МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова. 50060, Казахстан, Алматы, ул. Утепова, 29

ORCID: 0000-0002-1436-5567

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dobrov Aleksey Nikolaevich, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the internal affairs bodies. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov str., Irkutsk, Russia, 664074.

ORCID: 0000-0001-7801-3774

Kultemirova Leila Timurovna, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Department of Internal Affairs, Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named M. Esbulatova. 29, Utepova St., Almaty, Kazakhstan, 50060.

ORCID: 0000-0001-7801-3774

Статья поступила в редакцию 23.06.2021; одобрена после рецензирования 01.07.2021; принята к публикации 02.12.2021. The article was submitted 23.06.2021; approved after reviewing 01.07.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 259—266.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
 no.4 (99). P. 259—266.

**12.00.14. Административное право.
 Административный процесс.**

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-259-266

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
 В СФЕРЕ РЕГИСТРАЦИОННОГО И МИГРАЦИОННОГО УЧЕТА
 (начало XIII—XIX в.)**

Елена Александровна Лайкова

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
 elena-lajkova@yandex.ru

Введение: в статье рассматривается историческое развитие законодательства в сфере регистрационного и миграционного учета.

Материалы и методы: основными методами, позволившими рассмотреть развитие законодательства в сфере регистрационного и миграционного учета, явились историко-правовой, сравнительно-исторический методы исследования. Кроме того, применялись общенаучные методы: (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный, логический и др.).

Результаты исследования: в работе проанализирована законодательная регламентация регистрационного и миграционного учета в России, определены основные направления развития правового регулирования регистрационного и миграционного законодательства (начало XIII—XIX в.).

Выводы и заключения: Исторический анализ развития отечественного регистрационного и миграционного законодательства показал, что институт учета российских граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства по месту пребывания и месту жительства формировался в несколько этапов. Исторически так сложилось, что в России на всех выделенных этапах устанавливались определенные правила и требования в сфере регистрационного и миграционного учета, за нарушение которых предусматривались различные виды ответственности. В этом заключается определенная особенность исторического развития института ответственности за нарушения порядка регистрационного и миграционного законодательства. Первый этап формирования законодательства в сфере регистрационного и миграционного учета охватывает период с конца XIII по XVII в. В этот период впервые был регламентирован правовой статус иностранного гражданина, установлен правовой контроль за въездом на территорию государства и выездом за его пределы как подданных империи, так и иностранных граждан.

На втором этапе развития (начало XVIII в. — 1917 г.) появились нормы, регулирующие порядок передвижения населения в Российской империи без соответствующих документов, произошло установление паспортного контроля, были введены билеты на жительство для иностранных граждан с закрепленными сроками проживания, появилась ответственность за нарушения принимающей стороной правил проживания и за регистрацию по просроченным документам как российских подданных, так и иностранцев, а также ответственность должностных лиц за послабление контроля за лицами, проживающими без документов.

Ключевые слова: российские граждане, иностранцы, передвижение, проезжие грамоты, население, въезд, выезд, паспорт.

Для цитирования: Лайкова Е. А. Историко-правовой анализ развития законодательства в сфере регистрационного и миграционного учета (начало XIII—XIX в.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 259—266.

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-259-266

12.00.14. Administrative law. Administrative process.

Original article

**HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT
OF LEGISLATION IN THE FIELD OF REGISTRATION
AND MIGRATION ACCOUNTING
(THE BEGINNING OF THE XIII—XIX centuries)**

Elena A. Laikova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, elena-lajkova@yandex.ru.

Introduction: the article examines the historical development of legislation in the field of registration and migration accounting.

Materials and methods: the main method that allowed us to consider the development of legislation in the field of registration and migration accounting were historical-legal, comparative-historical research methods. In addition, general scientific methods were used: (analysis, synthesis, induction, deduction, system, logical, etc.)

The results of the study: the paper analyzes the legislative regulation of registration and migration registration in Russia, identifies the main directions of development of legal regulation of registration and migration legislation (the beginning of the XIII-XIX centuries.)

Findings and Conclusions: A historical analysis of the development of domestic registration and migration legislation has shown that the institute of registration of Russian citizens, foreign citizens and stateless persons at the place of stay and place of residence was formed in several stages. Historically, in Russia, certain rules and requirements in the field of registration and migration registration were established at all selected stages, for violation of which various types of liability were provided. This is a certain feature of the historical development of the institution of responsibility for violations of the registration and migration legislation. The first stage of the formation of legislation in the field of registration and migration registration covers the period from the end of the XIII to the XVII century. During this period, for the first time, the legal status of a foreign citizen was regulated, legal control was established over the entry into the territory of the state and departure from its borders of both subjects of the empire and foreign citizens. At the second stage of development (the beginning of the XVIII — 1917), norms regulating the order of movement of the population in the Russian Empire without appropriate documents appeared, passport control was established, residence tickets for foreign citizens with fixed residence periods were introduced, responsibility for violations by the host party of the rules of residence and for registration on expired documents of both Russian subjects and foreigners appeared, as well as the responsibility of officials for easing control over persons living without documents.

Keywords: Russian citizens, foreigners, movement, travel certificates, population, entry, exit, passport.

For citation: Laikova E. A. Historical and legal analysis of the development of legislation in the field of registration and migration accounting (the beginning of the XIII-XIX century.) // Vestnik of the

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — no. 4 (99). — pp. 248—266 (in Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-259-266

Неоспорим тот факт, что значительная часть деяний признается преступлениями лишь на определенном этапе развития общественных отношений при появлении ряда экономических, политических, социальных условий. К числу таких деяний относятся и преступления против порядка регистрационного и миграционного учета, общественная опасность которых была признана далеко не сразу и далеко не всеми государствами.

Вместе с тем в рамках отечественной истории концепция учета жителей и контроля за их движением зародилась еще в Древнерусском государстве. Складывалась она по мере развития крепостничества, активизации внутренней и внешней торговли, обострения и расширения общественной напряженности, формирования связей страны с другими государствами. Ее усовершенствование происходило в период позднего феодализма, когда указанные процессы подходили к критической точке.

Попытки формирования надзора с помощью регистрации передвижений иностранцев и основного населения отмечаются с конца XIII в. в Новгороде. Тогда были внедрены проезжие грамоты, которые предназначались для удостоверения личности.

Вплоть до начала XV в. на территории Российского государства не было никаких ограничений для перемещения коренных жителей по стране. И в древний период, и в поздний общины не имели возможности приостанавливать, ограничивать передвижение своих собратьев. Для предупреждения действий безнравственных или преступных в книге земского указа было определено требование, по которому жители других стран регистрировались в столице [1, с. 39].

Всерьез заставило власть задуматься над необходимостью системы письменного учета населения и контроля за его передвижением массовое перемещение населения из южных княжеств в северо-восточную Русь в XIV—XV вв. В писцовые книги заносилось составленное «сошное письмо», где содержались данные о населении, записи, дающие характеристику положения крестьян, выполняемым ими повинностям, и прочие сведения [2, с. 15].

Для въезжающих в Россию иноземных граждан и для русских подданных, отправляющихся за границу, в XIV в., русские князья предоставляли проезжие грамоты [3, с. 38] и отпускные жалованные грамоты [4, с. 270]. Введение проезжих грамот было частично обусловлено политическими интересами.

При царе Иоанне IV Васильевиче (Грозном) правило проезжих грамот особенно строго применялось по отношению к путешественникам, которые прибывали в Россию из соседних стран. Например, этим правилом был строго запрещен въезд в страну евреев. Однако в начальный этап применения проезжих грамот их предписаниям мало кто следовал. Поскольку дороги находились в плохом состоянии, то легко можно было проехать там, где не было заставы, на которой от путешественника требовалось предъявить проезжую грамоту. Несмотря на то, что это нововведение и существовало теоретически, на практике не всегда применялось [5, с. 59].

В соответствии со ст. 1 гл. VI «О проезжих грамотах в и(ы)ные государства» Уложения 1649 г. в населенных пунктах воеводам приказывалось «безо всякого задержания давати проезжие грамоты» тем, кто ехал в другое государство, спокойное с Московским, «с целью торгового промыслу или для любого другого личного дела» [6, с. 84]. Таким образом, начало законному оформлению выездов в иные государства впервые положило Соборное уложение 1649 г., введшее удостоверение личности в виде проезжих грамот в другие города, а также впервые был установлен контроль за выездом российских подданных [7, с. 16].

Первый этап формирования законодательства в сфере регистрационного и миграционного учета в отношении граждан других стран, по мнению А. М. Тесленко [8, с. 13—14], следует связывать с Новоторговым уставом от 22 апреля 1667 г., который гласил о том, что приторговывающие иноземные граждане могли попасть в столицу только при наличии специальных грамот, заверенных красной печатью. При этом торговать они могли только

непосредственно у города Архангельска и в Пскове [9, с. 266—268]. Российское законодательство предоставляло заграничным купцам права, а также условия торговой деятельности в России, которые определялись их связями с иностранным (чаще западноевропейским) рынком. Вплоть до 1724 г. Новоторговым уставом регламентировался законный режим торговли, для заграничных купцов были установлены таможенные пошлины.

Помимо этого, в середине XVII в. ужесточаются правила нахождения иностранных граждан на территории Российского государства, вводится запрет на проживание иностранцев в определенных местах в столице и других городах. Для граждан иных государств определяется местом жительства немецкая слобода на Яузе, а для купцов — Архангельск и Вологда [10, с. 57].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что Новоторговый устав полностью закрыл въезд иностранным гражданам и не решил вопроса об их законном положении. Иностранные граждане зачастую нарушали правила проживания.

Таким образом, в XIII—XVII вв. постепенно складываются три главные тенденции развития законодательства, согласно которым государство реализовывало надзор:

- 1) в границах страны за передвижением российских подданных;
- 2) за пределами государства за прибытием и убытием российских подданных;
- 3) за прибытием иностранцев в Россию, их убытием из России и нахождением на территории России.

Первоначально объектом миграционного контроля были в основном иностранцы, которых Россия активно привлекала в страну для решения экономических, военных, научных и иных целей [11, с. 67].

За передвижением иностранных подданных по стране и их численностью законодательный аппарат установил контроль в целях государственной безопасности. За дезертирство и массовые уходы крестьян и рабочих людей Наказом 1683 г. устанавливалось двойное взыскание «зажилых денег». Разъезжать по территории государства и находиться в нем без особых жалованных грамот иностранцы уже не могли. Для въезда в Российское государство прибывающие граждане при себе должны были иметь путевую книгу или национальный паспорт, засвидетельствованный российским посольством либо представительством, располагающемся при иностранном государстве [12, с. 15].

Начало коренных преобразований в государственной и общественной жизни, государственно-правового регулирования передвижения населения в России прочно связано с правлением императора Петра I. Это второй этап формирования законодательства, устанавливающего ответственность за нарушение регистрационного и миграционного учета.

Своего рода прорывом стал манифест Петра I от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания» [13]. В начале XVIII в. начинается отечественная паспортная система с целью усиления контроля за перемещением жителей и раскрытия лиц, своевольно оставляющих место службы и своего проживания. Так, в 1714 г. указом Петра I воеводам и губернаторам не позволялось пускать без паспортов людей через провинции и губернии [14, с. 266].

Для всех убывающих в другие населенные пункты или за пределы России в 1719 г. устанавливалась система надзора, которая утверждала обязательность «проезжих писем» и «пашпартов» [15, с. 11]. Указ от 31 августа 1719 г. «О приезжих иноземцах» предписывал всем прибывшим иностранцам отмечаться в Канцелярии. Причем кого-то дозволялось опрашивать о целях приезда и т. д. [16, с. 392].

К началу 1720-х гг. во время Северной войны правила въезда иностранцев, особенно торговцев, которые подолгу оставались на территории империи, были ужесточены. В отношении шведов был введен особый режим. Они должны были предоставить справки, а также поручительство, подтверждающее нешведское гражданство [17, с. 413]. Только при наличии на руках абшида (паспорта) с государственной печатью, проставляемой в Коллегии иностранных дел, возможен был отъезд подданных других государств из Российской империи [18, с. 732].

Реформы Петра I в данном отношении продолжило правительство Екатерины II, которым было принято решение о беспрепятственном въезде иностранцев в Россию, которым также были даны значительные полномочия и привилегии. Вне зависимости от социального и материального положения на постоянное место жительства в Россию имел законное право прибыть любой иностранец. Важным документом стал манифест от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, в Губерниях которых они пожелают остановиться и о жалуемых им правах». Его издание было вызвано стремлением к «умножению населения» и к тому, чтобы «русские подданные могли извлекать новые навыки в сельском хозяйстве и земледелии».

Вторая половина XIX и начало XX в. характеризуются коренными изменениями законодательства, в том числе и об иностранцах. Действующие акты были представлены в Своде законов Российской империи. Во всевозможных отраслях права общеправовой статус, изменяясь и совершенствуясь, приобрел довольно четкую законодательную систему. В Полное собрание законов Российской империи вошло систематизированное законодательство об иностранцах. С 1803 г., уже в правление Александра I, в России закрепляются для купцов, мещан и крестьян печатные паспорта.

Нормы, регулирующие порядок передвижения населения в Российской империи без ответствующих документов, содержались в Уставе от 1833 г. «О паспортах и беглых» (далее — Устав), изложенном в томе XIV Свода законов Российской империи «О паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных». Главное правило Устава (ст. 1) гласило, что «без законного вида или паспорта, ни один человек не может уезжать от места постоянного жительства», постоянным местом жительства считается:

- 1) в каком месте и кто именно должен службою, или состоит в ведомстве ином;
- 2) где располагается его недвижимая собственность;
- 3) где и кто обязан быть записан в книгах дворянских, городских, или ревизских.

Представители дворянского сословия могли пользоваться паспортами бессрочно (ст. 58 Устава). Все без исключения уезжающие из одной губернии в другую, согласно определенным билетам или паспортам, обязаны предъявить вышеуказанные документы: в период пути — в городах, заставах и шлагбаумах, а по прибытии на место отпуска — городничим или городским полицаям (ст. 327 Устава). В городах всякий хозяин или управитель обязывался незамедлительно оповещать квартального надзирателя о прибывших и убывших людях (ст. 333 Устава), в противном случае они подвергались денежному взысканию: в столицах — в размере 1 руб. за каждого человека в сутки, в других городах или местах, где установлено законом оповещать полицию о прибывших и убывших из домов, — по 25 коп. (ст. 337 Устава или ст. 1260 Уложения).

В столицах появляются адресные бюро, которые входят в состав общегородской полиции. Так, согласно ст. 349, 358 Устава для законного пребывания в столицах все трудившиеся лица должны были зарегистрироваться в адресной конторе. Приезжие обязывались приобрести билеты на жительство: в Санкт-Петербурге — в Адресной экспедиции, в Москве — в Бюро адресов. Адресная экспедиция выдавала билеты российским подданным и иностранцам независимо от их звания, пола, рода занятий (ст. 357, 557 Устава). Бюро адресов работало с российскими подданными, а жителям других стран оформлялись в Иностранном отделении при Канцелярии военного генерал-губернатора (ст. 411, 557, 558 Устава).

По исполнении всех обязанностей (ст. 359, 411, 412 и 415 Устава) каждый записанный в адресную книгу сдавал паспорт или другой документ и получал билет на жительство. Записанный в Адресной энциклопедии в случае выезда (отъезда) из столиц российских подданных (постановление ст. 374 на иностранцев не распространяется) билет на жительство возвращался в экспедицию или контору. Если от властей не поступало информации о причастности гражданина к следственным, долговым и другим делам, паспорт или другой документ возвращался владельцу с разрешения помощника управляющего (ст. 374, 384, 386, 387, 429, 430 Устава).

Домохозяева, управляющие, наниматели домов и казенных мест, которые позволяют у себя заведомо жить как российским подданным империи, так и иностранцам без билета на жительство или по просроченному билету, согласно ст. 1243 Уложения, подвергались штрафу (взысканию) в размере, в два раза превышающем адресный сбор. Проживание с просроченным «билетом на жительство» наказывалось штрафом 30 коп. за каждые просроченные сутки. В случае послабления контроля за лицами, проживающими без документов, должностное лицо наказывается в соответствии со ст. 1271 Уложения.

За проживание в столице по документам, в которых установленный срок был пропущен без уважительных причин, применялось наказание в виде денежного взыскания в 25 коп. за каждые сутки. В других населенных пунктах это наказание составляло денежное взыскание размером 10 коп. за каждые сутки. В соответствии со ст. 601 Устава полицейскому выдавалось за каждого пойманного беглеца материальное поощрение.

В административном порядке аресту на двое-трое суток, высылке к месту регистрации (прописки) подвергался задержанный, пойманный полицией с просроченными документами. Кроме того, если задержанному без вида на жительство удавалось подтвердить свою личность, то он направлялся по этапу к месту постоянного жительства, а если нет, то его помещали на срок до четырех лет в исправительные арестантские отделения (ст. 1216, 1217, 1218 Уложения). В случае если гражданин не подтверждает свою личность, статус соответствующими бумагами, то такое лицо именуется себя иностранным гражданином, считается виновным в бродяжничестве (ст. 1222 Уложения) [19, с. 17].

С 1882 по 1889 г. за бродяжничество было сослано 13 тыс. 606 человек. Каждый иностранный гражданин, прибывший в Россию с узаконенным паспортом, имел юридическую обязанность явки в ближайший для него губернский город в целях получения взамен своего паспорта путевого вида, дававшего право на дальнейшее передвижение по государству. Билетом на жительство заменялся путевой вид по месту прибытия [20, с. 115]. В дальнейшем законодатель устанавливает в новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (далее — Уложение 1885 г.) ответственность за приготовление (подговор) незаконного переселения подданных на новое место жительство (ст. 370 гл. VII Уложения 1885 г. «О недозволенном оставлении отечества»). В Уложении редакции от 1906 г. (далее — Уложение 1906 г.) было криминализовано распространение заведомо ложных слухов, позволяющих облегчить перемещение на территории страны.

Также определялась ответственность за применение подложных паспортов и иных бумаг и за внесение изменений в них (ст. 1264, 1265 Уложения 1885 г.): лицо теряло все присвоенные ему права и преимущества, подвергалось ссылке в Томскую или Тобольскую губернии. Вместо этого могло быть назначено помещение в исправительные арестантские роты или телесное наказание, независимо от сословия.

Кроме того, в соответствии со ст.ст. 1267—1271 Уложения 1906 г. за обеспечение или выдачу подложных документов должностными лицами, предоставление необоснованных послаблений при проверке соблюдения требований миграционного законодательства устанавливалось денежное взыскание в размере от 50 до 100 руб. [21, с. 448].

Таким образом, к концу первой половины XIX в. на территории империи была введена стабильная законодательная система норм, регулирующих паспортный контроль, регламентирующих разнообразные процессы, такие как перемещение и проживание коренного населения и иностранных граждан.

Необходимо заметить, что иностранные граждане, проживавшие в империи, наравне с русскими подданными подлежали уголовной ответственности за нарушение правил проживания и перемещения по российской территории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Павлов Г. О паспортах (для лиц податных сословий) // Отечественные записки. — 1860. — № 4. — 394 с.
2. Мерзон А. Ц. Писцовые и переписные книги XV—XVII вв. — М., 1956. — 34 с.
3. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: пособие / В.Ф. Дерюжинский. Изд. 2-е, доп. Санкт-Петербург : Сенат. тип. 1908 — 38 с.
4. . Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — М., 1985. — 432 с.
5. Андреевский И. Е. Курс полицейского права. — СПб., 1866. — Вып. 1. — 160 с.
6. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. — М., 1961. — 448 с.
7. Суслин Э. В. Правовое регулирование миграции и свободы передвижения в России в XIX—XX веках (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — 308 с.
8. Тесленко А. М. Правовой статус иностранцев в России (вторая половина XVII — начало XX в.): дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2000. — 226 с.
9. О свободной им торговле в Новгороде и Пскове, о пропуске их в Москву с товарами по пяти и по шести человек и о платеже им, против прочих иноземцев, обыкновенной пошлины: [Жалованная грамота жителям города Любека от 30 июня 1652 года] // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр-е первое. — СПб., 1830. — Т. 1. — № 80. — С. 266—268.
10. Репин Н. Н. Русские и западноевропейские купцы в России XVII—XVIII вв. К вопросу о периодизации борьбы за рынок // Торговля, промышленность и город в России XVII — начала XX в. — М., 1987. — С. 57; Захаров В. Н. // Там же. С. 89.
11. Миграция населения: Прил. к журн. «Миграция в России» / под общ. ред. О. Д. Воробьевой. Вып. 6: Миграционная политика. — М., 2001. — 175 с.
12. Корсик К. А. Особенности правового положения иностранных граждан в Российской Федерации. — М., 1998. — 274 с.
13. Манифестъ. О позволеніи иностранцам кромѣжидовъ, выходить и селиться въ Россіи и о свободномъ возвращеніи въ свое отечество русскихъ людей, бѣжавшихъ за границу // Полное собраніе законовъ російской имперіи, съ 1649 года. — Собр. 1-е. — Т. XVI. — № 11720.
14. Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX — начала XX в.). — Н. Новгород, 1993. — 286 с.
15. Николаева Т. Б. Паспортная система России: формирование и механизм функционирования во второй половине XVII — начале XX в. (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2003. — 221 с.
16. Законодательство Петра I. — М., 1997. — 878 с.
17. . О объявлении иноземцам пашпортов для отъезда в свои государства в Полицеймейстерской Канцелярии: [Указ от 16 августа 1721 года] // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр-е первое. — СПб., 1830. — Т. 6. — № 3812. — 413 с.
18. О явке иноземцам... // Полн. собр. законов Рос. империи. — Т. 5. — № 3420. — 732 с.
19. . Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. // Свод законов Российской империи. — СПб., 1857. — Т. 15. — С. 18.
20. Устав о паспортах и беглых // Свод законов Российской империи. — СПб., 1857. — Т. 14. — 908 с.
21. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года с объяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената по 1910 год включительно. Текст Уложения по изданию 1885 г. и по продолжениям 1906, 1908 и 1910 гг. / сост. Д. А. Каплан. Изд. 3-е, испр., доп. и вновь обраб. — Екатеринослав, 1912. — 775 с.

REFERENCES

1. Pavlov G. On passports (for persons of taxable estates) // Domestic notes. 1860, no. 4, 394 p.
2. Merson A. C. Scribe and census books of the XV—XVII centuries. M., 1956, 34 p.
3. Derujinsky V. F. Police law. 38 p.
4. Russian legislation of the X-XX centuries. In 9 vols. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. M., 1985. 432c.
5. Andreevsky I. E. Course of police law. St. Petersburg, 1866. Issue.1. 160 p.
6. Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. The Cathedral Code of 1649. M., 1961, 448 p.

7. Suslin E. V. Legal regulation of migration and freedom of movement in Russia in the XIX-XX centuries (historical and legal research): dis. ...Dr. jurid. M., 2006, 308 p.
8. Teslenko A.M. The legal status of foreigners in Russia (the second half of the XVII — the beginning of the XX century): dis. ... cand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2000, 226 p.
9. On their free trade in Novgorod and Pskov, on their admission to Moscow with goods for five and six people and on payment to them, against other foreigners, of an ordinary duty: [Letter of Commendation to residents of the city of Lubeck dated June 30, 1652] // Full collection. laws of the Russian Empire. The first meeting. St. Petersburg, 1830. Vol. 1, no. 80, pp. 266-268.
10. Repin N. N. Russian and Western European merchants in Russia of the XVII-XVIII centuries. On the question of the periodization of the struggle for the market // Trade, industry and the city in Russia of the XVII — early XX century. M., 1987. p. 57; Zakharov V. N. Decree. soc. p. 89.
11. Population migration: Adj. to the journal. "Migration in Russia" / under the general editorship of O. D. Vorobyova. Issue 6 : :Migration policy. M., 2001, 175 p.
12. Corsica K. A. Peculiarities of the legal status of foreign citizens in the Russian Federation. M., 1998, 274 p.
13. Manifesto. About the permission of foreigners to leave and settle in Russia and about the free return to their fatherland of Russian people who went abroad // The Complete collection of the Laws of the Russian Empire, from 1649. Sobr. 1-E. T. XVI. No. 11720.
14. Mulukaev R. S. Police in Russia (IX — early XX century.). N. Novgorod, 1993. 286 p.
15. Nikolaeva T. B. Passport system of Russia: formation and mechanism of functioning in the second half of the XVII — early XX century. (historical and legal aspect): dis. ... cand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2003. 221 p.
16. Law Of Peter I. M., 1997, 878 p.
17. On the announcement of passports to foreigners for departure to their states in the Police Master's Office: [Decree of August 16, 1721] // The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The first meeting. St. Petersburg, 1830. Vol. 6, no. 3812. 413 p.
18. On the appearance of foreigners ... // The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Vol. 5, No. 3420. 732p.
19. The Code of Criminal and Correctional punishments. // Code of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg., 1857. Vol. 15, 18 p.
20. Charter on passports and fugitives // Code of Laws of the Russian Empire. SPb., 1857. Vol. 14. 908 p.
21. Charter on passports and fugitives // Code of Laws of the Russian Empire. SPb., 1857. Vol. 14. 908 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лайкова Елена Александровна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-4504-8855

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Laikova Elena Aleksandrovna, Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Russia, Irkutsk, Lermontov str., 110.

ORCID: 0000-0002-4504-8855

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.
13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети Интернет.
14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.
15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.
16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.
17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.
18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.
19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).
20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.
21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.
22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.
23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).
24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.
25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.
26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.
27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003 или ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещён на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводятся на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность

выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 4 (99) 2021

Редактор: А. В. Андреев
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
Иркутск, ул. Лермонтова, 110